

-
- [В.А. Федоров](#)
 - [Глава 1. Система управления в Русской Православной Церкви \(1700–1917\)](#)
 - [1. Высшее управление Русской Православной Церкви](#)
 - [2. Епархиальное управление. Консистория. Викариатства](#)
 - [Благочиннические округа](#)
 - [Викариат](#)
 - [3. Православное духовенство: придворное, военное и при русских посольствах за рубежом](#)
 - [Глава 2. Приход и приходское духовенство](#)
 - [1. Приходской клир. Его состав и численность](#)
 - [2. Правовой статус приходского духовенства](#)
 - [3. Материальная обеспеченность приходского духовенства](#)
 - [4. Приходское духовенство и прихожане](#)
 - [Глава 3. Монастыри и монашество](#)
 - [1. Государство и монастыри при Петре I и его преемниках \(1700–1762\)](#)
 - [Изменения в управлении монастырскими имениями в первой половине XVIII в.](#)
 - [2. Секуляризация монастырских имений \(1762–1795\)](#)
 - [3. Монастыри в конце XVIII – начале XX вв.](#)
 - [Рост численности монастырей](#)
 - [Типы монастырей](#)
 - [Правовой статус монашества](#)
 - [Внутренний строй монашеской жизни](#)
 - [«Ученое монашество»](#)
 - [Институт «старчества»](#)
 - [Монастырское землевладение и хозяйство](#)
 - [Функции монастырей](#)
 - [Просветительская и благотворительная деятельности монастырей](#)
 - [Зарубежные монастыри](#)
 - [Съезды монашествующих 1909 и 1917 гг.](#)
 - [Глава 4. Система духовного образования. Духовная цензура](#)
 - [1. Состояние духовного образования в XVIII в.](#)
 - [2. Реформа духовного образования \(1808–1814\)](#)
 - [3. Духовное образование при Николае I](#)

- [4. Преобразования в системе духовного образования при Александре II](#)
 - [5. Духовная школа в конце XIX – начале XX вв.](#)
 - [6. Церковно-приходская школа](#)
 - [7. Духовная цензура](#)
- [Глава 5. Миссионерская деятельность Русской Православной Церкви](#)
 - [1. Внутренняя миссия](#)
 - [2. Русские православные миссии за рубежом](#)
 - [«Апостол Русской Америки»](#)
 - [Миссия в Америке](#)
 - [Миссия в Японии](#)
 - [Миссия в Корее](#)
 - [Миссия в Китае](#)
 - [Миссия в Урмии](#)
 - [«Русская Палестина»](#)
- [Глава 6. Конфессиональная политика российских императоров в XVIII в.](#)
 - [1. Церковные реформы Петра I. «Духовный регламент» 1721 г., учреждение Святейшего Правительствующего Синода](#)
 - [2. Конфессиональная политика при преемниках Петра I \(1725–1762\)](#)
 - [3. Конфессиональная политика Екатерины II и Павла I](#)
 - [4. Перемены в политике по отношению к старообрядчеству в последней трети XVIII века](#)
- [Глава 7. Конфессиональная политика Александра I и Николая I.](#)
 - [1. Конфессиональная политика Александра I](#)
 - [Отношение Александра I к православному духовенству и к инославным конфессиям \(1801–1812\)](#)
 - [Присоединение к Русской Православной Церкви Грузинского экзархата](#)
 - [Отношение Александра I к масонству](#)
 - [Библейское общество в России](#)
 - [Возрастание интереса Александра I к православию](#)
 - [2. Конфессиональная политика Николая I](#)
 - [Николай I и Православная церковь](#)
 - [Ужесточение мер по отношению к старообрядцам](#)
 - [Воссоединение униатов с Русской Православной Церковью](#)
 - [Взаимоотношения с Ватиканом в 1845–1866 гг.](#)

Глава 8. Конфессиональная политика Александра II и Александра III

- 1. Конфессиональная политика при Александре II. Церковные реформы 1860–70-х гг.
- 2. Конфессиональная политика при Александре III.
- Роль обер-прокурора Св. Синода К. П. Победоносцева
- Закон 1883 г. о старообрядцах и меры против распространения рационалистических сект
- Духоборы
- Молокане
- Штундисты и баптисты
- Меннониты
- Адвентисты
- Пашковцы
- Миссионерские съезды в борьбе с сектантством
- Л.Н. Толстой и «толстовство»
- Глава 9. Русская Православная Церковь и государство в начале XX в.
 - 1. Обсуждение проблемы церковных реформ
 - 2. Манифест 17 апреля 1905 г. о веротерпимости и его оценка современниками
 - 3. Подготовка к созыву Поместного Собора Русской Православной Церкви. Предсоборное Присутствие (6 марта – 15 декабря 1906 г.)
 - 4. Депутаты от духовенства в Государственной думе
 - 5. Религиозно-философские общества в начале XX в.
 - 6. Русская Православная Церковь и Временное правительство
 - 7. Созыв Поместного Собора Русской Православной Церкви. Избрание митрополита Московского Тихона (Белавина) Патриархом Всея Руси*****
- Заключение
 - Приложение 1. Поместный Собор Русской Православной Церкви (15 августа 1917 г. – 20 сентября 1918 г.)
 - Приложение 2. Структура управления Русской Православной Церковью до 1917 г.
 - Приложение 3. Документы и материалы
 - 1. Духовный регламент 1721 г.
 - Регламент или Устав Духовной Коллегии

- [Манифест](#)
- [Присяга Членам Духовная Коллегии](#)
- [Часть I. Что есть духовное Коллегиум, и каковыя суть важные вины такового правления](#)
- [Часть II. Дела, управлению сему подлежащие](#)
- [О епископах сия зде последующая суть ведения достойная](#)
- [Домы училищные и в них учителя и ученики, тако ж и церковные проповедники](#)
- [О проповедниках слова Божия последующий регулы полезный суть:](#)
- [Мирския особы, поелику участны суть наставления духовного](#)
- [Часть III. Самых управителей должность, действо и сила](#)
- [2. Прибавление к духовному регламенту](#)
- [О пресвитерах, диаконах и прочих причетниках](#)
- [О монахах](#)
- [Кого и как принимать в монахи](#)
- [О житии монахов](#)
- [О монахинях](#)
- [О монастырях](#)
- [О настоятелях монастырских](#)
- [3. Регулы***** семинарии преосвященнаго Феофана архиепископа Новгородскаго и Великолуцкаго](#)
- [Устав, что надлежит знать и делать ученикам по дням и по часам](#)
- [Дополнение к вышепомянутым регулам](#)
- [4. \[Беллюстин И.С.\]***** Описание сельского духовенства](#)
- [Первоначальное образование](#)
- [1. Квартиры](#)
- [2. Училища](#)
- [3. Училищные начальства и учителя](#)
- [4. Учение](#)
- [Семинарское образование](#)
- [Сельский иерей](#)
- [А\) Поступление на место](#)
- [В\) Быт семейный](#)
- [С\) Средства к жизни](#)
- [Д\) Отношение сельского иерея:](#)

- [г\) К правлениям и консистории](#)
- [д\) К Епархиальным архиереям](#)
- [е\) К раскольникам](#)
- [Заключение](#)
- [5. Записка Петербургского митрополита Антония \(Вадковского\)*****](#)
- [6. Записка председателя комитета министров С.Ю. ВИТТЕ***** «О современном положении Православной Церкви» \[февраль 1905 г.\]](#)
- [Объявление религиозной свободы вызывает необходимость изменений и в государственном положении Православной Церкви](#)
- [Современный упадок церковной жизни и ее причины](#)
- [Органы соборного управления](#)
- [Неканонический характер церковной реформы Петра Великого](#)
- [Влияние на церковную жизнь реформы Петра Великого](#)
- [Древне-русский приход](#)
- [Причины упадка прихода](#)
- [Средства усиления приходской жизнедеятельности](#)
- [О необходимости восстановления внутреннего единения церковной общины](#)
- [Недочеты духовной школы](#)
- [Общие выводы и проекты церковного управления](#)
- [Необходимость созыва Поместного Собора и его состав](#)
- [7. Манифест о веротерпимости 17 апреля 1905 г.](#)
- [8. Из воспоминаний митрополита Евлогия \(Георгиевского\)***** о своей учебе в духовной семинарии \(1882–1888 гг.\)](#)
- [9. Из воспоминаний последнего протопресвитера русской армии и флота протоиерея Георгия Шавельского***** о Св. Синоде и о положении Русской Православной Церкви перед революцией 1917 г.](#)
- [10. 9 марта 1917 г. обращение Св. Синода КО всем чадам Православной Российской Церкви по поводу отречения николая ii и отказа Вел. Кн. Михаила воспринять власть до решения учредительного собрания](#)
- [11. Постановление Поместного Собора Русской](#)

[Православной Церкви 1 сентября 1917 г. «По поводу угрожающей Родине братоубийственной войны»](#)

- [Приложение 4. Хронологическая таблица](#)
- [Приложение 5. Обер-прокуроры Святейшего Синода \(1721–1917\)](#)
- [Список сокращений](#)

[Примечания](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)

- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)

- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)

- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)
- [145](#)
- [146](#)
- [147](#)
- [148](#)
- [149](#)

- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)
- [153](#)
- [154](#)
- [155](#)
- [156](#)
- [157](#)
- [158](#)
- [159](#)
- [160](#)
- [161](#)
- [162](#)
- [163](#)
- [164](#)
- [165](#)
- [166](#)
- [167](#)
- [168](#)
- [169](#)
- [170](#)
- [171](#)
- [172](#)
- [173](#)
- [174](#)
- [175](#)
- [176](#)
- [177](#)
- [178](#)
- [179](#)
- [180](#)
- [181](#)
- [182](#)
- [183](#)
- [184](#)
- [185](#)
- [186](#)
- [187](#)
- [188](#)

- [189](#)
- [190](#)
- [191](#)
- [192](#)
- [193](#)
- [194](#)
- [195](#)
- [196](#)
- [197](#)
- [198](#)
- [199](#)
- [200](#)
- [201](#)
- [202](#)
- [203](#)
- [204](#)
- [205](#)
- [206](#)
- [207](#)
- [208](#)
- [209](#)
- [210](#)
- [211](#)
- [212](#)
- [213](#)
- [214](#)
- [215](#)
- [216](#)
- [217](#)
- [218](#)
- [219](#)
- [220](#)
- [221](#)
- [222](#)
- [223](#)
- [224](#)
- [225](#)
- [226](#)
- [227](#)

- [228](#)
- [229](#)
- [230](#)
- [231](#)
- [232](#)
- [233](#)
- [234](#)
- [235](#)
- [236](#)
- [237](#)
- [238](#)
- [239](#)
- [240](#)
- [241](#)
- [242](#)
- [243](#)
- [244](#)
- [245](#)
- [246](#)
- [247](#)
- [248](#)
- [249](#)
- [250](#)
- [251](#)
- [252](#)
- [253](#)
- [254](#)
- [255](#)
- [256](#)
- [257](#)
- [258](#)
- [259](#)
- [260](#)
- [261](#)
- [262](#)
- [263](#)
- [264](#)
- [265](#)
- [266](#)

- [267](#)
- [268](#)
- [269](#)
- [270](#)
- [271](#)
- [272](#)
- [273](#)
- [274](#)
- [275](#)
- [276](#)
- [277](#)
- [278](#)
- [279](#)
- [280](#)
- [281](#)
- [282](#)
- [283](#)
- [284](#)
- [285](#)
- [286](#)
- [287](#)
- [288](#)
- [289](#)
- [290](#)
- [291](#)
- [292](#)
- [293](#)
- [294](#)
- [295](#)
- [296](#)
- [297](#)
- [298](#)
- [299](#)
- [300](#)
- [301](#)
- [302](#)
- [303](#)
- [304](#)
- [305](#)

- [306](#)
- [307](#)
- [308](#)
- [309](#)
- [310](#)
- [311](#)
- [312](#)
- [313](#)
- [314](#)
- [315](#)
- [316](#)
- [317](#)
- [318](#)
- [319](#)
- [320](#)
- [321](#)
- [322](#)
- [323](#)
- [324](#)
- [325](#)
- [326](#)
- [327](#)
- [328](#)
- [329](#)
- [330](#)
- [331](#)
- [332](#)
- [333](#)
- [334](#)
- [335](#)
- [336](#)
- [337](#)
- [338](#)
- [339](#)
- [340](#)
- [341](#)
- [342](#)
- [343](#)
- [344](#)

- [*****](#)
- [*****](#)
- [*****](#)
- [*****](#)
- [*****](#)

Введение

Синодальный период (1700–1917)

Содержание

[Введение](#)

Введение

Православная Церковь играла в истории России огромную, до сих пор еще недостаточно изученную и даже неосознанную во всей ее полноте роль. На протяжении более тысячелетия Церковь оказывала сильное воздействие на все стороны жизни русского и других принявших православие народов России. В прошлом, в лихие времена нашей истории. Русская Православная Церковь спасала культуру и сам язык русского народа, выступала как важный консолидирующий фактор в объединении удельных русских княжеств и образовании Русского централизованного государства.

Неоценима роль Православной Церкви в духовной жизни народа. С принятием христианства пришла письменность. Монастыри стали центрами распространения грамотности на Руси. В них велось летописание, которое сохранило память о первых веках нашей истории, создавались шедевры древнерусской литературы и иконописи. Выдающимися памятниками русского зодчества являются сохранившиеся храмы и монастырские комплексы.

Поэтому изучение истории Русской Православной Церкви представляет большой научный интерес и актуальность. Долгое время в нашей стране, в условиях воинствующего атеизма, исключалась возможность объективного изучения этой темы. Публиковавшиеся в изобилии в 1920–1950-х годах книги, брошюры, статьи о Русской Церкви преследовали преимущественно пропагандистские цели «борьбы с

религиозными пережитками в сознании людей». Лишь в 1960–1970 годах было опубликовано несколько работ, в которых на основании источников предпринималась попытка дать более конкретное освещение истории Русской Церкви, но и эти работы, в силу политической конъюнктуры, не могли избежать «разоблачительских» и негативных оценок истории Церкви и ее деятельности.

Обстановка существенно изменилась на рубеже 80–90-х годов. В связи с тысячелетием крещения Руси резко возрос интерес к истории Русской Церкви и проблемам религии вообще как важнейшей духовной ценности народа. Стало очевидно, что без изучения истории Православной Церкви российская история существенно обеднена: без научного познания сущности православия на Руси не могут быть раскрыты глубинные процессы русского национального сознания.

Таким образом, ныне сама жизнь поставила перед историками задачу преодоления субъективизма и предвзятости в освещении истории Русской Православной Церкви, дать объективное, подлинно научное истолкование ее ключевых исторических событий и процессов. Для этого создались и благоприятные условия: пал коммунистический режим и вместе с ним давивший гуманитарные науки цензурный гнет.

В настоящее время история Русской Православной Церкви является одной из наиболее разрабатываемых тем как церковными, так и светскими историками. Регулярно проводятся совместные научные конференции по историко-церковным и богословским проблемам, уже изданы сотни книг и тысячи статей, защищены сотни кандидатских и десятки докторских диссертаций, из государственных архивов извлечены и опубликованы многие секретные документы о положении Русской Православной Церкви в советский период. Повысился интерес к истории Русской Православной Церкви и за рубежом.

Предлагаемая читателю книга посвящена наименее изученному в исторической литературе «синодальному» периоду истории Русской Православной Церкви. Так назван период ее истории со времени царствования Петра I до 1917 г., когда в течение почти двух столетий после упразднения Петром патриаршества управление Церковью было вверено Святейшему Правительствующему Синоду, ведавшему всеми церковными делами в Российской империи.

В этот период Русская Православная Церковь фактически оказалась в полном подчинении у светской власти, а управление Церковью превратилось в часть государственного аппарата по церковным делам. Это неблагоприятно отразилось на положении Церкви, фактически

оказавшейся лишенной инициативы и самостоятельности и эффективного воздействия на свою паству. О негативных последствиях «огосударствления» Церкви многократно писали как церковные, так и светские писатели и публицисты, начиная с Н.М. Карамзина, требуя возвращения Церкви ее канонических прав.

Поэтому тема «Русская Православная Церковь и государство» занимает центральное место в данном исследовании. В основу его положен специальный курс под тем же названием, читаемый автором с 1995 г. на историческом факультете Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

При написании монографии автор привлек значительный круг разнообразных источников. В первую очередь это богатый актовый материал, заключенный в «Полном собрании законов Российской империи» (133 тома), содержащий многие тысячи императорских манифестов, именных указов и повелений, определявших статус Православной Церкви, ее функции, управление, проведение церковных реформ, правовое положение православного духовенства. Этот вид источников особенно важен для изучения взаимоотношений Церкви и государства. Использован в данном исследовании и другой вид актового материала – собрание распоряжений и циркуляров Св. Синода по ведомству Православной Церкви. В качестве источников официального характера привлечены материалы годовых отчетов обер-прокурора Св. Синода, которые публиковались с 1841 г. сначала в виде «извлечений», а с 90-х годов XIX в. и полностью, с приложением многочисленных статистических данных о состоянии Русской Церкви (сведения о численности церквей и монастырей, черного и белого духовенства, духовных учебных заведений и учащихся в них, о ее хозяйственно-экономической деятельности). Ценные сведения извлечены из материалов, связанных с подготовкой в начале XX в. Поместного Собора Русской Православной Церкви (разного рода докладные «записки», «мнения», проекты, предположения и пр.).

Богатые сведения были извлечены из мемуарной литературы. Авторы мемуаров – иерархи церкви и рядовые священники, преподаватели духовных учебных заведений и светские лица, находившиеся на службе по духовному ведомству, – представили яркую картину жизни церкви, положения, дум и забот лиц духовного круга. Среди привлеченных для данного исследования мемуаров, характеризующих состояние Русской Православной Церкви накануне революции 1917 г., особенно ценны и содержательны «Воспоминания товарища обер-прокурора Св. Синода»

Н.Д. Жевахова (Переизд. – М., 1993). «Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота» Г.И. Шавельского (Переизд. – М., 1995. Т. 1–2) и «Путь моей жизни» (Переизд. – М., 1994) видного церковного деятеля митрополита Евлогия (Георгиевского)¹.

Привлечена также и церковная публицистика. Из публицистических работ особо выделим опубликованное в 1858 г. за рубежом калязинским священником И.С. Беллюстиным «Описание сельского духовенства»^{*}.

Многообразна и богата материалами по истории Русской Православной Церкви церковная периодика. В монографии использованы материалы таких известных периодических органов, издававшихся Синодом, духовными академиями и миссионерскими обществами, как: «Богословский вестник», «Православное обозрение», «Православный благовестник», «Православный собеседник», «Странник», «Христианское чтение», «Миссионерское обозрение», «Миссионерский сборник», «Церковные известия», «Душеполезное чтение».

Автор широко использовал и исследовательские труды по истории Русской Православной Церкви как общего характера, так и по отдельным проблемам: церковному управлению, церковному праву, церковным реформам, системе духовного образования, миссионерской деятельности, монастырям и монастырскому хозяйству, политике церковных и светских властей по отношению к старообрядчеству и сектантству^{**}. Особо хотелось бы отметить ставшие уже классическими работы таких историков церкви, как П.В. Верховский, [Е.Е. Голубинский](#), [А.П. Доброклонский](#), [П.В. Знаменский](#), [А.В. Карташев](#), С.В. Римский, [С.Г. Рункевич](#), [И.К. Смолич](#), [И.А. Чистович](#).

При написании монографии автор опирался также на справочную литературу: статистические издания, списки епархий и монастырей, специальные энциклопедии (в том числе: Полный православный богословский энциклопедический словарь, репринт. – М., 1992. Т. 1–2; Богословская энциклопедия. – СПб., 1900–1916. Т. 1–12; Православная Энциклопедия. – М., 2000–2002 и др.).

В предлагаемой читателю книге освещаются следующие проблемы: как создавалась новая система управления Церковью, как она функционировала, как проводилась конфессиональная политика российских императоров на разных исторических этапах, как строилась и действовала система духовного образования, миссионерская деятельность Церкви, в каком положении находились приходское и монашеское духовенство. Автор счел необходимым затронуть вопрос о

старообрядчестве и сектантстве, противостоящих официальной Церкви и государству, о применяемых против них правительством ограничительных и даже репрессивных мерах.

Исследование доводится до деятельности Поместного Собора Русской Православной Церкви, точнее – до избрания Патриархом Всея Руси митрополита Московского и Коломенского [Тихона \(Белавина\)](#), принятия других важных решений.

В Приложении 3 к работе даны наиболее важные документы и материалы о Русской Православной Церкви синодального периода, схема со «Структурой управления Русской Православной Церковью до 1917 г.», полный список обер-прокуроров Св. Синода за весь синодальный период истории Церкви, подробная хронологическая таблица и библиография основных публикаций источников и исследовательской литературы.

В.А. Федоров

**Русская Православная Церковь и
государство**

Глава 1. Система управления в Русской Православной Церкви (1700–1917)

1. Высшее управление Русской Православной Церкви

Высшим административным и судебным органом по делам Русской Православной Церкви являлся учрежденный Петром I Св. Синод, первоначально именовавшийся Духовной коллегией. Духовная коллегия состояла из президента, двух вице-президентов, четырех советников и четырех ассессоров. Президент и вице-президенты назначались из архиереев, остальные члены коллегии – из представителей монашеского и белого духовенства (архимандритов, игуменов и протоиереев). В решении дел все они имели равные голоса. Высшие чины Коллегии собирались трижды в неделю, а ассессоры ежедневно. К Духовной коллегии, как и ко всякой другой, был приставлен обер-прокурор, обязанности которого первоначально сводились к наблюдению «за порядком и тишиною» на ее заседаниях.

Духовная коллегия была учреждена 1 января 1721 г. и торжественно открыта 14 февраля того же года. Президентом ее был назначен митрополит Рязанский и Муромский [Стефан Яворский](#), а вице-президентами – Феодосий Яновский и выдающийся сподвижник Петра I архиепископ Новгородский Феофан Прокопович. После смерти в 1722 г. Стефана Яворского новый президент не назначался. Его должность стал исполнять обер-прокурор – назначаемое императором светское лицо, наиболее ему доверенное и лично перед ним ответственное. Первым обер-прокурором Синода 16 июня 1722 г. был назначен И.В. Болтин. Духовная коллегия получила наименование Святейшего Всероссийского Правительствующего Синода. В 1723 г. Св. Синод был утвержден всеми восточными патриархами, которые признали за ним патриаршие права и именовали его в грамоте своим «во Христе братом».

Положение Синода приравнивалось к статусу Сената. Назначенный в Синод обер-прокурор в указе именовался «оком государевым и стряпчим по делам государственным». Он был обязан наблюдать за ходом синодальных дел, замечать упущения, останавливать незаконные решения и доносить обо всем этом государю, сообщать государю о синодских решениях и быть как бы посредником между Синодом и государственной властью.

Обер-прокурору Синода были подчинены «прокуроры духовных приказов» (т.е. секретари епархиальных консисторий) и рассылавшиеся на

места для надзора за местным духовным управлением, по монастырям и городам «духовные фискалы» (или «инквизиторы»). «Инквизиторы» при Синоде составляли «Инквизиторский приказ», во главе которого был поставлен протоинквизитор из монахов: ему были подчинены местные провинциал-инквизиторы. Инквизиторский приказ при Синоде с разветвленным штатом фискалов вызывал сильное раздражение в духовной среде и в 1727 г. был упразднен. Однако позже роль инквизиторов Синода при епархиальных архиереях негласно исполняли секретари консисторий.

Состав Синода неоднократно подвергался переменам. В 1726 г. Синод был разделен на два «апартамента» (департамент): духовный и экономический. В ведении первого, состоявшего из 6 архиереев, находились исключительно духовные дела, а второго, состоявшего из 5 светских чиновников, – земельные владения монастырей и епархиальных домов². В связи с учреждением 8 февраля 1726 г. Верховного тайного совета Св. Синод был подчинен ему как высшему государственному органу и разделен на два департамента: духовный и экономический³. 14 июля 1726 г. Святейший Правительствующий Синод был переименован в Духовный Синод⁴. В 1727 г. прежнее название Синода «святейший и правительствующий» было восстановлено. Его экономический «апартамент» именовался то «камер-конторой», то «коллегией экономии» и передавался то из Синода в Сенат, то снова возвращался в ведение Синода.

При Анне Иоанновне Синод состоял из трех архиереев, двух архимандритов и двух протоиереев (настоятелей кремлевских соборов – Успенского и Благовещенского). По штатам 1764 г. в Синоде положено было состоять трем архиереям, двум архимандритам и одному протоиерею. По штатам 1818 г. Св. Синод состоял из 7 лиц: трех митрополитов (петербургского, московского и киевского) и четырех архиереев и архимандритов. Петербургский митрополит именовался «первенствующим» в Синоде. При Николае I места архимандритов в Синоде заняли главный священник гвардии и гренадерских корпусов (он же и духовник царя) и главный священник армии и флота.

Заседавшие в Синоде лица делились на две категории: на постоянно присутствующих и периодически вызываемых для заседания в Синоде. К первым принадлежали все три названных митрополита, духовник императора и обер-священник армии и флота. Вызываемые по очереди на время (на год, два или более) епархиальные архиереи имели одинаковый голос с постоянно присутствовавшими в Синоде. Вызовы епархиальных

архиереев на заседания в Синоде иногда происходили по нескольку раз, в то время как «постоянные члены» иногда годами пребывали в своих епархиях. Фактически постоянно присутствовавшими оказывались проживавшие в Петербурге петербургский митрополит, духовник царя и обер-священник армии и флота.

Св. Синод являлся высшей церковно-административной и судебной инстанцией по ведомству православного исповедания. Ему предоставлялось право истолкования церковных догматов, отдавать распоряжения по церковной обрядности, пополнять Духовный регламент новыми правилами. Согласно Духовному регламенту, Синод предлагал императору на вакантные епархии по три кандидата из архиереев. Избранного из них и утвержденного императором Синод ставил главой епархии.

Синод обязан был следить за исполнением законов, относящихся к Православной Церкви, заботиться о религиозном воспитании народа, устанавливать религиозные праздники и торжества, проводить канонизацию святых, вести борьбу с еретиками и раскольниками, подвергать цензуре все сочинения духовного характера, включая и светскую литературу, если в ней затрагивались духовные темы. Синоду было предоставлено исключительное право издавать богослужебную литературу в своей Синодальной типографии. За ним сохранялась прерогатива ходатайствовать перед «высочайшей властью» (императором) о «нуждах Церкви». Синод являлся и органом высшей судебной власти по духовным делам. Он же в качестве окончательной инстанции решал бракоразводные дела, лишал совершивших серьезные проступки священнослужителей сана, отлучал от Церкви. Синоду предоставлялось право сношений с другими православными автокефальными церквями.

Обер-прокурор Синода наблюдал за исполнением государственных законов по духовному ведомству, представлял доклады царю и объявлял Синоду высочайшие повеления, присутствовал в Государственном совете и Совете министров. Он же являлся и главным начальником всех гражданских чиновников, служивших в Синоде. В начале XIX в. обер-прокурору Синода фактически были приданы прерогативы министра (по духовному ведомству). Как и всякий министр, он имел своего заместителя (товарища министра) и особую канцелярию, равную департаменту в министерстве.

Учрежденная в 1839 г. личная канцелярия обер-прокурора действовала отдельно от Синода и состояла из трех отделений, возглавляемых директорами; в каждом отделении были два чиновника особых поручений,

3 столоначальника, 5 их помощников, экзекутор и пр. – всего 17 штатных единиц в отделении⁵.

Прерогативы и власть обер-прокуроров Св. Синода в XIX в. существенно расширились. Из прежнего «ока государева», призванного только контролировать ведение дел со стороны их законной правильности и наблюдать «за порядком и тишиной» на заседаниях Синода, обер-прокурор превратился в полномочного министра. Министерскими правами обер-прокурор Синода был наделен уже при Александре I.

Власть обер-прокуроров возросла при Николае I, а впоследствии находившийся на этом посту четверть века (1880–1905) К.П. Победоносцев вмешивался даже в общегосударственные дела и фактически был влиятельнее любого министра.

При Александре I были отменены личные доклады царю первоприсутствующего члена Синода. Эта прерогатива оставалась лишь за обер-прокурором, который представлял доклады по своему ведомству в Комитете министров и в Государственном совете.

При Синоде действовал ряд комитетов и комиссий, ведавших системой духовного образования (Училищная комиссия или Училищный совет), монастырями, церковным имуществом, православными миссиями внутри России и за рубежом, а также существовали отделы, решавшие кадровые и бракоразводные вопросы. При Синоде находилось ведомство духовной цензуры, которое контролировало не только духовную, но и светскую литературу, если в последней затрагивались вопросы веры и Церкви. В 1839 г. при Синоде были учреждены специальные. Хозяйственное и Духовно-учебное управления, непосредственно подчиненные обер-прокурору.

2. Епархиальное управление. Консистория. Викариатства

Вся территория России подразделялась на епархии (церковные округа). В начале XVIII в. в Русской Церкви насчитывалась 21 епархия. Особое положение занимала бывшая патриаршья область. В 1742 г. она была разделена на Московскую и Санкт-Петербургскую епархии. В 1744 г. учреждены еще 4 епархии. В 1764 г. числилось 29 епархий в пределах России и одна Могилевская в Польше, в 1799 г. – 36, а к концу царствования Александра I насчитывалось уже 40 епархий. В царствование Николая I было образовано 13 новых епархий. При Александре II и Александре III было открыто еще 10 епархий (в их числе Финляндская, Алеутская и Аляскинская). В 1917 г. Русская Церковь насчитывала 68 епархий. В среднем на епархию приходилось около тысячи церковных приходов.

В 1788 г. Екатериной II была предпринята попытка привести границы епархий к губернским, но такое территориальное совпадение практически было достигнуто лишь при Николае I.

В 1764 г. епархии (каковых насчитывалось тогда 29) были разделены на три класса: митрополии (3), архиепископства (8) и епископства (18). В 1867 г. такое деление было упразднено. А до этого от класса епархии зависели оклад и содержание архиерейского дома, а иногда и сан епархиального архиерея⁶.

Епархиальным архиереем мог стать лишь представитель черного духовенства, причем преимущественно из среды «ученого монашества» (окончивших духовные академии). Епархиальный архиерей рассматривался как «настоятель и главный учитель веры в своей епархии». Он рукополагал в сан священнослужителей (иереев и диаконов) в своей епархии, ставил на должности церковнослужителей (причетников), взыскивал их за разные упущения и проступки – вплоть до увольнения с должности (лишение сана было прерогативой Синода, осуждение за преступление – светского уголовного суда).

Приведем данные о численности высшего (епархиального) духовенства за 1841–1891 годы (см. Таблицу 1).

Таблица 1

Численность высшего духовенства в России в 1841-1891 гг.

Годы	митрополитов	архиепископов	епископов	всего	в т.ч. епархиальных	викариальных	«напоконых»
1841	4	28	38	70	47	11	12
1851	3	26	38	67	52	11	5
1861	4	29	53	86	57	13	16
1871	3	20	63	86	57	28	1
1881	3	17	66	86	57	29	–
1891	3	12	88	103	62	38	3

Источник: Преображенский И.Г. Отечественная церковь по статистическим данным с 1840/41 по 1890/91 гг. – СПб., 1897, С. 12.

При хиротонии (возведении в сан) архиерей давал клятвенное обещание соблюдать церковные предания, святыя каноны, охранять церковный мир, управлять паствой в духе евангельской кротости и оказывать послушание высшей церковной власти, никого не предавать анафеме и отлучать от церкви по личным побуждениям, с отпадшими поступать миролюбиво, кротко и благоразумно. От него требовалось держать монахов своей епархии «во всей строгости монашеских уставов», не строить церквей «без надобности» и не ставить церковнослужителей «сверх потребности», мертвых тел, без церковного освидетельствования, не выдавать за святыя мощи; притворно беснующихся наказывать духовными мерами и предавать светской власти, не допускать «вымышленных чудес» от икон и источников, не вмешиваться в мирские дела.

В пределах своей епархии архиерей обладал административной, судебной и хозяйственной властью над вверенным ему духовенством. Он отвечал за состояние веры и нравственности, надзирал за проповеднической и богослужебной деятельностью духовенства, руководил вверенными учреждениями и возглавлял духовный суд. В отношении Св. Синода он имел право выступать с законодательными и административными предложениями. Он представлял интересы Церкви перед местными органами государственной власти, с которыми у него нередко возникали трения из-за вмешательства ее в дела его епархии.

В синодальный период прерогативы епархиальных архиереев существенно ограничились вследствие централизации церковного управления и усиления власти Св. Синода. Как отмечает известный историк синодального периода Русской Православной Церкви И.К. Смолич, «власть епископов, – почти абсолютная в XVII в., в синодальный

период претерпела известные ограничения в рамках государственной церковности. Святейший Синод всё активнее вмешивался в дела епархиального управления; обер-прокуроры стремились сделать консистории филиалами своего аппарата в ущерб власти епископа, а государство рассматривало духовенство как своих подданных, тем самым ограничивая сферу действия церковных законов»⁷.

Духовный регламент предписывал епископу не менее одного раза в год объезжать свою епархию и регулярно представлять в Синод как годовые отчеты о состоянии епархии, так и донесения об особо важных и неотложных делах.

На епархиального архиерея как на главного учителя веры возлагался надзор за всеми духовными школами в епархии, а также контроль за преподаванием Закона Божия в светских школах. Ему были подчинены и церковно-приходские школы. Вопросы об открытии новых приходов или закрытии старых; учреждение и закрытие монастырей, духовных школ епископы могли делать только с разрешения Синода, делая ему об этом соответствующие представления.

В отношении своих подчиненных епископы могли употребить власть, но перед лицом синодального руководства они чувствовали себя бессильными. Архиереи долго еще вспоминали времена «соборных» порядков в церкви (до введения централизованного синодального управления). «А прежде, при соборном правлении, – говорил в 1901 г. профессор Сергей Страгородский (будущий патриарх) в Совете Петербургской духовной академии, – как бы редко ни бывал какой-нибудь архиерей на Соборах, он все-таки считался непременно членом Собора, имел право голоса, мог прислать своего заместителя, мог представить свое мнение и пр. Центральная власть, оставаясь, конечно, властью, не была для него внешним авторитетом, потому что он считал себя причастным к этому авторитету. Синод же поставил себя прямо в качестве безусловной, почти безапелляционной власти над каждым представителем русской иерархии. Епархиальный архиерей может быть в Синоде только тогда, когда его позовут. Могут у него иногда спросить и его мнение, могут прислать для отзыва какое-нибудь запутанное дело... Об участии во власти, о праве на это участие уже не может быть и речи. Центральная власть, таким образом, выделилась от епархиальной в совершенно особый орган, действующий безапелляционно по государеву указу. Как видим, перемена произошла радикальная, изменился, можно сказать, самый дух церковного правительства»⁸.

При епархиальном архиерее состояла консистория – епархиальное управление в составе от четырех до шести духовных лиц и гражданских чиновников. В начале синодального периода консистории именовались по-разному: духовными приказами, духовными правлениями, дикастериями. Указом 9 июля 1744 г. поведено было именовать их духовными консисториями. Согласно Уставу духовных консисторий от 27 марта 1841 г.⁹, пересмотренному в 1883 г., консистории рассматривались как присутственные места, через которые архиереи управляли своей епархией и вершили в ней духовный суд. Консистории состояли из 5–7 членов, избираемых из числа архимандритов, игуменов, а в XIX в. кроме них и представителей белого духовенства – протоиереев и священников. Состав консистории утверждался Синодом по представлению епархиального архиерея. В таком же порядке они и увольнялись. Для производства дел при консистории состояла особая канцелярия, которую возглавлял светский чиновник-секретарь, назначавшийся и увольнявшийся обер-прокурором Синода. Он подчинялся как епархиальному архиерею, так и обер-прокурору Синода. Консистория ведала назначением и смещением приходских священно- и церковнослужителей, привлекала их к церковному суду за правонарушения по должности, осуществляя надзор за ведением церковного хозяйства в епархии, строительством и благоустройством храмов, проводила в жизнь распоряжения Синода, составляла для него донесения и отчеты по епархии. Согласно Уставу духовных консисторий 27 марта 1841 г., главным лицом консистории был ее секретарь. Хотя он назначался Синодом, но подчинялся не Синоду, а непосредственно обер-прокурору, перед которым отчитывался во всем. Таким образом, консистория оказывалась в двойном подчинении – епархиального архиерея (как главы епархии) и обер-прокурора Синода «Таким образом, – как справедливо заметил [И.К. Смолич](#), – обер-прокуроры имели сильную и независимую опору в епархиальных управлениях»¹⁰. Помимо консистории для ведения мелких текущих дел при архиерее находилась епархиальная канцелярия – по аналогии с канцелярией обер-прокурора Синода¹¹.

Устав духовных консисторий 1841 г. четко определил место и прерогативы консистории. Под непосредственным руководством епархиального архиерея она осуществляла административные и судебные функции. Высшей инстанцией для консистории был Синод. Консистория состояла из присутствия (члены которого назначались епископом из белого и черного духовенства, утверждались и в случае необходимости

увольнялись Синодом) и канцелярии. Каждому члену канцелярии был поручен особый круг дел. Но решения по всем делам принимались на совместных заседаниях. Канцелярия консистории находилась под руководством секретаря, который назначался Синодом по предложению обер-прокурора. Согласно Уставу 1841 г., административные задачи консистории определялись следующим образом: 1) назначение на церковные должности, 2) отчеты и характеристики кандидатов на должности, 3) пострижения в монастырях епархии, 4) управление архиерейским домом (его имуществом), а также управление монастырями и храмами. Важно отметить, что юрисдикция консисторий распространялась не только на духовенство, но и на мирян данной епархии. Так, они могли привлечь мирян к церковному суду, за исключением преступлений, которые по Своду законов подлежали гражданскому суду. Консистория могла привлечь духовенство за проступки по службе, а также против «благонравия и благочиния». В ведении консисторий находилось церковное имущество, разбор дел, связанных с жалобами как духовенства, так и мирян на духовных лиц. Решения принимались коллегиально и представлялись на утверждение епископу, который мог направить его на повторное рассмотрение в консисторию. Если мнения разделялись, в этом случае окончательное решение принимал епископ.

В XVIII в. (точнее, в первые годы синодального периода) при епархиях для проверки кандидатов на церковные должности были ученые монахи, проводившие им экзамены. Они же выполняли и роль секретарей при епископе. А до секуляризации монастырских имуществ при архиерее были экономы со штатом для управления монастырскими вотчинами.

В 60-х годах епархии стали издавать «Епархиальные ведомости» с приложениями. Помимо официальных сведений в «Епархиальных ведомостях» публиковались и «неофициальные» – по истории местных церквей и монастырей, о персоналиях, исторические и этнографические материалы, мемуары духовных лиц.

Благочиннические округа

Епархии подразделялись на более мелкие церковные округа – благочиния – во главе с благочинными, как правило, в ранге протоиереев.

Ранее эту роль выполняли выборные «поповские старосты», которые впоследствии стали именоваться благочинными. В 1775 г Синод издал общую «Инструкцию благочинным приходских церквей», составленную московским митрополитом [Платоном Левшиным](#). Она впоследствии дополнялась.

По положению 1797 г. благочинные избирались приходским духовенством из своей среды. Указ 1820 г. отменил этот порядок. Отныне они стали назначаться епархиальными архиереями, «поелику, – как гласил указ, – благочинные суть око архиереев во всех делах, касающихся церковного надзора»¹². Благочинный считался состоявшим при епархиальном управлении. В каждой из благочиний состояло от 10 до 30 общин-приходов. Если у него было более 15 приходов, то ему давался помощник. Благочинный обязан был дважды в течение года объезжать свой округ, проверять исправное ведение метрических книг и другой церковно-приходской документации, следить за «расколоучениями», выявлять «зачинщиков суеверных действий», которых затем должен был отдавать под надзор губернского прокурора. Ежегодно благочинный представлял епархиальному архиерею «клировые ведомости» и докладывал о состоянии приходов своего округа – численности прихожан, о крещениях, венчаниях, числе умерших, о самом приходском духовенстве, с отметками о «поведении и исправности» каждого члена причта, о наложенных на них взысканиях за правонарушения.

Благочинные должны иметь у себя списки всех священно- и церковнослужителей своего округа с подробной информацией о каждом из них, включая и сведения о членах их семей. Согласно Уставу о духовных консисториях 1841 г., на благочинных были возложены цензорские обязанности проповедей и поучений священников в их приходах. «Цензура проповедей и катехизаторских поучений, – говорилось в Уставе, – поручается благочинным или же особым цензорам» Благочинные или же особые «цензоры» от консистории обязаны были доносить не только о содержании проповедей, но и о тех священниках, «кои уклоняются от произношения проповедей и поучений, так и о тех, кои к составлению оных не прилагают должного внимания», а заодно и о прихожанах,

которые «не бывают свыше года на исповеди и причастии»¹³. Таким образом, светская власть создавала всеобъемлющую систему контроля над исполнением верующими своих духовных обязанностей.

В Москве с давних времен церкви были поделены на «сороки». В каждом сороке числилось от 10 до 43 церквей, а самих сороков не более 20–30, хотя издревле говорили о Москве как о городе «сорокА сорокОв церквей». Сороки превратились в благочиннические округа, хотя прежнее наименование их как «сорокИ» сохранилось. В состав сороков не включались кремлевские соборы.

В 1797 г. были учреждены монастырские благочиннические округа: для надзора за монастырями архиереями было поручено назначать из числа монастырских настоятелей от одного до трех благочинных, в зависимости от числа монастырей в епархии. В 1828 г. они получили от Св. Синода на этот счет особую инструкцию.

В начале XIX в. числилось свыше 2,2 тыс. благочиннических округов. До конца синодального периода численность их практически не менялась. В 60-е годы XIX в. при благочинных стали создаваться благочиннические советы из настоятелей вверенных им приходов. Но к началу 80-х гг. они были существенно ограничены в своих полномочиях, а затем и совсем упразднены¹⁴.

Викариат

С начала XVIII в. указами Синода в наиболее крупных епархиях были введены должности викариев (или викарных епископов) – помощников епархиальных архиереев по управлению епархиями. Назначались они от случая к случаю. Статус викария четко не был определен. По поручению епископа они ставили церковнослужителей, осуществляли надзор над церковно-приходскими школами и женскими монастырями¹⁵. В XIX в. викариям стало вверяться управление отдельных частей епархий под наименованием викариатств. Так, в Московской епархии в начале XIX в. было уже 4 викариатства.

В 1865 г. Св. Синод получил высочайшее разрешение открывать викариатства всем епархиям, если они располагали для этого необходимыми материальными средствами. В связи с этим численность викариатств существенно возросла. Если в 1799 г. их насчитывалось 5, в 1851 г. – 11, то в 1891 г. – 38, к 1917 г. – уже 70¹⁶. Викарный епископ носил титул «викарного преосвященного» и именовался по названию уездного города, который становился центром викариатства. Викарный епископ мог рукополагать священнослужителей в пределах своего викариатства, однако он не имел ни кафедрального собора, ни консистории. Викарии находились в личном распоряжении епископа, которому они полностью подчинялись. Епископ давал им поручения по своему усмотрению, ибо никаких предписаний о круге компетенции викариев не было, и статус их не был определен.

3. Православное духовенство: придворное, военное и при русских посольствах за рубежом

Вне епархий находилось духовенство придворное, военное и при русских посольствах за рубежом.

Во главе придворного духовенства стоял «духовник их императорских величеств». Он носил звание «протопресвитера придворного духовенства», а по своему положению и рангу фактически приравнивался к епископу. Царские духовники по своему положению входили в состав Св. Синода в качестве постоянно присутствовавших его членов. Они были независимы от Св. Синода и нередко даже вмешивались в его дела, оказывали влияние на церковное управление. За особые заслуги духовника царя награждали митрой и орденами.

Военное духовенство было учреждено Петром I. По «Воинскому уставу» 1716 г. было положено при каждом армейском полку состоять полковому священнику, в военное время подчиненному полевому обер-священнику действующей армии. Подобным же образом и по Уставу морской службы 1720 г. для каждого корабля назначались корабельные священники (как правило, иеромонахи, в редких случаях бездетные вдовые священники), находившиеся в подчинении обер-иеромонаха флота. На содержание полковых священников и флотских иеромонахов с приходов собирались «подможенные деньги». Екатерина II повелела строить церкви для гвардейских полков с тем, чтобы их священники получали побочные доходы от гражданского населения, посещавшего эти церкви.

Согласно указу 1732 г. Анны Иоанновны, в мирное время полковые священники подчинялись архиерею той епархии, где был расквартирован полк. Лишь во время военных действий они переходили непосредственно в ведение Синода. В конце XVIII в. военное духовенство фактически освободилось от епархиальной власти.

По Воинскому уставу 1797 г. Павла I во главе всего армейского и флотского духовенства был поставлен обер-священник армии и флота. На эту должность был определен протоиерей П.Я. Озерецковский, которому особенно благоволил Павел. Он наградил его митрой, а в 1800 г. посвятил в рыцари Мальтийского ордена и ввел в состав Св. Синода. При этом Павел дал Озерецковскому право представлять доклады по военно-церковным делам непосредственно ему, минуя Синод (после смерти Павла I Озерецковский лишился этой привилегии). Озерецковский при Павле

учредил в Петербурге особую семинарию, называвшуюся «армейской», – специально для подготовки военного духовенства. В этой семинарии обучались только дети полковых священников. Но в 1819 г. она была упразднена, и ее ученики распределены по епархиальным духовным школам.

В 1801 г. Александр I особым указом подчинил военное духовенство Синоду (ранее Павел I сделал его автономным). С 1801 г. военному духовенству после 20 лет службы, кроме жалованья, стала начисляться еще и пенсия.

В 1816 г. была учреждена должность второго обер-священника Главного штаба Его Императорского Величества с подчинением ему духовенства гвардейских полков (с 1844 г. и Гренадерского корпуса). В 1840 г. была учреждена должность третьего обер-священника (Кавказского корпуса). В 1858 г. обер-священники были переименованы в главные священники: 1) армии и флота, 2) гвардии и гренадер и 3) Кавказского корпуса.

С 1883 г. управление духовенством и церквами армии, гвардии и гренадер временно было сосредоточено в руках одного главного священника, а в 1889 г. окончательно было объединено под ведением главного священника гвардии и гренадер, армии и флота, с переименованием его в протопресвитера военного и морского духовенства. При нем было учреждено Духовное управление.

Некоторые церкви военного ведомства одновременно являлись и приходскими, поэтому военному духовенству этих церквей давалось право выполнять требы гражданского населения.

В 1890 г. управление церквами и духовенством военного ведомства было вверено протопресвитеру военного и морского духовенства, который назначался Синодом по ходатайству военного министра и утверждался императором. По своему рангу он приравнивался к архиепископу и генерал-лейтенанту армии. При нем учреждалось Духовное правление из лиц по его собственному выбору. Он же назначал и дивизионных благочинных. Благочинные следили за состоянием походных церквей, преподаванием Закона Божьего солдатам, рассматривали поступавшие жалобы на полковых священников.

В 1891 г. в армии и флоте числилось 272 церкви и 569 священников. Для служивших в российской армии лиц католического, протестантского и мусульманского вероисповеданий назначались католические капелланы, евангелические проповедники и муллы.

Во время русско-японской войны 1904–1905 гг. были учреждены

должности главных священников фронта, каждый из которых находился в подчинении протопресвитера армии и флота. В 1916 г. были учреждены особые должности армейских проповедников – по одному на каждую армию. Они должны были непрерывно объезжать с проповедями воинские части своей армии. На эти должности были поставлены «самые выдающиеся духовные ораторы».

Во время Первой мировой войны структура военного духовенства выглядела следующим образом: во главе его стоял протопресвитер; у него находилось несколько помощников для канцелярской работы; при фронтах – главные священники и их помощники, штабные священники, дивизионные и госпитальные благочинные и гарнизонные священники. В конце 1916 г. учреждены были должности главных священников Балтийского и Черноморского флотов.

По свидетельству Г. Шавельского, если в мирное время по ведомству военного духовенства состояло 730 православных священников, за время войны (1914–1917) «их перебивало в армии свыше 5000 человек». Изданная во время войны инструкция точно разъясняла каждому: полковому, госпитальному, судовому и др. военным священникам, – где они должны находиться, что должны делать во время боевых действий и вне их, где и как должны совершать богослужения, о чем вести проповеди. Помимо совершения богослужений, исповеданий, наставлений, ободрений, напутствий умирающим, погребений, строевому священнику вменялось в обязанность помогать врачам в перевязке раненых, заведовать выносом с поля боя убитых и раненых, заботиться о поддержании в порядке воинских могил и кладбищ, «извещать возможно обстоятельнее родственников убитых», организовывать в своих частях общества помощи семьям убитых и увечных воинов. Вменялось в обязанность по возможности чаще совершать богослужения для раненых, ежедневно обходить госпитальные палаты, вести беседы с ранеными, утешать их, писать от них письма на родину, извещать родственников о времени и месте захоронений погибших на поле брани, содержать в порядке воинские кладбища. Полковые священники сопровождали свои части не только в походах, совершая богослужения в походных церквах (оборудованных палатках), но и в боевой обстановке.

В боевой обстановке, когда в составе действующих частей были солдаты разных исповеданий, были категорически запрещены религиозные споры, «дабы не посеять в воинских частях пагубную вражду, памятуя, что и они (католики, протестанты и старообрядцы) проливают кровь за веру, царя и Отечество, и что «у нас с ними один Бог и одно Евангелие и одно

крещение»¹⁷. Особое внимание уделялось подбору духовенства, направленного в экспедиционные русские войска за границу, от которого требовалось тесное сотрудничество с духовенством английских и французских частей.

Во время сражений священники иногда наряду с атакующими солдатами шли в бой. За самоотверженное совершение своего священнического долга в боевой обстановке военные священники награждались георгиевскими крестами.

Приказом Народного комиссариата по военным и морским делам от 12 января 1918 г. военное духовенство было упразднено, и из армии было уволено 3700 священников.

За рубежом православное духовенство существовало при посольствах, дипломатических миссиях, некоторых консульствах и при дворах членов царствующего дома, проживавших за пределами России, но принадлежавших к ведомству Министерства иностранных дел, а в церковном отношении подчинялись петербургскому митрополиту. Назначение и увольнение их проводилось Св. Синодом, но по соглашению с Министерством иностранных дел. Оно же и содержало его на свои средства. Из императорского кабинета им выдавались золотые наперсные кресты. Прослуживший при посольстве 7 лет получал этот крест в качестве награды, а менее этого срока – возвращал его в императорский кабинет. Посольскому священнику разрешалось стричь волосы, в неофициальной обстановке носить светскую одежду, но без наперсного креста.

В 1911 г. только в Западной Европе было 22 посольских церкви, кроме того, 30 церквей в курортных местах, 8 часовен на местах погребения членов царских фамилий, 7 церквей братства св. Владимира в Берлине и 12 частных часовен. С 1907 г. при петербургском митрополите было особое викариатство по делам заграничных церквей¹⁸.

Глава 2. Приход и приходское духовенство

1. Приходской клир. Его состав и численность

Первичной церковно-административной единицей являлся приход, имевший храм с причтом. Причт (приходское духовенство) состоял из священнослужителей (протоиереи, иереи, диаконы) и церковнослужителей. К первым относились рукоположенные в священнический сан иереи (пресвитеры), имевшие право священнослужения. и их помощники диаконы. К категории церковнослужителей относились причетники (т.е. «причетные» к приходскому храму: дьячки, пономари, псаломщики и пр.), обычно прислуживавшие священнику во время богослужения и исполнявшие другие его поручения по храму. Иерей являлся настоятелем прихода.

Синодальным указом 10 августа 1722 г. было определено иметь в приходе численностью от 100 до 150 дворов одного священника, до 250 дворов – двух. В более крупных приходах допускалось иметь и трех священников. В церковном приходе числилось от 700 до 3 тысяч прихожан. Средний приход насчитывал около 1500 прихожан. Причт небольшого прихода обычно состоял из священника и причетника, среднего – двух священников, двух диаконов и двух-трех причетников, крупного – трех священников, трех диаконов и четырех-пяти причетников. В средних и крупных приходах старший из священников являлся настоятелем прихода. Большинство приходов обходилось одним священником (он же и настоятель прихода), его помощником (диаконом) и двумя-тремя причетниками. Епархиальному архиерею позволялось в случае необходимости открывать новые приходы. В течение всего синодального периода правительство сдерживало рост численности церковных приходов и приходского духовенства. «В XVIII и особенно в XIX в. открывалось много храмов, которые не имели своих приходов, – при учреждениях, в учебных заведениях, в войсках, – отмечает И.К.Смолич. – Все они, кроме войсковых, подчинялись епархиальным архиереям, но содержались на свой счет. Наконец, были домовые церкви, «безалтарные» часовни и молитвенные дома в качестве «временных церквей»¹⁹.

В 1722 г. численность церквей (без молитвенных домов и часовен) составляла 15751, в 1737 г. – около 18 тыс., в 1764 г. – 17761, в 1784 г. – 21141, в 1799 г. – 26196²⁰».

Более детальными данными мы располагаем за период с 1825 по 1914 гг. (см. Таблицу 2).

Таблица 2
 Численность соборов, церквей, часовен и молитвенных домов (1825–1914)

Годы	Соборов ^{***}	Церквей		Часовен и молит. домов	Всего
		приход.	Прочих ^{****}		
1825	449	24682	8299	7850	41228
1840	558	28288	5721	9305	43912
1850	570	29148	6386	11509	47613
1860	598	30723	6952	12486	50759
1870	629	31626	7776	13929	55950
1880	668	32061	10196	14553	57468
1890	695	34576	10461	18979	64711
всех церквей					
1907		51413		20113	71526
1910		53097		21641	74738
1912		53546		22850	76396
1914		54174		23593	77767

Источники: Преображенский И.Г. Отечественная церковь по статистическим данным с 1840/41 по 189/91 гг. – СПб., 1897, С. 29; [Смолин И.К.](#) История Русской Церкви. – М., 1996. Ч. I. С. 279; Фирсов С.Л. Православная церковь и государство в последнее десятилетие существования самодержавия в России. – М., 1996. С. 660.

За первое столетие синодального периода (1722–1825) численность православного населения обоего пола увеличилась более чем в три раза (с 10 до 33 млн. человек), а церквей (без молитвенных домов и часовен) менее чем в полтора раза (с 15,8 до 27,6 тыс.). За последующие 90 лет синодального периода (1825–1914) православное население увеличилось также почти в три раза (с 33 до 98 млн. человек), а численность церквей возросла примерно в два раза (с 27,6 до 54,9 тыс.).

Также сдерживался и рост численности приходского духовенства. В 1722 г. общая численность белого духовенства (священно- и церковнослужителей без их семей) составляла 61111 человек, в 1764 г. – 67111, в 1784 г. – 84131 человек. Ниже приводим подробные данные за 1825–1914 гг. о приходском духовенстве с распределением его по рангам (см. Таблицу 3).

Из приведенных данных видно, что если численность всего белого

духовенства за 1722–1825 гг. возросла в полтора раза, то за последующее столетие она практически оставалась без изменения. Обращает на себя внимание заметное уменьшение белого духовенства в 60–70-е годы XIX в., что было связано с сокращением числа церковных приходов при Александре II, а некоторый рост в последующие годы – с восстановлением многих приходов при Александре III. (Данные учитывают только служащее белое духовенство, без членов их семей.)

Таблица 3

Численность приходского духовенства (1825–1914)

Годы	Протоиереи	Иереи	Диакон	Причетники	Общее число*****
1825 н.св.	32672	14047	54321		101040
1840 ок.1400	35163	16024	64141		116728
1850 1558	34935	13704	63655		113852
1860 1615	36335	12444	63421		113815
1870 1294	38362	14056	61907		115619
1880 1484	37724	9152	50105		98465
1890 1858	40129	12970	43935		98892
1897 2189	44312	15024	46240		107240
1902 2340	44487	14960	43552		105339
1914 3603	49631	15694	48987		117915

Источники: Преображенский И.Г. Отечественная церковь по статистическим данным с 1840/41 по 1890/91 гг. – СПб., 1897. С. 29. Сведения за 1825, 1897 и 1914 гг. взяты из кн.: Православная энциклопедия (М., 2000.С. 132), за 1902 г. – из отчета обер-прокурора Синода.

Постоянный дефицит священнических мест в течение всего синодального периода вызвал появление категории «безместных попов». По переписям начала 60-х годов XVIII в. их числилось 12,6 тысяч. Данных за последующее время не имеется. В XIX – начале XX вв., в связи с усложнением системы государственного управления и ростом чиновничества, школьного дела и пр. структур, значительная часть окончивших духовные семинарии шла не в священники, а на гражданскую службу. Это получило и официальное разрешение в начале 50-х годов XIX в., повторено законодательством 60-х годов при Александре II. Однако проблема недостатка священнических мест для желающих занять их по окончании духовных семинарий продолжала оставаться острой.

2. Правовой статус приходского духовенства

Возраст для священнического служения был установлен в пределах от 30 до 60 лет, хотя нередко бывали и отступления от этого правила: в священники ставили и 25-летних, а достигшим 60-летнего возраста позволяли служить еще 5 лет. С уходом «на покой» (в отставку) священник давал письменное обязательство «не совершать никаких треб, а литургию служить с особливового благословения архиерейского»²¹. Разрешалось служить и вдовым священникам, если консистория выдавала им для этого особые «епитрахильные грамоты» (вдовым диаконам «стихарные грамоты»), Эти грамоты выдавались на 1 год, иногда на 3–4 года, потом их следовало возобновлять, что зависело от епархиального архиерея. Архиереям было указано ежегодно удостоверяться в «добром поведении» снабженных такими грамотами вдовых священников и диаконов через «заручные прошения» (своего рода характеристики) прихожан. Служение без таких грамот штрафовалось. Нередко насильно постригали вдовых священнослужителей в монахи.

В принципе, в священники могли поступать лица всех сословий, получившие соответствующее для этого духовное образование (окончившие духовную семинарию). Однако канонические правила ставили запрет для священнослужения занимавшимся ростовщичеством, актерам, содержателям игорных домов, а также имевшим физические недостатки, препятствовавшие исполнению священнических обязанностей (слепота, глухота и пр.).

В отличие от католической церкви, которая установила безбрачие (целибат) для своего приходского духовенства, в Русской Православной Церкви при определении на должности приходского священника или диакона обязательным условием было вступление в брак. При этом претендовавшему на эти должности запрещалось жениться на разведенной женщине, актрисе или исповедовавшей другую религию (но не другой национальности), а также на близкой родственнице. Как указано выше, овдовевший священник мог при определенных условиях еще некоторое время (обычно в течение 5 лет) исполнять священнические обязанности. Если он вступал во второй брак, то был обязан сложить с себя священнический сан: второбрачие для священника воспрещалось. Лишь в виде исключения иногда давалось разрешение молодому вдовцу жениться на свояченице (сестре умершей жены), причем при условии, если

священник был ранее принят в дом к жене (т.е. женился на «невесте с местом»). В 60-х гг. XIX в. во время обсуждения церковных реформ был поднят вопрос и о разрешении «второбрачия» священников, однако он не получил положительного решения.

В 1869 г. было разрешено рукополагать в священники неженатых лиц старше 40 лет при условии, чтобы они навсегда отказывались вступать в брак²².

Церковные реформы Петра I отразились на изменении статуса русского православного духовенства и его функций. Это выразилось в первую очередь в укреплении сословности духовенства, его замкнутости, изолированности от других сословий и подчинении его деятельности интересам светской власти. При Петре I и его преемниках в духовный сан не посвящались не только тяглые люди, но и все «лишние» дети священно- и церковнослужителей, кроме грамотных. Петр I предписывал не допускать «безприходных» церквей, а домовые храмы иметь только по особому разрешению²³. Согласно указу 10 августа 1722 г. «О штатах приходского духовенства», сверхштатные священники и диаконы были оставлены в своем звании, а церковнослужители и их дети записаны в подушный оклад.

В 1788 г. были приняты новые штаты для приходского духовенства: один священник на 150 дворов, до 200 дворов – «можно и второю священника, если один не управляет с требами», «двоим быть в приходах от 250 до 300 дворов», а «троим, где столько прежде было и где без третьего не обойтись» По достижении 60 лет священник должен был уйти «на покой» (в отставку), ставленническая грамота у него отбиралась.

В течение всего XVIII в. высшая светская власть старалась ставить ограничения «излишнему умножению приходских и других церквей». Новые церкви разрешалось открывать только с разрешения Св. Синода, а возобновление старых – епархиальных архиереев.

Установленные в 1842 г. новые штаты определяли: одного священника на приход до 1500 прихожан, двух или трех – на приходы с более чем 1500 прихожан. Закон 1842 г. разрешил детям, показавшим неспособность к службе в храме или «крайнюю лень», выходить из духовного сословия, но с согласия епархиальных властей. Однако, перейдя на положение мирян, они сами должны добиваться мест службы или рода занятий уже на основе общих гражданских законов.

В 1869–1880 гг. было произведено укрупнение приходов и сокращение штатов. Но при Александре III численность приходов и штатов

духовенства была восстановлена. По установленным в 1885 г. новым штатам, приходу с числом менее 700 прихожан было положено иметь одного священника и одного псаломщика, свыше 700 прихожан – священника и диакона, более крупные приходы могли иметь по два священника одного-двух диаконов и двух псаломщиков.

До конца XVIII в. за церковными приходами сохранялось право избирать себе приходского священника. Это право даже подтверждалось и Духовным регламентом 1721 г. Обычно прихожане данного прихода собирались около приходской церкви и там решали вопрос об избрании священника. С избранным в приходские священники заключали договор («заручную запись»), в котором перечислялись его обязанности, виды и размеры вознаграждения за исполнение им треб. Затем сход составлял ходатайство («заручное прошение») к епархиальному архиерею о поставлении настоятелем прихода избранного священника. Право подбирать состав церковнослужителей предоставлялось самому священнику, но с последующим утверждением их епархиальной консисторией.

Епархиальный архиерей нес ответственность за поставление в священники малограмотного и не сведущего в делах церковной службы человека. Архиерей предварительно должен был удостовериться в «научении закона, знании Св. Писания, безпорочном житии» претендента на священническое место. Комиссия из духовных лиц устраивала «ставленнический экзамен» претенденту (Этот экзамен стал «выводиться» после реформы духовно-учебных заведений 1808–1814 гг.) После выдержанного экзамена претендент подавал в консисторию прошение о назначении его к исповеди и к производству в должность. Исповедовавший его духовник отмечал в «ставленническом деле», что «по исповеди препятствий к посвящению нет» или «проситель к посвящению достоин». Если претендент не был женат, то «ехал жениться». Перед посвящением в сан он приносил присягу «в верности государю и о неослабном попечении об искоренении суеверий и расколов, неутаивании неисповедающихся».

Хотя до конца XVIII в. и сохранялось за прихожанами право выборности приходами священников, но реально оно все более и более утрачивало свое значение. Даже при формальном соблюдении выборности священнические места передавались по наследству из поколения в поколение, и епархиальный архиерей учитывал не только подготовленность кандидата на священническое место, но и его наследственные права. Настоятели приходов стали смотреть на них как на свою частную собственность.

Во второй половине XVIII в., как установлено П.В. Знаменским в его специальном исследовании о приходском духовенстве, действовала настоящая торговля священническими местами. «Наследственная передача мест получила не только семейный, но и хозяйственный, и даже коммерческий характер». Указом 1823 г. эта практика была узаконена официально, «как мера обеспечения вдов и сирот духовенства». Освободившееся место закреплялось за дочерью умершего священника «как ее приданое». Естественно, и браки заключались внутри духовного сословия. «Девушка духовного происхождения зачастую не могла выйти замуж, не имея приданого в виде церковной должности, а с другой стороны, семинарист, чтобы получить рукоположение, должен был предварительно найти невесту с местом»²⁴.

Заметим, что передача духовного сана по наследству, а не по избранию общины верующих, противоречила каноническому праву. Лишь в отдельных местностях в конце XVIII в. прихожане еще пользовались правом выбирать духовенство своего прихода.

В старину, когда почти не было духовных учебных заведений, после избрания общиной приходского священника он проходил «школу практического обучения» церковной службе у другого, опытного священника или у знающих церковную службу монахов архиерейского дома. О прохождении этого курса обучения делалась отметка в «ставленническом» деле священника. По завершении этой процедуры епархиальный архиерей рукополагал его в священнический сан и выдавал ему «ставленную грамоту». В ней указывалсяверяемый священнику приход и давалось краткое наставление об исполнении им своих обязанностей. Эта грамота хранилась в церковной ризнице. После смерти священника или ухода его «на покой» по старости, а также лишения его сана по разным обстоятельствам (о чем будет сказано ниже), «ставленная грамота» возвращалась в епархиальную консисторию надорванной («чтобы не попала к раскольникам поповщического толка»)²⁵.

При переходе священника в другой приход ему выдавалась «перехожая грамота», сходная со ставленнической. В 1765 г. выдача таких грамот была запрещена в виду «развившегося бродяжничества попов», искавших выгодных приходов. Образовалась категория «безместных попов».

В приходе никакой «посторонний» священник не имел права совершать богослужения и исполнять какие-либо требы. Также и прихожане не могли обращаться за исполнением треб к «чужому» священнику, за исключением «особой нужды» (напутствовать

находящегося при смерти, окрестить младенца, когда опасались за его жизнь), если своего приходского священника в данный момент не было на месте. В таких экстренных случаях священники соседних приходов были не вправе отказать в совершении необходимой требы.

За безупречную службу в приходе или находясь в церковном управлении в должности благочинного, преподавателя духовного учебного заведения, священник мог быть возведен в ранг протоиерея (протопресвитера, в просторечии – протопопа). Диакон епархиального собора носил титул протодиакона (при патриархе – архидиакона).

Приходский священник как настоятель прихода являлся начальником над всем вверенным ему приходским причтом. Он мог им делать «выговоры» за упущения или «штрафовать поклонами в церкви». Без его разрешения ни один церковнослужитель не мог отлучиться далее 25 верст за пределы прихода. Все случаи «ослушания» и «неисправности» причетников приходский священник заносил в особую тетрадь, выдаваемую ему благочинным, которому обязан был предъявлять при его посещении прихода²⁶.

Уже в XVIII в. «наследственность духовного служения стала обычаем», – отмечает П.В.Знаменский. Однако приходы (особенно на Севере) продолжали еще вести долгую борьбу за свое бывшее право избрания приходских священников. В помещичьих имениях выбор приходского священника уже с давних пор зависел от воли барина, владевшего селениями прихода. Не собирая схода, он самолично подавал представление епархиальному архиерею о поставлении в свой приход удобного себе священника, и эта просьба помещика всегда удовлетворялась.

В 1797 г. Павел I уже официально отменил право приходов избирать себе священников²⁷. Отныне священнические должности передавались только по наследству, – как правило, старшему сыну, обязанному закончить духовную семинарию. Остальные сыновья священника, получившие духовное образование, становились кандидатами на могущие открыться вакантные приходы, или же им приходилось довольствоваться должностью диакона в приходе своего отца, а иногда исполнять и обязанности причетника.

Если после смерти приходского священника у него оставались малолетние дети, то епархиальный архиерей либо обращался с просьбой исполнять священнические обязанности в приходе до их совершеннолетия к священнику соседнего прихода (в порядке совместительства), либо

приглашал для временного служения к священнику, «не имевшему места». Как писал профессор П.В. Знаменский в своем специальном исследовании о приходском духовенстве, «нередко бывало, когда какой-нибудь безместный поп только тем и кормился; отслужив в каком-нибудь приходе свой срок до возраста сирот, такой священник-служитель переходил в другой приход с сиротами, где вступал в условия с последними, нанимаясь обыкновенно за половину или треть всего дохода с места». Бывало и так: «Если священник дряхлел и был не в силах нести службу, то нанимал себе в помощь другого за треть или четверть своего дохода»²⁸.

Церковный приход отца обыкновенно наследовал старший сын священника, а младшие старались «искать невест с местом» – наследниц приходов, у настоятелей которых были лишь одни дочери. В данном случае за старшей дочерью сохранялось священническое место, которое занимал ее муж, как правило, из духовной среды. Невеста из богатого прихода могла и сама выбрать себе жениха, имевшего духовное образование (как говорили, «жениха с умом»), и представляла его на утверждение архиерею. Невест из бедных приходов архиерей отправлял в духовную семинарию. Там училищное начальство ставило их у дверей «старшего» (выпускного) класса «для оглядин». При этом всегда находился жених, даже возникал спор между претендентами на руку «невесты с местом». Как отмечали современники, «лучшей похвалой для архиерея было то, что он умел находить женихов и пристраивать невест с бедными приходами»²⁹.

Намеревающийся жениться семинарист должен был сначала обратиться за позволением к архиерею. Если архиерей разрешал, то консистория выдавала свидетельство (билет) на вступление в брак, как правило, на дочери представителя духовенства (священника или диакона). Таким образом, браки заключались внутри духовного сословия, что усиливало изолированность и замкнутость духовенства от остальных сословий.

В связи с введением сначала на практике, затем и по закону, передачи священнических мест по наследству, на эти места стали смотреть как на собственность, приносящую доход. Они превратились в объект настоящего торга: их продавали и покупали, сдавали в аренду.

П.В. Знаменский в цитированном выше труде приводит такие факты: «У сердобольных отцов в духовенстве, желавших пристроить своего сына или дочь к месту, всегда были на примете разные престарелые и бездетные священники, которым уже пора было выходить за штат и не хотелось при

этом расставаться со своим местом. Много отцов ухаживало за такими старцами, уговаривая их уступить место и предлагая за него вознаграждение. Начинались торги, переторжки; соперники набивали цену, съезжались и разъезжались по несколько раз, и дело оканчивалось в пользу более ловкого и богатого перекупщика»³⁰.

И Синод, и высшая светская власть прекрасно видели утвердившегося правила наследственности при замещении духовных должностей. Ликвидация этого правила выдвигалась как одна из насущных мер реформы приходской жизни. Наконец, это правило было формально отменено в ходе проведения церковных реформ при Александре II (о них см. ниже).

Правовой статус приходского духовенства определялся как каноническими уставами, так и светским законодательством. Духовенство относилось к неподатным сословиям и пользовалось рядом льгот. Оно было освобождено от подушной подати и рекрутской повинности, а с начала XIX в. и от телесных наказаний, воинского постоя, получило право приобретать в собственность недвижимость, в том числе и ненаселенные земли (путем покупки, дарения и пр.).

Каноническое право ставило ряд ограничений и запретов в быту и поведении духовенства. Так, всем клирикам запрещалось предаваться пьянству, азартным играм, принимать участие в спектаклях и других светских развлечениях, заниматься охотой, хирургической практикой, а также промыслами, несовместимыми с духовным званием, принимать обязательства по частным делам. В светских судах священник мог ходатайствовать только по делам, касавшимся приходской церкви или лично его самого. Он не имел права занимать государственные и общественные должности. Ему категорически запрещалось заниматься ростовщичеством, «торговать и наниматься на работу под страхом лишения священнического сана». У себя в доме он не должен допускать семейных ссор, пения светских песен, держать в услужении «посторонних женщин». По первому зову он обязан был идти для исполнения треб, при этом «не быть мздоимцем и не обижаться церковными доходами», «содержать в чистоте церковь»³¹.

Канонические правила в принципе отвергали добровольное сложение священнического сана, раз уже возложенного, ибо считалось, что клирик, расторгая союз с Церковью, тем самым оскорбляет церковную святыню и самого Бога. По церковным канонам этот поступок влек за собой отлучение от церкви. Считалось также, что этим поступком клирик

«производит великий соблазн в обществе, унижает священнический сан». Церковные каноны предусматривали не сложение сана, а уход с должности (при сохранении сана), например, в случаях вдовства или «удаления на покой» по старости.

Светское законодательство хотя формально и запрещало самовольное сложение священнического сана, но позволяло просить об этом духовное начальство «в особых случаях и по уважительным причинам» (указ 1831 г.). Но и в этих случаях изъявившего желание добровольно сложить с себя священнический сан другие духовные лица обязаны были в течение шести месяцев «увещевать» его отказаться от своего намерения. Если же проситель продолжал настаивать на своем, то епархиальный архиерей направлял об этом представление в Синод. Если Синод признавал мотивы просителя основательными, то принимал решение об удовлетворении просьбы священника. Решение отсылалось в епархиальную консисторию о его исполнении. Проводилась церемония сложения сана. Ставленную грамоту отбирали и отправляли в консисторию в архив. Об этом сообщалось губернскому правлению. Лишенный сана священник не мог поступать на государственную службу в течение 10-ти лет, диакон – 6-ти. Если вышедший из белого духовенства до поступления в него имел полученные по выслуге светские чины, то их не возвращали и в новых формулярных списках не упоминали.

Указы 28 июня 1833 г. и 28 октября 1838 г. предписывали слагающих с себя сан священства «подвергать предварительному трехмесячному увещанию» и «дозволять им вступление во всякого рода государственную службу по познаниям и способностям». Но лишенных священнического сана «за пороки» дозволено определять в низшие церковные должности причетников и сторожей, да и то в другом уезде, а «негодных» отсылать в губернские правления «с объявлением их вин» для записи в крестьяне или мещане. Всем лишенным священнического сана «за пороки» запрещалось в течение 7 лет вступление в государственную и общественную службу, а в военную их принимали только рядовыми. Даже сложившим с себя сан добровольно запрещалось «навсегда проживание в прежних местах служения, равно и въезд в столицы» по той причине, что им «известны многие тайны прихожан, а по сложении сана нерушимость этих тайн, освящаемых святостью священнической присяги, остается без всякого обеспечения, притом же сложивший сан не может считаться и безвинным как нарушитель обетов Богу, дающихся на всю жизнь». Лишенным сана священникам, которые ранее принадлежали к дворянскому сословию, предписано «возвращать дворянское достоинство,

не лишать их орденов и ученых степеней, но не возвращать им прежних чинов»³². Как уже было сказано, лицам, лишенным сана диакона запрещалось поступление в государственную службу в течение 6 лет, а утратившим сан священника – 10 лет. В 1842 г. этот срок был удвоен. «Впрочем, в настоящее время (речь идет о рубеже XIX-XX вв. – В.Ф.) – писал известный историк церковного права [А.С. Павлов](#), – правило это не соблюдается во всей строгости: обыкновенно такие лица по особому ходатайству Св. Синода пред высочайшею властью немедленно по сложении духовного сана принимаются на гражданскую службу»³³.

Своего сана священник мог быть лишен и по церковному суду: в случае «неправильного получения сана», нарушения церковного устава (например, «крещение заведомо крещенного, совершение литургии в пьяном виде, произнесение неприличных слов во время богослужения в церкви, впадение в ересь, в прелюбодеяние»), В данном случае, лишенному сана священнику навсегда запрещалось проживание в своей местности, а также в Москве и Петербурге, поступление на государственную службу). Он передавался в распоряжение губернских властей, с изложением в сопроводительной бумаге его «вины», за исключением тех, кто до принятия священства имел дворянский статус. Священник лишался своего сана, если он был привлечен гражданским судом за совершение уголовного преступления.

Лишение священства являлось тяжким наказанием для духовного лица. Унизительна была и сама процедура лишения священнического сана («расстрижения»). Читалось постановление: «Лишить (имярек) священства, и на голове его волосы остригши и одев в простое мужицкое платье, також и отобрав от него ставленную грамоту к делу для написания на ней, за что и когда священства лишен, отослать его для написания в подушный оклад».

Приходский священник мог быть подвергнут «расстрижению» и за то, если он просто чем-либо не угодил епархиальному архиерею. По свидетельству П.В. Знаменского, «епархиальный архиерей был полным хозяином в своей епархии – правителем, законодателем и судьей. При таких условиях вся епархия обращалась в какое-то частное владение своего архиерея, где вся его административная деятельность носила характер его домашнего дела, в которое никто не должен вмешиваться». П.В.Знаменский свидетельствует, что в 30–40-х годах XIX в. «Синод был завален жалобами расстриженных попов» на самоуправство епархиальных архиереев³⁴.

Введение наследственности духовных должностей и прочих ограничений при поступлении в духовное сословие, а также и выхода из него, привели к тому, что, как справедливо отметил историк Русской Церкви С.В.Римский, «духовенство превратилось в группу населения, наиболее изолированную от других»³⁵.

3. Материальная обеспеченность приходского духовенства

Материальная обеспеченность приходского духовенства отличалась резкими контрастами. Существовали богатые приходы, обычно в крупных городах, где приходской причт получал хорошие платы за требы и «заказные» службы. Некоторые занимались «коммерческой деятельностью». Характерно признание обер-прокурора Св. Синода К.П. Победоносцева в его отчете за 1887 г. о том, что «некоторые священники увлекаются материальными интересами и даже вступают иногда в коммерческие предприятия и торговые подряды». Однако подавляющая масса приходского духовенства, особенно сельского, жила бедно.

Основным источником обеспечения большей части приходского духовенства были платы за требы, пожертвования хлебом и продуктами во время «славения». Это подаяние было скудно и получать его было унижительно; к тому же оно вызывало упреки со стороны прихожан в вымогательстве и корыстолюбии священника. Еще Екатерина II предприняла попытку ввести фиксированные платы за требы, однако установленные нормы оказались заниженными и не соблюдались.

В 1765 г. в связи с начавшимся Генеральным межеванием земель было принято решение и об отводе сельским церквам по 33 десятины – 30 пашни и 3 сенокоса. Земля отводилась как из казенного фонда, так из крестьянской общинной. Закон предусматривал выделять причту хорошую по качеству землю, в одном месте и недалеко от храма. Но обычно церковный надел находился в нескольких местах и в разных направлениях от села. Отвод земли церковным причтам продолжался до начала XX в. К этому времени при 30 тысячах храмах оказалось 1 млн. 864 тысячи десятин земли³⁶.

Епископ Ростовский Афанасий писал в 60-х годах XVIII в.: «Белое священство в уездах пропитание получает по большей части от земель, почему необходимо и упражняются в земледелии: пашут пашню, косят сено и прочие крестьянские работы исправляют сами»³⁷. Однако причт, обремененный своими прямыми обязанностями отправлять необходимые церковные службы и требы, не всегда был в состоянии силами своей семьи обработать предоставленную ему землю. Иногда священник прибегал к найму работников, частично сдавал землю в наем своим же прихожанам.

Нередко прибегал к традиционной в деревне «помочи» – коллективной вспашке или уборке полей «за угощение».

Государство определило и неотчуждаемость выделенной причту церковной земли. При упразднении приходской церкви ее земля передавалась той, к которой приписывали прихожан. Земля навечно закреплялась за церковью, но не за причтом, который являлся ее пользователем. Поэтому церковная земля не подлежала передаче в заклад, дарению, продаже, передаче по наследству. Ушедшие за штат теряли право пользования ею.

В случаях, когда невозможно было наделить приходы определенным по закону количеством земли, то в качестве компенсации назначалась «руга» (определенная плата хлебом или деньгами, каковых приходов в первой половине XIX в. насчитывалось до 1/3).

При раскладке сельских повинностей из обложения исключалась земля духовенства. При Павле I была введена небольшая денежная плата духовенству бедных приходов. В течение XIX в. она периодически повышалась, но ее размеры продолжали оставаться небольшими и никак не могли удовлетворить даже минимальные потребности сельского священника.

Сельский священник для содержания своей обычно многочисленной семьи вел такое же хозяйство, как и его прихожане-крестьяне: пахал землю, разводил домашний скот. Известный церковный публицист и сам сельский священник (Калязинского уезда Тверской губернии) И.С. Беллюстин писал в 1858 г.: «Священник-земледелец есть тот же крестьянин, лишь только грамотный, – с образом мыслей, с желаниями, стремлениями, даже образом жизни чисто крестьянскими». Беллюстин писал о больших трудностях для сельского священника совмещать церковную службу с земледелием (см. приложение). При крайнем недостатке средств сельский священник занимался также мелким ремеслом, например, «переплетал книги – требники, службы и проч., обучал других переплетному мастерству»³⁸.

Сельский священник подвергался и моральному унижению. Всякий наезжавший в село чиновник мог беззастенчиво обирать его и рукоприкладствовать. Особенно тяжело приходилось священнику в приходах, крестьяне которых принадлежали помещикам. Помещик был для него таким же баринком, как и для своих крепостных крестьян. Священники таких приходов часто жаловались, что помещики за требы «платили не особенно щедро», к тому же сурово обращались с приходским причтом. Помещик мог безнаказанно выдрать священника на конюшне,

травить борзыми за любую провинность, а то и без всякой вины, лишить надела и приказать своим крестьянам не платить ему ругу. Св. Синод в своем отношении к Сенату в 1769 г. писал: «Некоторые помещики священнослужителей не только побоями, но и наказанием на теле оскорбляют»³⁹.

Приходского священника притесняло и епархиальное начальство. Заносчивость иерархов церкви перед приходским духовенством, унижение и настоящее третирование его даже вызвало издание специального указа Екатерины II, в котором говорилось: «чтобы духовные начальства обходились с духовенством с благоразумною кротостию и умеренностию, сообразно духовному чину и нравственному их состоянию»⁴⁰.

Кроме того, приходское духовенство было отягощено всевозможными поборами со стороны своего духовного начальства. Поборы начинались уже с момента поставления в священники, что служило немаловажной статьей дохода для епархиального начальства. «Порядок ставленнического производства с его поборами и пошлинами, – писал в своем исследовании о духовенстве П.В. Знаменский, – делали право посвящения источником кормления для иерархии»⁴¹. Затем священник должен был ежегодно платить «архиерейскую дань». Размеры ее были различными, в зависимости от числа приходских дворов, количества церковной земли и пр. Помимо «архиерейской дани» на содержание архиерейской администрации взималась десятая часть приходского дохода: «духовенство должно было кормить всех должностных лиц, заведовавших разными ее отраслями»⁴². Из-за непосильности для духовенства уплаты этих сборов «повсюду за причтами оказывались недоимки, – писал П.В. Знаменский, – сбор этих недоимок сопровождался такими же правезами, какие употреблялись в светской администрации»⁴³. В довершении всего, сельскому духовенству приходилось терпеть разорительные разъезды архиерея по епархии. «Обычно объезд архиерея по епархии совершался на нескольких подводах с большой свитой и сопровождался большими (своего рода «неокладной повинностью» для приходского духовенства) издержками для причтов на кормы как самому архиерею, так и всей его свите, и, кроме того, на «почестные дары». Сборы за посвящение в сан, сборы недоимочные и штрафные за «вины» всякого рода, сборы на содержание духовных школ. Кроме того, были и разные чрезвычайные сборы. Сам приезд священника в епархиальный город по делам сопровождался множеством расходов «на поклоны». Подача приходских сказок и ведомостей всегда сопровождалась «подношениями». Брали с

попов даже «всякого рола рассыльные с указами духовенству»⁴⁴. «От всяких сборов и поборов тягле духовенство приходило в такое же жалкое положение, как и тяглый класс государственного народонаселения», – делает вывод П.В. Знаменский⁴⁵.

Пресса того времени (церковная и светская) полна описаниями всевозможных поборов с духовенства, от которых оно «приходило в жалкое состояние».

В итоге, в течение всего синодального периода подавляющая часть приходского духовенства была материально необеспеченной, а основным источником существования многодетных поповских семей были платы за требы, пожертвования, подаяния от прихожан. Это нередко ставило пастырей с прихожанами в натянутые, иногда просто враждебные отношения.

Наделение церковной землей и скудные денежные платы от казны не могли решить проблемы достаточного материального обеспечения сельского духовенства.

4. Приходское духовенство и прихожане

Прихожане на общем собрании в присутствии благочинного и с согласия причта избирали сроком на 3 года церковного старосту, которого затем утверждал архиерей. Его обязанности регулировала «Инструкция церковным старостам» 17 апреля 1808 г. Она действовала до эпохи реформ при Александре II. Главной обязанностью старосты инструкция оставляла хранение и расходование церковных денег и вообще всякого церковного имущества. В ней также говорилось: «Староста должен в обыкновенное при священнослужении время собирать от доброхотных деятелей деньги в кошельки или кружку, продавать свечи, принимать делаемое в церковь приношение, как-то: образа, оклады, привесы, воск, светильники, ладан, муку и просфоры и другие вещи, к церковному употреблению служащие; смотреть за сохранностью церковных сумм и за чистотою церкви, пещись о целости церковного имущества, и вносить в особую опись прибылые вещи, – при главном наблюдении за всем сим священнослужителей»⁴⁶. Старосте вменялось в обязанность вести тщательно все приходно-расходные книги, своевременно составлять отчеты и предоставлять их на проверку благочинному. Вместе с тем на старосту были возложены и некоторые полицейские функции: он следил за соблюдением монополии на продажу восковых свечей в приходе, если церковь имела лес.то надзирал, чтобы причты не продавали его, а употребляли только на нужды храма. Он же мог приобретать необходимое церкви имущество, занимался починками и постройками, следил за состоянием церковных домов или заботился об их постройке за счет церковных сумм, то есть он нес и материальную ответственность за имущество церкви. Староста мог быть награжден за все эти многообразные хлопоты. Если он успешно справлялся со всеми своими обязанностями, его могли наградить именной медалью от лица императора.

Однако функции и компетенция церковных старост как представителей приходской общины перед архиереем и мирскими властями постепенно ограничивались: ограничивались их полномочия в заведовании церковной казной, их деятельность всё более подвергалась строгому контролю, выбор старосты подлежал обязательному утверждению епархиальным архиереем.

Изменилась и жизнь прихода. Он терял многие свои функции вне церкви и «объединялся только молитвенно-литургической жизнью»

(крестные ходы, общественные молебны по особым случаям). Возросла роль богатых вкладчиков-жертвователей на храм, а следовательно, и их влияние на приходские дела. Вся жизнь прихода подвергалась мелочному контролю и надзору со стороны церковных и местных властей.

Взаимоотношения приходского духовенства с паствой складывались неоднозначно. Здесь многое зависело от личных качеств приходского священника, его умения наладить контакте прихожанами. Источники свидетельствуют, что было немало духовных лиц – истинных пастырей, преданных своему делу, настоящих подвижников, но те же источники свидетельствуют и о том, что, к сожалению, немало пастырей не могло наладить должных отношений со своей паствой. И здесь скорее не столько вина, а беда православного приходского священника, поставленного в тяжелейшие материальные и моральные условия, мешающие ему в надлежащей степени исполнять свой пастырский долг. Несомненно играло первенствующую роль само подчиненное положение Православной Церкви и ее пастырей по отношению к светской власти и своей, церковной, исключаящее всякую самостоятельность и инициативу сельского священника. Сильно влияло приниженное положение пастырей, особенно их тяжелая материальная нужда, постоянная погоня за каждой копейкой, за каждым куском хлеба. Ему не только необходимо было прокормить, как правило, свое многочисленное семейство. Сельский пастырь, как выше было отмечено, сам подвергался многочисленным поборам со стороны своего вышестоящего начальства и вынужден был изыскивать возможности, чтобы просто выжить.

Наиболее распространенным и испытанным способом являлось хождение священника по дворам прихожан как в праздничные, так и в другие, обусловленные обычаем, дни для сбора подаваний (более всего натурой – в Петровки, Покров, в дни сбора урожая, «льнованья» и пр.). На этой почве обычно и складывались неприязненные отношения между сельским причтом и прихожанами. Крестьяне нередко в открытой и весьма неприятной для священника форме выражали недовольство его стяжательством и вымогательством. Другими причинами недовольства прихожан своими церковными наставниками были и факты формального отношения священников к своим пастырским обязанностям, недостойного их поведения в быту.

Вот характерные ответы корреспондентов Этнографического бюро В.Н. Тенишева на пункты анкеты о взаимоотношениях прихожан со своими сельскими пастырями.

«Отношение крестьян к священникам весьма недружелюбное, –

писал, например, корреспондент из Орловской губернии сельский учитель А.И. Кротков, – правда, в глаза священника уважают, отдают почтение и постоянно подходят под благословение, за глаза же почти всегда духовных ругают, называя «гривастый, обжора, оглод, побирушка» и проч., и некоторые не прочь и в глаза ругнуть».

Видя обходящего дворы священника, крестьяне стараются от него скрыться. Автор пишет, как он сам был свидетелем препирательства прихожан со священником. Прихожане укоряли его в том, что ему «всё мало», а они «куска хлеба досыта не едят». Священник разразился бранью: «Хамы, сукины дети, град бы вас побил», пожилых крестьянок обозвал «ведьмами» и «старыми чертовками». В ответ услышал: «Паралик лохматый, а еще ты называешься наш наставник, а говоришь неподобные слова»⁴⁷.

Корреспондентка из той же Орловской губернии учительница М.И. Михеева писала в ответе на анкету, что в ее местности «некоторые крестьяне, не желая платить священнику за молебны во время обхода им дворов, запирают хаты и уходят к соседям, у которых уже побывал священник, а то прячутся в хате, а на двор повесят замок». Здесь существовал обычай посыпать солью стол, за которым в избе сидел священник, «чтобы больше не иметь с ним дела»⁴⁸. Рязанский корреспондент В.В. Чепурин сообщал: «Народ на духовенство смотрит вообще недружелюбно, говоря, что они дерут с живого и мертвого... В некоторых селениях отношения крестьян к причту настолько обостряются, что приходится лишь удивляться и в недоумении разводиться руками»⁴⁹.

Корреспонденты Этнографического бюро постоянно указывали на то, что у крестьян «в отношении к причту заметно явное нерасположение и недоброжелательство, отсутствие любви, пренебрежение и желание осмеять», что «местный причт пользуется нелюбовью, доходящей местами до озлобления, а эпитеты «"долгогривый», «жеребьячья порода» – обычные». Такое отношение прихожан к своим духовным пастырям корреспонденты объясняли, главным образом, их «неумеренным мздоимством» и формальным исполнением своих пастырских обязанностей. Например, нижегородский корреспондент С.В. Корвин-Круковский писал, что в его местности приходские священники «не являются настоящими духовными наставниками, больше следят за исполнением прихожанами обрядовой и формальной стороны православия, озабочены лишь собиранием руги и отпращиванием треб за мзду и не входят в нужды и интересы населения». Поэтому, делал он

вывод, «здесь духовный сан не играет особенно важной и видной роли»⁵⁰.

Вымогательство при исполнении треб являлось в числе наиболее серьезных причин неприязненных отношений между приходским священником и его паствой. Новгородскому корреспонденту учителю А.Власову сами священники откровенно говорили о своих прихожанах как о «дойной корове». Но и прихожане не оставались в долгу в своих нелестных отзывах о местном священнике. Власов приводит такие услышанные им от крестьян «присловья про попа», когда они сравнивали кого-либо по жадности с попом: «Ты жаднее попа», «У тебя карман, как у попа», «Попы первые в ад пойдут и нам дорогу укажут». «Это показывает, – делал вывод А. Власов, – что народная душа к попу не лежит»⁵¹.

Большинство корреспондентов указывали на то, что в их местностях приходское духовенство не снисходит при взысканиях затребы «ни к бедности, ни к нужде членов своего прихода», и поэтому «всякие требы чрезвычайно тягостно ложатся на экономический быт крестьян». Корреспонденты подробно описали вид разнообразных поборов местным причтом с крестьян как деньгами, так и натурой: полотном, пенькой, зерном, мукой, печеным хлебом, яйцами, мясом, ячменем, ягодами, даже грибами, дровами, лучиной и лыком, сеном, горохом за исполнение греб, так и разного рода «весенних» и «осенних» сборов. Священника приходилось звать на крестинные, свадебные и поминальные обеды, где кроме «угощения» ему давали еще с собой «гостинец» натурой. Хождение по домам с крестом и иконами также сопровождалось разного рода поборами с прихожан. По престольным праздникам хозяйки ставили у алтаря яйца, сало, мясо, разные печенья и варенья. В отзывах корреспондентов В.Н. Тенишева приведены и факты, когда приходской священник давал в долг своим прихожанам деньги или тот же собранный им хлеб при обходах «под залог одежды или какой-либо другой вещи», а проценты по долгу требовал отработать на его «жнитве или сенокосе». Приводились случаи, когда священники заставляли «безденежных» женихов и невест все лето работать «на поповском поле в счет платы за венчание».

Корреспонденты В.Н. Тенишева приводили также факты, когда крестьяне на сельском сходе составляли приговоры с требованием к епархиальному начальству сменить священника за неумеренные поборы, вымогательство и грубое отношение к прихожанам. Характерно, что в 1887 г. был издан специальный указ, запрещающий крестьянам выносить на сельских сходах «решения об удалении священников, приносить на них

жалобы духовным и гражданским властям». Само издание этого указа – показатель того, что случаи составления таких приговоров крестьянами не являлись единичными.

О неодобрительном отношении крестьян к приходскому духовенству писали и сами священники (корреспонденты Этнографического бюро кн. В.Н. Тенишева), жалуясь также на «религиозный индифферентизм» своих прихожан, на их «нерадение к церкви и нежелание жертвовать ей что-либо». Так, священник О. Кузнецов, корреспондент из Вологодской губернии, писал о своих прихожанах: «Прихожане сей церкви не отличаются ни религиозностью, ни набожностью. Холодность и равнодушное отношение к церкви, нерасположение к молитве и хождению в церковь и даже явное непочтение к святости дней, не говоря уже о невнимании их ко всяким другим христианским отношениям. Чрезвычайно резко бросается в глаза пустеющая церковь в воскресные и прашничные дни (про простые и говорить нечем о, тогда в ней не видно ни одною молящегося) и многочисленность празднующих по-мирскому на гульбищах». Он сетовал также и на то, что «в храмовый праздник собирается больше народа не в церковь, а на гулянье», в самой же церкви «ведут посторонние разговоры, смеются», в «исполнении долга исповеди и святого причастия неусердны». Это подтверждали в своих ответах на анкету и корреспонденты-священники из Смоленской губернии А.И. Кудрявцев и Н. Кузнецов, жалуясь и на «небрежное отношение» крестьян к священным книгам (например, крестьянину «ничего не стоит пустить на сигарки весь Псалтирь»), на незнание и несоблюдение основных обязанностей православного человека, например, постов («посты соблюдает отживающее поколение», которое, впрочем, «не знает основных молитв, даже Отче наш»).

Молодежь на святках пародировала церковные обряды, доходя до кощунства: например, обряжались «попом» в рогожу, изображающую ризу, брали кадило с конским пометом, устраивая сцены «отпевания покойника»⁵².

В Ярославской губернии описан случай, когда парни нашли в поле дохлого теленка и по всем правилам богослужения отпели «раба Божия Телентия». За этот поступок местные власти привлекли их к уголовной ответственности.

Заметим, что здесь речь шла не о старообрядцах, враждебно относившихся к официальной церкви, или о сектантах, отрицавших всякую обрядность, а о православном населении. Впрочем, некоторые священнослужители и сами откровенно признавали, что проявление

недоброжелательного отношения верующих к своему духовенству нередко было вызвано самим образом жизни последнего. Так, уже упоминавшийся выше корреспондент из Смоленской губернии А.И. Кудрявцев писал: «Духовенство старается как можно больше увеличить число молебствий, пользуется всеми средствами, иногда довольно неблагоприятными, а богослужение превратилось в ремесло, в механическое действие». Показательно и признание сельского священника М. Левитова в его статье, опубликованной в «Церковном вестнике»⁵³: «Духовенство не пользуется никаким влиянием, ненавидимо и презираемо народом, служит в глазах его вместилищем и олицетворением жадности, корыстолюбия». Причину этого автор видит в том, что «духовенство деморализовалось до значительной части не только пастырского, но и человеческого достоинства».

Тем не менее, было бы неправильным делать вывод, что недовольство приходским духовенством – проявление возникновения «атеизма» среди крестьян. Само незнание догматов православной церкви и даже предписанных ею верующим необходимых молитв вполне уживалось с религиозностью крестьянина. Конечно, жадность и корыстолюбие духовенства, его неблагоприятное поведение в быту служили серьезным искушением и соблазном для верующего. Но, протестуя против этого, он не поднимался до ропота на Бога, а выступал лишь против «недостойных служителей Бога», против тех пастырей, которые унижали свой сан и оскорбляли религиозные чувства верующего.

Крестьянин безусловно верил в Бога, ни одно деяние не начинал без молитвы к Богу, был привязан к Православной Церкви. Он оказывал «почтительность» к духовному лицу, если он в душе и осуждал за его поведение, по убеждению: «Бог с него спросит, не нам его (священника) судить». Отмечено также, что как бы недоброжелательно ни относился крестьянин к своему священнику, как бы «за глаза» ни поносил его, однако он редко решался открыто оскорбить его, и не только из-за страха понести положенное по уголовному законодательству наказание за это.

Как писал тенишевский корреспондент из Вологодской губернии И.Г. Шадрин, «крестьянин хотя и не любил своего попа, но вынужден был смиряться перед ним, ибо мужик ясно сознавал свою зависимость от него». В самом деле, как говорили сами крестьяне корреспондентам Тенишева, «от попа не уйдешь, он всегда нужен»: от него зависит обязательное исполнение для православного треб, регистрация рождений, браков и смертей (крещение, венчание, отпевание – без исполнения этих обрядов-таинств вообще не мыслил свое существование православный

человек). В этих случаях священник мог отказать в венчании или, обычно, затянуть с исполнением этого обряда, когда все уже было готово к свадьбе, стороны сговорились и потратились, задержать с похоронами, когда покойник в избе, донести, наконец, на уклонение от исповеди, и вообще располагал массой способов, чтобы «прижать» крестьянина

Приведенные нами наиболее показательные данные (их можно было бы умножить) – голос самого народа, народа православного, верующего в Бога, но выражавшими недовольство своими духовными наставниками.

Церковный публицист и историк Русской Православной Церкви И.Г. Айвазов рассматривал причину нравственного падения приходского духовенства в его приниженности, придавленности и нищенском существовании. «Собирая с народа по копейкам, как попрошайка, и завися экономически от милости прихожан, какое духовное влияние может иметь наш сельский священник? – писал он. – Ведь для влияния он должен иметь самостоятельность, независимость, хорошую обстановку. Бедность хоть кого сломит... Сознание личного достоинства притупляются и нравственные чувства грубеют»⁵⁴.

Исследовательница быта приходского духовенства конца XIX – начала XX вв. Т.Г. Леонтьева справедливо отмечает: «Расхожее представление о «жадности» попов» – тенденциозное производное от факта унижительной материальной зависимости» (от паствы). Только «непреодолимая житейская нужда» привела к тому, что в священнической среде развился и такой «серьезный нравственный недуг – раболепство, угодничество перед богатыми прихожанами и пренебрежительное отношение к деревенской бедноте»⁵⁵.

Глава 3. Монастыри и монашество

Монашество возникло в IV в., когда при византийском императоре Константине I христианство стало государственной религией. В то же время христианские общины, избавившись от гонений, стали утрачивать прежний строгий образ жизни. Вследствие этого ревностные христиане стали удаляться в пустынные места для иноческого жития (иночество – от греч. уединение).

Первые монахи (анакореты-отшельники) появились в Египте в IV в. Они проводили созерцательно-аскетическую жизнь в лесах и пещерах Египта. Основателем монашеской жизни считается св. Пахомий. В том же IV в. аскет св. Антоний стал объединять таких отшельников в кинувии (общежительства). Так возникали первые монастыри, со своими уставами и выработанным чином посвящения (пострижения) в монашество. Эти правила, которые и ныне находятся в основе монашеской жизни, были разработаны [Василием Великим](#).

Со временем принятия христианства на Руси ее православное духовенство состояло из двух категорий – «белого» (приходского) и «черного» (монашествующего). В 1056 г. был основан и первый русский православный монастырь – Киево-Печерский. Основателем и первым настоятелем его был Антоний Печерский.

Черное духовенство имеет ряд преимуществ перед белым, ибо только монашество, как «причисленное к ангельскому чину», с отречением от всего «мирского», Церковь признает идеальным «путем к Богу». Все высшие чины церковной иерархии (епископы, архиепископы, митрополиты и патриархи) назначаются (или избираются) только из монашествующего духовенства. Представитель же белого духовенства не может подняться выше протоиерея, а по должности – благочинного. Иначе говоря, высших должностей церковной карьеры можно достичь только через монашеский постриг. Монахи не причислены к клиру, за исключением рукоположенных в иеромонахи и иеродиаконы для священнослужения в монастырских храмах.

По уставу вступающий в монахи дает три обета: 1) послушания старшим с отречением от собственной воли, 2) целомудрия и 3) нестяжания. По степени осуществления этих обетов насельники монастырей делятся на послушников или «рясофорных», т.е. получивших только черную рясу как «залог будущих обетов действительного

монашества», и «действительных монахов», т.е. принесших уже все три установленных обета при пострижении в монашество, и особенную одежду – длинную черную мантию (или параманд) – безрукавную одежду, охватывающую все тело в знак того, что все члены тела у монашествующего мертвы для мира. Голову сверх камилавки покрывают клобуком, означающим «шлем спасения». Такие монахи называются «манатейными». Во время пострижения в монашество его отпевают как уходящего в «иную жизнь» и по пострижении он получает новое имя.

Среди монашествующих особый разряд составляют «схимники» (или схимонахи), которые отличаются от остальных монахов значительным стажем пребывания в монастыре, особым одеянием («великой схимой»), большей строгостью постов, увеличением молитв, радений, «поклонов поясных и земных». Одеядние великосхимника: вместо параманда одевают крестообразно аналав (особый шерстяной плат с крестами спереди для напоминания, что великосхимник всегда должен носить «на теле своем язвы Иисуса Христа»), вместо клобука на голову надевается куколь, закрывающий голову и плечи; это – «куколь беззлобия», призванный напоминать великосхимнику обязанность хранить беззлобие и младенческую простоту. Некоторые из великосхимников отделяются от прочей монастырской братии, уходят в затворничество, дают обет молчания.

Игумену (настоятелю монастыря) дается посох (жезл) – «знак власти управителя монастыря». Когда игумен возводится в более высокий чин – архимандрита (настоятеля крупного монастыря), то на него надевают мантию со «скрижалями» (четыреугольниками из материи красного или зеленого цвета, нашитые спереди на мантию). Кроме того, ему вручают палицу⁵⁶ и митру⁵⁷. Из архимандритов обычно поставляют в епископы.

По уставам монаху запрещено употребление мясной пищи, он не может быть восприемником детей при крещении.

1. Государство и монастыри при Петре I и его преемниках (1700–1762)

В 1696 г. Петр I в специальном указе потребовал от епархиальных архиереев ежегодно предоставлять отчеты о доходах и расходах монастырей в Приказ Большого Дворца (ведавшего государственными доходами и расходами). Требование было подтверждено новым указом 1698 г. 24 января 1701 г. был восстановлен упраздненный в 1677 г. Монастырский приказ⁵⁸. Следующий указ от 31 января 1701 г. предписывал Монастырскому приказу «без промедления» составить описи монастырей и монастырских владений, точно определить число монашествующих, необходимое для совершения богослужений и управления монастырскими имениями. «Насельники» монастырей, не принявшие пострига, подлежали выселению⁵⁹.

Петр I видел в институте монашества противника своих преобразований. К тому же некоторые монастыри, особенно на севере и в Сибири, превратились в центры раскола, откуда рассылались «грамоты» и «листки», «обличительные тетради» с обличением «никонианской Церкви», светских властей и в защиту раскола. Вследствие этого указом 31 января 1701 г. всем монахам было запрещено что-либо писать «без повеления начального», запрещалось даже держать в кельях бумагу, перья и чернила⁶⁰.

Изданный 30 декабря 1701 г. указ объяснял мотивы перевода монахов на новое положение и определял нормы их материального содержания. Указ гласил: «В монастыри монахам и монахиням давать определенное число денег и хлеба в общежительство их, а вотчинами им и никакими угодыми не владеть, не ради разорения монастырей, но лучшего ради исполнения монашеского обещания, потому что древние монахи сами себе трудолюбивыми своими руками пищу промышляли и общежительно жили и многих нищих от своих рук питали; нынешние же монахи не токмо нищих не питают от трудов своих, но и сами чужие труды поядают, а начальные монахи во многие роскоши впали и подначальных монахов в скудную пищу ввели; кроме того от вотчин ссоры и убийства и обиды многие. Посему великий государь указал давать поровну как начальным, так и подначальным монахам по 10 р. денег, по 10 четвертей хлеба и дров, сколько им надобно, и собирать с вотчин их всякие доходы в

Монастырский приказ. Слуг и служебников в монастырях оставить самое малое число, без которых обойтись нельзя. Что остается от хлеба и денег от раздачи монахам, из этого остатка давать на пропитание нищих в богадельни и в бедные монастыри, у которых нет вотчин»⁶¹. Таким образом, хотя монастыри формально и сохраняли право владения своими вотчинами, но лишались возможности распоряжаться доходами с них. По существу, это был первый шаг к секуляризации монастырских владений.

Кроме того, законодательство Петра 1 (как и его преемников) было направлено на ограничение численности монастырей и монашества.

В мае 1722 г. было издано «Прибавление» к «духовному регламенту» 1721 г.⁶² Монастырям и монашеству в нем было посвящено пять разделов: 1) «Кого и как принимать в монахи», 2) «О житии монахов», 3) «О монахинях», 4) «О монастыре», 5) «О настоятеле монастыря». Запрещалось постригать в монахи мужчин, не достигших 30 лет, а женщинам разрешено было постригаться в монахини в возрасте 50–60 лет; состоявшим на военной или гражданской службе постриг был категорически воспрещен; запрещалось постригаться лицам, на которых числились долги, состоявшим в браке и имевшим несовершеннолетних детей; крепостные крестьяне могли постричься в монахи только с разрешения своих помещиков. При этом постриг в тот или иной монастырь разрешался, если в нем оказывались «вакансии». Из монастырей велено было выслать всех «бельцов» и «белиц», кроме необходимой прислуги и находившихся на обязательном для пострижения трехлетнем искусе послушников. Запрещалось основание новых монастырей без разрешения Государя и Св. Синода. Небольшие монастыри подлежали объединению с ближайшими обителями или упразднению, а церкви упраздненных монастырей становились приходскими. Некоторые монастыри упразднялись сами собою вследствие недостатка средств после изъятия у них имений.

В «Прибавлении» содержалось требование, чтобы монастыри жили по «общежительному уставу», а настоятели их избирались братией. Настоятели обязывались не держать в своих обителях «затворников-ханжей» и «распространителей суеверий»; нельзя было взимать плату за постриг. Монахам запрещалось завещать свое имущество кому-либо. По кончине монаха всё, что он имел, переходило во владение монастыря. С целью прекращения «бродяжничества» монахов строго ограничивался переход из одного монастыря в другой; он мог быть совершен только один раз в жизни монаха, с письменного разрешения настоятеля. За этим

призваны были следить епархиальные архиереи, которые давали присягу, что не будут допускать бродяжничества в своих епархиях. Настоятель монастыря должен был следить за братией и нес ответственность за побеги из обители. Для поимки беглых и бродячих монахов наряжались особые «сыщики» из Монастырского приказа. Задержанные беглецы заковывались в кандалы. Отлучка из монастыря разрешалась только с дозволения настоятеля и на непродолжительное время. Позволялось четыре раза в год посетить своих родственников, но по уважительной причине – в случае чьей-либо болезни и смерти. Монахини могли посещать родственников лишь в сопровождении пожилых и «надежных» инокинь. Только с разрешения настоятеля и при свидетелях инок мог принимать у себя гостей. 31 декабря 1724 г. последовало пространное «Объявление о монашестве» ⁶³ -. В нем был подробно изложен взгляд императора на монашество и содержался проект, как сделать его полезным для общества. Неученых монахов предполагалось обучить ремеслам и земледелию, а монахинь – женским рукоделиям; других, избранных монахов – готовить к высшим церковным должностям, для чего завести в обителях школы и «ученые братства». Кроме того, монастыри должны были заводить богадельни, больницы и воспитательные дома для младенцев с целью обязательного «благотворительного служения».

Со времени Петра I в монастыри постоянно посылались на содержание больные и раненые военные, а также умалишенные преступники. Повелениями Петра I церковные имения целиком или частями отдавались в поместья служилым людям, государеву ведомству, городам. Уже тогда церковное землевладение и душевладение существенно сократились: из собственности Церкви было изъято 6407 крестьянских дворов⁶⁴.

Екатерина I не только подтвердила, но и дополнила ограничительные меры Петра I, относящиеся к монастырям. Ужесточились меры по пресечению бегства из монастырей: предписывалось беглых монахов при поимке предавать суду и подвергать публичному наказанию плетьюми. Пострижение разрешалось лишь вдовым священникам, остальные должны были получить разрешение на постриг от Синода.

Правление Анны Иоанновны было особенно тяжелым для монашества (см. Гл. 6. «Конфессиональная политика в XVIII веке»), В результате репрессивной политики по отношению к монастырям за 14 лет (1724–1738) численность монашествующих сократилась на 40%. В 1738 г. «насельников» монастырей (монахов и послушников) насчитывалось в

общей сложности всего 14282 человека, из них в мужских монастырях 7829, в женских – 6453, а в 1724 г. и тех, и других вместе было 25 207 человек⁶⁵. В 1740 г. Синод решился доложить, что «монашество на Руси стоит на грани полного уничтожения»: в монастырях остались только старики «прежнего пострижения, уже не способные ни к каким послушаниям и службам, а некоторые обители стоят совсем пустые». По ходатайству Синода императрица разрешила пострижение с сокращением срока для «искуса» вместо трех лет до полугода⁶⁶.

Послабления наступили в царствование Елизаветы Петровны: прекратились «разборы» духовенства, были восстановлены наиболее чтимые обители. В 1761 г. было дозволено постригать в монахи выходцев из всех сословий. Елизавета Петровна подтвердила прежние права монастырей на владение населенными землями, возвратила им ранее отобранные, освободила монастыри от содержания инвалидов и престарелых.

Изменения в управлении монастырскими имениями в первой половине XVIII в.

После 1710 г. постепенно сходило на нет значение Монастырского приказа. Это проявилось в первую очередь в неуклонном падении сборов в пользу монастырей. Для повышения доходов с монастырских имений Монастырский приказ сдавал их в аренду частным лицам и даже прежним их владельцам – монастырям. 17 августа 1720 г. Монастырский приказ был упразднен, а указ 16 октября 1720 г. вернул управление монастырскими имениями настоятелям монастырей. Сбором доходов с монастырей стала ведать Камер-контора. Но доходы с монастырских владений по-прежнему поступали плохо. Когда Св. Синод основательно ознакомился с организацией сбора платежей с монастырей, то пришел к выводу учредить Монастырский приказ уже в составе Синода. Указом 10 марта 1721 г. Синоду поручено было собирать доходы с монастырей и передавать их в Камер-коллегию. 14 декабря синодский Монастырский приказ был переименован в Контору синодального правления, а 29 сентября 1726 г. – в Коллегию экономии Синодального правления. 13 апреля 1738 г. эта коллегия была изъята из ведения Синода и передана в Сенат. В 1744 г. она снова вернулась в Синод под названием Синодальной канцелярии экономического правления. Практика показала неэффективность сбора монастырских доходов, утаиваемых сидевшими в этих учреждениях «монастырскими служками». В дальнейшем Елизавета Петровна для решения вопроса о церковных имениях учредила Конференцию из самих членов Синода, с привлечением и светских лиц. По докладу этой Конференции 30 октября 1757 г. последовал указ, чтобы архиерейские и монастырские имения управлялись не «монастырскими служками», а назначенными для этого офицерами, с характерной мотивировкой: «к освобождению монашествующих от мирских попечений и к доставлению им свободы от трудностей при получении вотчинных доходов». Этим же указом все монастырские крестьяне переводились на оброк⁶⁷. Однако влиятельные духовные лица сумели убедить императрицу отказаться от реализации этого указа, и управление монастырскими имениями было передано в ведение Синода.

В 1700 г. в России числился 1201 монастырь (965 мужских и 236 женских). До 1764 г. было закрыто 175 монастырей (141 мужской и 34

женских), открыто 37 (преимущественно в Сибири).

2. Секуляризация монастырских имений (1762–1795)

Еще в допетровскую эпоху великие князья и цари принимали меры к ограничению монастырского землевладения, С эпохи Петра I началось наступление высшей светской власти на монастырские земли. Но пока государство (до начала 60-х годов XVIII в.) ограничивалось вмешательством в управление ими; монастыри еще сохраняли право владения населенными имениями.

Первая попытка провести секуляризацию монастырских имений была предпринята в царствование Петра III. Изданным 21 марта 1762 г. указом он объявил об изъятии земель и крестьян у монастырей и о передаче их в казну. Пришедшая 28 июня 1762 г. в результате государственного переворота к власти Екатерина II отменила указ Петра III. Но вместе с тем она исподволь подготавливала широкомасштабную программу секуляризации церковных имений.

27 ноября 1762 г. была образована Комиссия о духовных имениях. Она подготовила важнейшие законопроекты, положения и другие нормативные акты, которые легли в основу реформы церковного землевладения. Непосредственное проведение секуляризации монастырских владений было возложено на Коллегию экономии, воссозданную указом от 12 мая 1763 г.⁶⁸

26 февраля 1764 г. издан указ о секуляризации церковных имений⁶⁹. Все имения Синода, архиерейских домов и монастырей, во владении которых по данным ревизии 1763 г. числилось 910866 душ муж. пола крестьян и 8,5 млн. десятин земельных угодий, поступали в казну и передавались в управление Коллегии экономии. Монастырям были оставлены только небольшие сады, огороды и пастбища в размере 6–9 дес. каждому. Бывшие монастырские крестьяне (они получили наименование экономических) отныне обязаны были платить в казну оброк в размере 1 руб. 50 коп. с ревизской души. Из него казна выплачивала определенную сумму на содержание монастырей и архиерейских домов. Резко было сокращено число монастырей и монашествующих. Установлена была определенная численность штатных (взятых на содержание государством) и заштатных монастырей (не субсидируемых государством), деление их на три класса, с установлением в каждом из них числа (штата)

монашествующих.

В великорусских губерниях насчитывалось православных монастырей, пустынь и скитов 1052. Упразднено было 573 монастыря, осталось 479 монастырей (388 мужских и 91 женский). По своему статусу (лавры, кафедральные монастыри 1–3 классов, заштатные и приписные) они были распределены следующим образом:

	Муж.	Жен.	Всего
Лавры	2	–	2
Кафедральные монастыри	6	–	6
1-го класса	22	6	28
2-го класса	51	25	76
3-го класса	109	51	160
Заштатные	186	9	195
Приписные	12	–	12
Или	388	91	479

Источник: Василенко Н.М, Монашество // Энциклопедический словарь Ф.А.Брокгауза и И.А. Ефрона. – СПб., 1896. Т. 19. С. 279.

Была установлена следующая численность монашествующих: для лавр – до 101 чел., 1-го класса – до 33, 2-го – 17 и 3-го – до 12 чел. Общее число монашествующих в штатных монастырях должно было оставить 4200 человек. В заштатных монастырях было оставлено 1250 монашествующих. Итого, в результате секуляризации, общая численность монашествующих в великорусских монастырях сократилась вдвое – с 11000 до 5450 человек.

Штатным монастырям были положены следующие годовые денежные оклады: Александро-Невской лавре (вместе с Петербургским архиерейским домом) и Троице-Сергиевой – по 10 070 рублей, мужским обителям 1-го класса – по 2017,5 рублей, 2-го – по 1311,9 руб. и 3-го – по 806,3 руб.; женским обителям – 1-го класса – 2009 руб., 2-го – 475,8 руб. и 3-го – 375,6 руб.

Указом 31 марта 1764 г. заштатные монастыри были разделены также на 3 класса в зависимости от устанавливаемого в них числа монашествующих⁷⁰. Им было велено находиться «на своем содержании», питаясь за счет своих «рукоделий» и «мирского подаяния».

10 апреля 1786 г. была проведена секуляризация монастырских имений в Киевской, Черниговской и Новгород-Северской епархиях⁷¹. Указом 26 апреля 1788 г. было объявлено о секуляризации церковной

земельной собственности в Харьковской, Екатеринославской, Курской и Воронежской епархиях⁷², а в 1793– 1795 гг. проведена секуляризация монастырских имений в присоединенных после трех разделов Польши (1772, 1793 и 1795 гг.) губерниях Литвы, Западной Белоруссии и Западной Украины – Минской, Подольской, Волынской, Ковенской и Гродненской. В результате, в 1786–1795 гг. в украинско-белорусских и литовских губерниях было упразднено 188 православных монастырей.

Секуляризация монастырских имений принесла казне значительные выгоды. Только в великорусских губерниях за счет получаемого с бывших монастырских крестьян оброка казна имела 1,5 млн. руб., не считая доходов от сдачи в аренду монастырских земель и других «оброчных статей» (рыбных ловель, мельниц и пр.), в то время как на содержание штатных монастырей казна отпускала 208 тыс.руб. Кроме того, бывшие монастырские имения явились тем резервом, из которого Екатерина II и Павел I производили крупные «пожалования» населенных земель сановникам.

Секуляризация нанесла удар монастырям как духовным центрам и архитектурным историческим памятникам. Некоторые из них с трудом удалось отстоять. Так, при проведении штатов предполагалось закрыть Киевский Братский монастырь, в его зданиях устроить госпиталь, а находившуюся в монастыре Духовную академию перенести в Киево-Печерскую лавру. В 1764 г. знаменитая Нилова Сорская пустынь в Новгородской епархии была переведена в категорию приписного монастыря и в результате этого пришла в запустение. В 1786 г. Максаковский монастырь в Черниговской епархии был приспособлен для дома душевнобольных. В 1775 г. был закрыт древний Дивногорский монастырь Успения в Воронежской епархии (восстановлен лишь в 1827 г.). В 1787 г. в упраздненном киевском Межигорском монастыре была устроена фаянсовая фабрика.

Упразднялись даже некоторые штатные монастыри. В 1788 г. был закрыт состоявший по штатам в 1-м классе Симонов монастырь в Москве, а его здания отданы под военные казармы. Лишь благодаря ходатайствам Московского митрополита Платона (Левшина), московского губернатора П.Д. Еропкина и многих именитых жителей Москвы монастырь в 1789 г. был восстановлен, а казармы переведены в другое место. В полное запустение пришла Оптиная пустынь. Когда по инициативе митрополита Платона в 1796 г. началось ее восстановление, в ней жили всего три престарелых монаха, здания стояли без крыш, а пахотные и лесные угодья обители были захвачены окрестными крестьянами.

«Введение штатов 1764 г., – отмечает проф. П.В. Знаменский, – произвело в монашестве сильное потрясение и на первых порах еще более расстроило его жизнь; никогда еще не было столько бегства монахов из обедневших монастырей и их бродяжничества, как несколько лет спустя после 1764 г.; кто искал себе лучшей жизни по разным монастырям, кто удалился в лес для пустынного жительства, а некоторые уходили даже за границу – в Молдавию или на Афон»⁷³. Вследствие этого в штатных монастырях к 1771 г. оказалось 527 «вакантных мест»⁷⁴.

В связи с закрытием многих женских монастырей вследствие секуляризации 1764 г. явилось образование «сестринских общин». В основном они состояли из послушниц, которые остались на произвол судьбы после закрытия не вошедших в штаты женских монастырей, а монахини их переведены в штатные монастыри. Часть послушниц не покидала келий при бывших монастырских церквах, часть удалялась в другие места, селилась около приходских и кладбищенских церквей, исполняя обязанности просвирниц и сторожей или жили за счет милостыни от окрестных жителей, которым служили уходом за больными, обучением грамоте их детей, разными рукоделиями и услугами. Затем складывались сестринские общины, дававшие приют женщинам, посвящавшим себя Богу без пострижения для служения ближним при общинских больницах, богадельнях, приютах, школах. Обычно они возникали стихийно и сначала существовали без всякого контроля, затем их деятельность стали контролировать духовные и светские власти. К концу XIX в. само правительство устраивало женские общины с целью благотворительности или миссионерства. К 1896 г. числилось уже 156 женских общин, из них 96 были преобразованы в монастыри.

3. Монастыри в конце XVIII – начале XX вв.

Рост численности монастырей

Уже при Екатерине II разрешалось открывать новые обители и возобновлять старые, но всякий раз по специальному разрешению императрицы. Существенно смягчил законодательство в отношении монастырей Павел I, и в его царствование началось постепенное их возрождение. До конца XVIII в. было восстановлено 29 упраздненных монастырей и вновь открыто 20⁷⁵.

В 1808 году насчитывалось 447 православных монастырей (353 мужских и 94 женских), а монашествующих обоего пола – около 5 тыс. В 1815 г. было 478 монастырей (387 мужских и 91 женский), монашествующих – 6600 (4900 монахов и 1700 монахинь). Более полные и точные сведения о числе мужских и женских монастырей, монашествующих и послушников мужского и женского пола (без учета женских общин, еще не преобразованных в монастыри) имеются с 1825 г. (см. Таблицу 4).

К 1917 г. насчитывалось 1257 монастырей, «насельников» в них 107035 (33463 монашествующих и 73463 послушника)⁷⁶. Численность монастырей возрастала преимущественно за счет восстановления старых (упраздненных при секуляризации) обителей и учреждения новых, а также и после присоединения в 1801–1812 гг. к России Грузии и Бессарабии, в которых существовало 54 православных монастыря⁷⁷, а в царствование Николая I – обращения в православные старообрядческих и греко-униатских монастырей в связи с воссоединением в 1839 г. униатов Белоруссии и Западной Украины с Русской Православной Церковью.

В итоге за 1825–1914 гг. в среднем ежегодно открывалось 6 монастырей. Особенно быстро рост числа монастырей происходил с 1880 г., когда ежегодно создавалось 12 монастырей. Общая численность монастырей за XIX – начало XX вв. возросла более чем в два раза, при этом мужских – в 1,5, а женских в 4,9 раза. Численность монашествующих за этот период возросла в 5,2 раза, послушников – в 11,9, при этом численность монахов увеличилась в 3,1 раза, монахинь – в 9,2, послушников – в 4,7, а послушниц – в 13,2 раза.

Таблица 4

Численность монастырей и монашествующих в 1825–1914 гг.

Годы Монастырей Монашествующих Послушников Всего

муж.	жен.	итого	муж	жен.	итого	муж
1825	377	99	476	3727	1882	5609 2015
1840	435	112	547	5122	2287	7409 3259
1850	464	123	587	4978	2303	7281 5019
1860	477	136	613	5648	2931	8579 5554
1870	445	154	599	5750	3226	8976 5710
1880	450	168	618	6481	4759	11239 2902
1890	496	228	724	7189	7306	14495 5523
1900	503	325	828	8578	10082	18660 8090
1914	550	475	1025	11485	17283	29128 9485

Источники: Преображенский И.Г. Русская Православная Церковь с 1840/41 по 1890/91 гг. – СПб., 1901; Фирсов С.Л. Православная Церковь и государство в последнее десятилетие существования самодержавия в России. – М., 1996. Приложение.

Насельники монастырей были выходцами преимущественно из крестьянского сословия. По имеющимся данным о социальном происхождении в Архангельской и Тамбовской епархиях (конец XIX – начало XX вв.) от 66 до 73% насельников монастырей являлись выходцами из крестьян. Остальные по своему происхождению принадлежали к духовному и мещанскому сословиям; купцов и дворян среди монашествующих были единицы.

Наиболее значительное увеличение числа женских обителей, монахинь и послушниц произошло в конце XIX – начале XX вв. Падение крепостного права, подрыв патриархальных устоев крестьянской семьи (особенно заметный в пореформенный период) существенно изменили положение женщины в обществе. Она получила относительную свободу, могла чаще принимать самостоятельные решения. Русская крестьянская девушка в монастыре находила занятия, хорошо ей знакомые и привычные в родительском доме, и главное – монастырь давал удовлетворение ее духовным исканиям, ее жизнь приобретала более глубокий смысл. Социальные и военные потрясения начала XX в., а также первая мировая война, несомненно, способствовали росту числа насельниц женских обителей, развернувших в этот период широкую благотворительную деятельность. «Социально-благотворительная деятельность играла главную роль в жизни женских монастырей и была гораздо обширнее, чем благотворительность мужских монастырей», – справедливо отметил И.К. Смолич⁷⁸.

Типы монастырей

По своему статусу монастыри подразделялись на лавры, ставропигиальные, приписные, скиты, пустыни и киновии. В XIX – нач. XX вв. статус лавры имели 4 монастыря: Троице-Сергиев, Александро-Невский, Киево-Печерский и Почаевский. Они являлись наиболее крупными духовными центрами Русской Православной Церкви. Три из четырех духовных академий находились при лаврах: Киевская (при Киево-Печерской), Санкт-Петербургская (при Александро-Невской) и Московская (при Троице-Сергиевой). Каждая лавра имела издательскую базу, печатала духовную и историко-церковную литературу, материалы документов и свои периодические издания. Лавры пользовались особым покровительством российских монархов.

Семь крупных монастырей назывались ставропигиальными (от греч. ставрос – крест и пигиос – вбиваю; в древней Церкви на месте, где закладывался монастырь, Предстоятелем Церкви вбивался крест; этот обычай символически сохраняется в Русской Церкви: монастырю, получающему статус ставропигиального, от патриарха передается крест, который хранится в алтаре): Заиконоспасский, Новоспасский, Донской, Симонов и Новоиерусалимский Московской епархии, Спасо-Яковлевский – Ярославской (до 1888 г.), Соловецкий – Архангельской. Ставропигиальные монастыри подчинялись непосредственно патриарху, а в синодальный период находились в ведении первоначально Святейшего Синода, затем Московской синодальной конторы. Их настоятелей назначал по представлению Синода император.

Остальные монастыри подчинялись главам епархий, на территории которых они находились; их настоятели назначались епархиальным архиереем с последующим утверждением Синодом. При некоторых крупных монастырях существовали небольшие обители, которые назывались приписными, они управлялись настоятелями монастырей, к которым были приписаны. В большем или меньшем отдалении от крупных монастырей возникали скиты – поселения монахов-отшельников, как правило, выходцев из тех же монастырей. В начале XX в. насчитывалось 68 скитов (55 мужских и 13 женских). Скитами также именовались старообрядческие монастыри.

Особым видом монастырского общежития являлась пустынь – сначала небольшой монастырь или уединенная келья, обычно в отдаленных

безлюдных лесах и степях. С конца XVIII в. многие из них превратились в крупные обители, насчитывавшие по нескольку сот насельников, но продолжали по-прежнему именоваться пустынями. К началу XX в. в России числилось 74 мужских и 12 женских обителей, называвшихся пустынями. Они держались уставов, отличавшихся особой строгостью монастырского общежития. Наибольшую известность получили Введенская Оп-тина пустынь в Козельском уезде Калужской губернии (основана в XVI в.). Саровская в Темниковском уезде Тамбовской губернии (основана в 1692 г. и в 1707 г. получила наименование монастыря), Нилово-Столбенская в Осташковском уезде Тверской губернии (основана в 1581 г.).

Особой формой монастырского общежития являлись киновии (от греч. кинос – общий и биос – жизнь). Это тип небольшого общежития, в котором никто, даже настоятель, не мог располагать никакой собственностью, а всё необходимое получал от монастыря. В начале XX в. насчитывалось всего четыре мужских монастыря, называвшихся киновиями.

Правовой статус монашества

Правовой статус православного монашества в конце XIX – начале XX вв. определялся как каноническим правом Русской Православной Церкви, так и нормами государственного законодательства. От постригавшегося в монашество требовалось добровольное согласие, принуждение к пострижению влекло уголовное наказание. Никакой прежний образ жизни не мог служить препятствием ко вступлению в монашество, ибо оно само по себе рассматривалось как «подвиг постоянного покаяния», а возможность покаяния доступна каждому.

По российским законам пострижение в монашество разрешалось мужчинам не моложе 30 лет, а женщинам – 40 лет. Кроме того, поступающий в монастырь должен быть свободен от обязанностей, не совместимых с монашеским званием. Постриг женатого мужчины или замужней женщины был возможен только в том случае, если оба супруга изъявляли желание по взаимному согласию принять постриг и не имели детей или их дети стали взрослыми и не нуждались в родительском попечении. Запрещалось постригать лиц, находившихся под судом или имевших невыплаченные долги. Находившиеся на военной или гражданской службе обязаны были получить увольнение от начальства, а лица податных сословий – увольнительные свидетельства от сельских и городских общин, к которым они были приписаны. Дворянин, поступающий в монастырь, должен был передать свое родовое имение наследникам; «благоприобретенным» имуществом (приобретенным путем покупки на личные средства, пожалования и дарения) он мог распорядиться по своему усмотрению, из этого имущества полагалось сделать взнос (вклад деньгами или иным видом имущества) в монастырь, куда он поступал. Впрочем, в монастырь принимали и без вклада («Бога ради»), но такие лица (обычно из податных сословий) не имели права голоса при решении монастырских дел. Лицам, постриженным в монашество, прекращалась выдача заслуженной по гражданской или военной службе (до пострига) пенсии.

До 1832 г. постриг в монашество происходил только с разрешения Святейшего Синода. В 1832 г. Московской и Грузино-Имеретинской синодальным конторам разрешали давать санкцию на пострижение без запроса в Синод. После указа Синода 29 сентября 1865 г. разрешение на постриг давал уже епархиальный архиерей. Желаящий принять

монашество обращался к нему с прошением, в котором указывался и монастырь, где проситель намеревался пребывать. К прошению прилагалась рекомендация благочинного и свидетельства, удостоверяющие, что для пострижения нет препятствий. Епархиальный архиерей в годовых отчетах в Синод прилагал и список постригшихся в монахи в его епархии.

Поступивший в монастырь сначала в качестве послушника (или послушницы) проходил трехгодичный «искус послушания» – подготовки к принятию монашества. Для лиц, заведомо расположенных к монашеской жизни, этот срок мог быть существенно сокращен, а в случае тяжелой болезни и вообще отменен. От трехгодичного срока послушничества освобождались окончившие класс богословия в семинарии или духовной академии, вдовы иереи и диаконы.

По истечении трех лет послушник мог отказаться от пострига и покинуть монастырь. Численное преобладание послушников над монашествующими в конце XIX-XX вв. (послушники составляли тогда 70% насельников монастырей) свидетельствует о том, что почти половина послушников не принимала пострига.

Государственное и церковное законодательство России XIX в. допускало добровольное оставление иночества, а также определяло порядок лишения монашества за серьезные проступки. Если монах изъявлял желание добровольно сложить с себя монашеский сан, в течение шести месяцев увещевали его отказаться от этого намерения настоятель монастыря со старшей братией. Если увещевания были безуспешными, консистория выносила постановление о снятии монашества, которое приводилось в исполнение только с разрешения Святейшего Синода. Уволенный из монашества возвращался в то состояние, к которому принадлежал по рождению, без возврата преимуществ, чинов и отличий, какие им были приобретены до пострижения⁷⁹; кроме того на него налагалась семилетняя епитимия, во время которой ему нельзя было занимать должности на гражданской службе и проживать в той губернии, где был монахом, равно как и в обеих столицах (Москве и Петербурге). "Если монах лишается своего сана по приговору духовного суда за свои проступки и преступления, оскорбляющие монашеское звание, то ему уже навсегда воспрещается въезд в столицы и приписка к городским или сельским обществам в той губернии, где был монахом, во исполнение чего с него берется подписка под опасением нарушения оной быть сосланным в Сибирь на всегдашнее пребывание, без разрешения и там поступления на службу. С означенной подпиской он получает место

жительства без прав состояния, принадлежащих ему по рождению, по указанию гражданского начальства»⁸⁰.

Внутренний строй монашеской жизни

Монастыри по характеру уставной жизни подразделялись на общежительные и необщежительные (особножительные). В общежительных монастырях монашествующие не имели личной собственности и получали от монастыря келью, необходимую утварь, а также одежду и обувь, питание и пр. В них во всей строгости соблюдался принцип нестяжательности. Доходы от «рукоделия» братии – написания икон, росписи храмов, шитья облачений, изготовления церковной утвари и пр. – шли в общую монастырскую казну. Настоятель выбирался братией, имеющей монашеское посвящение. Общежительные монастыри отличались большой строгостью уставов. Значительное влияние на них оказал «Устав о скитской жизни», созданный в середине XV в. [Нилом Сорским](#). Устав предъявлял строгие требования следовать церковному Преданию и «писаниям святых отцов», определял образ жизни и молитвы, подчеркивал обязательность грамотности и книжности.

В необщежительных монастырях монахи обычно имели келью и иногда общую трапезу от монастыря, всё остальное они приобретали своим трудом. Все доходы в необщежительных монастырях разделялись на три категории: 1) «общемонастырские», которые шли на нужды монастыря, 2) «братские», делившиеся между братией, и 3) «поручные» – доходы отдельных иноков, всецело им принадлежавшие. Монахи особенножительных монастырей могли иметь собственные сбережения помимо монастырской казны. Перед смертью монах обязан был всё свое имущество завещать монастырю. Монахам этих монастырей дозволялось «строить своим иждивением или покупать кельи и другие строения там, где это допускается местным монастырским уставом, но оставлять эти кельи и строения после своей смерти или выхода из монастыря в монастырскую пользу»⁸¹. Простым монахам необщежительных монастырей не запрещалось вносить свои денежные капиталы в кредитные установления с тем, чтобы после их смерти «вклады обращались в монастырскую собственность». По завещанию они могли передать другому лицу (обычно из своей братии) кресты, иконы, книги духовного содержания. Настоятели крупных необщежительных монастырей назначались императором, остальных – епархиальными архиереями с последующим утверждением Синодом.

В начале XIX в. преобладали необщежительные монастыри,

настоятели которых не могли осуществлять полный контроль над братией. Московский митрополит [Филарет \(Дроздов\)](#) при первом объезде своей епархии в 1821 г. констатировал, что большая часть монастырей не придерживалась общежительного устава; братия до того привыкла к весьма «вольготным» условиям жизни, что встречала в штыки всякие попытки ввести общежитие. Даже такой деятельный и энергичный архиерей, как митрополит Филарет, опасался сразу вводить общежительный устав, предпочитая обходный путь – через отдельных настоятелей. В 1862 г. Синод рекомендовал переводить необщежительные монастыри в общежительные. Рекомендация была повторена в 1869 г. Отныне новые монастыри основывались только как общежительные. На 1 января 1914 г. две трети монастырей являлись общежительными, причем большинство из них были женскими.

В реалии элементы общежительства имели место и в особножительных монастырях, в то же время в общежительных монастырях существовали различного рода местные особенности устава.

Как в общежительных, так и необщежительных монастырях действовал принцип беспрекословного послушания младших старшим. Настоятель являлся полным руководителем монастыря, но сам подчинялся епархиальному архиерею. Без благословения настоятеля ничего не делалось в монастыре. В лаврах и в некоторых других крупных монастырях при настоятеле находился законосовещательный духовный собор из наиболее авторитетных и умудренных жизненным опытом иноков. Хозяйственная часть монастыря находилась в ведении келаря, финансовая – монастырского казначея. Монашествующим была запрещена торговля всякими товарами, кроме продажи «собственных рукоделий», да и то «через избранных престарелых братий» и с разрешения настоятеля монастыря. Монах не мог принимать на сбережение ни чужих вещей, ни денег, кроме книг духовного содержания. Он не мог выступать в роли опекуна, попечителя или поверенного, за исключением дел, касающихся своего монастыря.

Как отмечали исследователи русского монашества, в укладе монастырей было много различий. Многие монастыри, как штатные, так и заштатные, не имели определенного устава⁸².

«Ученое монашество»

Выпускники духовных академий, принимавшие постриг, составляли так называемое «ученое монашество». В конце XVII – начале XVIII вв. это были преимущественно украинцы, окончившие Киево-Могилянскую Духовную Академию, которых Петр I ставил на высшие церковные должности, так как не доверял русским иерархам, считая их противниками преобразований. Позже ученое монашество пополнилось воспитанниками русских духовных академий.

Еще «объявлением о монашестве» 1724 г., когда действовали строгие ограничения на пострижение, было разрешено принимать монашество выпускникам духовных академий, занятым преподавательской деятельностью, по достижении ими 30-летнего возраста. Указ Синода 29 мая 1732 г. освободил от послушнического искуса выпускников духовных академий, изъявивших желание принять монашеский постриг. Положение ученых монахов давало им большие преимущества. Их сразу же рукополагали в иеромонахи и преимущественно из них назначали ректоров духовных академий и семинарий, при этом им устанавливалась и более высокая оплата по сравнению с не имевшими монашеского сана. Ученые монахи одновременно номинально назначались настоятелями монастырей, что давало им дополнительный доход. Такие настоятели обычно не жили в своих монастырях, передоверив управление своим помощникам, а сами наезжали во вверенные им монастыри лишь изредка. Такой порядок соблюдался в течение всего синодального периода.

Как правило, епископские кафедры замещались только «учеными монахами». В XIX в. епископы, назначаемые не из монашеской среды, даже блестяще окончившие духовные академии, но не имевшие монашеского сана, были редким явлением. Крайне редки были также случаи назначения ректоров духовных академий из белого духовенства (сохранилось свидетельство о сомнениях, возникших у Московского митрополита Филарета при назначении ректором Московской духовной академии протоиерея Александра Горского в 1864 г. блестящего ученого и друга Филарета; владыку смутило нарушение уже сложившейся традиции). В связи с уменьшением постригов в монашество среди выпускников духовных академий в 70–80-х годах XIX в. епархиальные архиереи вынуждены были побуждать профессоров академий и преподавателей семинарий из числа овдовевших протоиереев принимать

монашество с последующим выдвижением их на замещение епископских кафедр.

Институт «старчества»

После продолжительного ослабления иноческой жизни в XVII – середине XVIII вв., во второй четверти XVIII в. начинается ее возрождение. Во многом оно было обязано распространению в русских монастырях института старчества – традиционного духовного наставничества. Оно предполагает духовное руководство учениками через советы и наставления со стороны опытного в духовной жизни старца. Оно предполагает безусловное послушание ученика своему наставнику. Наставник-старец принимает на себя ответственность за спасение души человека, вверившегося его руководству. Старец являлся и наставником мирян, приходивших к нему за советом и утешением. Старчество обязательно предполагает опыт длительной аскетической жизни наставника.

Широкое распространение старчества в русских монастырях связано с именем схиархимандрита Никольского монастыря (в Молдавии) Паисия (в миру Петр Иванович Величковский). Сначала он подвизался на Афоне, затем в молдавских монастырях, получив известность своей подвижнической жизнью. В начале 70-х годов XVIII в. к нему в Молдавию отправились несколько русских монахов и мирян, стремившихся к аскетической жизни и его духовному руководству. У [Паисия Величковского](#) было немало последователей-учеников. В 1803 г. ученики Паисия Величковского издали 24 тома его трудов под общим названием «Добротолубие», в котором были изложены идеи старчества и подвижнической аскетической жизни. Писания и дух устава Паисия Величковского его ученики перенесли и в Россию.

Одним из первых учеников Паисия был иеромонах Клеопа, который в конце XVIII в. перенес основы старчества в Островскую Введенскую пустынь Владимирской епархии. Ему последовали другие ученики, которые разошлись по всей России. Сначала старцы проводили духовное воспитание и руководство среди послушников и только что принявших монашеский постриг, затем они распространили свою деятельность и на «внешний мир» – на всех людей, ищущих духовного наставления и совета путем устной беседы и через духовные письма. «Старчество, – пишет в специальном исследовании о нем И.К. Смолич, – было явлением целостным, развившимся спонтанно, снизу, без всякого воздействия сверху – со стороны иерархии. В старчестве проявилось стремление к

возрождению древнехристианского аскетического духа»⁸³.

В начале XIX в. старчество возродилось в некоторых монастырях и пустынях Смоленской, Калужской, Орловской, Тамбовской и Курской губерний.

С наибольшей полнотой идеи старчества воплотились в Оптиной пустыни – в жизни и деятельности таких его подвижников, как иеросхимонах Леонид (Наголкин), иеромонах [Макарий \(Иванов\)](#) и особенно иеросхимник Амвросий (1812–1891, в миру [Александр Иванович Гренков](#)). Благодаря 31 им старцам Оптина пустынь стала образцом иноческой жизни. Как к крупному центру русской православной духовности в Оптину пустынь приходили люди всякого звания и положения со всех концов России. Здесь бывали и такие знаменитости, как Н.В. Гоголь, Ф.М. Достоевский, В.С. Соловьев, [К.Н. Леонтьев](#), И.С. Тургенев, Л.К. Толстой, Л.Н. Толстой, братья И.В. и П.В. Киреевские (они завещали похоронить себя в этой обители). Ф.М. Достоевский увековечил образ иеросхимника Амвросия в образе старца Зосимы в «Братьях Карамазовых»⁸⁴. Труды Амвросия продолжали его ученики – Анатолий (Зерцалов), [Иосиф \(Литовкин\)](#), [Варсонофий \(Плиханков\)](#), Анатолий (Потапов), [Нектарий \(Тихонов\)](#), [Никон \(Беляев\)](#), жившие в Оптиной пустыни в конце XIX – начале XX вв. – вплоть до ее закрытия и превращения в детскую колонию. Ныне Оптина пустынь восстановлена, получив второе рождение в качестве как крупный духовный и культурный центр России.

Как и Оптина пустынь, в XIX в. прославилась Саровская пустынь. Великим подвижником ее был [Серафим Саровский](#) (1759– 1833, в миру Прохор Сидорович Мошнин) – отшельник, столпник, затворник. Его паствой была многочисленная семья русских православных людей. Серафим Саровский был и основателем Дивеевского женского монастыря (в котором покоятся его мощи). Широкую известность как духовные наставники в XIX в. приобрели епископ Кавказский и Черноморский Игнатий (1807–1867, в миру Дмитрий Александрович Брянчанинов) – «краса русского православного иночества». Блестяще образованный, автор аскетически-богословских трудов (изданы в 1885 г.) он долго был настоятелем Сергиевой пустыни (близ Петербурга), а затем епископом Кавказским и Черноморским. В 1861 г. он удалился «на покой» и отдался богословским трудам.

Крупным духовным писателем, теоретиком старчества и толкователем Священного Писания был [Феофан Затворник](#) (1815–1894, в миру Георгий

Васильевич Говоров), в 1857–1859 гг. ректор Петербургской духовной академии, епископ Тамбовский и Шацкий (1859–1863), затем епископ Владимирский и Суздальский (до 1866 г., когда он удалился в Вышенскую пустынь, Тамбовской губернии, став затворником)⁸⁵.

Идеи «старчества» Паисия Величковского отразились в уставах Валаамского, Кирилло-Белозерского и Песношского монастырей, Софрониевой, Введенской, Островской, Белбережской, Пощанской и Флорищевой пустыней. В 1840-е годы обычай «старчества» стал распространяться и в некоторых женских монастырях.

Монастырское землевладение и хозяйство

В XIX, и особенно в начале XX вв. материальное положение монастырей существенно улучшилось. Увеличились денежные пособия от казны, монастыри вновь стали превращаться в крупных землевладельцев, благодаря чему смогли расширить хозяйственную деятельность, которая в крупных монастырях приобрела предпринимательский характер.

По указу Павла I от 18 декабря 1797 г. на каждый монастырь было отмежевано по 30 десятин выгонной земли, монастыри получили право устраивать мельницы и заводить пруды для разведения рыбы⁸⁶. Увеличено содержание штатных монастырей. Стали получать из казны ежегодное пособие в размере 300 руб. заштатные монастыри. По указу Александра I от 8 июня 1805 г. монастыри получили возможность получать в дар и по завещанию ненаселенные участки земли, но на покупку земли требовалось разрешение императора⁸⁷. Указ 24 мая 1810 г. разрешал монастырям беспрепятственно приобретать ненаселенные земли путем покупки⁸⁸.

В царствование Николая I монастырское землевладение существенно расширилось за счет пожалований от императора разных угодий. В 1838 г. каждому монастырю были отведены бесплатно лесные дачи в размере от 50 до 150 десятин. При этом наиболее крупные монастыри получили лесные дачи, значительно превышавшие указанные нормы, например, Троице-Сергиевой лавре было отведено 1250 десятин. Кроме того, Николай I указом от 6 сентября 1838 г. повелел отводить вновь учреждаемым монастырям по 100 десятин⁸⁹, при этом земли стали отводиться и некоторым ранее существовавшим монастырям. Только в 1836–1841 гг. 170 монастырям было передано безвозмездно 25 тыс. десятин (16 тыс. десятин леса и 9 тыс. десятин пашни и сенокосов). Монастыри, которым не было отведено земли, получили денежную компенсацию, исходя из размеров доходов причитающихся им угодий⁹⁰.

Во второй половине XIX в. наряду с царскими пожалованиями монастыри расширяли свое землевладение и за счет покупки. В 1874 г. насчитывалось 540 монастырей-землевладельцев, у которых находилось в общей сложности 250 тысяч десятин земли. 200 из них являлись крупными землевладельцами, имевшими в среднем каждый 1232 десятины⁹¹. Большую часть монастырских земель занимал лес, который монастыри по закону не имели права продавать, а могли пользоваться им только для

собственных нужд: на строительство, на отопление и пр. В 1887 г. у 697 монастырей числилось 496308 десятин земли (129743 десятины пашни, 86149 десятины сенокосов, 249817 десятины леса, 30 599 десятины прочих угодий) и 75 900 десятины неудобной земли. В среднем на 1 монастырь приходилось по 709 десятин. Среди них выделялись крупные землевладельцы, владевшие тысячами и десятками тысяч десятин различных земельных угодий⁹².

В конце XIX – начале XX вв. монастырское землевладение возрастало не только за счет покупок, но и продолжавшихся царских пожалований. Только в 1916 г. Николай II распорядился безвозмездно передать монастырям и архиерейским домам из фонда казенных земель 3609 десятин пашни и леса⁹³.

В 1917 г. насчитывалось 1257 лавр, монастырей, скитов, киновий и архиерейских домов, которым в общей сложности принадлежало 1 159875 десятин земли (в среднем по 923 десятины на 1 владение). В их числе 13 монастырей владели каждый свыше 10 тыс. десятин: Соловецкий, у которого числилось 66,7 тыс. десятин (впрочем, до 90% неудобной – низкорослый лес, тундры и болота), Кожеозерский – 17,6 тыс., Мурманский Алексеевский – 10 тыс., Могилевский Успенский – 13,9 тыс., Троицко-Зеленецкий – 19 тыс., Саровский – 26 тыс., Григорьевско-Борисоглебская пустынь – 25 тыс., Александро-Невская лавра – 13 тыс., Серафимо-Понетаевский – 13,9 тыс., Ново-Нямецкий Вознесенский в Бесарабии – 12 тыс., Григорьевско-Бизюковский в Херсонской губернии – 26 тыс., Успенский Амурский – 20 тыс., Камчатский Алексеевский – 10 тыс., Темниковская Успенская пустынь – 24 тыс. Однако, по справедливости, следует сказать, что перечисленные выше 13 обителей находились преимущественно на окраинах Российской империи, с большим резервом еще неосвоенных, а то и неудобных земель. Меньшими по величине, но зато более ценными по качеству угодий, владели известные обители, располагавшиеся преимущественно в удобных для земледелия губерниях. Киево-Печерская лавра имела 6,5 тыс. десятин, Нилова пустынь – 4,7 тыс., Антониево-Сийский монастырь – 2,7 тыс., Серафимо-Дивеевский – 2,4 тыс., Валаамский – 3 тыс., Троице-Сергиева лавра – 2,1 тыс., Кирилло-Белозерский монастырь – 2,3 тыс., Оптина пустынь – 1,2 тыс. После 1917 г. у монастырей было отобрано и национализировано I млн. 160 десятин земли⁹⁴.

В XIX – начале XX вв. помимо земельных пожалований монастыри систематически получали из казны денежные выплаты. С 1839 г. казна

стала выдавать ежегодное дополнительное вспомоществование в размере 148 тыс. руб. С 1842 г. эта выплата повышена до 260 тыс. руб. Кроме того, выдавались и единовременные денежные пособия наиболее бедным монастырям⁹⁵. Монастыри пользовались бесплатно казенной прислугой, которая набиралась из государственных крестьян и обязана была служить 25 лет, после чего возвращалась в свое сельское общество. В 1865 г. эта повинность с крестьян была снята, а монастырям в виде компенсации ежегодно выплачивалось 186,2 тыс. руб. для найма слуг.

Обитатели получали значительные пожертвования от частных лиц – денежные, а также богослужебной утварью: иконами с позолоченными окладами, украшенными золотом и драгоценными камнями облачениями, богослужебными сосудами.

Жертвователи отливали колокола монастырям, строили за свой счет монастырские храмы, заказывали иконостасы с дорогой резьбой и позолотой. Графиня А.А. Орлова-Чесменская в своем завещании в 1848 г. пожертвовала 340 монастырям 1,7 млн. рублей. Кроме того, она подарила ценные вещи Почаевской лавре, Соловецкому и Юрьеву монастырям⁹⁶. В 1869 г. поступили от жертвователей 300 тыс. руб. московскому Иоанновскому женскому монастырю, 98 тыс. руб. 890 десятин угодий Знаменскому женскому монастырю в Новгородской губернии⁹⁷. В 1859 г. было основано «Общество для вспоможения беднейшим церквам и монастырям»⁹⁸.

В своих владениях монастыри вели высокоэффективное хлебопашество, огородничество, садоводство, скотоводство, птицеводство, пчеловодство. Валаамский монастырь имел обширное садоводческо-огородное хозяйство. В суровых северных условиях здесь выращивались разнообразные сорта яблок, за которые монастырь получал премии на сельскохозяйственных выставках. При монастыре был рыбозавод, в котором разводились ценные породы рыб. Существовало молочное хозяйство, ориентированное на рынок, хорошо оборудованный конный двор с 70 рабочими и выездными лошадьми; были свои столярная, слесарная, бочарная, гончарная и иконописная мастерские, свечной, смолокурный, кирпичный, камнетесный, известковый и лесопильный заводы, механическая мастерская с токарными станками, имелась даже своя фотомастерская. Расположенный в исключительно живописной местности монастырь привлекал знаменитых художников-пейзажистов (например, его неоднократно посещали А.И. Куинджи, В.Д. Поленов, И.И. Шишкин).

Обширное и разнообразное хозяйство велось в Соловецком монастыре. У монастыря были салотопенной, свечной, гончарный, кирпичный, лесопильный, смолокурный, литейный, механический, кожевенный заводы, ювелирная, столярная, слесарная, экипажная мастерские. На острове была устроена система каналов, обеспечивавшая регулярное водоснабжение. Монастырь имел судостроительную верфь, на которой строились винтовые пароходы и небольшие парусные суда. Важными доходными отраслями его хозяйства были «рыбные и звериные» промыслы. Ежегодно в монастырь по обету прибывали от 700 до 800 молодых мужчин потрудиться в пользу монастыря и приобрести навыки в каком-либо ремесле; монастырь обеспечивал их одеждой и питанием.

Для ведения своего хозяйства монастыри применяли и наемный труд. Так, в 1889 г. в 476 монастырях было 26 тыс. человек, работавших по найму⁹⁹.

Значительная часть монастырских земель, а также принадлежавшие монастырям мельницы, торговые лавки, пристани и прочие «оброчные статьи» сдавались в аренду. По данным Св. Синода на 1 января 1917 г. монастыри сдавали в аренду 276 усадебных пахотных и сенокосных угодий¹⁰⁰.

В крупных городах немалые доходы монастыри получали от монастырских кладбищ. Места для захоронений на кладбищах монастырей Александро-Невского в Петербурге, Новодевичьего, Алексеевского, Донского в Москве и др. оценивались в начале XX в. в размере от 50 до 500 рублей, кроме того, само погребение обходилось от 10 до 50 рублей. Значительные суммы взимались за «вечное поминовение» (например, та же Александро-Невская лавра брала до 1000 рублей), за устройство памятников.

Монастыри занимались и финансовой деятельностью, ссужая деньги под проценты. Когда после 1861 г. в России появились частные банки с более высокими процентными ставками по вкладам, монастыри стали вкладывать свои денежные средства в эти банки.

Были приняты меры к учету и контролю денежных вкладов монастырей и других духовных учреждений. В 1883 г. последовал циркуляр Синода, предписывавший «заведениям и учреждениям, состоящим в ведении Духовного ведомства, ни под каким видом не помещать суммы для увеличения процента в частные, общественные, городские и другие банки». Вклады «до востребования» в банках должны быть возвращены немедленно, «срочные» – до истечения срока и

обмениваться на государственные процентные бумаги. Впредь суммы духовных учреждений помещать в Государственный банк и обращать на покупку только государственных процентных бумаг¹⁰¹.

В 1913 г. сумма монастырских вкладов в банках составила 65,6 млн. рублей. В конце XIX в. монастыри стали вкладывать свои средства в городские доходные дома. Например, в 1903 г. в Петербурге насчитывалось 266 доходных домов и 40 торговых складов, принадлежавших монастырям и церквям, которые сдавали их в наем. В Москве в то же время только монастыри владели 146 доходными домами, кроме того, они имели 32 подворья, постоянные дворы, торговые склады, обширные огороды как в черте города, так и вне его. В Киеве церквям и монастырям принадлежало 114 домов; некоторые из них сдавались в аренду.

Д.И. Ростиславов в специальном исследовании об имущественном положении монастырей перечисляет до 20 других источников доходов монастырей: даяния на поминовение усопших, «кружечный сбор», «кошельковый», «молебный», «просфорный», от продажи свечей и лампадного масла, от часовен, от крестных ходов, типографско-издательский. От продажи литографированных картин духовного содержания, от площадей под ярмарки и торжки на монастырской земле, от лавок и т.д.

Наиболее крупные монастыри, как, например, Соловецкий и Валаамский, Троице-Сергиева и Киево-Печерская лавры ежегодно привлекали к себе десятки и сотни тысяч богомольцев, что приносило также немалый доход этим обителям. В них во время праздничных дней, при большом стечении паломников, шла бойкая торговля крестиками, иконками, ладанками, свечами, картинками и книжками духовного содержания, а также и съестными припасами. В Троице-Сергиевой и Киево-Печерской лаврах ежегодно бывало в каждой до 300 тысяч паломников-богомольцев. Под Курском в крестном ходе при перенесении иконы Богоматери собиралось от 80 до 120 тыс. богомольцев. (Вспомним знаменитую картину И.Е.Репина «Крестный ход в Курской губернии».) Большое скопление народа вызывало и сферу услуг, налаженный торг ими. Следует отметить, что такие известные ярмарки, как Ирбитская в Сибири и Макарьевская (Нижегородская) возникли около монастырей.

Обычно каждый монастырь имел свою святыню: особо чтимую икону или мощи святителя (обычно основателя монастыря). Около них ставилась кружка для денежного сбора. Торгашеский дух оскорблял чувства верующих, вызывал многочисленные нарекания в тогдашней прессе.

Статистики постоянно сетовали на неполноту сведений о доходах

монастырей. Но даже неполные данные свидетельствуют о неуклонном росте этих доходов, особенно в пореформенное время и в начале XX в.: в 1861 г. – 316 тыс. руб., в 1871 г. – 648 тыс., в 1881 г. – 1781 тыс., в 1893 г. – 3535 тыс. и в 1909 г. – 20,2 млн. руб.

Современники и впоследствии историки немало писали о «богатствах» русских православных монастырей, о роскошной жизни их настоятелей. Так, в «Церковном вестнике» за 1875 г. (№117) сообщалось: «В храминах ангельского чина обилие и довольство бьет полным ключом. Мягкая, великолепная мебель, персидские ковры, роскошные подушки на диванах, шитые шерстями с изображением на них царства животного и растительного; на окнах цветущая флора, за столом сладкие и сдобные яствия, а после стола отличный десерт». Профессор Петербургской духовной академии Д.И. Ростиславов в изданном в 1876 г. анонимно «Опыте исследования об имуществе и доходах наших монастырей» привел многочисленные факты жизни монашествующих в наиболее известных и богатых монастырях. Издание книги явилось сенсацией и вызвало взрыв недовольства монашества разоблачающими фактами. Так, в книге сообщалось: «Для редкого из настоятелей нет пары или тройки лошадей с приличным экипажем, даже каретою или коляскою, чтобы съездить куда-нибудь... Великолепно убранство настоятельских покоев: паркетные полы, дорогие ковры, мебель из красного и орехового дерева, обитая ценными или шелковыми материями». Ростиславов рассказывает о впечатлении, какое произвела на Августа Гаксгаузена ризница Троице-Сергиевой лавры. Увидев в ней многочисленные церковные сосуды, чаши, кадила, митры и жезла из чистого золота и украшенные драгоценными камнями, на престольные Евангелия в золотых переплетах и прочие предметы «неисчислимой ценности», Гаксгаузен писал: «Они превосходят всё, что только можно видеть в остальной России и во всей Европе, исключая Рима»¹⁰².

Однако вывод о сказочных богатствах монастырей нельзя делать лишь по таким крупным монастырям, как Соловецкий, Валаамский, Спасо-Евфимиевский и тем более по Троице-Сергиевой, Киево-Печерской и Александро-Невской лаврам, которые всегда пользовались особым вниманием и благоволением великих князей, царей и императоров и веками скапливали свои богатства.

В действительности, богатых монастырей было немного. Подавляющее большинство составляли маленькие, бедные монастыри. Обычно они располагались в отдаленных, глухих местах, имея недостаточные земельные угодья, жили скудно, пробавляясь мелкими

рукоделиями, а то и подаянием.

Функции монастырей

Монастыри издавна на Руси играли роль религиозных и культурных центров. В их стенах сосредотачивались летописание и иконописание, изготовление высокохудожественных предметов церковной утвари. Они также являлись и центрами распространения грамотности. Летописание, переписывание книг, обучение мирян грамоте всегда считалось богоугодным делом. Православные монастыри в Руси играли ту роль, что и в раннее средневековье западно-европейские академии. В монастырях хранились богатые библиотеки и ценнейшие архивы. Почти все летописи, древнейшие исторические акты и другие памятники древнерусской литературы дошли до нас только благодаря тому, что они сохранились в монастырях. Кроме того, каждый монастырь, возводимый веками, являет собой неповторимый историко-архитектурный ансамбль.

Монастыри играли огромную роль в колонизации окраин, в освоении необжитых мест, особенно в северных и восточных регионах России. В лесной глуши, на берегах рек и озер, вокруг монастырей возникали крестьянские поселения, расчищались под пашню леса, обживались окрестности монастыря.

В старину велика была и стратегическая роль монастырей. Некоторые из них ставились на стратегически важных путях к Москве, Новгороду, Пскову, Смоленску, составляя линии крепостей, ограждавшие эти города. Сохранившиеся сооружения крупных монастырей и ныне поражают своими мощными стенами и боевыми башнями. В старину монастырям давались порох, ружья и пушки. Во время военной опасности за стенами монастырей спасалось окрестное население, которое вливалось в ряды их защитников.

Монастыри выполняли функции миссионерства и христианизации. В конце XIX в. насчитывалось до 20 миссионерских монастырей – преимущественно в Заволжье. Приуралье. в Западной и Восточной Сибири (основанные в XVII в. Знаменский в Тобольске. Свято-Никольский в Верхотурье, Преображенский в Тюмени и Преображенский в Якутске, Троицкий Усть-Киренский и Троицкий Селенгинский и др.). В 1870 г. в особую миссионерскую обитель был обращен в Москве древний Покровский монастырь, призванный координировать общецерковную просветительскую деятельность. Центром миссионерской работы в конце XIX в. в Казанской епархии являлся Спасо-Преображенский монастырь, в

котором были созданы специальные двухгодичные миссионерские курсы. В Херсонской губернии активную миссионерскую деятельность протестантской направленности проводил Григорьево-Бюзюков мужской монастырь. Миссионерскую функцию выполняли православные русские монастыри за рубежом (в Северной Америке, Китае, Палестине).

Некоторые монастыри служили местом отбывания наказаний за преступления против веры. В монастырские тюрьмы обыкновенно помещали без суда, по решению Св. Синода или императора, расколоучителей, закоренелых сектантов, опасных «вольнодумцев», самозванцев. Узники содержались там десятки лет, а то и пожизненно. До начала XX в. существовало 20 мужских и 10 женских монастырей, служивших местами заключения. Местами заключения в монастыре служили как монашеские кельи обычного типа, так и казематы, устроенные внутри монастырских стен, в подвалах, под церковными полами, в погребах, а также специально оборудованные монастырские тюремные здания. Начальником монастырской тюрьмы являлся сам настоятель монастыря, а монахи несли сторожевую охрану узников.

Самой старой и крупной монастырской тюрьмой была Соловецкая, в которую заточали «бунтовщиков» и сектантов уже с середины XVI в. Местами заключения здесь служили казематы (небольшие, сырые и темные камеры) внутри башен и крепостных стен. Тюрьма Кириллова Белозерского монастыря существовала с XVII в. Тюрьма Спасо-Евфимиевского монастыря была учреждена в 1766 г. Она служила местом заключения душевнобольных преступников. Здесь узники содержались на цепи. Среди женских монастырей, выполнявших функцию тюрем, известны Покровский и Ризположенский в Суздале, Ивановский и Новодевичий в Москве.

По указу Екатерины II (1766 г.) при монастырских тюрьмах полагалось находиться военной команде. Начальник караула ежедневно подавал настоятелю монастыря рапорт о состоянии арестантов. Воинские караулы были сняты в 1890 г. Вместо них монастыри нанимали надзирателей и содержали их за свой счет, но более за счет подаяний. В монастыре ставилась кружка «для христоробивого подаяния», и богомольцы опускали в них медяки, которые шли на арестантские нужды.

В монастырские тюрьмы заточали по разным поводам и причинам, часто не подходившим ни под одну из уголовных статей. Режим содержания в монастырских тюрьмах устанавливался инструкцией, присылаемой настоятелю монастыря о каждом узнике. Перед настоятелем ставилась задача «привести к раскаянию» отступника от православия.

Соответственно поведению арестанта мог быть изменен и режим его содержания. «Смирненным» арестантам, которые «раскаяться» в своих заблуждениях, разрешалось даже выходить в коридоры тюрьмы и общаться с такими же узниками, а в зимнее время, когда в монастыре не было богомольцев, таким арестантам разрешалось выходить на прогулки в пределах монастырских стен. «Нераскаяться» арестантов никогда не выпускали из каземата. Обычно они заканчивали свою жизнь в монастырской тюрьме; их хоронили на особых кладбищах за монастырской стеной без церковных обрядов.

Особенно тяжелы были условия содержания узников в Соловецкой тюрьме. Находившийся там в 1806–1813 гг. при настоятеле Иларионе монах-прорицатель Авель пишет в своих воспоминаниях: «Сей Иларион архимандрит уморил невинно двух колодников, посадил их и запер в смертельную тюрьму, в которой не только человеку жить нельзя, но и всякому животному неместно: первое в той тюрьме – темнота и теснота; третье – дым и угар и сим подобная; четвертое и пятое в той тюрьме – скудость одежд и пищи, и от солдат истязания и ругание»¹⁰³.

В конце XIX в. посетил Соловки В.И. Немирович-Данченко. Он осмотрел казематы соловецкой тюрьмы, которые произвели на него удручающее впечатление. «Потрясающе мрачные темничные кельи, – писал он. – В каждой окно. В окне по три рамы и между ними две решетки. Все это прозеленело, прокоптело, прогнило, почернело. День не бросит сюда ни одного луча света. Вечные сумерки, вечное молчание»¹⁰⁴.

Условия содержания арестантов вплоть до закрытия монастырских тюрем практически не улучшились. Были лишь уничтожены «земляные тюрьмы», и заключенные переведены из подвальных помещений различных построек в специальные тюремные здания. Расколоучители, обычно, подвергались строгому наказанию: они помещались «под караул», а их последователи направлялись в ссылку в монастыри «под начало»: они находились в монастыре не в казематах, а под присмотром братии и выполняли самые тяжелые работы. Кроме сектантов и старообрядцев помещали лиц, обличенных вообще в «иноверии», «ложных пророчествах», «своевольных толкованиях Священного Писания». Нередко они страдали психическими расстройствами.

Расстриженное духовенство попадало в монастырь обычно «под начало», а также и обвиняемые в связях с раскольниками. Случаи помещения в монастыре уголовных и политических преступников были единичными. Так, известна ссылка декабристов А.С. Горожанского в

Соловки, а Ф.П. Шаховского, психически больного, в Суздальскую тюрьму Спасо-Евфимиева монастыря. По своему сословному происхождению большинство узников монастырских тюрем были представителями крестьянства.

За последний период существования монастырских тюрем (перед их закрытием) в составе узников монастырских тюрем уже реже встречаются представители сектантства. В монастырские тюрьмы попадали преимущественно люди духовного православного звания и содержались они среди братии «под началом». Под строгий караул из них попадали те, кто выступал против церковных порядков. Так, в 1901 г. в Суздальскую монастырскую тюрьму попал священник Герасим Цветков. В одной из газет писали о нем: «Причиной, вызвавшей применение к Цветкову такой суровой кары, были некоторые его взгляды, несогласные с тем, которые считаются господствующими в нашем духовенстве. Так, например, о. Цветков осуждал подчинение церкви светской власти в лице обер-прокурора Св. Синода, призывал к необходимости скорейшего созыва вселенского собора для разрешения многих назревших вопросов в православной церкви и отвергал авторитет Св. Синода. В этом смысле он неоднократно подавал доклады и записки обер-прокурору Св. Синода и многим иерархам русской церкви, последствием чего и было осуждение. Цветкова на строгое содержание в монастыре впредь до раскаяния и исправления»¹⁰⁵.

Монастырские тюрьмы преследовали цель «исправления» старообрядцев и сектантов, т.е. «обратить их в лоно православия». Однако, как показывала практика, этого удавалось добиться крайне редко: «раскаявшихся» насчитывалось буквально единицы. Особенным упорством отличались сектанты. Настоятели монастырей относились к содержащимся под караулом сектантам как к наиболее опасным преступникам, и случаи их ходатайств об облегчении участи сектантов были крайне редкими. Находясь в монастырских тюрьмах, узники веры иногда вовлекали в свои секты монахов, послушников, даже богомольцев. Бывали случаи, когда узники совращали в свою веру караульных солдат. В начале XX в. монастырские тюрьмы были закрыты. Первой была официально закрыта в 1902 г. тюрьма в Соловецком монастыре, хотя фактически в 1883 г. в ней не оставалось ни одного узника. Остальные монастырские тюрьмы были упразднены к 1905 г.¹⁰⁶.

Просветительская и благотворительная деятельность монастырей

В начале XIX в. при монастырях стали заводиться школы, больницы, приюты. Ниже приводятся конкретные сведения о больницах и богадельнях за 1841–1914 гг. (см. Таблицу 5).

Таблица 5

Монастырские больницы и богадельни в 1841–1914 гг.

Годы	Больниц	Мест в них	Богаделен	Мест в них
1841	37	232	21	363
1851	53	500	19	438
1861	67	739	23	709
1871	65	1086	36	687
1881	78	990	51	1050
1891	107	1368	73	1606
1900	172	2027	123	1774
1914	234	2698	169	2252

Источники: Преображенский И.Г. Ук. соч. С. 145–146; Отчеты обер-прокурора Св.Синода: за 1900 г. – СПб., 1902; Приложения. С. 46–47, за 1914 г. – СПб., 1916. Приложения. С. 22–23.

Кроме того, монастыри жертвовали большие суммы на просветительные и благотворительные цели: на постройку детских приютов, школ, больниц. В начале XX в монастыри ежегодно жертвовали до 350–380 тыс. руб. на церковно-приходские школы. Во время русско-турецкой 1877–1878 гг., русско-японской 1904–1905 гг. и Первой мировой войн в некоторых мужских монастырях были устроены лазареты для раненых. Некоторые монастыри содержали сирот убитых воинов.

Значительной была благотворительная роль Марфо-Мариинской женской общины, основанной в 1916 г. в Москве великой княгиней Елизаветой Федоровной специально «для оказания помощи страдающим: материальной и духовной», в особенности по уходу за больными из социальных низов. Хотя сестры общины не постригались в монашество, они давали обет, по примеру монахинь, проводить жизнь в целомудрии, труде и молитве.

В Марфо-Мариинскую сестринскую обитель принимались

православные девицы или вдовы в возрасте от 21 года до 40 лет. Сестры делились на «испытываемых» (типа послушниц) и «крестовых» (при посвящении в эту ступень они давали обет служить Богу и ближним и носили особое одеяние).

Обитель оказывала три вида помощи – медицинскую, попечительскую и просветительскую. При обители находилась бесплатная больница с хирургическим отделением, амбулатория, аптека, библиотека, приют для девочек-сирот, больничный храм и специальные помещения-гостиницы для паломников. Были устроены бесплатные столовые для бедняков. Выявлялись нуждающиеся в помощи – ютившиеся в трущобах, подвалах, на чердаках. В 1914–1917 гг. Елизавета Федоровна объединила благотворителей, оказывавших помощь воинам и их семьям, организовала склады пожертвований и отправку их на фронты, подготовку сестер милосердия для работы в госпиталях.

Летом 1918 г. – во время истребления царской семьи – Елизавета Федоровна погибла мученической смертью: живой она была сброшена в шахту под Алапаевском. После прихода белых тело ее извлекли из шахты, в 1921 г. захоронили в церкви Марии Магдалины в Иерусалиме. В 1981 г. Елизавета Федоровна была канонизирована зарубежной Русской Православной Церковью, а в 1990 г. и в России¹⁰⁷.

Зарубежные монастыри

В 1917 г. за рубежом находилось 15 русских православных обителей (10 мужских и 5 женских) с 709 насельниками (638 монахами и 71 послушником): 4 в Китае (Успенский Пекинский. Пекинская женская община, 2 подворья Пекинского Успенского монастыря – 1 в Пекине и 1 в Харбине), 6 в США (Пенсильванский, Тихоновский в Пенсильвании, архиерейский дом в Нью-Йорке и его архиерейский дом на Ситхе, Трифоновский на Аляске, Покровский женский в Спрингфильде), 2 в Греции (Ново-Афонский Пантелеимоновский и Ильинский мужской скит) и 3 в Палестине (Горненский женский в Иерусалиме, Назаретское подворье Русского Палестинского Общества, Новое подворье Русского Палестинского общества в Иерусалиме)¹⁰⁸.

Съезды монашествующих 1909 и 1917 гг.

В начале XX в. для обсуждения насущных проблем монастырей были созваны три съезда монашествующих (Всероссийский съезд монашествующих, съезд ученого монашества и съезд представителей от монастырей). Все они проходили в Московской духовной академии при Троице-Сергиевой лавре.

5–13 июля 1909 г. состоялся Первый всероссийский съезд монашествующих под председательством архиепископа Вологодского и Тотемского [Никона \(Рождественского\)](#). Главной задачей съезда, по свидетельству его участника Серафима (Веснина), было «всестороннее обсуждение вопроса о том, какие меры возможно и должно принять для поднятия духовной жизни в современном монашестве, какие препятствия к сему необходимо устранить и как сего достигнуть, чтобы, с одной стороны, мир не вторгнулся в тихие пристани духовной жизни со своею суетою и несвойственными иноческой жизни требованиями. С другой – чтобы монашество само не выходило в мир искать в нем того, от чего оно отрекается невольно внешними условиями, большею частию от иноков не зависящими»¹⁰⁹.

Программа съезда, выработанная Синодом, включала 22 вопроса, которые группировались вокруг 10 проблем: 1) монастыри общежительные и штатные; 2) старчество и духовничество; 3) монашеские обеты и дисциплина; 4) богослужебный устав, церковное пение; 5) монашеское образование; 6) монашество, епископат и белое духовенство; 7) женские монастыри; 8) миссионерское служение монастырей; 9) патриотическое служение монашества

Отечеству во время внутренних смут и войн; 10) объединение всех монастырей в союз духовной взаимопомощи.

На съезде говорилось о неблагополучии в русских монастырях. Архиепископ Никон в своем основном докладе «Нужды современного монашества» со скорбью признавал, что «монашество наше в духовном отношении всё более и более опускается, и становится страшно за ту великую идею, за тот святой идеал, носителем коего должно быть иночество». Причины этого он усматривал «в общем омирщении христианской жизни, а также в том, что монастыри как особые учреждения, имеющие целью создать все благоприятные условия для монашеской жизни, в большой степени перестали выполнять это большое

назначение. По мнению съезда, монастырская жизнь нуждалась в исправлениях, к важнейшим из которых относили: 1) преобразование всех монастырей в общежительные, 2) введение старчества в монастырях из лиц строго иноческой жизни, духовно опытных, имеющих священнический сан, 3) усиление монашеской дисциплины, 4) повышение образовательного уровня монашества, создания возможности для их миссионерского и патриотического служения и, наконец, 5) создание союза, объединяющего всероссийское монашество¹¹⁰.

В 1917 г. были проведены еще два всероссийских съезда монашествующих: 1) ученого монашества 7–14 июля и 2) представителей от монастырей 16–23 июля.

Председателем съезда ученого монашества был архиепископ Московский и Коломенский Тихон (Белавин). В постановлении съезда говорилось, что «ученое монашество едино со всем монашеством в силу единства иноческой жизни»; занимаясь учебно-педагогическим и церковно-общественным служением, ученые монахи обязаны хранить монашескую дисциплину. Был поставлен также вопрос о создании иноческого церковно-просветительского братства, которое призвано заниматься научной разработкой высших богословских вопросов, учреждать учебно-духовные заведения и школы для пастырской и миссионерской деятельности, благовестничеством, изданием духовной литературы, составлением учебных руководств. Предлагалось также преобразовать Александро-Невскую лавру в главный монастырь ученого и иноческого братства.

Представители всероссийского съезда монашествующих 16–23 июля 1917 г. предложили развернутую программу «устроения монастырей и монашеской жизни». Она должна была впоследствии лечь в основу проекта общего устава для монастырей. Предлагалась новая структура управления монастырями.

Вместо учреждения Союза всех православных русских обителей съезд предложил образовать особую систему местного, областного и центрального монастырского управления. В епархии предлагалось образовать (в качестве распорядительного органа) Епархиальный монашеский совет под председательством епархиального архиерея, собирающийся на свои заседания 1 раз в год; исполнительным органом (заседающим 1 раз в месяц) должен стать Епархиальный монашеский совет при епархиальном архиерее.

Следующей инстанцией предусматривался митрополичий округ, в котором распорядительным органом являлся Окружной монашеский совет

под председательством митрополита округа (собирался на заседания также 1 раз в год), а исполнительным – Епархиальный монашеский совет митрополичьей кафедры при митрополите (председателе совета).

Наконец, высшим законодательным органом предлагался Всероссийский монашеский собор под председательством «Первоиерарха Российской Церкви – Московского архипастыря». Он должен был собираться один раз в три года. Исполнительным органом должен быть Всероссийский монашеский совет при Святейшем Синоде «как вспомогательный и совещательный орган по высшему церковному управлению и наблюдению над монастырями» под председательством одного из членов Синода. Совет избирался на три года.

Съезд принял ряд других постановлений, касающихся устройства монастырской жизни и ограждения интересов монастырей. Был выработан и Наказ Поместному собору Русской Православной церкви, открытие которого было назначено на 15 августа 1917 г. Однако последующие события помешали реализации этих решений (как впоследствии и решений Поместного собора 1917–1918 гг.)^{[111](#)}.

**Глава 4. Система духовного образования.
Духовная цензура**

1. Состояние духовного образования в XVIII в.

Первые духовные школы в России были открыты при Петре I. Указы 1702 и 1708 гг. требовали ставить на церковные должности только «ученых», т.е. прошедших школьный курс. Но выполнение этого требования оказалось нереальным. Становление системы духовного образования проходило медленно и с большими трудностями. Причинами этого являлись и нехватка учителей, и недостаток средств, и нежелание многих архиереев тратить на содержание школ. Поэтому духовные школы существовали далеко не во всех епархиях¹¹².

Духовный регламент 1721 г. не только напоминал об обязательном образовательном цензе для занятия священнических мест, но и детально определил структуру, характер и порядок занятий в духовных учебных заведениях (см. Приложение 3.1). В соответствии с этим Феофан Прокопович разработал подробный распорядок жизни духовной семинарии, который фактически вводил казарменный режим и поощрял доноительство (см. Приложение 3.3). Духовные школы были рассчитаны не только «для детей священства», но «и прочих, в надежду на священство определенных»¹¹³. Недостаток в грамотных кадрах для церкви и гражданской службы вызвал повеление Петра, чтобы «и градские лучшие приказные люди и дворяне» отдавали детей в Московскую академию, как для подготовки к духовному званию, так и для приобретения необходимых знаний для дальнейшего обучения в специальных учебных заведениях. Однако указом 1728 г. было запрещено принимать в эти школы «помещиковых людей и крестьянских детей», т.е. крепостных и казенных крестьян как представителей тяглых сословий, обучение которых грамоте считалось не только не обязательным, но и нежелательным. Сами церковные власти всячески противились приему в свои школы лиц, не принадлежавших к духовному сословию. Не только в семинариях, но и в низших духовных школах учились преимущественно дети из духовного сословия. Окончившим духовные школы давалась гарантия освобождения от рекрутчины и податей.

Первые духовные школы создавались при архиерейских кафедрах и на их средства «для приуготовления лучшего священства», которое имело бы «званию своему должное искусство»¹¹⁴. В 1721–1725 гг. было открыто 46 таких архиерейских школ. В 1737 г. они были преобразованы в семинарии, но полный курс семинарского образования был введен лишь в 8 школах.

При этом они не имели единой программы обучения. Отсутствовала и системность в духовном образовании.

Характерно, что на первых порах обязательность обучения в духовной школе духовенство встретило как новую для себя повинность. В связи с этим дело не обошлось без применения принудительных мер. В 1723 г. было отдано распоряжение «имать в школы неволею». Посылали специальных приставов и даже солдат, которые доставляли учеников, связанных и закованных в колодки¹¹⁵. Принудительные меры применялись и впоследствии. Священнику назначался десятирублевый штраф и даже лишение должности за укрывательство сына от школы, а самому сыну, если ему минуло 15 лет, грозила солдатчина.

В 1740 г. последовало повеление принимать в духовные семинарии детей духовенства уже обученных грамоте (дома или в низших духовных школах); за нарушение этого правила с родителей взимался штраф¹¹⁶.

Первоначально программа преподавания и уровень получаемых знаний были невелики. Лишь во второй половине XVIII в. учебные курсы постепенно расширились введением и светских дисциплин: истории, географии, литературы, математики; вводилось обучение сельскому хозяйству. Но на первом плане стояли «науки, святой церкви приличные и наипаче духовному званию потребные». При этом от учащегося требовалось лишь механическое заучивание материала: например, учителю истории предписывалось: «учителя долг есть только наблюдать, что знание истории (для учеников) состоит наипаче в чтении и памятовании ее, а толкования много не требуется»¹¹⁷. В конце XVIII в. в духовных семинариях стало постепенно вводиться обучение немецкому и французскому языкам (по выбору), что давало семинаристу возможность подрабатывать переводами и уроками. Некоторые семинарии посылали лучших своих учеников для слушания лекций в Московский университет, чтобы они «собирали плод познаний и с цветов светской учености». При этом посылаемые давали подписку, что останутся в духовном звании и будут числиться в своих учебных заведениях¹¹⁸.

Хотя в течение XVIII в. число семинарий и учащихся в них возрастало, но этот рост был крайне медленным из-за недостатка учителей и средств на содержание школ. Поэтому почти до конца века духовные школы существовали не во всех епархиях, так что знания и навыки служения у многих приходских священников носили «домашний» характер, т.е. передавались от отца к сыну. Иначе говоря, в течение всего XVIII в. специальное духовное образование так и не сделалось всеобщим

для приходского духовенства, несмотря на неоднократно издаваемые указы ставить на церковные должности только прошедших курс обучения в семинариях или, по крайней мере, в духовных училищах.

В 30-х годах XVIII в. из 125 тыс. лиц мужского пола, принадлежавших к духовному сословию, в семинариях обучалось только 2600 человек. В середине XVIII в. из 303 протопопов и священников Москвы и Петербурга только 93 имели полное семинарское образование. Даже в 1806 г. (накануне реформы системы духовного образования), когда численность учеников духовных школ перевалила за 20 тысяч, среди приходских священников числилось 3368 человек, которые не прошли курса обучения в духовной школе; в этом числе оказалось 1166 неграмотных.

Но определенные успехи имела высшая духовная школа. Появление ее относится к XVII в. Первое высшее духовное учебное заведение было основано в 1632 г. при Киево-Печерской лавре киевским митрополитом [Петром Могилой](#) и первоначально называлось Киево-Могилянской коллегией. В 1701 г. она получила статус Духовной академии. В 1685 г. в Москве открылась Славяно-греко-латинская академия. Ее выпускники впоследствии стали известными государственными и церковными деятелями, поэтами, учеными. Она же поставляла и кадры учителей для духовных семинарий, которые в первой четверти XVIII в. были открыты в Новгороде, Переяславле-Залесском, Коломне, Туле, Орле и других городах. На основе Славяно-греко-латинской академии были созданы в 1721 г. Московская духовная академия, а в 1755 г. – Московский университет.

В 1721 г. при Александро-Невском монастыре была открыта Славянская школа, преобразованная в 1726 г. в Славяно-греко-латинскую семинарию, которая по уровню преподавания и задачам подготовки ученых духовных кадров приближалась к Киевской и Московской академиям. В 1788 г. она была преобразована в Главную семинарию, а в 1797 г. в Духовную академию. Такой путь прошла и открытая в 1723 г. Казанская духовная семинария, преобразованная в 1797 г. в Духовную академию (о дальнейших изменениях ее статуса см. ниже).

В 1768 г. была учреждена специальная комиссия, поставившая целью расширение и упорядочение системы духовного образования. Итоги были таковы: если в 1764 г. было две духовных академии и 26 семинарий с 6 тыс. учащимися, то в 1784 г. – 34 семинарии с 12 тыс. учащимися¹¹⁹.

Отметим, что духовные семинарии в XVIII в. (да и позднее) поставляли немало своих выпускников в Московский университет, в Медицинскую школу, в народные школы учителями, на государственную службу. Так, после губернской реформы 1775 г. возникла большая

потребность в канцеляристах. Указом 1779 г. было дозволено определять семинаристов в государственную службу, чем и воспользовались сотни семинаристов¹²⁰.

В целях подготовки квалифицированных кадров преподавателей духовных семинарий указом Екатерины II от 6 мая 1788 г. было предписано направлять в Главную духовную семинарию при Александро-Невской лавре в Петербурге из старших (богословских и философских) классов прочих духовных семинарий по два лучших семинариста, «надежных в благонравии, поведении и учении, и лучшего перед другими понятия», а потом отправить их в те же семинарии в качестве их преподавателей. Расходы по обучению и содержанию их должна была нести пославшая их семинария¹²¹. В числе первых 30 отобранных для этой цели лучших семинаристов оказался и направленный из Владимирской семинарии М.М. Сперанский.

31 октября 1798 г. был издан первый Устав духовных академий. Он предусматривал преподавание в академиях «полной системы философии и богословия», «высшего красноречия», древнееврейского (по книгам Ветхого Завета), древнегреческого и латинского языков, а из новых – французского и немецкого, российской, всеобщей и церковной истории, физики и математики. Подтверждалось правило направления из каждой семинарии двух лучших учеников в Петербургскую духовную академию¹²².

Духовное образование к этому времени приобрело уже сословный характер: в семинарии и академии принимали только сыновей из семей духовенства. Считалось, что поповский сын обязательно должен был пройти семинарию. Индивидуальные его интересы и способности не принимались в расчет. Он должен был пройти весь курс обучения, сколько бы времени на это ни потребовалось. Поэтому нередко бывало, когда неспособных или ленивых из года в год оставляли в прежнем классе, так что в одном классе находились ученики в возрасте от 12 до 20 лет.

Современники и историки духовной школы рисуют неприглядную картину состояния духовных учебных заведений на рубеже XVIII-XIX вв., жизни и быта учеников духовных школ. В семинариях тогда ограничивались преподаванием Закона Божия, обучением чтению и письму, церковному пению, элементарными сведениями по богословию, но более всего «зубрили латынь и греческий», а также «упражнялись» в составлении проповедей. Св. Писание изучали в переложении, да и сама Библия находилась в семинарской библиотеке обычно в единственном

экземпляре. Преподавание было пронизано мертвой схоластикой и канцелярщиной. «Педагогические меры, – пишет историк духовной школы Ф.Н. Белявский, – состояли только в наказаниях, которые поражают своей жестокостью: розги, палки, пощечины, битье линейками, дранье за волосы были единственными средствами поощрения. Под влиянием такой школы и вырабатывался тот бурсацкий тип, во имя которого всякая чувствительность, нежность нравственного чувства, совесть преследовались как бабьи черты, недостойные порядочного бурсака». Немногим лучше было положение и учителя, который мог «за послабление» подвергнуться «равномерному наказанию, как и об учениках показано»¹²³.

Духовные семинарии терпели крайний недостаток во всем. Учителя семинарий из-за скудной оплаты своего труда стремились давать частные уроки. На содержание казеннокоштных семинаристов, по свидетельству того же автора, «падали такие крохи, что кроме ржаного хлеба, пустых щей, приправленных конопляным маслом, сухой каши, гороха и кваса, им не приходилось лакомиться другими блюдами». Школьные здания, особенно в провинции, по недостатку средств не ремонтировались и плохо отапливались. Бывшие семинаристы вспоминали о «страшном холоде», какой они испытывали в неотопливаемых классах (они же служили и столовыми, и спальнями), с разбитыми окнами, разломанными дверями, когда во время суровых зимних дней семинаристы «сбивались в кучу вокруг тлеющего очага, согревая друг друга своими телами, завернувшись в жалкие одежды». Нелегко приходилось и своекоштным семинаристам, жившим в снимаемых «углах» частных квартир обычно где-нибудь на окраине города в такой тесноте и грязи, что это приводило «в изумление» издававшую тогдашнюю полицию. Если кому из семинаристов повезет, то он мог заработать себе на кусок хлеба обучением грамоте детей какого-нибудь купца или чиновника, получая в качестве «платы» остатки обеда с хозяйского стола. «Менее удачливые кормились милостыней, распевая духовные канты под окнами городских жителей, попрошайничеством, а то и мелкими кражами в садах и огородах»¹²⁴.

Со стороны духовных властей предпринимались попытки положить конец надругательствам над семинаристами. Влиятельный в то время московский митрополит Платон (Левшин) в специальной инструкции предписывал «исправлять» учеников «более словом, моральным пристыжением, не позволять преподавателям по отношению к их ученикам такие посрамления, честь трогоющие, как скотина, осел и т.п.,

не применять при наказании ремней, палок, розог, пощечин, дранья за волосы». Сам факт появления такой инструкции – свидетельство того, насколько широко были распространены подобные «педагогические приемы» в тогдашних семинариях. Впрочем, они продолжали бытовать и впредь, а розга была «в ходу» даже в начале XX в.

2. Реформа духовного образования (1808–1814)

В начале XIX в., в контексте проводившихся Александром I других преобразований, была проведена и реформа системы духовного образования. Задача ее – устранить негативные стороны этой системы, придать единство и преемственность всех степеней духовных учебных заведений и программ обучения. Вместе с тем преследовалась и важная цель повышения общеобразовательного уровня духовно-учебных заведений, а в академиях и развития богословия.

Необходимо отметить, что все реформы и преобразования в Русской Православной Церкви синодального периода проводились по инициативе светской власти. «Реформы никогда не исходили от Святейшего Синода, он только проводил их, действуя под давлением преобладавшего политического направления или государственной власти, представленной в лице обер-прокурора», писал видный историк Русской церкви этого периода И.К. Смолич¹²⁵.

В связи с реформой народного образования 1803–1804 гг. и применяя создаваемую ею новые школьную и университетскую структуры, правительство Александра I в 1808–1814 гг. провело реформу духовного образования.

Разработать основные принципы реформы системы духовного образования было поручено могилевскому архиепископу Анастасию Братановскому и петербургскому викарию [Евгению Болховитинову](#). Подготовленные ими проекты в 1805 г. были сведены в один под названием «Предначертания о преобразовании духовных школ». В конце 1806 г. обер-прокурор Св. Синода А.Н. Голицын предписал епархиальным архиереям собрать сведения о положении духовных училищ в своих епархиях и направить их в Синод. Затем как проект Анастасия Братановского и Евгения Болховитинова, так и доставленные архиереями сведения были представлены императору, который распорядился передать их М.М. Сперанскому. Для изучения этих материалов и составления на их основе окончательного текста закона о реформе духовной школы, 29 ноября 1807 г. был учрежден «Комитет об усовершенствовании духовных училищ», в который вошли петербургский митрополит Амвросий (Подобедов), назначенный его председателем, калужский епископ Феофилакт Русанов, обер-прокурор Синода А.Н. Голицын, духовник царя протопресвитер Сергей Краснопевков, обер-священник армии и флота Иоанн Державин и

статс-секретарь М.М. Сперанский, который стал, по отзывам современников, «душой» этого Комитета. Сперанский, сам прошедший все ступени духовного образования, великолепно знал его нужды и стоявшие перед ним проблемы.

Перед комитетом стояли три задачи:

1) рассмотреть подготовленный проект реформы духовной школы и собранные материалы по этому вопросу и на их основании выработать окончательный проект;

2) исчислить суммы для училищ и жалованья приходским священникам;

3) приискать способы доставления этих сумм.

Результатом работы Комитета явился представленный 26 июня 1808 г. императору «Доклад об усовершенствовании духовных училищ, о начертании правил для образования сих училищ и о составлении капитала на содержание духовенства, с приложением штатов духовных академий, семинарий, уездных и приходских училищ». Текст доклада был написан Сперанским. По определению профессора Казанской духовной академии П.В. Знаменского, автора исследований о духовном образовании России, «доклад представил собою такое новое и свежее по направлению, такое стройное, изумительное по широте и единству основного взгляда по силе его логического развития в частности изложение предначертаний касательно постановки духовных школ, что подобная работа только и могла выйти из Комитета, где работал Сперанский»¹²⁶. В докладе Сперанский глубоко проанализировал недостатки духовного образования и определил основные направления его реформы. «Доклад» был одобрен Александром I 26 июня 1808 г., а в 1809 г. издан¹²⁷. Он был положен в основу законов 1808–1814 гг. о реформе духовной школы¹²⁸.

М.М. Сперанский считал, что главным недостатком предшествовавшей духовной школы было отсутствие преемственности в образовании и «чрезмерное засилие латинского языка». «Цель просвещения духовенства, – указывал он, – есть без сомнения твердое и основательное изучение Религии. К познанию Религии, основанных на догматах ее, на Св. Писании и преданиях древних, нужно знать самые сии древние источники и части наук, непосредственно к ним принадлежащие... Из сего открывается, что главною целию духовного просвещения должна быть ученость, собственно так называемая»¹²⁹. Духовное образование, указывал Сперанский, призвано сформировать «просвещенных и благочестивых служителей церкви». Требовался «не просто знаток

священных текстов, механически их воспроизводящий, а богослов, толкователь, понимающий потаенный смысл Св. Писания». Духовная школа должна была способствовать и подготовке высокообразованных представителей церковной иерархии, чему придавалось государственное значение. Предполагалось, что основательные богословские познания станут важным фактором при определении на высокие духовные должности¹³⁰.

Изданный 26 июня 1808 г. закон¹³¹ создавал новую структуру духовных учебных заведений, определял учебную, воспитательную и административную функции духовных школ, а также устанавливал источники их материального обеспечения. Подобно созданной в 1803–1804 гг. четырехступенчатой системе светских школ и университетов устанавливались 4 ступени и духовно-учебных заведений: 1) приходские училища (одно на благочиние), 2) уездные училища (для начального духовного образования), 3) семинарии, дававшие среднее духовное образование, и 4) духовные академии (высшая ступень духовного образования). По аналогии со светской школой вводилась окружная система организации и духовного просвещения: создавались 4 учебные округа во главе с духовными академиями – Санкт-Петербургский, Московский, Киевский и Казанский. Каждая епархия округа должна иметь одну семинарию, 10 уездных и 30 приходских школ, а вся система духовных учебных заведений должна была иметь 4 академии, 36 семинарий, 360 уездных и 1080 приходских училищ.

Образование учебных духовных округов из-за недостатка преподавательских кадров, особенно в академиях, потребовало длительного времени: сначала (в 1809 г.) был создан Санкт-Петербургский округ, в 1814 г. – Московский, в 1819 г. – Киевский и только в 1842 г. – Казанский. До образования Киевского и Казанского округов их духовные учебные заведения временно находились в составе Санкт-Петербургского и Московского учебных округов.

Уставы 1808–1814 гг. предусматривали преподавание следующих дисциплин на различных ступенях духовной школы.

1) Приходские школы (с двухгодичным обучением) основывались на принципах общего начального образования. В них хотя и принимались преимущественно дети духовенства (в возрасте 6–8 лет), но допускался и прием детей из податных сословий (в основном из крестьян). Курс обучения в этих школах состоял из «чистописания по-русски», освоения четырех правил арифметики и начал русской грамматики, краткого

церковного катехизиса и «нотного пения».

2) В программу уездных духовных училищ с четырехлетним обучением входили: «Продолжение российской грамматики и обучение славянской, продолжение арифметики, продолжение церковного нотного пения (обиходного и партесного – многоголосого, разделенного «на голоса» или «партии»), начала языка греческого, начала языка латинского, начала истории и географии, особенно же священной (изложение основных библейских событий) и церковной истории, пространный катехизис и устав церковный, обучение соседственных языков в тех местах, где он различен от российского» (т.е. языков проживающих в данных местностях нерусских народов). Уездные училища были предназначены уже только для детей духовенства и призваны были готовить учеников для поступления в духовные семинарии.

3) В семинариях устанавливался шестилетний срок обучения, который делился на три двухгодичных «класса» (или отделения) – низший (риторики), средний (философии) и высший (богословия). В программу семинарского образования входили расширенные курсы латинского, греческого и древнееврейского языков, факультативно новых – французского и немецкого; в состав общеобразовательных дисциплин входили: математика (включая алгебру и геометрию), география, российская и всеобщая история, теоретическая и опытная физика, история философских систем; комплекс богословских предметов составляли: Священное Писание, герменевтика (толкование канонических текстов), гомилетика (искусство проповеди), догматическое, нравственное и пастырское богословие, церковная история и церковная археология. В программу обучения в семинарии также входило написание «сочинений на русском, греческом и латинском языках» и «разбирательное (т.е. аналитическое) чтение классических авторов». В поволжских и сибирских семинариях, готовивших в основном миссионерские кадры, преподавание классических древних языков заменялось обучением языков народов Поволжья и Сибири; в семинариях западных епархий вводилось преподавание польского языка, а в семинариях юга России – языков народов Кавказа.

Выпускники духовных семинарий по степени своих успехов подразделялись на три разряда. Лучшим семинаристам присваивался первый разряд; они получали звание «студента» и могли продолжить свое образование в духовной академии или стать священниками второклассной церкви, а также преподавателями в епархиальных духовных училищах. Выпускник, определенный по своим успехам во второй разряд, мог

претендовать на места священника церкви третьего разряда, преподавателя приходской школы или поступить в Медико-Хирургическую академию. Тот, кому присваивался третий разряд, поступал на службу священником или дьяконом в церковь четвертого разряда. Однако выпускники второго и третьего разрядов могли пройти переэкзаменовку и повысить свой статус.

4) Обучение в духовных академиях проходило в течение 4 лет, с разделением на два «класса» – философского и богословского. Программа академического образования отличалась широким набором как богословских, так и общеобразовательных дисциплин. В комплекс богословских дисциплин входили: догматическое (каноническое) и церковное право, апологетика (учение «апологетов» – защитников христианства II-III вв.), патристика (или патрология – творения св. отцов Церкви IV-V вв.), библеистика (толкование Библии) и литургика (церковное богослужение), а в состав общеобразовательных – высшая математика (теоретическая и прикладная), углубленные курсы теоретической и прикладной физики, «метафизика» (учение о духовном мире), «философская история во всем ее пространстве», этика и эстетика, церковная история и церковная археология, древняя история, более основательное изучение латинского, греческого и древнееврейского языков, а из новых – французского и немецкого. Основная задача духовных академий заключалась в подготовке преподавателей духовных семинарий и настоятелей городских приходов, а также кадров для занятия административных церковных должностей и миссионеров. Особо отличившихся выпускников оставляли для преподавания в тех же академиях. В начале XIX в. некоторые из окончивших духовные академии стали и профессорами университетов.

Каждая духовная академия имела свой профиль. Преподавание в Петербургской академии во многом носило светский характер и приближалось к университетскому. Академия имела обширную библиотеку, в которой были почти все произведения западно-европейских просветителей XVIII – начала XIX вв.: Вольтера, Руссо, Дидро, Даламбера, Монтескье, немецких философов и английских экономистов. Солидная разработка богословия велась в Московской и Киевской академиях. Восстановленная в 1842 г. Казанская духовная академия готовила преимущественно кадры миссионеров и весьма компетентных в различных «расколоучениях» богословов-полемистов.

Духовные академии являлись крупными научными центрами, в которых разрабатывались проблемы богословия, истории церкви, церковной археологии и церковного права. По этим направлениям

готовились солидные научные труды, защищались и публиковались магистерские и докторские диссертации. Духовные академии сотрудничали с университетами.

Окончившие духовные академии составляли две категории («разряда»). Первые – те, «кои наилучшие оказали успехи»; часть их оставляли при академиях для преподавания и подготовки «к профессорскому званию», других выпускников этой категории направляли преподавать в духовные семинарии, либо ставили священниками в «первоклассные» городские приходы или же предоставляли им возможность «увольняться в гражданскую службу». Выпускники «второго разряда» могли поступить настоятелями «первоклассных» или «второклассных» городских приходов. Изъявившие желание пойти в гражданскую службу получали по окончании академии звание «студента», а пожелавшие занять духовную должность – «кандидата богословия». Устанавливались четыре ученые степени – студент, кандидат, магистр богословия и доктор богословия.

Вводился принцип выборности при замещении должностей ректоров академии и семинарии, при этом ректор академии должен был иметь степень доктора, а ректор семинарии – магистра богословия. Магистры и доктора богословия в священническом сане имели право носить особые наперсные кресты. Все духовные учебные заведения получили строго фиксированные штатные расписания и соответствующее материальное обеспечение.

В отличие от западно-европейских университетов в российских (за исключением Виленского) не было богословских факультетов (преподавался лишь курс богословия). Против включения в состав университетов богословских факультетов еще в XVIII в. выступили иерархи Русской Православной Церкви, доказывавшие, что подготовка образованного духовенства – прерогатива не светских, а духовных учебных заведений. В России роль богословских факультетов играли духовные академии, непосредственно подчиненные Св. Синоду. В связи с этим попытка в 1819 г. министра духовных дел и народного просвещения А.Н. Голицына ввести в Московском университете богословский факультет, натолкнувшись на сопротивление Синода, потерпела неудачу. Вместе с тем по Уставу 1804 г. в Московском университете (на нравственно-политическом отделении) в качестве общеобразовательных дисциплин преподавались нравственное богословие, церковное право и история Православной Церкви. Такое положение сохранялось и последующими университетскими уставами (1835, 1863 и 1884 гг.).

Следует отметить, что в первой половине XIX в. в российских университетах (особенно в Московском) свыше трети студентов, а также и профессорско-преподавательского состава, являлись выходцами из духовной среды, получив первоначальное образование в духовных семинариях.

Система управления духовными учебными заведениями строилась также по образцу светской. Образовывались четыре учебных округа, во главе которых были поставлены духовные академии. Для управления округом при академиях учреждались «конференции» из местных ученых и духовных лиц. Ближайшее попечение о духовных школах в епархиях возлагалось на епархиальных архиереев. Окончившие семинарию могли продолжить свое образование только в академии своего учебного округа, и преподавательский состав семинарий пополнялся преимущественно из выпускников этой академии.

Центральным органом управления всей системой духовных учебных заведений стала учрежденная 26 июня 1808 г. при Св. Синоде, но независимая от него, Комиссия духовных училищ. В нее вошли почти все члены временного Комитета об усовершенствовании духовных училищ (за исключением умершего Сергия Краснопевкова, которого заменил новый царский духовник П.В. Криницкий) и, кроме того, представители от профессуры духовных академий. Составленная из высокообразованных, компетентных и авторитетных лиц Комиссия являла собой своеобразное «ученое общество при Синоде», являлась как бы «особым министерством духовного просвещения». На нее была возложена задача составления уставов духовных академий и семинарий и проведение реформы в жизнь. Комиссия издавала постановления и инструкции по духовному учебному ведомству, разрабатывала учебные планы и программы. «Период существования Комиссии, – отмечает Ф.Н. Белявский, – был лучшим временем духовной школы»¹³². Тон в ее работе задавал М.М. Сперанский. Он придавал большое значение общеобразовательным дисциплинам в духовных учебных заведениях, чтобы тем самым по уровню знаний этих дисциплин приблизить их к светским. «Духовный пастырь, назначенный быть всем и вся, должен обладать широким развитием, – указывал он, – одна духовная выучка образует только ремесленника своего служения». Главным недостатком прежнего преподавания в духовных учебных заведениях считал он зубрежку и схоластику, требовал развивать у учащихся «самостоятельность в суждениях». «Лучший наставник не тот, кто блистательно говорит и сам изъясняет, но тот, кто заставляет учащихся размышлять и разъяснять. Посему все методы обучения должны быть

основаны на собственных упражнениях юношества; учитель должен помогать развитию ума». Эти принципы Сперанского нашли свое отражение в тексте указа 26 июня 1808 г.¹³³ Кроме классных занятий большое внимание в семинариях уделялось писанию сочинений. Сочинения читались на занятиях и подвергались строгой критике со стороны товарищей «сочинителя». Преподаватель должен добиваться того, чтобы «самые посредственные ученики» приобретали навык писать «грамотно и связно». Лучшие сочинения ставились для «публичного их чтения», для чего устраивались «учено-литературные вечера».

На старших курсах устраивались и «ученые диспуты». «Для этих диспутов устраивалась особая кафедра; на ней два места – для «возражающего» и «отвечающего». На боковых сторонах этой кафедры были помещены изображения из мифологии и древней истории: с одной стороны, великолепный храм Минервы с латинскими стихами; с другой – диогенова бочка с надписью о мудрости, почивающей на мягком ложе, а с третьей – горящий светильник как символ просвещенных наставников. Участвовавшие в диспутах облакались в особое платье – длинные белые хитоны с крыльями и выступали в венках и с ветвями в руках. Семинарские певчие и музыканты готовили к «увеселению публики разные канты и другие пьесы». Городская публика охотно посещала эти диспуты. Она мало понимала, о чем говорилось и читалось, но, как отмечали современники, «высокопарные рассуждения вызывали у ней благоговейный страх перед семинарской ученостью»¹³⁴.

М.М. Сперанский написал общее введение к уставам духовных училищ, с изложением общих начал духовного образования, и первую часть академического устава, но остальные части устава составил Феофилакт Русанов, ибо Сперанский в начале 1809 г. был отвлечен Александром I для разработки Плана государственного преобразования России. К 1812 г. уставы духовных учебных заведений практически были подготовлены, но утверждение их задержалось в связи с Отечественной войной 1812 г. Они были утверждены лишь 30 августа 1814 г.¹³⁵

На завершающем этапе работы Комиссии (проведение реформы в жизнь) решающую роль сыграл ректор Петербургской духовной академии Филарет (Дроздов), впоследствии митрополит Московский. Исследователь духовного образования в России И.А. Чистович писал о нем: «В 1814 г. во всех постановлениях и распоряжениях Комиссии духовных училищ Филарет принимал самое живое и деятельное участие. В это горячее время Филарет, можно сказать, нес на своих плечах все это дело и в одно и то же

время представлял обширнейшие и сложнейшие проекты, просматривал и дополнял уставы, подготовлял учебные заведения к преобразованию и наблюдал за преобразованиями их, организовывал порядок классных занятий в академиях и семинариях, составлял конспекты богословских наук для академий и семинарий, рассматривал программы академических и семинарских преподавателей, выбирал и рекомендовал учебники и держал в руках все нити учебных дел в России»¹³⁶.

Реформа 1808–1814 гг. сделала значительные улучшения по учебной части. Это проявилось в заметном подъеме духовного образования, в становлении отечественного богословия, патристики, церковной истории и церковного права. В это время были сделаны и первые шаги по пути «оживления веры»: создавались доступные «толкования», проповеди, катехизисы на русском языке»¹³⁷.

Реформа способствовала увеличению контингента преподавателей, в которых так нуждалась духовная школа, повышению их профессионального уровня. Преподавательский состав семинарий отныне формировался преимущественно из выпускников духовных академий, а уездных училищ – из выпускников семинарий. Духовная школа дала также немало образованных людей для возраставшего в первой половине XIX в. контингента чиновников светских административных учреждений: более трети чиновников составляли выходцы из духовной среды – воспитанники духовных семинарий. Поскольку реформа вводила новый порядок назначения и перевода священников в зависимости от ступени оконченого ими духовного учебного заведения и выданного аттестата, она изменила и отношение духовенства к своему профессиональному образованию. После реформы 1808–1814 гг. и принятых твердых требований для определения на духовные должности лиц со специальным духовным образованием духовенство убедилось, что чем солиднее получит оно такое образование, тем более благоприятными станут перспективы для духовной карьеры. Важным стимулом служили и льготы для окончивших семинарии, а тем более академии. Закон давал право занимать священнические места только окончившим полный курс семинарии. При этом на места определялись строго «по степеням, каждому разряду учеников присвоенным», то есть «лучшие по успехам» выпускники семинарий получали и более выгодные священнические места¹³⁸.

Известный церковный публицист и историк церкви Н.П. Гиляров-Платонов, сам вышедший из духовной среды, писал, что вследствие проведенной в начале XIX в. реформы духовной школы «ей сообщилась

магическая сила: как прежде упирались, так теперь стали напирать. Кончить курс, быть «кончалым» стало мечтой, управляющей всеми помышлениями подрастающего духовенства. Магическую силу приобрело не только звание «кончалого», но и разряд, в котором курс кончен; кончивший курс в первом разряде всю жизнь потом свысока смотрел на второразрядного, тем более на третьеразрядного. Через двадцать лет по выходе из школы он всё еще видел в себе существо как бы из другого теста, слепленное из пшеничного, а не ржаного»¹³⁹.

Конечно, решить все проблемы не удалось. В первую очередь это относилось к расширению сети духовных учебных заведений. К началу учебно-духовной реформы в России существовало 3 духовных академии – Московская, Киевская и Петербургская (Казанская временно была переведена на положение семинарии), 35 семинарий и 76 уездных училищ с 25 тыс. учащимися. К концу царствования Александра I насчитывалось 3 академии; вместо планируемых 56 семинарий действовали 39, из предполагавшихся 360 уездных духовных училищ открылось 128, а численность приходских школ вместо предусмотренных 1080 составила лишь 170.

В течение XIX – начала XX вв. численность духовных учебных заведений и обучавшихся в них не претерпела существенных изменений (см. Таблицу 6).

Усиление реакционного правительственного курса, главным образом в сфере просвещения и цензуры, в последнее пятилетие царствования Александра I почти не коснулось духовного образования. В руководстве духовной школой не нашлось своих магницких и руничей, громивших в то время университеты. В духовной школе продолжала сохраняться и относительная свобода преподавания, какая была предусмотрена реформой 1808–1814 гг. Однако предпринимались попытки «приняться» и за духовную школу. В этом направлении пытался действовать «первоприсутствующий» в Синоде митрополит Евгений (Глаголевский) – «человек без широкого ума и дарований», как отзывались о нем со современники. Назначенный в 1824 г. министром народного просвещения А.С. Шишков (после отставки А.Н. Голицына) также пытался изменить «заразительные правила» 1808–1814 гг., но встретил противодействие со стороны влиятельного московского митрополита Филарета.

Таблица 6

Численность духовных учебных заведений и обучавшихся в них в 1808–1914 гг. (за исключением церковно-приходских школ)

Студентов Учащихся

Годы	Академий	Семинарий	Уездн. училищ	Всего	Академий	Семинарий	Уездн. училищ	Ит
1808	3	36	76	115	303	20018	4619	24 94
1861	4	50	185	214	338	15065	27871	42
1881	4	53	183	240	803	14800	30024	45
1894	4	56	186	246	901	18749	30869	50
1908	4	57	185	246	873	19892	30765	52
1912	4	57	185	246	935	21850	28833	51 14
1914	4	57	185	246	995	22734		–

Источники: *Преображенский И.Г.* Отечественная церковь по статистическим данным с 1840/41 по 1890/91 гг. – СПб., 1901. С. 162, 168; *Обзор деятельности ведомства православного исповедания за время царствования императора Александра III.* – СПб., 1901. С. 559, 682–687; *Титлинов Б.В.* Духовная школа в России в XIX веке. – Вильна, 1908. С. 73–104; *Смолин И.К.* История Русской церкви. 1700–1917. Ч. 1. – М., 1966. С. 667.

3. Духовное образование при Николае I

При Николае I система духовного образования подверглась существенным изменениям. Они проводились в контексте с реакционной политикой в просвещении и печати – в направлении усиления над ними надзора и регламентации. 1 марта 1839 г. был опубликован «Устав Духовно-учебного управления Святейшего Синода». Вводилась новая система управления духовного образования. В «Уставе» указывалось: «Вникая в необходимость тесной связи между управлением Православной Церкви и воспитанием юношества, приготавливаемое в священное служение оной, мы признали за благо сосредоточить в Святейшем Синоде, как едином главном духовном правительстве империи Нашей, высшее заведование духовно-учебной частью, которой доселе было вверено особой Комиссии духовных училищ, а надзор за повсеместным исполнением по сей части законов вверить обер-прокурору Святейшего Синода». Тем самым упраздняясь независимая от Синода Комиссия духовных училищ. Вместо нее учреждался Училищный комитет Синода в качестве его подразделения, и вся система духовного образования отдавалась под полный надзор обер-прокурора Синода¹⁴⁰.

В 1840 г. была введена новая программа семинарского преподавания. Решено было «потеснить» общеобразовательные предметы и в первую очередь особенно ненавистную Николаю I философию. Устав потребовал, чтобы из программ духовных семинарий были исключены все «светские познания», а всё преподавание было бы «проницаемо духом церковным». Из изучаемых в семинарии текстов латинских писателей потребовали исключить «места, проникнутые духом языческого мира», а из античной поэзии изъять те произведения, «в которых преобладает страсть и чувствительность». Предписывалось от них «остерегать юные умы; пусть они пленяются словом Писания и с тем вместе пропитываются его духом». На греческом языке дозволялось читать только творения «отцов церкви», а при изучении новых языков «удерживаться от чтения светских сочинений, а также и от сочинений, написанных в духе иноверия». В преподавании гражданской истории предписывалось «избегать усиленного критицизма, неосмотрительного политического направления, порождающего в незрелых умах склонность к мечтанию судить о том, что не должно подчиняться их суждениям»¹⁴¹. В семинариях резко сокращался объем общеобразовательных дисциплин, упразднялась философия.

Весьма показательно свидетельство ректора Вятской духовной семинарии Никодима Казанцева о содержании своей беседы с обер-прокурором Н.А. Протасовым. «Помните, – говорил ему Протасов, – семинария – не академия. Из академий идут профессоры: им много знать нужно. Из семинарий поступают священники по селам. Им надобно знать *сельский быт и уметь быть полезным крестьянину даже в его делах житейских... На что такая огромная богословия сельскому священнику? К чему ему нужна философия, наука вольномыслия, вздор, эгоизма и фанфаронства?* На что им тригонометрия, дифференциалы, интегралы? Пусть лучше *затвердят* хорошенько катехизис, церковный устав, нотное пение и *довольно!* Высокие науки пусть останутся в академиях». При этом Протасов ссылаясь на мнение Николая I: «Ты знаешь, – говорил Протасов Никодиму, – когда я напомнил государю, что в духовных семинариях читают философию, государь с гневом и недоумением воскликнул: «Как? У духовных есть философия, эта нечестивая, безбожная, мятежная наука? Изгнать ее!»¹⁴².

Преподавание философии сохранялось в сильно сокращенном виде лишь в духовных академиях, а в семинариях этот предмет был заменен курсами логики и психологии. По изданной в 1840 г. программе семинарского преподавания в качестве наиболее важных предметов стали пастырское богословие и гомилетика. Вводились и новые предметы, необходимые, по мнению Николая I, для будущих пастырей церковных приходов: преподавание агрономии, медицины, дабы окончившие семинарию при выполнении своих священнических обязанностей могли оказывать элементарную медицинскую помощь на селе и давать сельским прихожанам полезные советы по агрономии. В 1843 г. в духовных семинариях были отобраны 58 «отличных по наукам и благонравию» учеников и направлены в Горыгорецкую агрономическую школу (в Белоруссии). Они должны были пройти там трехгодичный курс агрономии с тем, чтобы преподавать этот предмет в семинариях. В 1845 г. в семинариях, где введен был курс агрономии, этому предмету обучались 4821 человек, а через год уже 6864¹⁴³. В 1843 г. в семинариях были введены курсы педагогики, а для обладавших способностями к рисованию – иконописание¹⁴⁴.

В связи с тем, что численность оканчивавших духовные семинарии стала превышать наличие вакантных священнических мест в приходах, в 1842 г. Николай I разрешил принимать выпускников семинарий на государственную службу, отменив существовавшие ограничения. А в 1850

г. по тем же мотивам распоряжением Св. Синода было отменено обязательное обучение сыновей духовенства в духовных школах. В 1851 г. последовало распоряжение Синода об ограничении контингента обучающихся в семинариях.

Быт семинаристов оставался традиционно таковым же, как и в конце XVIII – начале XIX вв. Неимущие (казеннокоштные) семинаристы размещались в казенных общежитиях (бурсах). Распорядок дня в семинарии был таков. Семинаристов поднимали в 6 час. утра, в 7 час. молитва и затем завтрак, до 9 час. подготовка к урокам, с 9 до 12 час. уроки, с часу до двух пополудни – обед, после обеда отдых или прогулка, с 6 до 8 час. вечера «домашние упражнения», в 9 час. ужин и в 10 час. отход ко сну.

В воскресные и праздничные дни все семинаристы непременно должны быть в церкви на богослужении. В свободное время семинаристы могли заниматься чтением книг, но лишь разрешенных начальством, которое строго следило за тем, что читают семинаристы. Рекомендовалось на досуге заниматься пением, но лишь духовного содержания. Отлучаться из общежития в свободное время можно было только с разрешения начальства, к которому каждый увольнявшийся непременно должен был являться. На время каникул – рождественских (с 24 декабря по 7 января), пасхальных (страстная неделя перед Пасхой и светлая после нее) и летних (с 15 июля до 1 сентября) своекоштных семинаристов отпускали к родителям.

Надзор за соблюдением семинаристами предписанных правил возлагался на инспектора семинарии, в помощь которому назначались «благонамеренные» семинаристы из старших классов. Инспектор надзирал и за поведением своекоштных семинаристов, живущих на частных квартирах: регулярно посещал их, следил, не читают ли они запрещенные книги и не заняты ли «недозволенными развлечениями».

В 30-х годах XIX в. стали создаваться специальные школы для обучения дочерей духовенства. Первая такая школа была открыта в 1832 г. в Москве.

В 1843 г. в Царском селе под покровительством великой княжны Ольги Николаевны открылось трехклассное училище для дочерей духовенства. В нем преподавались Закон Божий, церковное пение, русская грамматика, российская и краткая всеобщая история, география, арифметика, каллиграфия, рисование узоров для шитья и «разные рукоделия».

К концу царствования Николая I были открыты 22 женские

трехгодичные духовные училища. Кроме духовных и общеобразовательных предметов для обучения девочек домашнему хозяйству в каждом училище положено было иметь огород, сад, скотный двор, птичник. Введено было также обучение воспитанию детей, ухода за больными, ознакомлению со свойствами лекарственных растений¹⁴⁵.

4. Преобразования в системе духовного образования при Александре II

В начале царствования Александра II, в связи с подготовкой ряда реформ в социальной, административной, судебной и образовательной сферах, был поставлен вопрос и о проведении реформы системы духовного образования. Подготовка и проведение реформ проходили в обстановке общественно-политического подъема в стране. В прессе того времени, духовной и светской, оживленно обсуждались насущные проблемы всех сторон жизни России, в том числе и проблемы положения Русской Православной Церкви, проведения назревших реформ и не в последнюю очередь реформы духовного образования.

Среди многочисленной литературы начала 60-х годов о положении духовенства и состоянии духовной школы особенно горячий отклик получило вышедшее в 1862 г. автобиографическое произведение «Очерки бурсь» Н.Г. Помяловского, бывшего воспитанника духовной школы. В нем писатель с беспощадной прямоотой раскрыл бездушную и жестокую атмосферу системы образования и воспитания в духовных училищах.

Первые шаги к подготовке учебно-духовной реформы были предприняты уже в конце 50-х годов. В 1858 г. с целью ознакомления с состоянием духовных учебных заведений на местах Александр II посетил Ярославскую, Вологодскую, Нижегородскую и Литовскую православные духовные семинарии. Одновременно были затребованы мнения ректоров духовных академий и семинарий о необходимых преобразованиях в системе духовных учебных заведений. В 1859 г. на основе присланных ими сведений был составлен Общий Свод, для рассмотрения которого и подготовки проекта реформы по повелению императора был учрежден специальный Комитет при Синоде.

Подготовка проекта проходила сложную бюрократическую процедуру. Проект разрабатывался в Комитете более трех лет. В 1863 г. подготовленный проект был разослан по епархиям для его обсуждения. Изучение и обсуждение проекта на местах заняло еще три года. Для выработки окончательного варианта проекта 19 марта 1866 г. был учрежден под председательством киевского митрополита Арсения (Москвина) новый Комитет при Синоде в составе ректоров духовных академий и университетов, а также четырех протоиереев. Для подготовки окончательного проекта Комитету потребовалось еще более года. Наконец

14 мая 1867 г. представленный императору проект Устава о духовных училищах был утвержден и получил силу закона¹⁴⁶.

Согласно Уставу отныне в духовные учебные заведения было разрешено принимать детей всех сословий, в том числе и податных. Духовные семинарии получали определенную автономию в решении своих внутренних дел. Существенно расширилось преподавание общеобразовательных дисциплин. Упразднено было деление на главные и второстепенные предметы. Преподавание стало более близким к жизни. Программа обучения в семинарии приближалась к гимназической; тем самым выпускникам семинарий облегчалось поступление в университеты. Устав запрещал применять к семинаристам практиковавшиеся ранее телесные наказания, а также и такие, как «стояние на ногах в классе, совершение земных поклонов, стояние на коленях во время совершения утренней и вечерней молитв, обеда и ужина, оставление после уроков», назначение в виде наказания «физических работ». Но оставлены в качестве мер наказания «голодный стол» (хлеб и вода на несколько дней) и «карцер».

При 6-летнем сроке обучения в семинарии первые два года семинаристы находились «на казенном содержании», а последующие четыре казенное содержание предусматривалось лишь для тех, кто дал обязательство по окончании семинарии избрать стезю священнического служения. «Достойным» семинаристам (хорошо успевающим и «примерного поведения») выплачивалась стипендия в размере 90 руб. в год. Предоставление окончившим семинарии права поступать в университеты привело к тому, что «семинаристы устремились в университеты», число поступающих в духовные академии снизилось. Уменьшение желающих по окончании семинарии идти в священники явилось «тревожным симптомом». «Само духовенство все чаще пользовалось правом обучать своих сыновей в гимназиях, чтобы обеспечить им светскую карьеру и избавить от стесненного положения приходского священника или учителя семинарии и духовного училища»¹⁴⁷. В связи с этим в 1871 г. вновь был введен запрет окончившим семинарии поступать в университеты.

14 мая 1867 г. Александр II утвердил представленное обер-прокурором Св. Синода Л.Д. Толстым «Положение об Учебном комитете при Святейшем Синоде». Прежнее Духовно-учебное управление как излишне «громоздкое» упразднялось на том основании, что по новому уставу духовных семинарий и училищ значительная часть функций по

управлению ими отходила на места. Штат образованного при Синоде Учебного комитета сокращался до 10 человек, включая его председателя (духовного лица), существенно суживалась и его компетенция, ограниченная решением дел общего характера¹⁴⁸.

В 1867 г. началась подготовка нового устава духовных академий. Синод обратился к духовным академиям с предписанием прислать предложения на этот счет. Они прислали свои докладные записки, которые были переданы на изучение особой комиссии, готовившей устав. Важную роль в разработке устава играл член этой Комиссии известный ученый-богослов, литовский архиепископ (впоследствии митрополит) [Макарий \(Булгаков\)](#), который отстаивал необходимость предоставления духовной школе «свободного и правильного развития» в соответствии с требованиями времени. 30 мая 1869 г. Устав был утвержден императором¹⁴⁹.

Особенное внимание обращалось на развитие богословских наук. Отныне в духовную академию могли поступить лица всех сословий, обязательно православного исповедания, с представлением свидетельства (аттестата) об окончании духовной семинарии или классической гимназии. Особое внимание Устав обращал на развитие «высшего образования для просвещенного служения Церкви», что способствовало повышению уровня в академиях богословской науки. Была существенно расширена программа преподавания. Введена была специализация по трем отделениям (или факультетам): богословскому, церковно-историческому и церковно-практическому, при этом во втором и третьем отделениях «небогословские науки» получили преобладание над «богословскими». Все предметы были разделены на общеобразовательные («общеобязательные») и специальные («отделенские»). К первым относились: 1) Священное Писание; 2) введение в богословие; философия (сюда же входили логика, психология и метафизика); 4) история философии; 5) педагогика; 6) один из древних языков (по выбору студента) и литература на нем; 7) один из современных европейских языков (французский, немецкий или английский). Они преподавались на всех трех отделениях. На богословском отделении изучались: 1) догматика и история догматов, 2) нравственное богословие, 3) сравнительное богословие, патристика, 5) древнееврейский язык, 6) библейская история. На церковно-историческом отделении специальными предметами были: 1) библейская история Ветхого и Нового Заветов, 2) всеобщая церковная история, 3) история Русской Церкви, 4) история и обличение русского

раскола, 5) всеобщая светская история, 6) русская история. На церковно-практическом отделении преподавались следующие специальные дисциплины: 1) пастырское богословие, 2) гомилетика, 3) история проповеди в Православной Церкви и на Западе, 4) церковная археология, 5) литургика, 6) церковное право, 7) теоретическое литературоведение – история русской литературы с обзором важнейших произведений зарубежной литературы, 8) русский и другие славянские языки. Устав разрешал вводить и дополнительные предметы.

Все обучение в академиях было рассчитано на 4 года. В течение трех лет студенты проходили полный курс как общеобразовательных, так и специальных дисциплин. По успешном окончании третьего курса студент представлял «квалификационную работу», на основании которой ему присваивалась степень кандидата богословия. На четвертый курс академии допускались лишь получившие все отличные оценки на заключительном экзамене третьего курса. На четвертом курсе студенты под руководством профессоров готовились к преподавательской деятельности в семинариях. При этом студенту предоставлялось право выбора предмета, по которому он специализировался и впоследствии преподавал его в семинарии. Одновременно на четвертом курсе студент сдавал магистерские экзамены и готовил магистерскую диссертацию, после публичной защиты которой получал ученую степень магистра богословия. Ученая степень доктора богословия присуждалась после защиты докторской диссертации и при условии, что соискатель ее уже имел ученую степень магистра богословия.

По уставу 1869 г. духовные академии получали новые штаты преподавателей, а их жалованье приравнивалось к университетскому (согласно университетскому уставу 1863 г.). В каждой академии предусматривалось наличие 9 ординарных и 9 экстраординарных профессоров, 8 доцентов и 3 преподавателей современных иностранных языков. Академия могла иметь и приват-доцентов (число их не устанавливалось) на положении внештатных преподавателей. Для получения должности экстраординарного профессора достаточно было диплома магистра богословия, а ординарного – доктора богословия.

Новый Устав предоставлял академиям значительную самостоятельность – право выбора ректора, профессуры (тайным голосованием). Вопросы управления академией, обучения и воспитания студентов находились в ведении Академического совета, хозяйственная часть – в ведении Правления академии. По новому уставу ректором мог быть и представитель белого духовенства, хотя предпочтение отдавалось лицу в монашеском звании. Богословские предметы преподавали только

духовные лица, а общеобразовательные могли преподавать и светские профессора, что способствовало появлению в духовных академиях светской профессуры. Ректора, его помощников (ассистентов), инспектора и профессоров после их избрания утверждал в должности Синод.

Академии получали право устраивать публичные чтения своих профессоров, основывать ученые общества, публиковать научные труды и источники, при этом они не подвергались, как ранее, цензуре. Хотя уставы 1867–1869 гг. предоставляли право поступать в духовные учебные заведения лицам из всех сословий, однако представители не из духовной среды составляли среди учащихся всего 8%.

Согласно уставам духовных училищ и семинарий (1867 г.) и университетскому (1869 г.) окружные академические управления, введенные в 1808 г., упразднялись, и университеты лишались функций быть во главе учебных духовных округов. Семинарии и духовные училища отныне возглавлялись правлениями, состоявшими из представителей преподавательского состава этих семинарий и епархиального духовенства. Из ведения духовных академий изымалась духовная цензура.

В 1868 г. был издан Устав епархиальных женских училищ, расширявший программу преподавания в них и устанавливавший шестилетний срок обучения. Содержание этих училищ возлагалось на епархии. В эти школы за особую плату могли поступать и девушки из недуховных семей. Выпускницы таких школ обычно поступали учительницами в земские и церковно-приходские школы.

5. Духовная школа в конце XIX – начале XX вв.

Контрреформы в царствование Александра III затронули и духовную школу. В начале 80-х годов были изданы новые уставы учебных заведений (в «исправление» уставов 1867–1869 гг.), преследовавшие цель ликвидации автономии духовных академий и семинарий, усиления надзора за студентами академий и семинаристами. Для этого имелись и свои резоны. Новые веяния 60–70-х годов не обошли и духовные учебные заведения. Власти с тревогой отмечали участие в народническом движении студентов духовных академий и семинаристов старших курсов. Беспokoили и факты «нигилизма», и даже «атеизма», замеченные среди учащихся духовных школ. У студентов академий и семинаристов находили «крамольную» литературу социалистического и атеистического содержания. Еще в начале 60-х годов министр народного просвещения А.В. Головнин в одной из «всепопданнейших записок» царю писал: «Духовные школы дали нам известных нигилистов, которые старались распространять самые безобразные, крайние учения»¹⁵⁰. Это отмечал несколько позднее и московский митрополит [Иннокентий \(Вениаминов\)](#). В своем трактате «Несколько мыслей касательно воспитания духовного юношества» он с тревогой писал: «Дети поступают в [духовные] училища благонравными, а из училища выходят с испорченною нравственностью и совсем не с молитвенным духом... В духовных академиях у нас появились уже вольнодумцы и даже безбожники..., и этот злой дух проявляется уже и в семинаристах»¹⁵¹. Проведенные в конце 70-х годов ревизии семинарий обнаружили «снижение церковности учащихся и падение дисциплины». Это явилось одной из серьезнейших причин принятия уже в начале царствования Александра III ряда мер по устранению этих явлений в духовной школе.

В 1881 г. при Синоде была образована комиссия во главе с епископом [Сергием \(Ляпидевским\)](#) для пересмотра уставов духовных учебных заведений 1867–1869 гг. К концу 1883 г. она представила на обсуждение Синода подготовленные ею проекты уставов духовных учебных заведений. После дополнений и исправлений проекты были представлены императору. 20 апреля 1884 г. был утвержден «Устав православных духовных академий»¹⁵². Этот Устав (его называли «антиуставом») ставил целью не столько научное образование будущего духовенства и учителей Русской Церкви, сколько подготовку политически и конфессионально

благонадежного церковно-административного персонала, который должен был к тому же поставлять преподавателей для духовных учебных заведений низшего звена. Устав отменял выборность ректоров и инспекторов, которые снова стали назначаться Синодом. Сокращена компетенция советов духовных академий, из ведения которых был исключен ряд административных, учебных и хозяйственных вопросов. Упразднены отделения (факультеты). Усиливалась зависимость академий от Синода и тех епархиальных архиереев, в епархиях которых находились академии. С 1884 г. ректорами академий Синод стал назначать только «ученых монахов» (лиц монашеского звания, имевших ученые степени). Отныне кандидатуры на преподавательские должности не выбирались, а представлялись епархиальным архиереем и утверждались Синодом. Все богословские и философские предметы были сделаны обязательными для всех студентов. Остальные предметы были разделены на две группы: словесные (теория словесности и всеобщая история, русский и церковнославянский языки, палеография, история русской литературы, древнееврейский язык и библейская археология) и исторические (история, разбор западноевропейских исповеданий, история и обличения русского раскола, всеобщая и российская гражданская история). Устанавливались три специальности ученых степеней магистра и доктора: 1) богословия, 2) церковной истории и 3) канонического права.

С введением в действие академического устава 1884 г., как отмечал известный богослов-академик [Н.Н. Глубоковский](#), бывший студентом Московской духовной академии в 1884–1889 гг., наступила эпоха «академической поднадзорности, приведшая к бесправной безответственности при господстве и обилии всяких стеснений»¹⁵³. По уставу 1884 г. епархиальный архиерей получил право «начальственного» наблюдения за направлением преподавания и воспитания в академии. Полномочия преподавательских органов управления – Совета и Правления – были сужены, отменена баллотировка (выборность) при занятии профессорской кафедры, первые административные должности были предоставлены монахам, независимо от их образовательного и даже морального уровня, усилен контроль со стороны ректора академии.

К общеобразовательным предметам были отнесены Введение в курс богословских наук, Священное Писание Ветхого Завета, Священное Писание Нового Завета, библейская история, догматическое богословие, нравственное богословие, пастырское богословие, гомилетика и история проповедничества, педагогика, церковное право, патристика, история церкви, церковная археология и литургия, история философии, логика,

психология, метафизика и, кроме того, по шесть предметов первого (словесного) или второго (исторического) специальных отделений, предоставляемых изучению со 2-го курса на выбор учащихся, а также и из древних (греческий или латинский) и один из новых (английский, немецкий, французский) языки. В ряде академий вводились и свои предметы сверх указанных (апологетика в Московской, восточные языки и этнография народов Поволжья в Казанской). Такая многопредметность признавалась главной причиной снижения уровня богословского образования. Высказывались мнения: «Лучше изучить немного, но основательно, чем много и поверхностно».

В учебном плане была отменена специализация по интересующим вопросам, и большинство дисциплин сделаны «общеобразовательными», что сказалось на снижении их научного уровня и основательности знаний студентов. Усилен контроль инспектора и двух его помощников над студентами. Речь шла об усилении церковного контроля за высшими духовно-учебными заведениями, строгой регламентации их научной, учебной и воспитательной жизни, стремление оградить их от «вредного» светского влияния и направить на узко утилитарные церковные нужды. В результате, из 200 выпускников, ежегодно оканчивавших академии, лишь немногие постригались в монашество или рукополагались в священство. Неохотно они шли и на духовно-педагогическое поприще. Несмотря на то, что обучавшиеся четыре года в академии обязаны были шесть лет прослужить в духовном ведомстве, массовое бегство выпускников академий с каждым годом усиливалось¹⁵⁴. Вместе с тем духовная академия рассматривалась ее воспитанниками как средство «воспользоваться возможностью при казенном содержании выйти в господу, перейти из среды сельского духовенства в более привилегированную – чиновников духовного и светского ведомств» – писал один из ревизоров в 1908 г.¹⁵⁵

В 1889 г. изданы «Правила для рассмотрения сочинений, представленных на соискание богословских степеней». Они резко стеснили свободу исследований по богословию. «Правила» требовали, чтобы «сочинения заключали в себе такую полноту и определенность изложения, <...> при которой не оставалось бы сомнения в истинности православного учения, а также точность выражений, которые устраняли бы всякий повод к ложным вопросам». Категорически не допускались к защите «такие труды, в которых отрицается хотя бы с видимостью научных оснований, достоверность таких событий, к которым церковное предание

и народное верование привыкли относиться как к достоверным». Отменялись публичные диспуты при защите магистерских и докторских диссертаций; ученые степени присваивались на основании отзывов рецензентов. Снижился уровень самих диссертаций, которые превратились в упрощенные компиляции, не дававшие ничего нового и оригинального. Цензурные стеснения привели к тому, что ученые силы в духовных академиях стали сосредотачиваться на вопросах археологических, исторических, филологических, ибо неосторожное выражение или сомнительная мысль могли лишить автора искомой ученой степени¹⁵⁶.

Ужесточилась духовная цензура, что привело к снижению теоретического уровня богословских исследований. Существенно сужалась компетенция академических советов духовных академий и усиливалась их зависимость от епархиальных архиереев.

22 августа 1884 г. был утвержден и новый «Устав духовных семинарий»¹⁵⁷. Он также отменял введенную в 1867 г. выборность ректора и инспектора семинарий; в учебную программу вводились новые богословские предметы: библейская история, история русского раскола, сравнительное богословие, апологетика. На философском курсе обзор философских учений был заменен краткой философией и дидактикой. За счет сокращения философии и математики увеличивался курс по русской литературе, расширено преподавание церковного пения. Расширилось преподавание латинского и древнегреческого языков. Изучение новых европейских языков стало факультативным. «Для улучшения религиозно-нравственного воспитания» в семинариях вводилась должность «духовника семинарии». Введена была плата за обучение в семинарии для лиц не из духовного сословия. Введен строгий контроль за библиотеками семинарий. Из них изымались выходившие ранее журналы либерального направления, книги Н.Г. Помяловского, И.М. Сеченова, М.Е. Салтыкова-Щедрина, Н.А. Добролюбова, Н.А. Некрасова, Д.И. Писарева, Виктора Гюго. За чтение этих книг семинаристов сажали в карцер. В уездных духовных училищах усилено было преподавание русского и церковно-славянского языков, а также церковного пения.

Однако предпринимавшиеся для «оздоровления» духовных учебных заведений меры, как показало начало XX столетия, не принесли ожидаемых результатов. Революционные события 1905–1907 гг. затронули семинарии и духовные академии. В их стенах создавались политические организации и кружки. Осенью 1905 г. десятки семинарий и все четыре академии были охвачены забастовками. Дело доходило до покушений на

ректоров и инспекторов академий и семинарий. «Везде разливался яд протестантского реформаторства и политического либерализма»¹⁵⁸. Студенты требовали предоставления им совещательного голоса в академии, освобождения от инспекторского надзора, свободы студенческих сходок и собраний, расширения курса светских дисциплин в академической программе, свободной специализации, расширения приема в академии представителей других сословий. Преподаватели также требовали автономии и демократизации академического строя, восстановления выборности ректорской должности, расширения состава Совета и Правления университета.

Правительство пошло на некоторые уступки. Временные правила 1906 г. для духовных академий, принятые под влиянием волнений, начальственное наблюдение архиерея было заменено его попечительством. Для занятия должности ректора допускалось и светское лицо, расширялся академический совет за счет включения в него и представителей младших преподавателей. Совету предоставлялось право окончательного присуждения ученых степеней и самостоятельного решения учебных вопросов.

После поражения революции 1905–1907 гг. власти снова приняли ряд мер по «укреплению» духовной школы. В 1908–1909 гг. Св. Синод провел ревизии духовных учебных заведений. Ревизоры обнаружили в них много «Светского духа и церковного либерализма, упадок дисциплины». Синод поручил Ученому комитету переработать уставы и пересмотреть штаты академий, семинарий и духовных училищ. Особое значение в новых уставах придавалось усилению религиозного и нравственного воспитания.

2 мая 1910 г. был издан новый «Устав духовных академий». В 1912 г. в него были внесены некоторые дополнения. Устав 1910/1912 гг., предусматривал увеличение кафедр в академиях и соответственно расширение штата преподавателей. Были открыты кафедры истории византийской и славянских церквей, введены практические занятия со студентами. Но особое внимание уделялось «религиозному и нравственному воспитанию студентов и укреплению дисциплины». Посещение богослужений стало обязательным и для преподавателей, и для студентов. Ректору университета присваивался епископский сан, а инспектору – сан архимандрита. От преподавателей требовалось читать лекции «в строго православном духе». Отменена была возвращенная в 1906 г. академическая автономия. Повышалась роль инспекторов и их помощников, отвечавших за религиозно-нравственное воспитание и за дисциплинарный надзор за студентами и семинаристами.

В то время из-за нежелания выпускников академий и семинарий избрать себе духовную стезю возникла острая нехватка священников в епархиях. Св. Синод принял решение организовать в Москве, Житомире и Оренбурге специальные пастырские курсы для дьяконов и лиц с незаконченным семинарским образованием; окончившие эти курсы сразу рукополагались в священники¹⁵⁹.

В 1914 г. в Государственную думу был внесен проект об учреждении в Томске пятой православной духовной академии. Дума одобрила проект, но начавшаяся мировая война помешала его осуществлению.

После Февральской революции 1917 г. Комиссия из представителей духовных академий выработала проект нового устава духовных учебных заведений и представила его на рассмотрение Поместного Собора Русской Православной Церкви 1917–1918 гг. Предусматривалось восстановление принципа выборности, открытый характер преподавания, более детальной специализации, а также допущения в духовные академии женщин на положении «вольнотрушальниц».

С установлением советской власти и во исполнение декрета 23 января 1918 г. «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» духовные учебные заведения были закрыты. Однако в начале 20-х годов предпринимались попытки возродить высшую духовную школу. В 1920 г. в Петрограде был открыт Богословский институт, просуществовавший до мая 1923 г., а спустя два года – Высшие богословские курсы, закрытые властями через три года.

Несмотря на неблагоприятные явления в жизни православной духовной школы, обусловленные изменениями в политическом курсе российского самодержавия, заслуги ее в развитии культуры и вообще в духовной жизни страны были несомненны.

Наиболее значительными успехи были в высшем духовном образовании, представленном духовными академиями. За исследуемое столетие численность студентов достигла свыше 900 человек (т.е. утроилась). Академии превратились в крупные центры подготовки педагогических кадров для системы духовного просвещения и развития русского богословия. Они являлись важными (и фактически единственными) центрами разработки богословских наук в России, публиковали фундаментальные исследования, имели свои периодические издания.

Ведущее место в этом плане занимала Московская духовная академия, особенно в разработке патрологии, русской церковной истории в области догматического богословия, канонического права, истории

духовной литературы, апологетики, религиозной философии. Академия издавала свой журнал «Богословский вестник».

В Петербургской духовной академии проводились фундаментальные исследования в области догматического богословия, канонического права, истории первых веков христианской церкви, византинологии. С 1821 г. академия издавала богословский журнал «Христианское чтение», в котором публиковались переводы творений отцов церкви, церковно-исторические и богословские сочинения, труды византийских историков, а также античных философов.

В Киевской академии успешно разрабатывались проблемы литургики, гомилетики, сравнительного богословия, истории западных церквей.

Особенностью Казанской духовной академии было ее Миссионерское отделение, на котором преподавались восточные языки, этнография, история ислама, буддизма, миссионерское дело. Много внимания уделялось изучению старообрядчества. Выпускники академии просвещали народы Поволжья и Сибири, а также вели миссионерскую деятельность за пределами России – в Северной Америке, Корее, Японии, Китае. В издаваемом академией журнале «Православный собеседник» печатались материалы деяний вселенских и поместных соборов, памятники древнерусской литературы (например, «Стоглав», произведения [Иосифа Волоцкого](#), [Максима Грека](#)). Профессора академии переводили на восточные языки книги Ветхого и Нового Завета, Православный катехизис, богослужебные руководства для русских миссионеров, направляемых в восточные страны.

В системе высшего духовного образования трудились выдающиеся ученые-богословы и историки церкви. Среди них особенно выделялись: ректор Московской духовной академии, богослов и историк церкви протоиерей А.В. Горский, чьи блестящие лекции были так же популярны, как и лекции по русской истории В.О. Ключевского; профессор Петербургской духовной академии [В.В. Болотов](#), которого называли «гордостью русской науки»; профессор Казанской духовной академии П.В. Знаменский – автор многих учебников и глубоких исследований по истории Русской Церкви; профессор той же академии – крупный ученый в области церковного права [И.С. Бердников](#).

Некоторые университетские профессора преподавали и в духовных академиях: так, профессор Казанского университета А.П. Шапов одновременно был и профессором Казанской духовной академии, В.О. Ключевский свой курс русской истории читал и в Московской духовной академии.

Духовная школа занимала солидное место в общей системе образования в России. Только за 1837–1891 гг. православные духовные учебные заведения окончили 2 млн. 878 тыс. человек, в том числе 28,6тыс. – духовные академии, 850,5тыс. – семинарии и до 2 млн. – епархиальные училища¹⁶⁰. Система духовного образования подготовила не только большой контингент церковных пастырей и видных церковных деятелей, но и трудившихся на «светском поприще» – в политике, науке, литературе и искусстве. Воспитанниками духовной школы были такие знаменитые люди, как выдающийся государственный деятель М.М.Сперанский, известные историки А.П. Шапов и В.О. Ключевский, общественные деятели и публицисты-демократы Н.Г. Чернышевский и Н.А. Добролюбов, писатели Н.Г. Помяловский, Г.И. Успенский, Н.Н. Златовратский, Д.Н. Мамин-Сибиряк, художники братья А.М. и В.М. Васнецовы.

6. Церковно-приходская школа

Как указывалось выше в этой главе, реформа 1808–1814 гг. в качестве первой ступени духовного образования предусматривала церковно-приходскую школу. Она предназначалась для начального обучения детей и других сословий, в первую очередь податных.

В первой половине XIX в. церковно-приходская школа не получила широкого развития. По данным И.Преображенского, в 1841 г. числилось 2700 церковно-приходских школ с 25 тыс. учеников. Существенный рост церковно-приходских школ начался в 50-х годах XIX в.: в 1851 г. насчитывалось уже 44713 школ с 93350 учениками, а в 1860 г. – соответственно 7 907 и 133 666¹⁶¹. Этому несомненно способствовала обстановка общественно-политического подъема в связи с подготовкой отмены крепостного права и разработкой других реформ. Само правительство было заинтересовано в дальнейшем распространении церковно-приходских школ. Александр II, ознакомившись 4 июня 1861 г. с представленными обер-прокурором Синода А.П. Толстым сведениями, выразил свое удовлетворение и распорядился «об успехах по лому делу» доносить ему «ежемесячно». 26 июня 1861 г. последовал указ Синода епархиям об этом, Указ довели до сведения всех приходских священников под расписку, и он принял обязывающий характер «С этого момента открытие церковно-приходских школ приняло лавинообразный характер», – отмечает историк С.В. Римский. Уже в 1861 г. число церковно-приходских школ возросло до 18587, а число учеников в них до 320350¹⁶².

18 января 1862 г. Александр II утвердил решение Совета Министров, которым Церкви разрешалось и впредь учреждать церковно-приходские школы. Одновременно и Министерству народного просвещения предписывалось на всей территории страны открывать свои начальные школы, при этом оба ведомства обязывались оказывать друг другу помощь «по мере возможности». Однако Министерство народного просвещения не склонно было отдавать начальное обучение в руки «поповства», которое «может и способно лишь растлевать и губить»¹⁶³. На этой почве возникли серьезные трения между Министерством народного просвещения и духовным ведомством, представители которого считали, что начальное обучение вообще должно принадлежать духовенству, о чем определенно писал Н.П. Гиляров-Платонов в записке «О первоначальном обучении народа», поданной Александру II.

Земская реформа 1864 г. предоставляла земствам заводить свои начальные школы. Таким образом, с 60-х годов в стране официально действовали три типа начальной школы – церковноприходская, министерская и земская. В пореформенный период самостоятельно возникли и крестьянские «школы грамотности». Они создавались по инициативе крестьян и за свой счет. Распространение таких школ было вызвано, с одной стороны, возросшим стремлением крестьян к образованию, которое всё более осознавалось ими как практическая необходимость, а с другой – недостатком существовавших начальных школ (церковно-приходских, министерских и земских). К тому же эта форма обучения была «дешевле» и более доступна «мужицкому карману»: учеба проходила в крестьянской избе, а непритязательные «учителя» из «захожих грамотеев» (отставных солдат, женщин-"черничек», монахов, «изгнанных из обителей за мирские искушения», а также и самих крестьян, выучившихся грамоте на стороне) довольствовались обычно медными грошами, «теплой печкой и куском хлеба». Разумеется, «качество» такого обучения оставляло желать лучшего, но крестьяне были довольны тем, что такая школа учила сельских детей читать и писать. Численность этих школ быстро росла в 80-х – начале 90-х годов: по официальным данным, в 1884 г. их было зарегистрировано 840, в 1888 г. – 9215, а в 1892 г. – уже 15 143 с 365464 учащимися¹⁶⁴.

Между тем церковно-приходская школа, начиная с 1864 г., стала стремительно сокращаться, о чем свидетельствуют следующие данные, приведенные С.В. Римским (см. Таблицу 7).

Таблица 7

Церковно-приходская школа в 1863–1881 гг.

Годы	Школ	Мальчиков	Девочек	Всего учащихся
1863	21770	344320	61323	405643
1864	22305	363865	63300	427 165
1865	20533	343500	57845	401345
1866	19436	328349	54830	383180
1867	17189	336215	54891	391106
1870	14400	284735	47610	332345
1871	10381	220127	33286	253413
1880	4488	93500	16240	119740
1881	4440	89250	17135	106385

Источник: Римский С.В. Российская Церковь в эпоху великих реформ. (Церковные реформы в России 1860–1870-х гг.). – М., 1999. С. 444.

Как указывает С.В. Римский, «в процесс сокращения церковно-приходской школы свою лепту внес Д. Толстой», когда с 1874 г. церковно-приходские школы стали интенсивно замещаться начальными народными училищами Министерства народного просвещения, в которых духовенству отводилась всего лишь роль учителей.

Положение коренным образом изменилось в обер-прокурорство К.П. Победоносцева. В начале 80-х годов по его инициативе церковно-приходские школы получили как бы «второе дыхание» и впоследствии – вплоть до 1917 г. они являлись одной из важных форм начального обучения.

В изданных по его инициативе 13 июня 1884 г. «Правилах о церковно-приходских школах» говорилось, что «школы сии имеют целью утверждать в народе православное учение веры и нравственности христианской и сообщить первоначальные полезные знания»¹⁶⁵. Сам Победоносцев более откровенно говорил об истинном предназначении церковно-приходских школ: «Церковноприходские школы по самым условиям существующего в них обучения и надзора представляют собой гораздо более гарантий для правильного и благонадежного в церковном и народном духе образования и потому заслуживают со стороны правительства поддержки и поощрения».

Победоносцев придавал церковно-приходским школам решающее значение в деле воспитания народных масс в духе преданности Православной Церкви и престолу. Он надеялся, что эти школы, субсидируемые правительством, дающие народу необходимую грамотность, будут поддержаны и духовенством, и народом.

Следует отметить, что учреждение этих школ было встречено неоднозначно. В печати развернулась бурная полемика по поводу целесообразности ее расширения. Против церковно-приходских школ высказалась не только демократическая, но и либеральная печать, указывая на неподготовленность к учительской деятельности в этих школах большей части духовенства, на опасность перенесения в эти школы традиционных для духовных школ «долбни» и начетничества, на то, что церковно-приходская школа и светская (министерская и земская), как построенные «на противоположных началах», вместе существовать не могут.

После издания «Правил о церковно-приходских школах» Синод разослал епархиальным архиереям циркуляр о всемерном поддержании и «попечении» церковно-приходского образования. При Синоде был учрежден специальный Училищный совет для заведования этими

школами.

Вновь воссоздаваемые церковно-приходские школы были двух типов – «одноклассные» (с двухлетним образованием) и «двухклассными» (с четырехлетним). В первых обучались молитвам, священной истории, краткому катехизису, церковному пению, чтению церковной и гражданской литературы, четырем правилам арифметики. В «двухклассных» воскресных школах к указанным предметам добавлялись история церкви и краткий курс гражданской истории страны. Преподавали в церковноприходских школах не только приходские священники, диаконы, церковнослужители, но и светские лица, даже учительницы (при утверждении их епархиальным архиереем и под наблюдением приходского священника¹⁶⁶). Церковно-приходские школы находились в подчинении Синода. Заведовали этими школами приходские священники, которые являлись и «законоучителями» (преподавателями главного предмета в школе – Закона Божьего).

В 1884 г. (ко времени издания «Правил») в стране насчитывались 4213 церковно-приходских школ с 98,8тыс. учениками. Благодаря усилиям Синода и правительственной поддержке количество церковно-приходских школ стало быстро возрастать. 14 марта 1890 г. последовало предписание Министерства народного просвещения: «Все открываемые по деревням и поселкам школы грамотности, на какие бы средства они ни содержались, подлежат ведению и наблюдению». К 1894 г. численность их возросла до 30 тыс., а учеников до 917 тыс. Такой резкий рост был обусловлен еще и тем, что 18 тыс. крестьянских школ грамотности были переведены в разряд церковно-приходских школ. В том же 1890 г. духовному ведомству были подчинены и все воскресные школы для взрослых.

По данным годовых отчетов обер-прокурора Синода число церковно-приходских школ и учащихся в них в 1895–1914 гг. составляло:

Годы Школ Всего учащихся

1895 31835 981076

1900 42604 1634461

1905 42885 2006867

1910 38804 1980608

1914 38138 2113 894

Данные предоставил Т.Е. Житенев.

Хотя создание сети церковно-приходских школ преследовало вполне определенные клерикально-политические цели, тем не менее, они сыграли

огромную положительную роль в распространении грамотности в народе.

7. Духовная цензура

Духовная цензура существовала с XVII в. Церковь уже тогда контролировала Печатный двор – крупнейшую типографию того времени, печатавшую и духовную литературу. Цензуру печатаемых книг проводили высшие чины церкви, в том числе и сам патриарх.

Официально духовная цензура была введена Петром I, когда учрежденному в 1721 г. Св. Синоду было поручено установить надзор за печатанием богослужебных и прочих духовных книг, чтобы охранить чистоту православной веры от вредных сочинений и возможных лжеучений. Согласно «Духовному регламенту» 1721 г., все печатаемые церковно-богослужебные книги, а также касающиеся веры и церкви предъявлялись в Св. Синод. Для этого при Синоде была учреждена Контора школ и типографий¹⁶⁷. Синод поручал рассмотрение богослужебных книг своим членам – епархиальным архиереям и синодальным переводчикам, а также преподавателям Московской духовной академии и Александро-Невской духовной семинарии. На основании их донесений Синод запрещал или разрешал печатание того или иного духовного сочинения. В 1722 г. по указу Петра I была введена и цензура иконописания¹⁶⁸.

Во второй половине XVIII в. умножилось число частных типографий. В связи с этим были приняты меры к усилению цензуры, в том числе и духовной. В 1786 г. были осмотрены все вольные типографии в Москве и с их владельцев взяли подписки не печатать книг без письменного разрешения духовных и светских цензоров. В 1787 г. последовал указ, согласно которому все книги духовного содержания должны были издаваться только в духовных типографиях и под контролем Св. Синода. 18 марта 1793 г. последовало постановление Синода, чтобы все печатавшиеся в России книги, в которых затрагивались вопросы веры, подлежали его апробации¹⁶⁹. Екатерина II указом от 16 сентября 1796 г. повелела закрыть вольные типографии, а в Петербурге, Москве, Риге, Одессе и на таможне в Радзивилове учредить цензурные комитеты из духовных и светских лиц для просмотра как печатающейся в России, так и ввозимой из-за границы духовной и светской литературы. Св. Синоду было предписано усилить надзор за принадлежавшими ему типографиями¹⁷⁰.

При Павле I цензурные правила стали еще строже. Ввоз в Россию литературы на иностранных языках вообще был запрещен¹⁷¹. По

ходатайству Св. Синода 13 марта 1799 г был издан указ об учреждении особого духовного цензурного ведомства под наименованием «Соборного духовенства»¹⁷². На основании этого указа была создана Цензурная комиссия в составе архимандрита, нескольких ученых монахов и представителей белого духовенства с академическим образованием (всего 58 человек), «с успехом и пользою кончившие духовные академии и семинарии, известные по своим познаниям в словесных науках и языках». Комиссия находилась в непосредственном ведении Св. Синода. Распоряжение Св. Синода от 4 января 1800 г. потребовало, помимо тщательной проверки текста духовных книг, составлять на них подробные рецензии «и исправлять сомнительные места». В 1800 г. был запрещен ввоз из-за границы в Россию всякого рода книг.

При Александре I светская и духовная цензура была смягчена. В 1801 г. был снят запрет на ввоз книг из-за границы, дозволено открывать частные типографии. В 1804 г. были изданы цензурные уставы для светских и духовных книг. Духовный цензурный устав содержал подробные правила для духовных цензоров. Согласно этому уставу в 1805 г. были учреждены духовные цензурные комитеты при духовных академиях. Эти комитеты, состоявшие из профессоров духовных академий, непосредственно подчинялись Синоду. Надо отметить, что светский и духовный цензурные уставы 1804 г. носили довольно либеральный характер. Цензорам рекомендовалось руководствоваться «благоразумным снисхождением к сочинителю и не быть придирчивым».

Поворот политического курса в последнее пятилетие царствования Александра I к реакции проявился и в ужесточении цензуры. Хотя либеральный по своему духу цензурный устав 1804 г. не был отменен, но негласным распоряжением министра духовных дел и народного просвещения А.Н. Голицына подчиненной ему светской и духовной цензуре предписывалось принять меры к недопущению в печати идей, «противных принятым ныне твердым правилам», обнаруживать и пресекать «вольнодумство, безбожие, своевольство, мечтательное философствование».

Последующее усиление реакционного политического курса при Николае I выразилось в первую очередь в сфере просвещения и печати, в ужесточении цензурных правил. 10 июня 1826 г. был утвержден «Устав о цензуре» с такими жесткими правилами, что современники назвали его «чугунным»¹⁷³. Это был тяжелый удар по печати. Посыпались жалобы со стороны издателей. Николай I согласился на разработку нового цензурного

устава, который был издан 22 апреля 1828 г. Но устав 1828 г. лишь смягчил наиболее жесткие предписания устава 1826 г.

Согласно цензурному уставу 1828 г., вводилась предварительная светская и духовная цензура. Все сочинения, большие и малые, духовного или светского содержания, периодические издания и переводы зарубежной литературы, должны были поступать на рассмотрение цензуры, а книги на иностранных языках подлежать проверке «Комитета цензуры иностранной».

Для духовной цензуры при Петербургской и Московской духовных академиях создавались два главных, имеющих всероссийское значение, цензурных комитета; кроме того, при Киевской духовной академии и Казанской духовной семинарии – цензурные комитеты местного значения (рассматривавшие представленные к публикации небольшие брошюры духовного содержания, тексты поучений и проповедей).

Рассмотрению духовной цензуры подлежали богословско-догматические и церковно-исторические сочинения. Наряду с ними через духовную цензуру проходили и светские сочинения, если они содержали «места духовного содержания, относящиеся к догматам веры или к священной истории». Такие произведения передавались комитетами светской цензуры в цензуру духовную. Сама духовная цензура призвана была бороться не только с религиозным «вольномыслием». Согласно цензурному уставу, цензор должен был «особенно следить и ни в каком случае не допускать произведений, не только противных христианской нравственности и религии, но и правительству»¹⁷⁴.

В свою очередь и устав гражданской цензуры обязывал цензоров не только заботиться об интересах светской власти, но и запрещать к изданию светские книги, если в них обнаружится что-либо «клонящееся к колебанию учения Православной Церкви, ее преданий и обрядов, или вообще истин и догматов христианской веры». Цензор должен был следить за «благонамеренностью рассуждений автора о Церкви и Боге, запрещать мысли, ведущие к безбожию, материализму и т.п.»¹⁷⁵.

Таким образом, и духовная, и светская цензура в плане защиты православия и самодержавия призваны были действовать рука об руку.

4 апреля 1851 г. Николай I повелел учредить особый цензурный комитет при Св. Синоде, действовавший до 20 августа 1860 г. Все одобренные им сочинения духовного содержания (богословские труды, учебную литературу, тексты проповедей и поучений) повелено было печатать только в Синодальной типографии.

В эпоху «цензурного террора» (1848–1855 п.) составлялись списки ранее изданных книг, но теперь запрещенных к продаже и для библиотек. В эти списки попали вызывавшие подозрение не только духовные, но и светские книги, в которых «колебалась христианская вера и наносился ущерб нравственности». В списках значились некоторые сочинения А.С. Пушкина, В.Г. Белинского, Л.С. Грибоедова и даже Г.Р. Державина и В.А. Жуковского, а из европейских авторов – Виктора Гюго, Оноре Бальзака, немецких философов Гегеля и Фейербаха.

Характерно, что и в 1857 г., уже при ослаблении цензурного гнета, последовало запрещение на ввоз в Россию изданных за рубежом Библейским обществом книг Св. Писания.

В начале 1863 г. началась подготовка нового цензурного устава для светской литературы. 6 апреля 1865 г. он был издан в виде «Временных правил о печати». Параллельно с подготовкой новых правил о цензуре и печати шла работа по составлению нового устава духовной цензуры. При Синоде была учреждена специальная комиссия, но ее деятельность была безрезультатной. Разработанный ею устав духовной цензуры не был утвержден. Вместо него действовали секретные инструкции и определения, которые предписывали запрещать произведения, в которых содержались «пропаганда атеизма, социализма и материализма». Так, в июле 1865 г. Синод вынес определение: «Строго подтвердить всем духовно-цензурным комитетам и цензорам духовно-периодических изданий, чтобы они с должным вниманием рассматривали назначаемые к печати рукописи, не допуская в них ничего противного существующим требованиям духовной цензуры и установленным для него правилам»¹⁷⁶. Вместе с тем духовным академиям было разрешено выписывать необходимые для научных исследований книги духовного содержания, не подвергая их цензуре. Академический устав 1869 г. сделал цензурные комитеты при духовных академиях самостоятельными учреждениями; академиям было предоставлено право цензуры только их собственных сочинений.

В 1885 г. внесены изменения в структуру духовной цензуры. Были закрыты духовные цензурные комитеты в Киеве и Казани. Остались духовные цензурные комитеты при Петербургской и Московской духовных академиях. Зато были расширены полномочия епархиальных архиереев в вопросах духовной цензуры¹⁷⁷.

В 1888 г. Синод разработал «Правила для рассмотрения сочинений, представленных на соискание богословских степеней», которыми

устанавливались особые цензурные меры по отношению к научным исследованиям профессоров академий, так что каждый из них был поставлен перед выбором – не лучше ли им будет разрабатывать и читать свои лекции, пользуясь лишь дозволенными учебниками¹⁷⁸.

Указ 24 ноября 1905 г. отменил «предварительную как общую, так и духовную цензуру для повременных (т.е. периодических) изданий, выходящих в городах империи», а указом 26 апреля 1906 г. была отменена светская и духовная цензура и для «неповременных» изданий (книг и брошюр). Однако сохранялись возможности для светских и духовных властей запрещать по суду или в административном порядке уже вышедшие издания, что широко практиковалось в годы реакции после поражения революции 1905–1907 гг. В связи с указами 1905–1906 гг. об отмене предварительной цензуры Св. Синод 25 ноября 1906 г. издал «Правила о литературной деятельности церковно-должностных лиц». Согласно этим «Правилам», богословские исследования по-прежнему контролировались Синодом. Бдительный контроль за духовной литературой и жесткие цензурные правила существенно сковывали деятельность русских ученых-богословов. Нельзя не согласиться с И.К. Смоличем, что «в течение всего XIX века богословская наука (в России. – В.Ф.) находилась под присмотром ориентированной на традицию духовной цензуры. Совершенно бесспорно, что задачей Церкви является охранение чистоты веры; но научные работы – по большей части значительного объема и предназначенные для чтения специалистов – очень редко становились доступными широкой массе народа; поэтому они едва ли могли способствовать сохранению чистоты веры в массе верующих. Однако, несмотря на все эти трудности, как в церковном проповедничестве, так и в богословских исследованиях были известные достижения. За пределами России эта литература известна мало, поэтому может возникнуть впечатление, что проповедь Русской Церкви молчала и что русская богословская наука бесплодна»¹⁷⁹. Таким образом, несмотря на формальное упразднение духовной цензуры указами 1905–1906 гг., она фактически действовала вплоть до 1917 г.

Глава 5. Миссионерская деятельность Русской Православной Церкви

Миссионерская деятельность Русской Православной Церкви началась со времени присоединения к Руси северных земель с нерусским населением – примерно с XIV в. Наиболее известным миссионером того времени был Стефан Пермский, крестивший коми-пермяков. Она существенно активизировалась с конца XV в. – времени образования русского многонационального государства, включившего в свой состав ряд нерусских народов, исповедовавших мусульманство, буддизм, язычество. С конца XVII в., точнее, со времени церковного раскола, православное миссионерство поставило также своей целью и возвращение старообрядцев в «лоно православия».

Существовали внутренняя и внешняя миссии. Внутренняя миссия вела работу среди народов крайнего Севера, Сибири и Дальнего Востока, за возвращение в православие русских старообрядцев и сектантов, проживавших в пределах России католиков, униатов, протестантов, мусульман, буддистов. Внешняя миссия действовала преимущественно вне пределов России: в Северной Америке, Корее, Японии, Китае, на Среднем и Ближнем Востоке. Св. Синодом ассигновывались для этого денежные средства; в духовных академиях и семинариях готовились кадры, разрабатывались «правила», «положения» и «уставы» отдельных миссий и миссионерских организаций, издавалась необходимая для миссионеров литература, миссионерские журналы («Православный благовестник», «Миссионерское обозрение» и др.), проводились миссионерские съезды (с 80-х годов XIX в.).

Ранее руководство миссионерскими делами было возложено на епархиальных архиереев. Впоследствии (в национальных регионах) стали создаваться особые миссионерские учреждения: в Казанской епархии – Свяжская контора новокрещенских дел (1731–1740) и сменившая ее Казанская новокрещенская контора (1740–1764), на Кавказе – Осетинская духовная миссия (1814–1862) и Общество восстановления православного христианства на Кавказе (с 1860 г.).

1. Внутренняя миссия

Важным центром миссионерской деятельности Русской Православной Церкви среди нерусских народов Поволжья, Урала и Сибири, а также для возвращения в православие старообрядцев, была Казань. Восстановленная в 1842 г. в Казани духовная академия ставила своей главной задачей подготовку миссионеров и специалистов по «расколу». Крещеным татарам и башкирам давалась трехлетняя льгота в освобождении их от податей и рекрутской повинности, прощалось им участие в местных восстаниях. Местная национальная знать получала все права российских дворян, в том числе и право иметь крепостных из русских крестьян. Несмотря на льготы, предоставляемые новокрещеным, в середине XIX в. официально было признано, что удалось «обратить в православие» не более 10% татар и лишь 2% башкир.

Обращение мусульман в православие встречало наибольшие трудности. В 1854 г. в Казанской духовной академии было учреждено «противумусульманское отделение», готовившее специализированные кадры миссионеров для обращения татар в православие и перевода на татарский язык богослужебных книг и другой духовной литературы. Однако результат его деятельности был невелик.

Массовое крещение «язычников» (марийцев, удмуртов, чувашей, коми) на деле оказалось формальным, ибо они тайно продолжали держаться своих прежних обрядов и языческих верований. Христианство же воспринималось ими как внешний официальный обряд.

В 1829 г. глава Казанской епархии архиепископ Филарет сообщал Синоду, что со времени вхождения поволжских народов в состав России было крещено в этой епархии 575 тыс. человек, но в действительности оказалось, что из них 432 тысячи «являлись христианами только по имени, продолжая держаться языческих и магометанских заблуждений»¹⁸⁰. В «Оренбургских губернских ведомостях» за 1843 г. (№ 3) сообщалось, что у марийцев в каждом селении есть жрец, избираемый жителями из своей среды, который приносил жертву духам. Правительство не раз обращало их в христианскую веру, но они продолжали поклоняться языческим богам.

Особенные трудности встречало обращение в православие мусульман. В 1854 г. в Казанской духовной академии было создано специальное «противумусульманское отделение», которое готовило специальные

миссионерские кадры для работы среди мусульман, переводило на татарский язык православные богослужебные книги и другую духовную литературу. Однако добиться каких-либо заметных результатов в этом деле не удалось.

К 1828 г., по официальным данным Синода, было «обращено в православие» 62,5 тыс. горцев Северного Кавказа, однако, как признавали епархиальные власти этого региона, по свидетельству современников, «эта цифра сильно преувеличена», ибо «многие горцы, получая при крещении по 10 аршин холста, крестились по нескольку раз»¹⁸¹.

В 1828 г. обнаружилось массовое отпадение «инородцев» от православия. В том же году Николай 1 утвердил определение Синода, «чтобы в тех частях государства, где живут народы, не познавшие христианства или обращенные [в христианство], но недостаточно утвержденные в вере, были учреждены особые миссионеры», специально подготовленные для этой деятельности и владеющие языками местных народов.

В начале 30-х годов XIX в. такие миссии из священников, знающих местные языки, были созданы в Казанской, Пермской, Вятской, Самарской и Оренбургской губерниях. Миссионеры были направлены и к кочующим народам. Принявшим православие предоставлялись значительные льготы: например, крещеным калмыкам освобождение от всех повинностей на 10 лет, предоставление по 30 десятин земли на семью и денежное пособие в размере 50 руб. В местах кочевий калмыков устраивались «походные церкви», для калмыцких детей была создана школа в Царицыне.

Св. Синодом была проделана большая работа по организации и обеспечению православных миссий кадрами, духовной литературой, материальными средствами. В первой половине XIX в. действовали Алтайская, Енисейская, Забайкальская, Иркутская,

Казанская, Камчатская, Обдорская, Оренбургская, Пермская, Самарская, Сургутская и Якутская миссии, задачей которых являлась христианизация народов Поволжья, Сибири и Дальнего Востока. Св. Синод принял решение посылать миссионерами среди нерусских народов священников, владевших местными языками. Их специально обучали местным языкам в духовных учебных заведениях. Для этого в 15 духовных семинариях Казанской, Иркутской и других восточных епархий было введено обучение семинаристов «инородческим языкам». Миссионерам вменялось в обязанность заниматься врачеванием местного населения, даже устройством его «хозяйственного быта советами и примерами».

По данным отчетов обер-прокуроров Св. Синода, за 1836– 1891 гг.

только в пределах Российской империи было «обращено в православие» свыше 3 млн. человек¹⁸².

В истории православного миссионерства было немало подлинных энтузиастов своего дела, которые самоотверженно, преодолевая многие препятствия и лишения, исполняли миссионерский долг.

Еще в 1740 г. в заполярной части Архангельского края была открыта миссия для обращения в православие кочующих «самоедов» (ненцев и эскимосов). В 1821 г. архангельский епископ Неофит направил в их кочевья священника Федора Истомина, который за 3 месяца окрестил 45 человек и 50 приготовил к крещению. Для продолжения его дела в 1824 г. Синод снарядил специальную миссию из нескольких духовных и светских лиц, которую возглавил архимандрит Сийского монастыря Вениамин Смирнов. Казна выделила миссии 14 тыс. руб.

Миссия действовала успешно. Миссионеры разъезжали по тундре, отыскивая кочевья ненцев и эскимосов, сокрушали и сжигали их кумиры, повсюду водружая православные кресты. Сам Смирнов пробрался на о. Вайгач, где сокрушил «главного идола» и до 400 «малых». Он изучил эскимосский язык, составил его грамматику, перевел на него Евангелие, Деяния апостолов, их послания, Православный катехизис; на эскимосском языке проводил он богослужение. За пять лет миссионерской деятельности Смирнов «обратил в православие» свыше 3 тыс. «самоедов». Действия миссии охватили полуостров Канин и Большеземельскую тундру. Занимался Вениамин Смирнов и этнографическими исследованиями. Для новокрещенных «высочайше» было поведено построить 3 церкви, на что из казны выделено 21,5 тыс. руб.

В 1830 г. миссия была упразднена, и «обращение оставшихся в язычестве» было поручено местным священникам¹⁸³.

Примером подвижничества и самоотверженности была миссионерская деятельность архимандрита Глинской Богородицкой пустыни (Курская губ.) Макария Глухарева. В 1829 г. он был призван тобольским архиепископом Евгением Казанцевым в Алтайский край (в Бийский округ), где вместе с двумя сотрудниками тобольской семинарии основал три миссионерских «стана». Однако здесь Глухарев встретил сильное противодействие со стороны алтайских старообрядцев, которые внушали местному населению, что «пришелец» – не кто иной, как сам «дьявол». Но своей строгой жизнью и неустанным трудом Макарий приобрел у местного населения всеобщую любовь. Он не спешил обращать местное население в православие: сначала вел с ним беседы, помогал в их

нуждах, устройстве домашнего хозяйства, лечил больных. Для обучения детей основал три школы, для больных и немощных – богадельню. Во время голода в том краю в 1839 г. Макарий исхлопотал из казны помощь жителям.

В 1840 г. при этой миссии была учреждена русская женская община из вдов и девиц, которые готовили местных женщин принятию православия, помогали в качестве акушеров и воспитательниц детей. В том же году в состав алтайской миссии Глухарева прибыла воспитанница Смольного института благородных девиц француженка София Вальмон – самоотверженная энтузиастка миссионерского дела. Она помогала местным женщинам в хозяйстве, лечила их, устраивала чтения на религиозные темы, создала небольшую школу. За 13 лет Макарий Глухарев и люди его миссии окрестили 645 местных жителей. Макарий выстроил церковь, а для людей своей миссии два дома. Он перевел на хакасский язык Евангелие, избранные места из Ветхого и Нового Заветов, Священную историю, катехизис, духовные поучения, необходимые молитвы.

В 1843 г. из-за расстроенного здоровья Макарий Глухарев оставил миссию. Его дело продолжили присланные в Алтайский край Томским епископом Парфением Потаповым 4 миссионера, 7 причетников и 6 переводчиков. К 1866 г. ими было обращено в православие до 5500, а к 1890 г. – 16700 человек. К этому времени действовали: миссионерское училище, 30 общеобразовательных школ, 12 миссионерских станом, два монастыря (мужской и женский), детский приют и центральная миссионерская больница.

В 40–60-х гг. XIX в. для северных алтайцев, шорцев и хакасов русские православные миссионеры создали «особый миссионерский алфавит». С его помощью они переводили на языки этих народов Евангелие, молитвенники и другие богослужебные книги, которые печатали в епархиальной типографии в Томске. Издавали они и учебную литературу – буквари, словари, грамматику на местных языках. Богослужение в миссионерских церквях в конце XIX в. на родном языке проводили посвященные в священнический сан представители указанных народов. Их готовили в Казанской учительской семинарии и в Бийском катехизаторском училище¹⁸⁴. Характерно, как отметил профессор Московского государственного университета Л.Р. Кызласов, приобщение этих народов к христианству привело не к ассимиляции их с русским народом, а к сохранению и развитию природных языков и диалектов, а также появлению у этих народов письменности.

Как часть Алтайской миссии, в 1882 г. была открыта Киргизская. Основателем ее был священник Ф.Сеньковский. С 1895 г. миссия стала самостоятельной, центром ее стал г. Семипалатинск. В 1908 г. она располагала 7 миссионерскими станами с 23 миссионерами. К этому времени было обращено в православие до 300 киргизов и до 2 тыс. подготовленных к крещению¹⁸⁵.

В 1912 г. Ставропольская епархия создала «противобуддий-скую» миссию для распространения православия среди калмыков. В том же году в Туркестане – миссия для обращения мусульман этого края в православие. Однако удалось крестить лишь несколько десятков человек.

2. Русские православные миссии за рубежом

Начало православной миссионерской деятельности среди аборигенов российских североамериканских владений – Аляске и Алеутских островах относится к 1790–1791 гг. Находившийся в плавании на судне «Слава России» священник Николай Сивцов в своем донесении в Св. Синод от 4 июня 1792 г. сообщал: «Бывши в 1790 и 1791 гг. по Лисьей гряде на острове Уналашке и Каянге и на западной стороне острова Кадьяка крестил туземцев». Им было крещено 93 мужчины, 33 женщины и совершено 4 венчания¹⁸⁶.

Регулярная миссионерская деятельность Русской Православной Церкви в Северной Америке началась с посылки в 1794 г.

специальной миссии в составе монахов Валаамского и Коневского монастырей – архимандрита Иоасафа (Ивана Ильича Болотова) иеромонахов Афанасия (в миру Антоний Семенович Михайлов), Ювеналия (в миру Яков Федорович Говорухин), Макария (в миру Матвей Александров), иеродиакона Нектария (в миру Федор Дмитриевич Панов) и монаха Германа. В составе миссии отправлялись 4 послушника Валаамского монастыря.

Члены миссии не имели духовного образования, но отличались чистотою жизни и готовностью к самоотверженному миссионерскому служению. Миссия была снабжена церковной утварью, облачениями, богослужебными книгами. По личному распоряжению Екатерины II главе миссии выдали 500 руб., а каждому миссионеру по 250 руб. Св. Синод снабдил их подробными инструкциями. Миссия отправилась из Валаама в декабре 1793 г. и прибыла на о. Кадьяк в сентябре 1794 г. В течение года на Кадьяке ею было крещено 6740 местных жителей и совершено 1573 венчания. В 1796 г. были построены церковь и школа, в которой местные дети обучались русской грамоте.

Эта миссия действовала с 1794 по 1818 гг., испытывая большие лишения. От Российско-Американской торговой компании миссия практически не получала никакой помощи. Наоборот, купцы этой кампании препятствовали обращению местных жителей в православие, считая, что такого аборигена труднее будет спаивать и обирать. (Такие же препятствия чинили русские торговцы и православным миссионерам на севере Архангельской губернии.)

В 1796 г. Синод утвердил решение об основании на Кадьяке особой

епархии, управлять которой был назначен начальник миссии архимандрит Иоасаф, посвященный в 1799 г. в епископы. Но вскоре он погиб при кораблекрушении. Возглавил Кадьякскую миссию и епархию иеромонах Гедеон.

В 1807 г. его сменил Герман, который взял основную заботу по сохранению миссии. Кадьякская миссия просуществовала до 1837 г. – до кончины Германа, причисленного впоследствии Русской Православной Церковью за свой подвижнический труд к лику святых¹⁸⁷.

Труд подвижников Кадьякской миссии продолжил посланный из Иркутской епархии молодой священник Иван Евсеевич Попов-Вениаминов, прозванный впоследствии за свой самоотверженный миссионерский труд «апостолом Русской Америки».

«Апостол Русской Америки»

В 1824 г. вместе с семьей он прибыл на Алеутские острова. Место нового служения о. Иоанна первоначально – небольшой остров Уналашка в составе Алеутского архипелага – был типичным заполярным краем с суровым климатом – «вечной осенью с ветрами и туманами». В 20-ти поселениях-стойбищах ютилось в землянках 370 жителей: алеуты, креолы и немногие сезонные русские промысловики. Сначала Иоанн с семьей жил в землянке, позже срубил избу из вынесенного прибоем плавника. Он и его семья испытали все беды и лишения в этом далеком и суровом крае, питались нередко одним китовым жиром, а чаще терпели голод.

С помощью местных жителей о. Иоанн соорудил церковь, сам внутри расписал ее и вырезал иконостас, сам же изготовлял и свечи. В 1825 г. он открыл в Уналашке школу на 25 мальчиков, которых обучал по составленным им учебникам. О. Иоанн для местных жителей был не только священником и учителем, но и кузнецом и лекарем. Он ввел оспопрививание, чем спас жителей от грозившей эпидемии.

Свою миссионерскую и пастырскую деятельность о. Иоанн начал с изучения местных языков, преданий, традиций, обычаев и нравов жителей. Он выучился довольно свободно изъясняться на местных языках, а для наиболее распространенного в этой местности алеутского составил азбуку из церковно-славянских букв, а затем грамматику этого языка, на который перевел «Катехизис» и «Евангелие от Матфея». На местных языках он проводил и богослужение.

О. Иоанн постоянно разъезжал по стойбищам, вникая в жизнь и нужды своей паствы. Большими трудностями и опасностями сопровождалась эти разъезды на запряженных в нартах оленях или собаках в пургу при 40–50-градусных морозах. Впоследствии, когда ареал миссионерской деятельности о. Иоанна расширился, во время частых морских поездок от острова к острову он в совершенстве овладел искусством кораблевождения. Бывалые моряки отзывались об о. Иоанне, что он был бы «отличным капитаном на любом судне».

О. Иоанн с большой симпатией писал о добрых качествах алеутов, которые поражали его безграничным терпением, трудолюбием, стойкостью в невзгодах и бескорыстной взаимопомощью. «Чем больше я знакоюсь с дикими, – писал он, – тем более убеждаюсь, что все так называемые дикие гораздо лучше весьма многих так называемых

просвещенных в нравственном отношении... Алеуты добры до самозабвения. Они способны бесконечно и увлеченно работать, чтобы своим трудом сделать приятное другому». Он отмечал их «гостеприимство, уважение к себе и к своему доброму имени, честность в данном ими слове, готовность помочь голодающим без всякого вознаграждения», а также необычайную выносливость, бесстрашие, неприхотливость, кроткий нрав и добросердечие.

В 1824 г., после 10-летнего пребывания на о. Уналашке, о. Иоанн был переведен на о. Ситху в г. Новоархангельск – «столицу» Русской Америки. Ситха была опорным пунктом русских владений в Америке. В г. Новоархангельске находилось и Главное управление российскими североамериканскими колониями. Основное население острова составляло североамериканское индейское племя колошей. О. Иоанн первым делом принялся за основательное изучение местного языка, традиций, обычаев, быта и преданий местных жителей. От этого зависел успех всего миссионерского дела, и этому правилу следовали все русские православные миссионеры. Вскоре о. Иоанн составил «Грамматику колошенско-лисьевского языка» (напечатана в Синодальной типографии).

В 1839–1848 гг. в «Москвитяине», «Сыне отечества», «Журнале Министерства внутренних дел» и «Журнале Министерства народного просвещения», а также отдельными изданиями была напечатана серия научных работ о. Иоанна по этнографии и лингвистике местных народов, о положении Русской Православной Церкви в Америке. Эти работы вызвали большой интерес церковных, правительственных и общественных кругов.

В 1838 г. Иоанн Вениаминов составил следующий план расширения миссионерского дела в крае: 1) увеличение числа церквей, 2) создание постоянной православной миссии, 3) назначение клира миссии, 4) учреждение благочиннических округов. В ноябре того же года он отправился в Петербург, чтобы исхлопотать разрешение на расширение русской миссии в Америке и добиться отпуска необходимых для этого средств. Совершив кругосветное морское путешествие через Тихий и Атлантический океаны, он в конце июня 1839 г. прибыл в Петербург и представил Синоду подробное «Обозрение Православной церкви в Российских поселениях в Америке и об улучшении состояния оной». Эта поездка дала о. Иоанну возможность также посетить редакции ведущих журналов, которые охотно приняли для публикации его статьи об этнографии и лингвистике почти неизученных доселе народов Северной Америки.

По совершении неотложных дел в Петербурге, о. Иоанн направился в

Москву, где его весьма благосклонно встретил митрополит Московский Филарет и возвел в сан протоиерея. В Москве о. Иоанн встречался с П.Я. Чаадаевым, Д.Н. Свербеевым, с видными славянофилами А.С. Хомяковым, И.В. Киреевским и К.С. Аксаковым. В Москве его снабдили богослужебными книгами, иконами, церковной утварью, собрали денежные пожертвования для его миссии. По возвращении в Петербург о. Иоанн получил известие о кончине жены. Он постригся в монахи, избрав имя Иннокентий – в честь первого иркутского епископа Иннокентия. 30 ноября 1840 г. он был принят императором Николаем I, который после аудиенции несколько раз приглашал Иннокентия во дворец, где тот рассказывал детям императора о жизни народов Северной Америки. Среди его слушателей был и наследник престола будущий император Александр II.

В это время Синод по ходатайству Иннокентия принял решение учредить кафедру Российско-американских церквей, подчинив ей также камчатские и охотские приходы. Местопребыванием кафедры был определен г. Новоархангельск.

Из рекомендованных Синодом трех кандидатов на пост главы епархии император утвердил Иннокентия, при этом повелел, «чтобы он именовался епископом не Североамериканским и Камчатским, а Камчатским, Курильским и Алеутским». На замечание обер-прокурора Н.А. Протасова, что на Курилах нет ни одной православной церкви, царь кратко ответил: «Построить». 15 декабря 1840 г. в Казанском соборе Петербурга совершилась хиротония (возведение в сан епископа) Иннокентия.

Обширная епархия епископа Иннокентия включала Аляску, Камчатку, Алеутские и Курильские острова, а также всё тихоокеанское побережье России – вплоть до Кореи и Маньчжурии. В Новоархангельске он основал соборную церковь, учредил новые приходы, снабдил их настоятелей подробными инструкциями, используя свой опыт миссионерского служения. В 1845 г. по распоряжению Иннокентия для подготовки духовенства из местных жителей Русской Америки в Новоархангельск было переведено из Петропавловска на Камчатке духовное училище, преобразованное в семинарию. В 1850 г. в его епархии насчитывалось 5 протоиереев, 2 иеромонаха, 22 священника и 55 церковнослужителей. Численность православного населения Аляски и Камчатки с 1841 по 1850 гг. возросла с 16 тыс. до 23 тыс. человек. Православные на Аляске и Камчатке обычно располагались на водных путях, преимущественно в устьях рек. Сначала миссионер строил деревянную юрту в виде купола, которую использовал и как жилье, и как место богослужения. На

следующий год он воздвигал деревянную церковь.

В течение 10 лет (1840–1850) Иннокентий исполнял обязанности епископа Алеутского и Камчатского. После возведения в 1850 г. в сан архиепископа он в последующие 1860–1868 гг. стал во главе обширной Камчатской и Якутской епархии, центр которой был перенесен в г. Якутск.

В конце 50-х годов архиепископ Иннокентий стал ближайшим сподвижником генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьева-Амурского и знаменитого исследователя Дальнего Востока адмирала Г.И. Невельского в изучении и освоении Приамурья и Приморья, которые в 1858–1860 гг. по Тяньцзинскому и Пекинскому договорам с Китаем были присоединены к России. Присоединенные территории перешли в церковное управление Камчатско-Алеутской епархии, кафедра которой по рекомендации Иннокентия была в 1862 г. перенесена в г. Благовещенск на Амуре, а в Якутске и Новоархангельске были учреждены два викариатства этой епархии. А годом раньше Иннокентий посетил Японию, где в г. Хакодате встретился с другим известным русским миссионером, просветителем Японии, о. Николаем.

За 27 лет управления самой обширной, отдаленной епархией архиепископ Иннокентий много сделал для распространения православия в Русской Америке, на Дальнем Востоке и в Восточной Сибири. Он получил и признание в научных кругах как глубокий исследователь этнографии и географии управляемого им обширного края, был избран почетным членом Российской Академии Наук и Русского географического общества.

В 1868 г. святитель Иннокентий был поставлен митрополитом Московским и управлял этой первенствующей в России епархией до своей кончины в 1879 г.¹⁸⁸

Миссия в Америке

После продажи в 1867 г. Россией своих североамериканских владений, в Петербурге склонялись к тому, чтобы закрыть там православную миссию, хотя она и была признана Соединенными Штатами Америки. Только благодаря энергии митрополита Иннокентия 10 июня 1870 г. была открыта русская Алеутская и Аляскинская епархия с кафедрой в Сан-Франциско.

В конце XIX – начале XX в. в Северной Америке быстро возросло число православного населения за счет эмигрантов из Украины, Галиции, Буковины и юго-славянских стран. В конце 80-х годов числилось 17 тыс. православных, в 1903 г. – 38,8 тыс., а в 1912 г. – более 200 тыс. В том же году Североамериканская и Алеутская духовные миссии были объединены в одну Американскую епархию. Глава епархии архиепископ Тихон (Белавин, будущий патриарх всея Руси) основал здесь первый монастырь и духовную семинарию. Издавался «Американский православный вестник» в Нью-Йорке. В связи с многонациональным характером православного населения в этой епархии архиепископ Тихон выдвинул идею преобразовать епархию в экзархат, что предполагалось осуществить на Поместном Соборе¹⁸⁹.

Миссия в Японии

Значительный успех имела русская православная миссия в Японии благодаря неутомимой деятельности ее основателя и руководителя о. Николая (1836–1912; в миру Иван Дмитриевич Касаткин). По окончании в 1860 г. Петербургской духовной академии и принятии монашества он был назначен в сан иеромонаха настоятелем церкви при русском консульстве в г. Хакодате. Здесь он в совершенстве изучил японский язык, приобрел основательные познания в литературе и истории Японии, конфуцианстве, синтоизме, буддизме, изучил культуру и быт японцев. В русской прессе того времени печатались его интересные статьи о Японии.

Сначала миссионерством он занимался тайно, ибо в то время действовали еще жесткие сёгунские запреты на проповедование в стране христианства. В 1865–1868 гг. о. Николай приобщил к православию 12 японцев и подготовил к крещению еще 25 человек. Первым японцем, крещеным о. Николаем, был жрец-канусси (служитель синтоистского храма) Савабе Такума, который первоначально принял о. Николая с явным недоверием и угрожал ему физической расправой, но попал под его влияние и превратился в ревностного его последователя и помощника, а в 1875 г. стал первым японским православным священником под именем отца Павла.

В 1868 г. [Николай Касаткин](#) составил свой проповеднический курс и перевел его и богослужебные книги на японский язык. В феврале 1870 г. о. Николай прибыл в Петербург. Здесь он опубликовал свои новые научные труды в столичных изданиях. Ему удалось собрать 32 тыс. руб. добровольных пожертвований на миссионерское дело в Японии. 6 апреля 1870 г. последовало определение Синода, утвержденное Александром II, об учреждении «для проповеди слова Божия между японскими язычниками» особой миссии в Японии в составе ее главы Николая Касаткина, возведенного в сан архимандрита, трех монахов-миссионеров и причетника. Каждый из них должен возглавить православные центры в четырех городах Японии: Токио, Киото, Нагасаки и Хакодате. Расходы на содержание миссии взяли на себя Синод и Министерство финансов.

В 1871 г. в Японии была учреждена православная епархия, во главе которой был поставлен о. Николай Касаткин. Главой епархии он оставался до своей кончины в 1912 г. В 1872 г. Японское православное миссионерское общество вместе с русским представительством переехало

из Хакодате в Токио, который стал таким образом центром православной епархии в Японии.

В 1873 г. произошла отмена антихристианского закона в Японии, что существенно облегчило миссионерскую деятельность Русской Православной Церкви в Японии. В 1877 г. началось издание первого периодического органа Православной миссии в Японии «Церковного вестника», который выходил на японском языке. В Токио к этому времени существовали: православная духовная семинария, в которой числилось 70 семинаристов-японцев, катехизаторская, женская и причетническая духовные школы, а также несколько начальных православных школ; выходили на японском языке три православных журнала. На привезенном из Петербурга типографском оборудовании [Николай Касаткин](#) издавал переведенные на японский язык богослужебные книги.

За 40 лет, с момента учреждения Японского православного общества, его духовные учебные заведения окончили до 1 тысячи японцев; 18 из них продолжили свое образование в Петербургской духовной академии и по возвращении на родину преподавали в двух японских православных семинариях богословие и русский язык. Обе семинарии издавали на японском языке свои ежемесячные духовные журналы. Кроме того, само Православное общество в Японии ежемесячно издавало на русском и японском языках «Православный вестник», «Православную беседу». В 1891 г. в Японии насчитывалось 22 православных священника, 6 диаконов и 136 проповедников – все из японцев. В начале XX в. помимо построенного в Токио на «доброхотные пожертвования» японских прихожан кафедрального собора существовало 8 православных храмов, 275 церквей, 175 молитвенных домов; православных японцев насчитывалось 34 тыс. человек.

Ежегодно проводились «съезды» представителей от православных японских общин для обсуждения общих конфессиональных дел, а в приходских общинах устраивались ежемесячные собрания, на которых читались молитвы, жития православных святых, толкования Св. Писания. На средства приходских общин возводились церкви и молитвенные дома, которые, по отзывам русских путешественников, содержались в идеальном порядке. В каждой православной японской общине существовали и женские «дружеские общества содействия религиозно-нравственному воспитанию».

Большую помощь архиепископу Николаю в его миссионерском деле оказал прибывший в 1890 г. в Токио иеромонах Сергей (Иван Николаевич Страгородский, в 1943–1944 гг. – патриарх всея Руси). Он поступил на

службу в Японию сразу по окончании Санкт-Петербургской духовной академии и был уже кандидатом богословия. В Россию он вернулся в 1899 г. Своим пребыванием в Японии он описал в интересных и богатых по содержанию воспоминаниях.

Во время русско-японской войны 1904–1905 гг. по инициативе архиепископа Николая и согласия японского правительства было создано из православных японцев «Общество духовного утешения военнопленных». Членами Общества стали все православные японцы, а также и одобряющие его цель и идеи, независимо от нации и вероисповедания. Общество взяло на себя заботу ухода за находившимися в плену русскими ранеными. Православная миссия в местах захоронений умерших в японском плену русских солдат, матросов и офицеров соорудила храмы-памятники. За заботу о пленных соотечественниках епископ Николай был награжден орденом Александра Невского. А 26 марта 1906 г. возведен в сан архиепископа.

После кончины 3 февраля 1912 г. архиепископа Николая во главе Православной миссии в Японии был поставлен епископ Киотосский Сергей (Тихомиров). Это была личность просвещенная. Писатель и ученый, автор ряда исследований по истории России и Японии, он благоговейно сохранял порядки и традиции, существовавшие при его предшественнике.

После Октябрьской революции 1917 г. миссия лишилась надежды на возобновление ослабленных в период Первой мировой войны контактов с Россией.

Итогом 56-тилетней миссионерской деятельности Русской Православной Церкви в Японии к началу 1917 г. были: 1 кафедральный собор (в Токио), 184 храма, около 270 церковных приходов с 37 тыс. верующих. Православие в Японии существует и поныне. Священнослужители и их паства – японцы, богослужение ведется на японском языке; издаются на японском языке православные книги, журналы и газеты. Однако связей с Русской Православной Церковью практически не существует¹⁹⁰.

Миссия в Корее

В 1860 г. по Пекинскому договору с Китаем к России было присоединено Приморье. В Южно-Уссурийский край Приморья стали переселяться корейцы, особенно в периоды неурожайных лет и голодовок в Корее. Российское правительство не препятствовало этим переселениям.

Митрополит Иннокентий (Вениаминов), в состав обширной епархии которого был включен и этот край, выступил с инициативой обращения в православие поселявшихся в нем корейцев. Миссионерская деятельность среди них проходила довольно успешно, ибо корейцы-эмигранты относились как к должному принять веру той страны, которая их приютила. К 1904 г. на юге Уссурийского края было уже 9 православных миссионерских стана, а крещеных корейцев насчитывалось около 10 тыс. человек.

2 июля 1897 г. последовал указ Св. Синода об учреждении православной миссии в самой Корее. В Сеул были направлены православные миссионеры. Однако фактически русская православная миссия приступила к своей деятельности, когда в построенной в Сеуле православной церкви 17 февраля 1900 г. была отслужена первая литургия. Активная же деятельность миссии началась в 1902 г. и продолжалась недолго – до 1904 г. Начавшаяся русско-японская война (1904–1905 гг.) и оккупация Кореи Японией заставили отозвать миссию в Россию. Поэтому результаты деятельности православной миссии на первом этапе были весьма скромными: в православие было обращено всего 570 корейцев.

Возобновилась ее деятельность в 1906 г., когда нормализовались отношения Японии с Россией. Это был второй период русской православной миссии в Корее (1906–1918). Руководил ею о. Павел (Ивановский). Однако фактический протекторат Японии над Кореей не позволил проводить миссионерскую работу даже в прежнем скромном объеме.

Последующие события не благоприятствовали православной миссионерской деятельности в Корее. В итоге она перешла под юрисдикцию константинопольского патриархата¹⁹¹.

Миссия в Китае

Православная миссия в Китае была самой ранней из миссионерских миссий Русской Православной Церкви за рубежом. Она была основана в Пекине в 1715 г. и выполняла также функции дипломатического и торгового представительства России в Китае. Сотрудники миссии занимались изучением истории, культуры и экономики Китая.

Выдающимся миссионером и ученым-синологом в составе русской православной миссии в Китае в XIX в. (с 1807 г. её главой) был Никита Яковлевич Бичурин (1777–1853). В 1800 г. он принял монашество и был наречен Иакинфом. До назначения его в Китай он был воспитанником, затем преподавателем Казанской духовной академии, настоятелем (в сане архимандрита) одного из иркутских монастырей и одновременно ректором иркутской духовной семинарии. Находясь на службе в Министерстве иностранных дел, он совершил с научной целью в 1830 и 1835–1837 гг. поездки в Тибет и Монголию, откуда привез ценные тибетские и монгольские рукописи. Овладев китайским языком, Бичурин изучил историю и культуру Китая, составил обширную библиотеку китайских сочинений (в том числе и древних), которую потом передал в дар Казанской духовной академии. Бичурин получил широкую известность как автор многих сочинений и переводов с китайского языка на русский по истории, филологии, философии Китая, Тибета и Монголии¹⁹².

С 50-х годов XIX в. стали издаваться «Труды Российской духовной миссии в Пекине» и «Китайский благовестник», содержавшие много ценных научных данных.

К началу XX в. русская православная миссия в Китае имела 17 церквей, три монастыря (из них один женский), 17 духовных школ, несколько библиотек, типографию, литографию, иконописную мастерскую, несколько промышленных предприятий и животноводческие фермы. В 1913 г. насчитывалось до 4 279 православных китайцев, в 1916 г. – 6255.

В 1898–1917 гг., в связи с улучшением отношений России и Китая, утверждением России в Маньчжурии, строительством КВЖД и притоком русского населения в Северо-Восточный Китай центр деятельности Русской Православной Церкви переместился из Пекина в Маньчжурию. Здесь, помимо миссионерских функций, для Русской Православной Церкви стала, в качестве одной из главнейших, задача удовлетворения

религиозных потребностей растущего числа православного населения в крае. Православная Церковь содержалась на средства КВЖД, а правовую защиту получала от российского правительства. После 1917 г. православное население в Маньчжурии существенно увеличилось за счет эмигрантов из России. Число бывших российских граждан в Маньчжурии после 1917 г. насчитывалось около 400–500 тысяч человек. Центром православной жизни в крае стал Харбин, который имел вид русского города. В нем была 21 православная церковь, а во всей Харбинской православной епархии насчитывалось до 50 православных приходов¹⁹³.

После образования КНР для православной церкви в Китае настали тяжелые времена. Особенно значительный урон она понесла в период так называемой «культурной революции» (1966– 1968). Почти все православные церкви были закрыты, многие разрушены. В 1980 г. оставалась лишь одна церковь Покрова в Харбине¹⁹⁴.

Миссия в Урмии

Намерение о посылке русской православной миссии в Урмию (Северный Иран) к несторианам сирийско-халдейского происхождения возникло в связи с предложением в 1859 г. несторианского священника Михаила Константинопольскому патриарху о присоединении к православию. Патриарх направил Михаила к начальнику российской духовной миссии в Иерусалиме Кириллу Наумову. Московский митрополит Филарет призывал Синод проявить в этом деле осторожность. В связи с этим Синод не принял пока решения о посылке к несторианам православной миссии.

21 мая 1897 г. несториане сами направили прошение в Синод о соединении их с Русской Православной Церковью, а в феврале 1898 г. несторианская делегация из Урмии прибыла в Петербург для завершающих переговоров об объединении с православием. Решение об объединении сиро-халдейских несториан с Русской Православной Церковью было принято Св. Синодом 21 марта 1898 г. и по этому случаю в Петербурге была отслужена в присутствии несторианской делегации торжественная литургия. Вслед за этим Синод направил в Урмию миссию в составе главы миссии, трех священников, диакона и псаломщика. Миссия получала ежегодную субсидию от российской казны в размере 35 тыс. рублей. К 1901 г. миссия присоединила к Православной Церкви до 20 тысяч несториан. В последующие годы построены православные храмы, основано 65 православных школ, а к 1912 г. и главная православная школа для подготовки учителей, диаконов, псаломщиков. Были сделаны переводы богослужебной и учебной литературы. К 1912 г. в Урмии насчитывалось 36 православных храмов с 26 священниками. Св. Синод возвел в саи епископа двух сиро-халдеев и главу русской миссии. Начавшаяся в 1914 г. Первая мировая война неблагоприятно отразилась на положении православия в Урмии. О дальнейшей судьбе миссии сведений не имеется¹⁹⁵.

«Русская Палестина»

В 1847 г. была учреждена русская православная миссия в Палестине (находилась в Иерусалиме). Она занималась не столько миссионерской, сколько благотворительной деятельностью, в основном обслуживанием православных паломников, которые ежегодно в количестве 5–10 тысяч человек посещали «святые места». Во время Крымской войны (1853–1856) миссия вынуждена была выехать в Россию, но спустя несколько лет по окончании войны вернулась обратно.

В 1882 г. в Иерусалиме было основано Императорское Российское Палестинское общество во главе с архимандритом Антонием Капустиным. Благодаря энергии и самоотверженной деятельности Антония Капустина были приобретены земли в Иерусалиме, Вифлееме, Назарете и в других местах Палестины. Приобретенные владения получили название «Русской Палестины». Палестинское общество соорудило православные церкви, монастыри, школы, больницы, богадельни. В 1912 г. в Палестине существовала 101 русская школа с 10564 учащимися, русские больницы ежегодно обслуживали до 60 тысяч больных. Общество издавало научные труды. Широкую известность получил научный ежегодник «Палестинский сборник»¹⁹⁶.

После 1917 г. Палестинское общество, лишившись финансовой поддержки из России, свернуло свою деятельность. В 1948 г. русская православная миссия в Иерусалиме была возрождена.

Возобновлен был и выпуск «Палестинских сборников».

* *

Во второй половине XIX в. миссионерская деятельность Русской Православной Церкви получила более четкую организацию и координацию сил. В 1865 г. в Петербурге под покровительством императрицы Марии Александровны было основано «Миссионерское общество для содействия распространению христианства между язычниками». В 1869 г. устав его был изменен, и совет общества переведен в Москву. По уставу его деятельность распространялась на все миссии Русской Православной Церкви, как внутри России, так и за рубежом. Общество поставило своей целью «содействовать миссиям в деле обращения в православную веру нехристиан и утверждения в ней обращенных». Оно готовило миссионеров, снабжало миссии духовными книгами, деньгами и вещами, заботилось об устройстве миссионерских

церквей, больниц и школ.

В 1870 г. председателем Миссионерского общества стал митрополит Московский Иннокентий (о котором говорилось выше), обладавший огромным опытом многолетней миссионерской деятельности в Русской Америке. С этого времени деятельность Миссионерского общества существенно расширилась. В епархиях были созданы отделения общества – миссионерские епархиальные «комитеты», возглавляемые епархиальными архиереями. В 1889 г. Миссионерское общество имело свои комитеты (отделения) в 42 епархиях; в нем насчитывалось 12849 членов. Материальные средства Миссионерского общества составляли ежегодные членские взносы, единовременные пожертвования деньгами и вещами и сбором посредством подписных листов и кружек, выставившихся в церквах, банковских учреждениях, железных дорогах и пр. За 1870–1889 гг. Миссионерским обществом было собрано взносов и пожертвований на сумму свыше 3 млн. рублей¹⁹⁷.

Помимо содействия православным миссиям в обращении в православие «обитающих в пределах Российской империи нехристиан», Миссионерское общество ставило также задачу вести борьбу против особенно распространившихся в это время различных сектантских конфессий.

В 1887–1917 гг. было проведено пять миссионерских съездов, главным образом направленных на борьбу с распространившимся в эти годы сектантством (см. о них в гл. 8-й).

В 1908 г. Синод издал новые правила для внутренней миссии. Правила предусматривали более гибкую и осторожную Деятельность миссионеров. Предполагалось действовать больше методами «увещевания», благотворительностью, учреждением миссионерских школ, созданию библиотек духовной литературы.

Миссионерская деятельность продолжалась и при Временном правительстве, когда при Синоде был создан «Совет по укреплению и распространению православной веры при Святейшем Синоде» под председательством митрополита Финляндского Сергия (Страгородского).

Глава 6. Конфессиональная политика российских императоров в XVIII в.

1. Церковные реформы Петра I. «Духовный регламент» 1721 г., учреждение Святейшего Правительствующего Синода

Церковные реформы Петра I преследовали цель подчинения Церкви светской власти. Это выразилось в коренном изменении системы управления Церковью с целью инкорпорировать ее в государственную структуру, лишении экономической самостоятельности Церкви, существенном ограничении сферы действий и компетенции церковного суда, даже во вторжении государства в ее каноническую сферу. «Фундаментом реформы, – как справедливо отметил историк В.С. Шульгин, – должна была стать ликвидация экономической самостоятельности Церкви с тем, чтобы поставить ее в материальную зависимость от светской власти»¹⁹⁸.

До Петра I духовенство было свободно от основных государственных налогов и воинских обязанностей. Уже с азовских походов 1695–1696 гг. Петра духовенство было привлечено к строительству флота. Для пополнения государственной казны из монастырских хранилищ стали изыматься ценности. Петр, пытаясь привлечь все население на службу государству, значительно увеличил сборы с духовенства: оно не только платило налоги со всех недвижимых имений (земель, бань, мельниц и пр.), но стало платить специальные «драгунские деньги» (на содержание конных драгунских полков); был введен налог на содержание армейского духовенства. Духовенство стало привлекаться к различным строительным работам, несению караульной службы, на него было возложено обеспечение квартирования воинских частей. Воссоздание 24 января 1701 г. Монастырского приказа, которому были переданы в управление архиерейские и монастырские вотчины, особенно подорвало хозяйственное благополучие церкви.

С Петра I духовное сословие стало использоваться государством для пополнения армии чиновничества. В практику вошли «разборы» духовенства, в результате которых «безместных попов», годных к воинской службе, сдавали в солдаты. Выпускники духовных училищ и семинарий из-за недостатка для них мест священников и церковнослужителей поставляли значительный контингент чиновников для гражданской службы.

С 1701 г. существенно были ограничены функции и прерогативы церковного суда. Ранее они были весьма широкими, когда по гражданским и уголовным делам («кроме разбойных, татиных и кровавых дел») церковному суду было подсудно всё: духовенство, церковный причт и зависимые от духовенства люди. Эта юрисдикция Церкви по весьма широкому кругу дел простиралась на всё население государства. В так называемые «духовные дела» входили не только дела о преступлениях против религии и Церкви, но и целые сферы гражданского и отчасти уголовного права: дела о браке и семье, о наследовании т.п.¹⁹⁹.

Вопрос об ограничении полномочий церковного суда был поднят светской властью в 1700 г. Тогда еще был жив патриарх Адриан. По его повелению были составлены «Статьи о святительских судах», содержащих каноническое обоснование судебных привилегий Русской Церкви. Это была последняя попытка отстоять неприкосновенность церковного суда. После смерти Адриана 16 октября 1701 г. ряд дел был изъят из ведения церковного суда: брачные, бракоразводные, о насильственных браках, о правах законного рождения, о прелюбодеянии, насилиях над женщинами и пр. В ведении церковного суда оставались богохульство, еретичество, раскол, волшебство и суеверия, но на деле церковные власти вели лишь предварительное следствие по этим делам («изобличали», т.е. устанавливали вину преступника), а окончательное решение перешло в компетенцию светского суда²⁰⁰. В связи с восстановлением в 1701 г. Монастырского приказа в его ведение, наряду с заведением церковным имуществом, перешел и суд над крестьянами, принадлежавшими Церкви.

Вместе с тем Петр I обязал духовенство выполнять некоторые административные и, до известной степени, политические функции. На приходское духовенство была возложена обязанность объявлять прихожанам все государственные законы во время воскресной службы. Приходское духовенство обязано было вести метрические книги о крещениях, венчаниях, погребениях населения своего прихода, а во время проведения переписей населения (ревизий) доносить об уклонившихся от записей в ревизские «списки», выявлять раскольников и вести за ними наблюдение.

Как политическое преступление считался пропуск приходскими священниками хотя бы одной из «табельных служб» – богослужений в дни тезоименитств царя и всех членов царской семьи, коронаций и царских побед. Введена была клятвенная присяга духовенства на верность императору. До этого священник приносил клятву следовать только

церковным уставам, а в мирские дела «не врезаться» (не вмешиваться). Указ 22 апреля 1722 г. требовал, чтобы каждый, вступая в духовную должность, приносил клятву «быть верным, добрым и послушным рабом и подданным императора и его законным наследникам», оборонять прерогативы и достоинство императорской власти, «не щадя в потребном случае и живота своего», доносить о всяком ущербе, вреде и убытке интересам императора, «об открытых на исповеди воровстве, измене и бунте на государя или иное злое умышление на честь и здоровье государево и фамилию Его Величества»²⁰¹. Иначе говоря, светская власть требовала от православного священника идти на нарушение основного канонического правила – сохранения тайны исповеди. Этот же указ предусматривал, чтобы все секретные дела, которые священнику будут поручены от властей, «содержать в совершенной тайне и никому не объявлять».

В «Прибавлении» к «Духовному регламенту» снова напоминалось об этом, причем со ссылкой на Св. Писание: «Сим объявлением (донесением властям о том, что сказано на исповеди. – В.Ф.) не порокуется исповедь, и духовник не преступает правил евангельских, но еще исполняет учение Христа: «Обличи брата, аще не послушает, повеждь церкви». Когда уже о братнем согрешении Господь повелевает, то колыми паче о злодейственном на государя злоумышлении» (см. Приложение 3.2).

Петром I издаются указы, регламентирующие культовую деятельность, что следует квалифицировать как вторжение светской власти в каноническую сферу деятельности церкви. В законодательном порядке предписывается обязательная ежегодная исповедь прихожан (указ 1718 г.), которая должна фиксироваться в «вероисповедных книгах». Священники должны были строго учитывать «небытейщиков» (не бывавших на исповеди) и доносить о них не только церковным, но и светским властям. Эта мера предусматривала выявление «раскольников», уклонявшихся от исповеди. Всякий, упорно не ходивший на исповедь, признавался «раскольщиком». С пропустившего исповедь в первый раз взимался штраф в размере 5 коп., во второй раз размер штрафа удваивался, в третий раз – утраивался. О «неисправно» бывавших на исповеди поведено подавать ведомости гражданским властям, и по этим ведомостям «чинить наказания». Специальные указы требовали от священников также следить, чтобы прихожане «ходили в церковь к вечерне и утрене», не отвлекались бы во время службы «посторонними делами», слушали богослужение «в безмолвии и с благоговением» и чтобы не было «бесчинного стояния в храме»²⁰².

Преследование раскола церковью и государством имело свои особенности. Церковь строго подходила к отступлениям от православия (вовлечение в ересь и раскол), считая их наиболее важными преступлениями («опаснее человекоубийства, ибо не тело, а душу похищают»), т.е. с точки зрения государственного «вреда». На первый план здесь выступал политический момент: наибольшую опасность представляли те раскольники и еретики, которые не признавали не только Православную Церковь, но и «антихристову» государственную власть, т.е. в царствующем императоре усматривали «антихриста». Их ловили, подвергали жестоким наказаниям и ссылали в монастырские тюрьмы «для исправления» или на каторгу. К признававшим официальную власть относились мягче. В 1716 г. они были обложены двойным подушным окладом, обязаны были носить особое платье, и им было запрещено занимать любые административные должности.

По указу 1702 г. свобода вероисповедания предоставлялась всем иностранцам, проживающим в России. Но свобода вероисповедания для иностранцев не означала признания равноправия вер. Категорически запрещалась пропаганда иностранцами своей веры в России. Каралось совращение православных в иную веру, но всячески поощрялся переход в православие. Иностранца-неправославного запрещено было хоронить на православных кладбищах²⁰³.

Важнейшим актом в конфессиональной политике Петра I явилось подчинение церкви в политико-административном отношении, что выразилось в упразднении института патриаршества и учреждении взамен его высшего светского коллегиального органа по церковным делам – Святейшего Синода. Этот акт знаменовал собой начало нового, синодального, периода в истории Русской Православной Церкви.

Во время казни мятежных стрельцов в 1698 г. патриарх Адриан в силу своего долга и обычая дерзнул «печаловаться» царю за осужденных, но эта попытка с гневом была отвергнута Петром I. После смерти Адриана 16 октября 1700 г. Петр I по совету своих приближенных лиц решил «повременить» с избранием нового патриарха. Вместо патриарха «экзархом, блюстителем и администратором патриаршего престола» был назначен митрополит Рязанский и Коломенский Стефан Яворский. В этой должности он находился около 20 лет – до учреждения Духовной коллегии, первым и последним президентом которой он являлся.

Петр I с подозрением относился к российскому духовенству, усматривая в нем противодействующую силу своим преобразованиям. Для этого у него были резонные основания. Действительно, большинство

иерархов Русской Православной Церкви не поддерживало петровские реформы, поэтому Петр нашел себе сторонников не среди церковников России, а на Украине, главным образом среди питомцев Киево-Могилянской духовной академии.

В 1700 г. Петр I издал указ о вызове малороссийских духовных лиц²⁰⁴, которые заняли руководящие должности в Русской Церкви. Среди них оказались такие видные деятели Русской Православной Церкви начала XVIII в., как профессор Киево-Могилянской духовной академии Стефан Яворский, сразу назначенный митрополитом Рязанским и Коломенским, Дмитрий Туптало, назначенный в 1702 г. митрополитом Ростовским, Филофей Лещинский – сибирским митрополитом, Феодосий Яновский (с 1712 г. архимандрит Александро-Невского монастыря в Петербурге) и знаменитый церковный деятель и писатель, ректор Киево-Могилянской духовной академии (с 1718 г. епископ Псковский) Феофан Прокопович, ставший ближайшим сподвижником Петра I, видным идеологом петровских церковных реформ.

По подсчетам К.В. Харламповича, из 127 архиереев, занимавших в 1700–1762 гг. русские архиерейские кафедры, было 70 украинцев и белорусов²⁰⁵. Как отметил В.С. Шульгин, «дело не ограничилось тем, что украинцы заняли большинство архиерейских кафедр. Они стали настоятелями важнейших монастырей и некоторых соборов Москвы и Петербурга; в основном из них формировался штат придворного духовенства; они составили большинство в военном, морском, и посольском духовенстве, заняли видные места в епархиальном управлении. Наконец, в их руках оказалась вся система духовного образования, так как преподавательский состав духовных школ, в том числе и Московской славяно-греколатинской академии, формировался в основном из «ученых киевлян»²⁰⁶.

Русское духовенство было оттеснено на задний план, что усилило его вражду к пришельцам, в которых они видели «еретиков» и «латынян». Украинское духовенство кичилось своей ученостью и высокомерно относилось к «невеждам» русским. «Пришельцы» не цеплялись за «древнее благочестие», исконно русские обычаи, даже пренебрегали ими и охотно поддерживали петровские церковные преобразования. Они активно поддерживали и другие политические акции Петра. Впрочем, как отметил В.С. Шульгин в уже цитируемом нами исследовании, «пришельцы» настолько прочно укрепились, что становились даже сами ревностными приверженцами старорусской церковной традиции, а некоторые из них

ничем не отличались в этом от русского духовенства и консервативно настроенных светских деятелей²⁰⁷, даже становились в оппозицию к петровским преобразованиям. Вождем этой оппозиции стал местоблюститель патриаршьяго престола Стефан Яворский, который, по мере углубления церковной реформы, всё более расходился с Петром, допуская резкие выпады против его действий в отношении религии и церкви. Он выступил против экономических мер в отношении церкви, не одобрял развода царя с первой женой и его второго брака при живой жене, недвусмысленно заявлял об Алексее Петровиче как законном наследнике престола. Стефан Яворский видел церковную реформу Петра «взятой с протестантского образца». В своем трактате «Камень веры» (1718) Стефан Яворский резко высказался против подчинения церкви государству и проводил теорию «двух властей» («кесарево кесарю, а Божие Богу», т.е. сфера деятельности духовной и светской властей должна быть четко очерченной: царю – гражданские дела, пастырю – духовные). Петр I запретил публикацию этого трактата (он был опубликован в 1728 г.).

В 1718 г. Петр I поручил Феофану Прокоповичу подготовить проект коллегиального органа управления Русской Православной Церковью по образцу учреждаемых в то время гражданских коллегий. В феврале 1720 г. проект был готов, исправлен Петром и внесен на обсуждение в Сенат, на заседание которого были приглашены 7 архиереев и 6 архимандритов. В Сенате без всяких изменений проект был всеми одобрен и подписан, затем тексты его были отправлены в Москву, Казань и Вологду, куда должны были прибыть остальные архиереи и настоятели важнейших монастырей для его подписания – для Петра было важно получить письменное согласие всех высших духовных лиц церкви. Эта процедура затянулась почти на год. 25 января 1721 г. указом Петра I Регламент был утвержден и в том же году опубликован под названием «Духовный Регламент Всепресветлейшего, Державнейшего Государя Петра Первого, Императора и Самодержца Всероссийского».

Духовный Регламент состоит из трех частей: в первой дано определение нового устройства церковного управления (Духовной коллегии), во второй определен круг компетенции и функций Духовной коллегии, в третьей подробно перечислены обязанности архиереев и приходских священников, об учреждении системы духовных учебных заведений (см. Приложение 3.1).

В Регламенте доказывается законность и необходимость введения коллегиального высшего органа управления церковью вместо единоличного (патриаршьяго). Выдвигаются следующие аргументы:

коллегиальное управление в сравнении с единоличным может решать дела скорее и беспристрастнее, «что один не постигнет, то постигнет другой», к тому же коллегия «свободнейший дух в себе имеет» и не боится сильных персон, и как соборное учреждение имеет больше авторитета.

К тому же от коллегиального правления можно «не опасаться отечеству от мятежей и смущения, яковые происходят от единого собственного правителя духовного, ибо простой народ не ведает, како разнствует власть духовная от самодержавной; но великою высочайшего пастыря честью и славою удивляемый, помышляет, что таковой правитель есть второй государь, самодержцу равносильный, или большего». В доказательство Регламент указывает на византийскую историю, на историю папства и на подобные же «и у нас бывшие замахи».

Однако, как верно отметил историк Русской Церкви И.К. Смолич, «основной смысл «Регламента» заключается не столько в отмене патриаршества, сколько в революционной перестройке отношений между государством и церковью»²⁰⁸. А эта «перестройка», добавим, выразилась в том, что новое церковное управление (как и сама Церковь) было поставлено в строгую подчиненность верховной светской власти – императору, который в Регламенте именуется «крайним Судиею, правоверия и всякого в Церкви Святой благочиния блюстителем». Иначе говоря, император объявлялся главой Русской Православной Церкви, а учрежденная им Духовная коллегия – орудием его управления церковными делами, находясь на положении созданных в то же время гражданских коллегий. Назначение лиц в состав Духовной коллегии, как и увольнение их, совершалось по царскому повелению. Все они при вступлении в должность обязаны были принести присягу на кресте и Евангелии по установленной форме: «Клянуся паки Всемогущим Богом, что хочу и должен еемь моему природному и истинному царю и государю Петру Первому, всероссийскому самодержцу, и прочая и прочая и прочая... и Ея Величеству государыне Екатерине Алексеевне верным, добрым и послушным рабом и подданным быть»²⁰⁹. Духовный регламент завершал меры, направленные на ликвидацию независимости Русской Православной Церкви, т.е. полностью подчинял ее светской власти.

В мае 1722 г. было издано «Прибавление» к Духовному Регламенту, именуемое «Прибавление о правилах причта церковного и чина монашеского»²¹⁰. Оно подробно определяло условия и порядок вступления в священнический сан, обязанности священника по отношению к прихожанам, духовному начальству и светской власти, порядок вступления

в монашество, правила монастырской жизни (см. Приложение).

Духовная коллегия была учреждена 1 января 1721 г. и торжественно открыта 14 февраля того же года. Вскоре она получила наименование Святейший Правительствующий Синод. Согласно Духовному Регламенту состав Синода был определен в количестве 12 «правительствующих особ». Но именным указом 25 января 1721 г. вместо 12 было назначено 11 лиц: один президент (Стефан Яворский), два вице-президента (Феодосий Яновский и Феофан Прокопович), 4 советника и 4 асессора из представителей монашеского и белого духовенства. После смерти Стефана Яворского в 1722 г. Петр не назначил нового президента, и эта должность была упразднена. Главным деятелем в Синоде стал Феофан Прокопович. Вскоре после учреждения Синода последовало повеление царя, чтобы «в Синод выбрать из офицеров доброго человека, кто бы имел смелость и мог управление синодского дела знать и быть ему обер-прокурором и дать ему инструкцию, применяясь к инструкции генерал-прокурора Сената»²¹¹.

Первым обер-прокурором был назначен полковник И.В. Болтин. В составленной для него инструкции говорилось: «Обер-прокурор повинен сидеть в Синоде и смотреть накрепко, дабы Синод свою должность хранил и во всех делах, которые к синодскому рассмотрению и решению подлежат, истинно, ревностно и порядочно, без потеряния времени, по регламентам и указам управлял .. что все записывать повинен в свой журнал, также накрепко смотреть, чтоб в Синоде не на столе только дела вершились, но самим действием по указам исполнялись. Также должен накрепко смотреть, дабы Синод в своем звании праведно и нелицемерно поступал. А ежели увидит противное сему, тогда в тот же час повинен предлагать Синоду явно, с полным изъяснением, в чем они или некоторые из них не так делают, как надлежит, дабы исправили. А ежели не послушают, то должен в тот час протестовать, и оное дело остановить, и немедленно донести Нам»²¹². Как видно отсюда, власть обер-прокурора на первых порах носила преимущественно надзирательный характер. В той же инструкции он именуется «оком Государевым и стряпчим по делам государственным». Постепенно его власть всё более и более расширялась: в XIX в. он становится по своему положению и значимости наравне с министрами (о чем будет сказано ниже).

В 1723 г. Св. Синод был утвержден восточными патриархами (Константинопольским, Антиохийским, Александрийским и Иерусалимским), которые признали за ним все патриаршие права и

именовали своим «во Христе братом»²¹³.

Таким образом, в результате церковных реформ Петра I Русская Православная Церковь фактически оказалась в полном подчинении у светской власти, а учрежденное управление Церковью стало частью государственного аппарата. Духовенство превратилось в своеобразный служилый класс по духовному ведомству. За Церковью уже не признавалось инициативы даже в ее собственных делах, что имело для нее тяжкие последствия. Об этом откровенно писал в 1811 г. Александру I Н.М. Карамзин: «Петр объявил себя главой церкви, уничтожив патриаршество как опасное для самодержавия неограниченного.. Со времен Петровых упало духовенство в России. Первосвятители наши были уже только угодниками царей и на кафедре языком библейским произносили им слова похвальные.. Главная обязанность духовенства есть учить народ добродетели, а чтоб сии наставления были тем действительнее, надо уважать оное». Карамзин подчеркивал, что «если церковь подчиняется мирской власти и теряет свой характер священный, усердие к ней слабеет, а с ним и вера»²¹⁴.

2. Конфессиональная политика при преемниках Петра I (1725–1762)

Последовавшее за смертью Петра некоторое ослабление государственной власти, вызванное острой борьбой различных придворных группировок, а также возрастание роли в политической жизни родовитой аристократии, отрицательно относившейся к некоторым петровским преобразованиям, оживили надежды многих деятелей церкви на ликвидацию ненавистной им реформы и возврат к старым порядкам. Наступление на петровские церковные реформы проходило под флагом борьбы с протестантизмом. Входило в силу старое русское духовенство, против которого на защиту церковных реформ Петра встал Феофан Прокопович.

Вступление на престол Анны Иоанновны положило конец этой вспышке церковной фронды. Противники петровских церковных реформ надеялись на членов Верховного тайного совета, которые, призвав Анну Иоанновну, составили «кондиции» (условия), ограничивавшие ее власть. Но противниками ограничения самодержавия императрицы решительно выступили гвардия и значительная часть дворянства. Неудача этой «затейки» верховников подорвала и позиции опиравшихся на них сторонников восстановления патриаршества. Здесь немалую роль сыграли Феофан Прокопович, стоявший за сильную самодержавную власть и за сохранение петровских церковных реформ.

Десятилетнее царствование Анны Иоанновны (1730–1740) – время разнузданного политического сыска, террора и казней, которые обрушились и на духовенство. За «небытие у присяги» при воцарении Анны Иоанновны или за позднее ее принесение, священники и диаконы привлекались в Тайную канцелярию, где их били плетью и потом лишали сана и брали в рекруты детей их, кроме обучавшихся в духовных школах, записывали в подушный оклад. И впоследствии приходских священников по любому поводу лишали приходов, расстригали и сдавали в солдаты. В результате этого к 1740 г. 600 приходских церквей оказались без причтов.

В царствование Анны Иоанновны проводились особенно частые «разборы» духовенства. Все не имевшие штатного места священно- и церковнослужители переводились из духовного сословия и записывались в податное, а в возрасте от 15 до 40 лет подлежали рекрутскому набору. Только в 1736 г. поступило 7 тыс. рекрутов из духовного звания.

Репрессии обрушились и на архиереев. В 1730–1736 гг. прокатилась волна судебных архиерейских процессов, к которым был причастен и Феофан Прокопович. Первым в 1730 г. был осужден воронежский архиепископ Лев (Юрлов), обвиненный в том, что при получении известия о воцарении Анны Иоанновны не отслужил торжественного молебна. По той же причине осужден киевский архиепископ Варлаам (Вонатович) и был сослан простым монахом в Кириллов Белозерский монастырь. Затем пострадали противники петровских церковных реформ и недружелюбно относившиеся к Феофану Прокоповичу: архиепископ Феофилакт (Лопатинский) и архимандрит Гедеон (Вишневецкий). Всего в 1730–1736 гг. пострадали 6 архиереев. Репрессии против высших духовных лиц продолжались и после смерти Феофана Прокоповича в 1736 г., даже с еще большей суровостью. Известны имена не менее 10-ти архиереев, пострадавших в 1736–1740 гг.²¹⁵

«Ни до, ни после Анны русское правительство не обращалось с духовенством с таким недоверием и с такой бессмысленной жестокостью». Архимандрит Дмитрий Сеченов говорил впоследствии (в 1742 г.), что духовенство «так устрашили, что уже и самые пастыри, самые проповедники слова Божия молчали и уст не смели о благочестии отверзти»²¹⁶.

Произведены были и перемены в высшем управлении, преследовавшие цель еще большего ее подчинения светской власти. Вместо упраздненного Верховного тайного совета учрежден Кабинет министров, в подчинение ему был поставлен Синод, в котором всеми делами заправлял Феофан Прокопович. Историк Русской церкви А.В. Карташев отмечает: «Синод был терроризирован через него, и в потоке дел, приобретающих характер политического розыска, часто забегал вперед и рекомендовал суровые меры раньше органов государственных. Дух диктатуры кабинет-министров поставил управление церковью в зависимость не только от учреждений государственных, но и прямо от лиц диктаторов, именовавшихся тогда временщиками»²¹⁷.

Правление Анны Иоанновны особенно тяжелым было для монастырей и монашества. 25 октября 1730 г. последовал ее указ о строгом соблюдении запрета монастырям под каким бы то ни было видом (покупки, дарения, завещания) приобретать земли. Приобретенная ими в нарушение этого указа земля отбиралась²¹⁸. Указом 11 февраля 1731 г. этот запрет был распространен и на малороссийские монастыри²¹⁹. Перепись монастырей и монашествующих, проведенная в 1732 г., открыла многих постригшихся

в монахи вопреки установленных Петром 1 правил (разрешалось постригать только вдовых священнослужителей и отставных солдат). Указ 1734 г. потребовал неукоснительного исполнения этих правил. На епархиального архиерея налагался штраф в размере 500 руб. Настоятель монастыря, который дозволил «незаконный» постриг, осуждался на пожизненную ссылку, а принявшего постриг «расстригали» и подвергали телесному наказанию. Установлена была бдительная слежка за «насельниками» монастырей. Настоятелей и настоятельниц обителей часто вызывали в Петербург в Тайную канцелярию, где их подвергали допросам о поведении монашествующих. Монашество, как и белое духовенство, также подвергалось опустошительным «разборам», которые проводила Тайная канцелярия. Молодых иноков забирали в солдаты, работоспособных отправляли на принудительные работы – на Урал и в Сибирь, остальных, «незаконно» постриженных, лишали монашеского звания и изгоняли из монастырей. При «разборах» привлекали к ответственности и настоятелей монастырей за «незаконный» постриг в монахи²²⁰.

При Анне Иоанновне ужесточилась борьба с «расколом». Однако «раскол» продолжал распространяться. От правительственных репрессий старообрядцы укрывались в лесах, бежали в Сибирь, где в знак протеста и в качестве наиболее верного пути к «спасению души» совершали самосожжения. Самые страшные «гари» (самосожжения) совершались в уральских и сибирских лесах в 20–30-х годах XVIII в. Для поимки «раскольников» посылались военные команды²²¹.

Восшествие на престол Елизаветы Петровны было встречено духовенством с ликованием и большими надеждами, которые вскоре получили свое оправдание. 15 декабря 1740 г., через три недели по восшествии на престол, Елизавета издает указ о проведении широкой амнистии пострадавшим в царствование Анны Иоанновны политическим и церковным деятелям. Были освобождены из тюремных казематов и возвращены из сибирской ссылки невинно пострадавшие иерархи, настоятели монастырей и церковных приходов. Им были возвращены их звания и должности. Как писал известный историк Русской Церкви А.В. Карташев: «Освобождение от кошмара бироновщины может быть ни одним сословием, ни одним сектором государственной машины не переживалось с таким торжеством и энтузиазмом, как православным духовенством»²²². С церковных кафедр Елизавету Петровну прославляли как «спасительницу от ига иноплеменного», как «восстановительницу

православия». Елизавета Петровна заявила о себе как «защитница православия». Еще будучи царевной, она демонстративно выказывала свое благочестие и любовь к духовенству, к духовным проповедям, к благолепию церковной обрядности. Таковой она осталась и на престоле – ездила по богомольям, особенно в любимый ею Троице-Сергиев монастырь, который в 1744 г. по ее повелению был переименован в лавру, соблюдала все посты, делала богатые пожертвования монастырям и церквям²²³.

В 1742 г. был издан указ, по которому суд над духовными лицами был предоставлен Синоду и по политическим делам. Сам Синод, ранее подчиненный Верховному совету, а затем Кабинету министров, был восстановлен в прежнем своем достоинстве с титулом «Правительствующего».

Возродились надежды на восстановление былого влияния церкви. Среди деятелей церкви зазвучали речи об активной роли церкви в государственных делах. Члены Синода – епископ Новгородский Амвросий Юшкевич и епископ Ростовский Арсений Мацеевич подали императрице доклад («Всеподданнейшее предложение»), в котором предлагалось восстановить патриаршество или, в крайнем случае, «сообразно с каноническими требованиями» восстановить должность президента и не допускать светских лиц к управлению церковными делами. Однако Елизавета Петровна, объявившая, что будет соблюдать все законы Петра, не согласилась на такие изменения. Но она выразила согласие на передачу управления церковными вотчинами из ведения Коллегии экономии в ведение Синода²²⁴.

Елизавета Петровна особое значение придавала составу и деятельности Св. Синода, который пополнился новыми лицами, почти исключительно епископами (всего 8 персон), среди них такие видные церковные деятели, как архиепископ Новгородский Дмитрий (Сеченов), занявший лидирующее положение в Синоде, архиепископ С.-Петербургский Вениамин (Григорович), Псковский епископ Гедеон (Криновский), обладавший блестящим проповедническим даром, и энергичный Ростовский архиепископ Арсений (Мацеевич). Обер-прокурором Синода был назначен князь Я.П. Шаховской – человек просвещенный, «крепкий ревнитель государственного интереса и всякой законности». Он подобрал опытных и компетентных чиновников в синодскую канцелярию и быстро привел в порядок дела в Синоде. Елизавета Петровна постоянно интересовалась работой Синода, требуя от

обер-прокурора еженедельных докладов.

В конце царствования Елизаветы Петровны остро стал вопрос об управлении церковными имениями. Синодальная Канцелярия Экономического Правления, куда в 1744 г. было передано управление этими имениями, не подняла их доходности. Для решения вопроса о церковных имениях Елизавета Петровна в 1757 г. учредила Конференцию из членов Синода и светских лиц. По докладу Конференции 30 сентября 1757 г. о мерах «к освобождению монашествующих от мирских попечений и к доставлению им свободы от трудностей при получении вотчинных доходов» последовал указ, который предусматривал, чтобы архиерейские и монастырские имения управлялись не «монастырскими служками», а «отставными офицерами»; все повинности монастырских крестьян перевести на оброк; чтобы из дохода ничего не употреблялось в расход сверх штатов и остальное хранилось особо и ни на что без именного указа Ее Величества не издерживалось, так, чтобы ведая размер остатков, Ее Величество могла раздавать на строение монастырей»²²⁵. Однако по совету влиятельных духовных лиц императрица отказалась от реализации этого указа, и управление монастырскими имениями снова было передано в ведение Синода.

Эту меру Елизаветы Петровны исследователи рассматривают как «первый шаг» по пути к секуляризации церковных имений.

Первая попытка провести секуляризацию церковных имений была предпринята в короткое царствование Петра III. Изданный 21 марта 1762 г. указ объявлял об изъятии у монастырей и архиерейских домов земель и крестьян и передаче их в казну. Однако этот указ реальной силы не имел. На места он дошел только летом 1762 г., когда император был уже свергнут с престола.

3. Конфессиональная политика Екатерины II и Павла I

28 июня 1762 г. в результате государственного переворота власть перешла к Екатерине II, которая объявила указ Петра III 21 марта 1762 г. «святотатственным посягательством» на церковные имения, «неполезным учреждением, которое учинено без всякого порядка и рассмотрения». Императрица заверяла духовных деятелей в отсутствии у нее «намерения и желания присвоить себе церковные земли». 12 августа 1762 г. она подписала указ о возвращении всех вотчин духовенству. Но это был тактический ход. Стремясь успокоить духовенство, Екатерина II действовала осмотрительно и осторожно, подготавливая широкомасштабную программу секуляризации церковных имений.

27 ноября 1762 г. указом императрицы была образована Комиссия о духовных имениях, по своей значимости приравненная к коллегии, под председательством действительного тайного советника Г.Н. Теплова в составе обер-прокурора Св. Синода А.С.Козловского, трех высших иерархов Церкви и трех наиболее влиятельных вельмож из духовных и светских лиц²²⁶. 29 ноября 1762 г. последовала специальная инструкция, которая определяла ее компетенцию и порядок деятельности; инструкция обязывала Комиссию составить описи монастырской синодальной, церковной и архиерейской земельной собственности, и зафиксировать крестьянские повинности. Комиссия составила об этом основной законопроект, разъясняющий положения и другие нормативные акты, которые легли в основу реформы церковного землевладения.

1762 год был отмечен небывалым размахом волнений монастырских крестьян. Поводом к волнениям явилась отмена Екатериной II указа Петра III об отобрании монастырских земель и крестьян в казну. На подавление волнений были направлены воинские команды. В августе 1762 – июле 1763 гг. были изданы указы о принятии мер к прекращению волнений монастырских крестьян. В числе этих мер было некоторое сокращение повинностей крестьян.

Непосредственное проведение секуляризации церковных имений было возложено на Коллегию экономии, воссозданную 12 мая 1763 г.²²⁷, действующую согласно специальной инструкции от 6 июня 1763 г. На места были посланы 77 обер-офицеров, которые составили подробные

описания монастырских владений.

26 февраля 1764 г. вышел указ о секуляризации церковных владений – в большинстве в великорусских епархиях²²⁸. Все имения Синода, архиерейских кафедр и монастырей поступали в казну и передавались в управление Коллегии экономии. Численность монастырей сократилась втрое, разделенных отныне на штатные (взятые на содержание государством) и заштатные, которым предстояло существовать «собственным иждивением». Указом 10 апреля 1786 г. была проведена секуляризация монастырских имений в Киевской, Черниговской и Новгород-Северской, а указом от 26 апреля 1788 г. – в Екатеринославской, Курской и Воронежской епархиях²²⁹. (О секуляризации монастырских имений см. в гл. 3. «Монастыри и монашество».)

Секуляризация церковных земель лишила церковную оппозицию ее материальной базы. Последней вспышкой церковной фронды явилось выступление в защиту старых (досинодальных) порядков (особенно против секуляризации церковных имуществ) митрополита Ростовского и Ярославского Арсения Мацеевича.

Митрополит Арсений был яркой и одаренной личностью в русской церковной иерархии. Он не мирился с вторжением светских властей в церковные дела. Мацеевич неоднократно посылал в Синод «доношения» против политики правительства по отношению к Православной Церкви. Последнее его «доношение» от 10 марта 1763 г. было направлено против вторжения представителей светской власти в хозяйственные дела его епархии. А еще в феврале 1763 г. в ростовском соборе Мацеевич совершил обряд «отлучения» против «восстающих на церкви Божии», на их «советников», а также и на тех, кто покушался на церковные имения (имелась ввиду предстоящая их секуляризация).

За свои выступления Мацеевич был вызван на суд в Синод. Он был лишен сана и сослан в Николо-Корельский монастырь. Но он продолжал свои протесты и нашел сочувствующих среди северного монашества. В 1767 г. по доносу его судили вторично. Приговор, вынесенный Мацеевичу в соответствии с указом Екатерины II, гласил: «1) Лишить монашеского звания; обряд расстрижения совершить в самой губернской (Архангельской. – В.Ф.) канцелярии; 2) одеть в мужицкую одежду и переименовать в Андрея Вралья; 3) сослать на вечное и безысходное содержание в Ревель под неусыпный надзор; 4) бумаги, чернил и даже береста (!) ему не давать; 5) не допускать к нему ни под каким видом никого. И, одним словом, так его содержать, чтобы и караульные не только

о состоянии его, но ниже и о сем его гнусном имени не знали». Караульных солдат предписано было взять из местного гарнизона, в большинстве не знающих русского языка²³⁰. Арсений Мацеевич умер в каземате 28 февраля 1772 г. Расправа над ним произвела устрашающее впечатление на русских иерархов.

В Сибири велось следствие против митрополита Тобольского и Сибирского Павла (Канюшкевича), в котором видели «врага» секуляризации церковных имений. Дело было основано на подозрениях, которые не оправдались. Он также подвергся суровым репрессиям и в итоге был лишен кафедры и отправлен «на покой» в Киево-Печерскую лавру.

В связи с секуляризацией с приходов были сняты некоторые прежние платежи в пользу архиерейских домов. Как сообщает А.В. Карташев, Екатерина «вела разведку и о других архиереях, недружелюбно встретивших секуляризацию»²³¹.

Таковы были суровые меры просвещенной монархини к иерархам, противящимся ее воле. Кредо Екатерины II, высказанное ею еще в 1761 г.: «Уважать веру, но никак не давать ей влиять на государственные дела»²³². По вступлении на престол в речи к Синоду она прямо и без обиняков заявила, что архиереи не только служители алтаря и духовные наставники, но в первую очередь «государственные особы», ее «вернейшие подданные», для которых «власть монарха выше законов евангельских».

Были приняты меры к улучшению положения приходского духовенства. Указами 1764–1765 гг. отменялись все «окладные сборы», которые приходское духовенство обязано было платить архиерею, отменялись или закреплялись жесткими тарифами обременительные подати за поставление, за переводы с должности. Отныне епископат переходил на казенное содержание от доходов секуляризованных церковных имений, «архиерейское тягло» осталось в прошлом. Архиереям запрещалось лишать священнослужителей сана без разрешения Синода, применять телесные наказания (указы 1765–1766). Изменился и характер архиерейского суда: вместо кары устрашающей и публичной, насильственной, унижавших достоинство духовного лица, в практику вошли наказания исправительные, «келейные» по соображениям поддержки авторитета духовных лиц. Но «традиционный дух властительства по-прежнему царил в архиерейских домах»²³³. Наряду с этим в 1784 г. последовал новый «разбор» духовенства: снова было предписано (как и в былые «разборы») «безместных» священно- и церковнослужителей приписывать к податным

сословиям, а «годных» (к воинской службе) сдавать в рекруты.

Изданный в 1773 г. указ провозглашал Синоду принцип веротерпимости. «Как Всевышний Бог терпит на земле все веры, – говорилось в указе, – то и Ее Величество из тех же правил, сходясь Его святой воле, в сем поступать изволит, желая только, чтобы между ее подданными всегда любовь и согласие царили»²³⁴. Мусульмане получили свободу строить мечети и свои духовные школы, а муллам было даже назначено и содержание из казны, равно как и буддийским ламам. (Указы 1788 и 1794 гг.²³⁵)

Павел I в начале своего царствования ввел ряд льгот для духовенства. По восшествии на престол 6 декабря 1796 г. Павел I, по ходатайству Св. Синода, своим первым указом освободил духовных лиц от телесного наказания за уголовные преступления в гражданских судах до момента лишения сана, так как наказание, «чинимое в виду тех самых прихожан, кои получали от них спасительные тайны, располагает их к презрению священного сана»²³⁶. В тот же день Павел I издал указ о приведении к присяге на верность императору и крепостных крестьян, чего ранее не бывало. Многие крестьяне восприняли его как закон, освобождающий их от крепостной зависимости. В конце 1796 – начале 1797 гг. прокатились массовые крестьянские волнения, которыми были охвачены 32 губернии. К бунтующим крестьянам присоединился и ряд приходских священников. 29 января 1797 г. Павел I издал Манифест, в котором говорилось: «Духовные, наипаче же священники приходские, имеют обязанность предостерегать прихожан своих противу ложных и вредных разглашений и утверждать в благонравии и повиновении господам своим, памятуя, что небрежение их о словесном стаде, им вверенном, как в мире сем взыщется начальством их, таки в будущем веке должны будут дать ответ пред страшным судом Божиим»²³⁷.

1 мая 1797 г. издано «Обращение» к архиереям, дабы они «за поведением священно- и церковнослужителей имели строгое наблюдение, стараясь всемерно предупреждать и отвращать народные возмущения». Указывалось, чтобы тех пастырей, которые приведут в послушание толпу, «отмечать пристойными почестями или переводить их на выгоднейшие места». Если же, наоборот, «будет примечено хотя бы только подозрение к наклонению крестьян к возмущению, то такового немедленно брать в консисторию и приход поручить другому, для увещевания же крестьян посылать надежнейшего священника»²³⁸. Были подтверждены указы Екатерины II, запрещавшие священникам писать челобитные для крестьян.

Характерно, что указ 1798 г. об отмене права выбора прихожанами приходских священников мотивирован и таким обстоятельством: «По происшедшим в некоторых губерниях ослушаниям крестьян противу своих помещиков мисие из священников и церковнослужителей вместо того, чтобы подолгу их, правилами церковными и регламентом духовным предписанному, наставлять прихожан своих благонравию и повиновению властям, над ним поставленным, сами к противному тому подавали повод». В 1800 г. вновь были ведены телесные наказания для приходского духовенства, отмененные указом 6 декабря 1796 г.²³⁹

Однако прочие льготы и облегчения для сельского духовенства были сохранены и установлены новые. Увеличены земельные участки сельским приходом, на 112% увеличено жалованье от казны приходским священникам, были приняты меры к призрению и обеспечению вдов и сирот священников. В 1797 г. все духовное сословие было освобождено от сборов на содержание полиции. Царские милости распространились и на епархиальное духовенство. Расходы казны на содержание епархии возросли с 463 тыс. до 982 тыс. руб. В 1797 г. были удвоены размеры земельных участков архиерейских домов, а также дополнительно выделены мельницы, рыбные ловли и пр. уголья.

В 1800 г. Павел I ввел награждение гражданскими орденами духовных лиц за особые заслуги. Первым был награжден митрополит Московский Платон (Левшин). Рассказывают, что он умолял Павла не удостаивать его этой чести и дать возможность «умереть архиеерем, а не кавалером», но в конечном счете, чтобы «не прогневить» монарха, принял эту награду. Но будучи неуравновешенного и вспыльчивого нрава, Павел часто подвергал и высоких духовных особ опале. Так, среди них пострадал выдающийся церковный деятель митрополит Новгородский и С.-Петербургский Гавриил (Петров) только за то, что к нему благоволила Екатерина II. Павел оставил за ним только Новгородскую кафедру, с которой он в 1799 г. вынужден был уйти «на покой».

В коронационном манифесте 5 апреля 1797 г. Павел I объявил себя главой Русской Православной Церкви²⁴⁰. Это потом было закреплено в «Своде законов Российской империи» (1832 г.). Его статья 42-я (Т. I, ч. 1-я) гласила: «Император, яко христианский государь, есть верховный защитник и хранитель догматов и блюститель правоверия и всякого в Церкви святого благочестия».

При Павле I провозглашена веротерпимость к «раскольникам». Разрешена свободная деятельность старообрядческой церкви.

Старообрядцам возвратили отобранные у них книги. Но предусматривались наказания для уклонявшихся в раскол.

Проявлялась терпимость к униатам Белоруссии и Правобережной Украины: Киевская, Минская, Житомирская и Брацлавская епархии были предупреждены о том, что нельзя силой обращать униатов в православную веру. Священников, нарушивших этот запрет, лишали приходов. В 1798 г. был учрежден Департамент римско-католического исповедания. В ведении его находились как католики, так и униаты, за которыми признавалась свобода вероисповедания.

Павел I проводил благожелательную политику по отношению к католицизму. Он охотно отозвался на просьбу ликвидированного Наполеоном в 1798 г. при захвате о. Мальты Ордена Иоаннитов принять их под свое покровительство. Став магистром Мальтийского ордена, Павел наградил орденом святого Иоанна Иерусалимского некоторых епископов, а придворных священников возвел в звание кавалеров ордена.

Павел дал приют иезуитам, позволив им избрать своего викария в России. В 1799 г. Павел благосклонно принял генерала иезуитского ордена пастора Гавриила Грубера, который добился от него разрешения для иезуитов открывать «богоугодные заведения» в Петербурге. В 1800 г. иезуитам был передан в Петербурге католический храм св. Екатерины, при котором была основана иезуитская коллегия. Возможно, не без внушений Грубера Павел проникся идеей воссоединения католической и православной церквей. План Грубера (о воссоединении церквей) Павел направил в Синод. Первоприсутствовавший в Синоде митрополит С.-Петербургский Амвросий (Подобедов), решительно выступил против предложения иезуита. Амвросия поддержал весь Синод. Поскольку еще в 1773 г. орден иезуитов был запрещен папой Климентом XIV, Павел добился от папы Пия VII издания 7 марта 1801 г. буллы о восстановлении иезуитского ордена в пределах России. Она вступила в силу уже при Александре I.

4. Перемены в политике по отношению к старообрядчеству в последней трети XVIII века

В последней трети XVIII в. политика по отношению к старообрядцам существенно смягчилась. Указом Петра III от 29 января 1762 г. старообрядцам, бежавшим за границу, дозволялось вернуться в Россию. Указ предписывал, чтобы «им в содержании закона по их обыкновению и по старопечатным книгам ни от кого возбранения не было». 1 февраля 1762 г. последовал указ о прекращении всех следственных и судебных дел о старообрядцах, «и содержащихся под караулом тотчас в дома отпустить и вновь никого не забирать»²⁴¹.

Екатерина II подтвердила эти указы и даже предоставила ряд новых уступок старообрядцам. Она предписала местным властям, чтобы вышедшим из-за рубежа старообрядцам они оказывали покровительство, защищали их и не чинили принуждения в ношении указанного платья и бритья бороды.

В 1762 г. старообрядцам, вышедшим из Польши, она разрешила поселиться в Саратовском Заволжье по р. Иргизу, где им было отведено 70 тыс. десятин земли. В данном случае преследовалась цель колонизации этого слабо заселенного края. С той же целью в 1785 г. наместнику Новороссии Г.А. Потемкину было поведено поселить старообрядцев в Таврической губернии. Был принят и ряд мер на устранение административно-юридической обособленности старообрядцев.

В 1763 г. была упразднена Раскольническая контора, учрежденная в 1725 г. для сбора двойной подушной подати со старообрядцев и налога с бород. В 1764 г. от двойной подушной подати освобождались старообрядцы, которые не отказывались от «таинств церковных от православных священников». Были ликвидированы другие дискриминационные меры, принятые прежним законодательством «о расколе». Указ 1783 г. гласил: «Светская власть да не долженствует вмешиваться в различие, кого из жителей в число правоверных, или кого в заблуждающихся почитать, но обязана над всеми вообще наблюдать, дабы каждый поступал по предписанным государственным узаконениям»²⁴².

В 1783 г. 1500 старообрядцев Стародубья подали прошение в Синод, чтобы им дозволили совершать богослужение по старопечатным

(«дониконианским») книгам и назначили епископа, который, состоя в ведении Синода, управлял бы делами всех старообрядцев. В 1784 г. Синод разрешил им дать священников, хотя «в епископе было отказано». Так было положено начало единоверию – компромиссной форме объединения части старообрядцев-поповцев с Православной Церковью на условиях сохранения за ними их старых обрядов, но при подчинении ее юрисдикции. Вступающие в единоверие освобождались от проклятья, которому был предан раскол на церковном Соборе 1667 г., единоверцам разрешалось получать священников от епархиального архиерея, и они подчинялись ему в делах духовных и церковного суда.

В Стародубье и Новороссии открылось несколько единоверческих церквей и монастырей.

В 1797 г. в Нижегородской епархии к единоверию присоединилось до 1 тыс. старообрядцев-поповцев. Затем к единоверию присоединилась часть старообрядцев-поповцев Казанской, Московской, С.-Петербургской и Иркутской епархий. 12 марта 1798 г. был издан указ Павла I о предоставлении старообрядцам-поповцам права «иметь у себя церковь и особенных священников, рукоположенных от епархиальных архиереев для отправления службы Божия по старопечатным книгам»²⁴³. В 1799 г. единоверческие церкви были открыты в Москве и Петербурге. Митрополит Московский Платон (Левшин) составил «Правила единоверия», утвержденные 27 октября 1800 г. Павлом I²⁴⁴. Таким образом, единоверие получило официальный статус.

**Глава 7. Конфессиональная политика
Александра I и Николая I.**

1. Конфессиональная политика Александра I

Отношение Александра I к православному духовенству и к инославным конфессиям (1801–1812)

Конфессиональная политика Александра I менялась в соответствии с изменениями в его общем политическом курсе. 1801–1811 годы царствования Александра I оцениваются в нашей исторической литературе как время либеральных преобразований. В контексте с этим направлением проводилась и конфессиональная политика, характерная религиозной терпимостью.

Александр I был воспитан на идеалах европейского гуманизма. В начале своего царствования он видел в религии значение нравственного фактора, как важное средство просвещения народных масс. Он считал тогда догматическое различие христианских церквей историческим анахронизмом, полагал, что религиозная нетерпимость и фанатизм есть следствие «невежества». Отсюда особое значение он придавал просвещению и просветительской роли церкви. Не вникая в тонкости богословия, он желал, чтобы не только православные, но и католические, и протестантские священники помимо богослужения занимались просветительской и нравственно-воспитательной деятельностью.

До 1810 г. конфессиональные дела распределялись по разным правительственным органам. Характер управления и решения их во многом зависел от ведомственных интересов этих учреждений и вследствие этого препятствовал проведению единого политического курса в этой сфере.

В 1810 г. в составе Министерства внутренних дел было создано Главное управление духовных дел иностранных исповеданий занимавшееся проблемами неправославного населения России. Необходимость его создания, как объяснялось в указе 1810 была продиктована «рассеянностью» духовных дел по различным ведомствам, что не позволяло рассматривать эти дела «совокупно» и проводить в отношении инославных исповеданий единую политику²⁴⁵. Инициатором его создания был М.М. Сперанский. Главным управляющим этого учреждения был назначен кн. А.Н. Голицын совмещавший эту должность с постом обер-прокурора Св. Сиг да, а помощником Голицына в звании «директора» стал А.И. Тургенев.

В Главное управление духовных дел иностранных исповеданий были переданы дела из Министерств внутренних дел и юстиции, Юстиц-коллегии Лифляндских и Эстляндских дел. В функции нового государственного учреждения первоначально входит подготовка представлений «на высочайшее утверждение» в духовные управления (коллегии, консистории и т.п.) разных исповеданий, начальников монашеских орденов и духовных учебных: ведений, осуществление контроля за иноверческими церквам монастырями, учебными заведениями и именьями, рассмотрение жалоб и апелляций²⁴⁶. Постепенно полномочия и деятельность этого учреждения расширялись. Оно стало ведать дела! Римско-католической коллегии, состоявшей из католического униатского департаментов, Оренбургского мусульманского духовного собрания и Таврического мусульманского общества, Комитета Российского Библейского общества, «армянских епархий духовных правлений».

При Александре I православному духовенству был представлен ряд льгот. Указом 22 мая 1801 г. отменялось применение телесного наказания по суду к священникам и диаконам²⁴⁷. До этого такое наказание проводилось публично на площадях, что сильно подрывало авторитет духовенства в глазах народа. В 1805 г. дозволял «праздным детям духовенства и лишним церковникам» записываться «во всякий род жизни, какой изберут по желанию и способностям», приписаться к городским или сельским общинам, даже без согласия этих общин²⁴⁸. Однако в 1806 г. был предпринят новый «разбор» духовенства. По присланным в конце 1806 г. в Синод ведомостям оказалось «определенное число детей священно- и церковнослужителей, не обучавшихся в [духовных] школах и живущих праздно при отцах своих», коим следовало «на основании бывших распоряжений, учинить разбор, и тех, коим более 15 лет от роду, обратить всех в воинскую службу», из них, знающих грамоту, «отослать в военно-сиротские заведения для обучения их и приуготовления на унтер-офицерские места». По ведомостям таковых числилось: еще не достигших 15 лет – грамотных 11379, а неграмотных – 49460, свыше 15 лет – грамотных 2602, неграмотных – 1166 человек. Утвержденными царем 20 ноября 1806 г. «Правилами»²⁴⁹ было поведено: «Всех духовных детей свыше 15 лет от роду, не избравших никакого образа жизни, непорядочного поведения школьников и исключенных из школ за непонятием науке и леностию отрешенных от мест причетников, а также причетников, проживающих вне штатного положения в монастырях не в надежду пострижения, исключая из духовного звания, обратить в военную службу, а

для этого немедленно отослать их в губернские правления». Кроме того, предписывалось «отдать в солдаты и церковников, находящихся под судом», а «увечных и неспособных из них [к службе] отослать в консисторию для определения в сторожа». А еще несколько ранее был издан указ: «Отсылать в военную службу лишенных сана священнослужителей, а неспособных [к службе] приписывать к заводам и фабрикам»²⁵⁰. Однако, в связи с заключением в июне 1807 г. Тильзитского мира, этот предполагаемый разбор духовенства был отменен. Лишь уволены были по старости и болезни 2662 священника и 2312 причетника.

В 1808 г. духовенству было предоставлено право приобретать ненаселенные земли²⁵¹, а с 1819 г. священникам дворянского происхождения – и населенные земли (имения с крепостными крестьянами). В 1821 г. был издан указ, освободивший духовенство «от воинского постоя, поземельного сбора и других городских полицейских повинностей», а их сыновья, не занимавшие духовных должностей, освобождались от рекрутской повинности²⁵². В 1823 г. вдвое увеличены введенные при Павле I оклады для приходского духовенства, создан пенсионный фонд и в каждой епархии были образованы «попечительства о бедных духовного звания». Средства на это поступали в основном за счет частных пожертвований, так как казна могла отпускать на эти цели не более 150 тыс. руб. в год²⁵³. Впрочем, это не могло решить проблемы материального обеспечения приходского духовенства, и к этому вопросу российские монархи неоднократно возвращались впоследствии.

Еще со времени царствования Павла I среди русской аристократии началось увлечение католицизмом. В значительной мере это происходило под влиянием нахлынувших в конце XVIII в. в Россию из революционной Франции эмигрантов-католиков, милостиво принятых при русском дворе. Влиянию католицизма в России немало содействовал много лет живший в ней в качестве посланника сардинского короля талантливый французский писатель и публицист граф Жозеф де Местр.

В это время в России заметно активизировали свою деятельность иезуиты. Изгнанные в 1719 г. Петром I, при Екатерине II после присоединения к России Белоруссии и Западной Украины в результате разделов Польши, иезуиты, проживавшие на этих территориях, вновь оказались в России. Однако Екатерина II выпускала их за пределы Белоруссии, которая стала центром, куда стали стекаться иезуиты, изгоняемые отовсюду после запрета их ордена папой в 1773 г. Здесь они имели 10 миссий и 6 колледжей, владели фабриками, заводами, даже 14

тыс. крепостными крестьянами. При Павле I иезуиты получили больше свободы действий, открыто обосновались в Петербурге, где завели свои пансионы для обучения детей русских дворян. Александр I лично не был расположен к иезуитам, но и не препятствовал их деятельности. При нем иезуитские миссии были учреждены в Москве, Риге. Деятельность иезуитских эmissаров распространилась и на города Среднего Поволжья, Сибири, юго-западной России и Белоруссии. Иезуиты появились в Астрахани, Саратове, Киеве, Каменец-Подольске, Моздоке, Симферополе, Одессе (Одесса сделалась их важным оплотом на юге России). Широкую известность приобрел действовавший в Петербурге иезуитский колледж. В нем преподавали не только духовные, но и светские дисциплины: античную литературу, политическую географию, математику, гражданскую и военную архитектуру, психологию, астрономию, физику, гражданское, государственное и естественное право, «законы поэзии», а также живопись, музыку и танцевальное искусство. Колледж действовал до 1815 г. В нем обучалось до 60 детей знатных дворянских фамилий (Барятинских, Вяземских, Кочубеев, Гагариных, Одоевских, Ростопчиных). В Полоцке иезуиты основали духовную академию, которой были предоставлены университетские права. В руках иезуитов были значительные материальные средства²⁵⁴.

Активная деятельность иезуитов в России вызывала раздражение и недовольство верхов Русской Православной Церкви, которые обвиняли их в стремлении «обратить русское православное население в католическую веру». Указом 15 декабря 1815 г. иезуиты были высланы из Петербурга²⁵⁵, а указом 13 марта 1820 г. и из других городов России²⁵⁶. Характерна мотивировка указа 1820 г. о высылке иезуитов вообще из пределов России: «Удаление иезуитов из Петербурга не послужило к перемене их поведения». На это были свои основания, так как они продолжали совращать в католичество представителей русской знати. Иезуит Жозеф де Местр писал в 1816 г.: «Обращение умов к нашей вере идет чрезвычайно быстро, и переход в католицизм замечателен как по числу лиц, так и по положению, занимаемому ими в обществе»²⁵⁷. Всего было выслано из России 647 иезуитов. Их школы и духовная академия в Полоцке были закрыты, а все принадлежавшее иезуитам имущество на сумму свыше 3 млн. руб. конфисковано и передано в казну, включая и их крепостных крестьян, которые под названием «поиезуитских» перешли в разряд государственных.

Уже при Павле I был сделан ряд послаблений старообрядцам.

Александр I продолжил эту политику. Предписание императора 1801 г. о старообрядцах гласило: «Общее правило, принятое мною, состоит в том, чтобы не делая насилия совести и не входя в розыскание внутреннего исповедания веры, не допускать однако же никаких внешних доказательств отступления от Церкви и строго воспрещать в сем соблазны не в виде ересей, но как нарушение общественного благочиния и порядка»²⁵⁸. Старообрядцам разрешено было иметь своих священников, по своим обрядам совершать крещения, браки, погребения. Было предписано «не входить ни в какие розыскания о тех старообрядцах, которые издавна находятся в сей секте, а наблюдать только, дабы никого из православных не совращали в свой раскол». Таким образом, не подвергался гонениям «раскол существующий», но преследовались «распространители раскола, совращающие в раскол», а также и «уклоняющиеся в раскол». Это касалось и других «инославных» христианских конфессий. В том постановлении говорилось: «Пусть все народы, в России пребывающие, славят Бога всемогущего разными языками по закону и исповеданию праотцев своих, благословляя царствование российских монархов и моля Творца вселенной об умножении благоденствия и укрепления силы империи»²⁵⁹.

Характерна резолюция Александра I о секте духоборов: «Отдаление сих людей от Православной Церкви есть, конечно, с их стороны заблуждение, основанное на некоторых погрешных заключениях их об истинном богослужении и духе христианства. Сие происходит в них от недостатка просвещения, ибо ревность Божию имеют не по разуму. Но просвещенному правительству христианскому приличествует ли заблудших возвращать в недра церкви жестокими средствами, истязаниями, ссылками и тому подобными? Учение Спасителя мира, пришедшего на землю взыскати и спасти погибшего, не может внушаемо быть насильствами и казнями... Истинная вера порождается благодатию Господнею чрез убеждение, поучением, кротостью, а более добрыми примерами. Жестокость же не убеждает никогда, но паче ожесточает»²⁶⁰.

Таким образом, хотя и провозглашалась свобода вероисповедания, однако с непременным условием верности монархии и ее прославления, а главное – не в ущерб интересам «господствующей и первенствующей» Православной Церкви.

Присоединение к Русской Православной Церкви Грузинского экзархата

Ко времени присоединения Грузии к России (1801–1804) местная автокефальная Церковь находилась в состоянии глубокого упадка. Указами 1811 и 1814 гг. она была введена состав Русской Православной Церкви на правах экзархата (церковной автономии). В 1817 г. экзархом Грузии был поставлен митрополит Рязанский Феофилакт (Русанов); ряд епархий экзархата был преобразован путем их слияния и укрупнения. Получила свободу и та часть грузинского духовенства, которая находилась в крепостной зависимости.

Отношение Александра I к масонству

В 1803 г. был снят запрет на деятельность масонских лож. Однако формального разрешения на открытие новых лож не было дано, а с 1810 г. за масонами был установлен негласный полицейский надзор.

Это было время широкого увлечения масонством. В начале XIX в. в России насчитывалось около 200 масонских лож, в которых состояло свыше 5 тысяч человек. Социальная принадлежность членов масонских лож была различной. Были ложи как с преобладанием лиц «третьего сословия» (купцы, промышленники, ремесленники, разночинная интеллигенция), так и исключительно из дворян-аристократов. В масонских ложах несколько лет пребывали великий князь Константин Павлович, М.М. Сперанский и более 60 других известных царских сановников и генералов, в том числе председатель Государственного совета Д.Н. Блудов, министр полиции В.В. Балашов и будущий шеф жандармов А.Х. Бенкендорф. Половина министров и все члены Негласного комитета при Александре I были масонами

Масонство – религиозно-этическое общественное движение. Отправной датой возникновения масонства принято считать 1717 год, когда в Великобритании была создана первая Великая ложа Англии. В течение последующих десятилетий масонство распространилось почти по всему христианскому (точнее европейскому) миру. Зарождение масонства в России относится примерно к 1730 г. До 1770 г. существовало всего 17 лож, в каждой в среднем находилось около 20 членов. К концу XVIII в. численность масонов в России увеличилась до 1000 человек. В основном они принадлежали к высшему дворянству. Масонами тогда были поэт А.П. Сумароков, писатель и издатель Н.И. Новиков, граф К.Н. Разумовский, воспитатель наследника престола Павла Петровича Н.И. Панин. Благожелательно относился к масонству Павел I, но масоном (как некоторые полагают) он не был.

Свое название масонство получило от французского слова *maçon* (каменщик или *franc-maçon* – «вольный каменщик»). Еще в средние века каменщики объединялись в товарищества, которые собирались в залах (ложах) для обсуждения секретов своего мастерства. Постепенно цехи каменщиков превратились в закрытые общества. Эта традиционная форма общения и была воспринята масонством. Его внешние знаки-атрибуты – мастерок каменщика, циркуль с треугольником, круг, шестиконечная

звезда Давида и изображение Библии. Сначала масоны подразделялись на три степени – ученик, подмастерье и мастер. Впоследствии появилась высшая степень – магистр ложи.

Масонство возникло на христианской основе с протестантской трактовкой. Ватикан встретил появление масонства в Европе враждебно, усматривая в нем силу, якобы способную подорвать влияние папы на паству. В 1738 г. была издана папская булла, осуждавшая масонство как «вредную секту».

Масонская ложа была прежде всего местом, где могли встречаться и общаться без предвзятости, в атмосфере взаимного доверия сторонники всех оттенков политических взглядов – либеральных и консервативных. Именно в ложе они впервые знакомились, некоторые становились друзьями. В царящем в ложе духе доверия люди разных взглядов могли искренне и без подвохов обмениваться мнениями, не обходя и спорных вопросов. В целом же масонство не носило политического характера. Общей чертой его были религиозно-нравственные искания его членов, а главные его принципы – духовно-нравственное совершенствование человеческой природы. Масоны уделяли большое внимание вопросам этики, проповедовали идеи всемирного братства и взаимопомощи, верность Богу и государю, выступали против религиозной и национальной нетерпимости. Масоны-мистики проповедовали приоритет «внутренней церкви» перед «внешней» – внутреннего мистического состояния перед церковной обрядностью. Однако признавали, что официальная церковь является государственным институтом, и пока существует государство, гражданин государства должен быть и верным членом внешней церкви, полагали, что их внутренняя мистика не исключает церковность. В уставах масонов обычно говорилось, что масон должен в точности повиноваться законам, не участвовать ни в каких предприятиях, тайных и явных, которые вредили бы государству и царю, не осуждать государя ни словесно, ни письменно. По их мнению, религиозная политика должна вести к объединению всех вероисповеданий в единую церковь. Такого же мнения тогда придерживался и Александр I.

Российские масоны видели в Александре I «своего» человека, воспевали его в стихах и песнопениях, ставили его портреты в помещениях масонских лож на видных местах. Масонские ложи носили аллегорические названия: Феникс, Пламенеющая звезда, Умиравший сфинкс, Три добродетели и т.п.

Дань масонству отдали и многие будущие декабристы. До 120 их (в том числе и все видные руководители тайных декабристских обществ)

состояли по нескольку лет в масонских ложах. Их привлекали в масонстве идеи нравственного самоусовершенствования, своеобразная форма интеллектуального общения, сам ореол таинственности. Масонские ложи послужили объединению будущих декабристов. Не случайно во внутреннем обиходе первой декабристской организации – Союзе спасения – сказались влияние масонского ритуала (принесение клятв принимаемых в обществе на кресте и кинжале, подразделение членов обществ на степени – «боляр», «братий» и «мужей»).

В 1821 г. по доносам была выявлена декабристская организация – Союз благоденствия. Попали под подозрение и масонские ложи. 1 августа 1822 г. последовал рескрипт Александра I о запрете всех тайных обществ и масонских лож²⁶¹. От всех военных и гражданских чиновников были взяты подписки в том, что они не состоят и не будут состоять впредь в таковых «сообществах». Однако некоторые масонские ложи, вопреки запрету, продолжали существовать и позже (в Нижнем Новгороде, Киеве, Саратове, Житомире и других городах).

Под влиянием восстания декабристов Николай I своим указом от 21 апреля 1826 г. повторил рескрипт 1822 г. о закрытии тайных обществ и масонских лож. Вновь от военных и гражданских чиновников были взяты подписки о непринадлежности их к масонским и тайным обществам.

В 1845 г. было повелено изъять и сжечь все масонские мистические книги. В дальнейшем российское масонство резко свернуло свою деятельность. Попытки возрождения российского масонства относятся к началу XX в.

Увлечение Александра I мистицизмом после 1812 г.

Военные потрясения 1812 г. породили мистические настроения среди русского дворянства. Захватили они и Александра I. Впрочем, Александр I был уже внутренне подготовлен к такому переходу. Как отмечает известный историк русского богословия протоиерей [Георгий Флоровский](#), «Александр был воспитан в началах сентиментального гуманизма. Отсюда переход его к мистической религии сердца не был далек и труден, он от начала привыкал жить в элементе грез и ожиданий». Поэтому «в круг мистических интересов Александр вошел много раньше, чем пожар Москвы просветил его сердце»²⁶².

В молодости Александр в церковных делах не имел никаких сведений. Впоследствии он сетовал, что его воспитатели «не были верующими христианами». Поэтому подобно многим своим современникам он был фактически лишен религиозного воспитания, но тяготел к религии и, по

словам историка Русской Церкви П.В. Знаменского, «выработал в себе своеобразную собственную религию, одинаково мирившуюся со всеми вероисповеданиями и ни к одному из них не принадлежавших». Вместе с тем нельзя признать справедливым утверждение Знаменского, что «в церковных делах он (Александр. – В.Ф.) не имел никаких сведений, поэтому на первых порах своего царствования долго не обнаруживал к ним надлежащего внимания»²⁶³.

Александр I рассматривал 1812 год как важный поворотный момент в его религиозных настроениях. Он говорил впоследствии: «Пожар Москвы осветил мою душу, и суд Божий на ледяных полях наполнил мое сердце теплотою веры, какой я до тех пор не ощущал. Тогда познал я Бога. Во мне созрела твердая решимость посвятить себя и свое царствование Его имени и славе»²⁶⁴. Революционные и военные потрясения в Европе способствовали распространению мистицизма и в других европейских странах. Тогда, как образно заметил П.В. Знаменский, «высшие классы и правительства ухватились за религию как за единственный якорь спасения от утомившей всех качки и бурных тревог недавнего прошлого»²⁶⁵.

В 1814 г. Александр I, находясь за границей, вместе с прусским королем Фридрихом-Вильгельмом III, помимо обсуждения важных политических вопросов устройства Европы, предается религиозным сентиментальным размышлениям.

Александр I в то время выступал не только в поддержку русского православия, но и любой христианской конфессии. В 1814 г. в Силезии он встретился с представителями секты «моравских братьев». В их строгом аскетизме он увидел «образец чистого идеала христианства». В Бадене Александр беседовал с видным европейским мистиком – Юнгом Штиллингом. В Лондоне милостиво беседовал с квакерами, посещает их молитвенные собрания; в беседах с ними поддерживает их пацифистскую идею о «богопротивности войн», а также характерное для рационалистических конфессий представление о ненужности для христианина внешних религиозных форм; призывает их в Россию для устройства филантропических учреждений и ланкастерских форм взаимного обучения. В 1815 г. в Париже Александр I знакомится с «европейской пифией» – баронессой В.Ю. Крюденер.

По возвращении в Россию он стал покровительствовать различного рода духовным собраниям, принимает новоявленных «пророков» и «пророчиц», приближать к себе воинствующего религиозного фанатика архимандрита псковского Юрьева монастыря Фотия (П.Н. Спасского). А.С.

Шишков делает для Александра выписки из библейских книг. Однако следует отметить, что несмотря на увлечение мистицизмом, Александр I не терпел вмешательства разных «пророков» и «пророчиц» в его государственные дела. Например, когда баронесса Крюденер попыталась вторгнуться в вопросы политики, она была немедленно выслана из России.

В 1815 г. по инициативе Александра I был создан «Священный союз» трех европейских монархов – русского, австрийского и прусского. Александр I составил и акт о его образовании. Союзники обязывались править по законам христианской этики, и в основу государственной жизни их стран положить христианские заповеди – равенство и братство народов, недопущение кровопролитий, уничтожение рабства. Цель политического развития виделась «в приуготовлении к тому обещанному Царствию Господа на Земли, которое будет яко на небеси»²⁶⁶. По приказу Александра I текст манифеста читался ежегодно в день его подписания (14 сентября) во всех церквях Российской империи, и этот приказ неукоснительно исполнялся до конца царствования Александра I.

Созданием «Священного союза» Александр I стремился свою международную политику наполнить нравственным содержанием на основе идеалов социального христианства, которые, как он полагал, разделяли все европейские христианские народы. Однако здесь преследовалась основная политическая цель – взаимная поддержка старых монархических династий и защита принципов «легитимизма».

В исторической литературе обойден интересный факт – попытки Александра I (в 1816 и в 1817 гг.) привлечь к «Священному союзу» римского папу Пия VII. Предпринимая этот демарш, Александр I преследовал цель укрепления позиций России в католической Польше. Однако папа принципиально был против соединения разных религиозных, хотя и христианских, принципов «Священного союза», ибо создание такой религиозно-мистической и политической организации европейских государств противоречило догмам католицизма и задевало интересы папы как главы католического мира.

Важную роль в проведении конфессиональной политики при Александре I играл его «друг юности» князь А.Н. Голицын. В 1803 г. Голицын был назначен на пост обер-прокурора Св. Синода, на каковом он пребывал до 1817 г., совмещая с ним и другие должности. Назначение Голицына на столь высокий пост удивило современников: в кругу тогдашних аристократов он был известен как «веселый эротоман», «баловень прекрасного пола», не имевший тогда никакого представления ни о православии, ни о христианстве. По свидетельству П.В. Знаменского,

Голицын «не имел религиозного образования и даже резко отрицательно отзывался о церкви», но «став обер-прокурором, он значительно остепенился, сделался солиднее, бросил дурную привычку кощунствовать, занялся чтением религиозных книг, сблизился с религиозными людьми, стал их адептом и покровителем»²⁶⁷. Помимо поста обер-прокурора Св. Синода Голицын одновременно возглавлял Главное управление духовных дел иностранных исповеданий, президента Российского библейского общества. В 1816 г., при сохранении за ним этих постов, Александр I поставил его и во главе Министерства народного просвещения. 24 октября 1817 г. оно было преобразовано в «двойное» Министерство духовных дел и народного просвещения во главе с тем же Голицыным. Министерство состояло из двух департаментов – Духовных дел и Народного просвещения. В составе министерства находилось и Главное Правление училищ. Цель такого преобразования, как говорилось в указе, состояла в том, «чтобы христианское благочестие было всегда основанием истинного просвещения». Под контроль этого министерства были поставлены все вероисповедания в России. («Министерство объемлет в круге своих действий дела духовные всех вероисповеданий в России», – говорилось в указе.) В соответствии с этой задачей Департамент духовных дел был составлен из 4 отделений: 1-е ведало делами «греко-российского исповедания»; 2-е – «римско-католического, греко-униатского и армянского исповеданий»; 3-е – «по делам всех протестантских исповеданий» и 4-е – «по делам еврейско-магометанского и прочих вер нехристианских»²⁶⁸. В указе говорилось: «Само собою разумеется, что к оному (министерству. – В.Ф.) присовокупятся и дела Святейшего Правительствующего Синода». Тем самым Св. Синод ставился как бы в подчиненное положение к этому вновь созданному министерству, при этом А.Н. Голицын совмещал должности и министра, и обер-прокурора Синода. В эти годы на политическом небосклоне России восходила звезда другого фаворита Александра I – всесильного временщика А.А. Аракчеева, ревностно относившегося к успехам карьеры А.Н. Голицына. Впоследствии Аракчееву удалось свалить своего соперника, воспользовавшись обстоятельствами, о которых будет сказано ниже.

Библейское общество в России

При покровительстве Александра I в 1813–1824 гг. в России развернуло свою деятельность Библейское общество. Оно было связано с Британским Библейским обществом, которое под названием «Британское и Иностранное Библейское общество» было основано в 1804 г. в качестве общехристианской миссионерской организации, ставящей своей целью распространение Библии в переводе на различные языки мира. Вместе с тем оно преследовало также и цель противодействовать «разрушительным идеям» XVIII в. с их религиозным скептицизмом и отрицанием религиозных догм. Характерно, что против деятельности Библейского общества на европейском континенте выступила католическая церковь. Она была против перевода Библии с латинского языка на европейские, дабы «устранить возможность сомнений в ее (Библии. – В.Ф.) авторитете». С другой стороны, не считали необходимости в Библейском обществе и некоторые протестантские миссионеры, которые выдвигали и такой аргумент: «Для грубых племен нужнее наставник, а не Библия».

В 1810 г. эмиссары Библейского общества открыли свои миссии в Финляндии и в Остзейском крае. В марте 1812 г. в Петербург прибыл с ходатайством об открытии Библейского общества в России английский пастор Джон Патерсон. Его ходатайство поддержал А.Н. Голицын – активный сторонник учреждения Российского Библейского общества.

6 декабря 1812 г. Александр I утвердил разработанный Голицыным Устав этого общества, а 13 января 1813 г. в доме Голицына состоялось и первое собрание его членов-учредителей. На собрании присутствовали высшие сановники, православные иерархи, представитель римско-католической церкви и несколько протестантских пасторов. Был избран Комитет в составе 18 членов во главе с президентом, которым стал А.Н. Голицын, а вице-президентами – попечители учебных округов.

Предполагалось, что Российское Библейское общество станет организацией единомышленников, послужит объединением духовной и политической элиты, на которую император мог бы опереться в проведении своей конфессиональной политики. В Библейское общество вступили многие царские сановники и влиятельные духовные лица: митрополиты Амвросий (Подобедов) и Серафим (Глаголевский), ректор Петербургской духовной академии архимандрит Филарет (Дроздов) и духовник царя протоиерей П.В. Криницкий. Была издана брошюра с

краткой историей Библейского общества и объяснением цели открытия его отделения в России. Затем последовало официальное обращение к губернаторам и важным духовным особам содействовать Библейскому обществу.

В 1814 г., во время посещения Лондона, Александр I принял депутацию Британского Библейского общества, назвал его «самым благотворительным учреждением» и сообщил, что он дал согласие на открытие такого же общества и в России, «где оно нужнее, чем где-либо, по множеству языческих народов, которые надо обратить в христианство». Установились тесные связи между Британским Библейским обществом и Российским.

Российское Библейское общество поставило своей задачей издание книг Священного писания на языках народов России и распространение их по дешевой цене и даже бесплатно. Средства для этого поступали от взносов членов общества и частных пожертвований. Александр I пожертвовал 25 тыс. руб. и обязался делать годовые взносы в размере 10 тыс. руб. К 1824 г. было создано 57 отделений и 232 «сотоварищества» Библейского общества почти во всех губерниях России. Создавались даже детские «библейские товарищества» при учебных заведениях. На Библейское общество заставляли жертвовать лиц всех состояний и званий, включая крестьян и даже солдат.

Издательская деятельность Российского Библейского общества особенно активно развернулась в 1816–1824 гг. Оно получило в собственность большой каменный дом в Петербурге, в котором разместились его типография, книжная лавка и склад печатной продукции.

Отметим, что деятельность Библейского общества имела и некоторые положительные стороны. Оно способствовало распространению школ взаимного обучения, принимало живое участие в делах благотворительности. Однако Библейское общество некоторым образом задевало прерогативы Русской Православной Церкви. Православные иерархи высказывали свое недовольство участием в нем «иноверцев» – католиков и протестантских проповедников. Сама мысль распространения Библии для религиозного воспитания народа казалась странным нововведением. Они считали, что для простого и малообразованного народа вполне достаточно соблюдение обрядового благочестия. Считали «профанацией святыни», чуть ли не «вредным вольнодумством и изменой православию» переводить Библию с церковно-славянского на современный русский и языки других народов России. Среди духовных лиц вызвало неодобрение учреждение Министерства духовных дел и народного

просвещения под управлением светского лица. Деятельность Библейского общества рассматривалась как вмешательство в церковные дела. Посыпались доносы по поводу издания в России западными проповедниками мистических книг на русском языке. В доносах указывалось, что Библейское общество будто бы связано с другими тайными обществами. Его обвиняли в «потрясении религии и престола».

В начале 1824 г. возникло громкое дело из-за издания немецким пастором Иоганном Госнером (связанным с Библейским обществом) его книги «Дух жизни и учение Христа в Новом Завете». Госнер был обвинен в том, что он «в толковании евангельских текстов под видом наставления ...внушал правила, основанные на ложных умствованиях», в стремлении «к возмущению народа против православия и престола». Книга была запрещена, а Госнер 25 апреля 1824 г. выслан из России²⁶⁹.

Этими обстоятельствами воспользовались архимандрит Фотий и А.А. Аракчеев. Аракчеев убедил Александра I в необходимости упразднения Министерства духовных дел и народного просвещения, которым управлял Голицын. К самому же Библейскому обществу у Аракчеева не было ни малейшего дела, но ненависть к этому обществу приверженцев старины послужила для него удобным поводом, чтобы свалить Голицына. По настоянию Фотия и при поддержке его Аракчеевым Голицын в начале мая 1824 г. был уволен с поста президента Библейского общества и с поста министра духовных дел и народного просвещения. Указом 15 мая 1824 г. Министерство духовных дел и народного просвещения было упразднено и тем же указом было восстановлено в прежнем своем значении – Министерство народного просвещения, во главе которого был поставлен А.С. Шишков²⁷⁰. Назначенный новым президентом Библейского общества митрополит Петербургский Серафим осенью 1824 г. представил императору доклад о «вреде» этого общества и необходимости его закрытия. Хотя тогда общество формально и не было закрыто, но было прекращено издание его «Известий», затем последовал запрет на переводы библейских текстов. Однако издательская деятельность Библейского общества продолжалась до ноября 1825 г. По последним, уточненным, данным, с 1813 по 1824 гг. был выпущен 794381 экземпляр Священного Писания на сумму 2 млн. 895 тыс. рублей и находилось в печати 59200 экземпляров. Всего же за 10 лет издательской деятельности Общества вышло 104 издания книг Священного Писания и другой духовной литературы на 24 языках (русском, армянском, новогреческом, грузинском, болгарском, татарском, зырянском, калмыцком, карельском, латышском,

литовском, бурятском, молдавском, мордовском, сербском, финском, черемисском, чувашском, эстонском, остяцком, пермяцком, турецком, сербском) и в процессе подготовки находилось 25 изданий. Официально Библейское общество было закрыто указом Николая I от 12 апреля 1826 г., а митрополиту Серафиму предписано представить подробные о нем сведения. Указом от 15 июля 1826 г. все имущество общества, оцененное в 2 млн. рублей серебром, было передано Синоду.

Однако дело Библейского общества в России продолжалось. В 1831 г. протестантам в России было разрешено учредить свое Евангелическое общество. В 1869 г. было образовано «Общество распространения Священного Писания в России», просуществовавшее до 1917 г. и закрытое уже советской властью²⁷¹.

Возрастание интереса Александра I к православию

Если в 1801–1815 гг. Александр I увлекался мечтами об «общеевропейской религии», то в последнее десятилетие своего царствования он все более проявлял себя как глубоко верующий православный христианин. Его нередко видели стоящим в дворцовой церкви на коленях и усердно молящимся. Он стал чаще совершать паломничества в русские монастыри и вести беседы с их настоятелями и особенно чтимыми в народе старцами-подвижниками. Находясь в 1816 г. в Киеве, Александр посетил в Киево-Печерской лавре известного своей подвижнической жизнью иеросхимника Вассиана (Балашевича). Александр просил Вассиана обходиться с ним «как с простым поклонником, пришедшим в сию обитель искать путь ко спасению», ибо, говорил он, «все дела мои и вся слава принадлежит не мне, а имени Божию, научившему меня познавать истинное Его величие»²⁷². В 1819 г. Александр был на Валааме, где произвел большое впечатление на братию монастыря знанием монастырских уставов и молитвенным усердием во время церковных служб. В 1823 г. Александр посетил в ростовском Спасо-Яковлевском монастыре известного своей благочестивой жизнью иеромонаха Амфилохия и вел с ним долгие беседы на духовные темы²⁷³. В том же году он неоднократно посещал и беседовал с настоятелем Глинской пустыни в С.-Петербурге Филаретом. По преданию, в 1824 г. состоялась встреча Александра I с Серафимом Саровским. 1 сентября 1825 г. перед отъездом на юг Александр отправился в Александро-Невскую лавру, где вел долгую беседу с известным старцем Алексием Петербургским.

Александр стал проявлять особую заботу о храмоздании, о «соблюдении церковного порядка и благолепия». По его повелениям было начато возведение крупнейших храмов – в Москве в 1817 г. Христа Спасителя и в Петербурге в 1818 г. Исаакиевского собора. В 1816 г. вышел его указ «О богопочитании», к котором говорилось о соблюдении порядка и тишины в храмах; в 1824 г. указ «О церковном пении», которым разрешалось при выборе духовных песнопений руководствоваться только нотами, заверенными директором Придворной певческой капеллы Д.С. Бортнянским. В 1825 г. Синоду было предписано «издать правила о благоприличном духовным людям одеянии, которое бы отличало их от

мирских».

2. Конфессиональная политика Николая I

Николай I и Православная церковь

Николай I, в отличие от Александра I, не увлекался мистикой, которая ему была вообще чужда, не вдавался в тонкости богословия и в делах Русской Православной Церкви был прагматичен. Его конфессиональная политика выражалась в стремлении утвердить национальную и религиозную монолитность страны и возвысить роль Православной Церкви в общественной жизни. Эта политика соединяла предоставление Православной Церкви ряда льгот и материальной поддержки духовенства с жесткими мерами наведения «должного порядка и дисциплины» в делах ее управления, что в конечном счете выражалось в еще большем ее подчинении светской власти.

Николай I лично занимался делами Православной Церкви: устанавливал штаты священнослужителей, занимался вопросами их материального положения, разрабатывал в деталях круг компетенции органов церковного управления. При нем существенно увеличиваются государственные расходы на нужды церкви. За время его царствования более чем вдвое (с 1,7 млн. до 4,1 млн. руб. сер.) возросли годовые ассигнования на нужды Синода, увеличено в полтора раза годовое жалованье приходскому духовенству (до 207 руб. сер. на причт). Кроме того, на «вспомогательные оклады» наиболее бедным причтам ежегодно отпускалось в общей сложности до 500 тыс. руб. сер. В 1829 г. было повелено: «Соединить все бедные и малые приходы друг с другом для составления более крупных и достаточных»²⁷⁴. В 1838 г. был создан комитет «для изыскания средств к обеспечению сельского духовенства». Эта проблема тогда (как и впоследствии) не была решена. В конце царствования Николая I небольшое денежное вспомоществование от казны получали менее половины приходов.

Принимались меры к повышению престижа Православной Церкви и нравственного уровня духовенства. 17 июня 1826 г. было объявлено Синоду повеление царя: «Изыскать средства и сделать постановление, чтобы священники посвящались как из людей испытанных в доброй нравственности, так и с достаточными познаниями и предпочтительно из семинаристов, дабы надежнее могли руководить вверенную им паству и назидать в христианских добродетелях». Существенно ограничивались возможности выхода из духовного звания. В этом указе предписывалось, «чтобы всех обучающихся в духовных училищах определять непременно в

духовное звание, ибо для светских должностей имеются светские учебные заведения, и чтобы на священнические места ставились лишь те, кто окончил полный курс учения, причем с хорошими понятиями и нравами». Вместе с тем предписывалось строже наказывать тех священников (вплоть до их расстрижения), которые «порочат своим поведением духовный сан»²⁷⁵.

В 1831 г. последовал новый (последний) «разбор» духовенства. По докладу Синода «для очищения духовенства от недостойных людей» был издан указ: «Взять в военную службу: 1) всех дурного поведения церковников, не подающих надежды к исправлению, 2) детей духовенства ненадежного же поведения, проживающих по монастырям, 3) церковнослужителей, отрешенных от мест, 4) всех вообще духовного звания людей, служивших в сторожах, приставах и подобных должностях по духовному ведомству и отставленных от этих должностей за неспособность или дурное поведение, но не обращенных еще в духовное ведомство»²⁷⁶. Изданным в том же году другим указом повелено было забирать в солдаты вообще всех «праздных лиц духовного звания» в возрасте 25–40 лет, за исключением учащихся и получивших духовное образование. Из прочих разрешено «оставить при отцах для прокормления в старости»²⁷⁷. В результате этого «разбора» в 1831 г. были сданы в рекруты 5022 годных к военной службе мужчин из духовного звания²⁷⁸.

В 1848 г. в целях «отвращения праздности воспитанников духовных учебных заведений и безместных священно- и церковнослужителей» вводилась паспортная система для духовных лиц.

Подверглось изменениям управление церковью. Четко выявилась тенденция падения роли коллегии Св. Синода – она фактически превратилась в безгласный орган при обер-прокуроре, власть которого благодаря этому существенно возросла. Сам Синод уже официально был введен в систему министерств и подобно министерствам был разделен на департаменты. В 1835 г. обер-прокурор Синода был введен в Комитет министров.

В 1835 г. Синод был перемещен с Васильевского острова в новое, специально выстроенное для него, монументальное здание на Сенатской площади, которое составило единый ансамбль с построенным в то же время зданием Сената. Строительство обошлось в 2 млн. руб. и проходило под наблюдением Николая I.

В начале царствования Николая I обер-прокурором Синода был сменивший в 1817 г. А.Н. Голицына князь П.С. Мещерский – личность

бесцветная и безынициативная, боящаяся всяких новшеств и реорганизаций. В 1833 г. его сменил С.Д. Нечаев (его племянник), служивший ранее столоначальником в канцелярии Синода. Это был энергичный чиновник, который упорядочил работу канцелярии и других подразделений Синода, много уделял внимания повышению профессионального уровня при подготовке приходских священников, установил строгий контроль над расходованием средств. Большое значение он придавал укреплению влияния Православной Церкви в западных губерниях России после подавления восстания в Польше в 1830–1831 гг. Нечаев был инициатором пересмотра уставов духовных учебных заведений. Однако своей деятельностью он нажил себе немало противников в высшем духовенстве. Среди них был и влиятельный при дворе митрополит Петербургский Серафим, по настоянию которого Нечаев 25 июня 1836 г. был уволен со своего поста.

По рекомендации митрополита Серафима Николай I назначил обер-прокурором Синода гусарского полковника графа Н.А. Протасова, до этого занимавшего пост товарища министра народного образования. Одновременно Протасов заведовал Румянцевским музеем и был директором Главного педагогического института в Петербурге. Желчный, с деспотическими манерами и замашками, Протасов сразу установил в Синоде дух военной дисциплины.

С присущими ему энергией и настойчивостью он, по свидетельству современников, «забрал их («синодальных персон». – В.Ф.) в руки по-военному сразу <...> и сонмом архиерейским как эскадром на ученье командовал», так что синодские архиереи «просто голоса поднимать не смели». «Все делалось по его мановению, – вспоминали современники, – и стук его гусарской сабли был страшен для членов Синода»²⁷⁹.

При Протасове была создана отдельно от структуры Синода его собственная обер-прокурорская канцелярия исключительно из светских чиновников. Синодская Комиссия духовных училищ, состоявшая до этого в основном из духовных лиц, была преобразована в Духовно-учебное управление из светских чиновников. Хозяйственный комитет Синода был преобразован в Хозяйственный департамент (по типу министерского департамента) во главе с директором. Протасов повел решительную борьбу против злоупотреблений, особенно против взяточничества, распространенного не только среди светского чиновничества, но и в высшей духовной среде. При нем стали регулярно проводиться ревизии епархий. Кроме того, секретарям консисторий было предписано «контролировать» свое епархиальное начальство и доносить обер-

прокурору обо всем, что происходило в епархиях.

Как писал в своем исследовании о синодских обер-прокурорах Ф.В. Благовидов, при Протасове «завелись секретные дела, появились между чиновниками доносчики, и ничего не оставалось неизвестным обер-прокурору»²⁸⁰. Протасов энергично выгонял «порочащих свой сан» духовных лиц. Некоторые архиереи были преданы суду за взятки.

Протасов, как и Николай I, больше всего ценил исполнительность и дисциплину. Поэтому он пользовался большим доверием монарха, который одобрял все его действия по управлению церковью. Пользуясь поддержкой императора, он поставил свое ведомство в независимое положение по отношению к другим высшим органам светской власти, защищал синодских архиереев от нападок и происков со стороны высоких чинов, облеченных властью. «Не бойтесь ничего, – говорил он синодским архиереям, – я ваш заступник». Кончину Протасова в январе 1855 г. Николай I воспринял как большую для себя потерю. «Искренно и душевно скорблю о потере этого достойного и верного слуги, которого столь давно знал и уважал», – записал он при вести о смерти Протасова²⁸¹. О Протасове с сожалением отзывались и некоторые члены Синода, говоря, что он «хотя и оскорблял лично архиереев, но никогда не согласился бы на поругание Церкви».

При Николае I епархиальное начальство было поставлено в двойное подчинение – Синоду (точнее, его обер-прокурору) и губернаторам, для чего были изменены границы епархий таким образом, чтобы они совпадали с губернскими. Благодаря этой мере епархиальные архиереи фактически становились как бы помощниками губернаторов по церковным делам. За «благонадежностью» архиереев следило и III отделение. Тем самым достигалась еще большая бюрократизация в управлении Церковью и ее подчинение светской власти.

Ужесточение мер по отношению к старообрядцам

Николай I был чужд религиозному фанатизму и обскурантизму, но не терпел и «вольномыслия» в делах веры, любых посягательств на Православную Церковь, на подрыв ее авторитета. Особенно его беспокоили различные секты, не признававшие официального православия. Численность последователей «старой веры» и новых сект заметно возросла в конце XVIII – начале XIX вв. «Даже в самом центре России – Москве – почти из ничего возникли, распространились и широко раскинулись богатые раскольничьи общины разных толков»²⁸².

Характерно, что из московской старообрядческой среды вышли известные предприниматели – Морозовы, Гучковы, Рахмановы, Рябушинские, Солдатенковы и др., представлявшие цвет «купеческой Москвы». Торговля и предпринимательство в старообрядческой среде были сакрифицированы, считались «богоугодным делом», ибо они связывались с помощью ближнему но вере, с устройением материального благополучия старообрядческой общины. Старообрядцы-предприниматели рассматривали себя как «божьих доверенных по управлению собственностью», а свое дело как выполнение христианского долга перед Богом и людьми. Суровая старообрядческая этика, истовое, религиозное отношение к своему делу как к «воле Божией» лежали в основе процветания их дела. Следует отметить, что этот важный феномен пока еще не получил должного освещения в нашей исследовательской литературе о старообрядчестве.

В 20–30-х годах XIX в. Русская Православная Церковь и светская власть столкнулись с заметно возросшим «отпадением от православия в раскол». В «раскол» уходили даже священники. По данным обер-прокурорских отчетов, в те годы числилось свыше 200 «беглых попов», ушедших «в раскол» (данные явно занижены). Отмечалось, что «если пастыри Православной Церкви представили такой контингент для умножения и усиления раскола, то пасомые едва ли могли крепче держаться против соблазнительной раскольничьей пропаганды».

В 1829 г. только в одной Пермской епархии «раскол настолько умножился, что возникло опасение, как бы в этой епархии не опустели православные приходы и храмы»²⁸³.

Старообрядческие согласия привлекали к себе своим трудолюбием, строгостью нравов, начитанностью. Как большие знатоки Св. Писания они

в религиозных спорах сравнительно легко побеждали «никониан» – духовных лиц Русской Православной Церкви. Старообрядцы бережно хранили древние иконы и рукописи духовного содержания. Поэтому благодаря им до нас дошли бесценные памятники старинной русской книжности.

Николай I рассматривал «переход в раскол» опасным не только в религиозном, но и в политическом отношении, ибо религиозное «диссидентство» (применяя этот современный термин) подготовляло умы к осознанию возможности неповиновения властям и давало этому неповиновению свое обоснование.

Разнообразные старообрядческие толки и согласия классифицировались на две категории – поповцев (или поповщину, «приемлющих священство») и безпоповцев (или безпоповщину, отвергающих его). Поповцы признавали церковную иерархию и все семь церковных таинств. В первое время после церковного раскола они обходились своими священниками, впоследствии «переманивали» их из официальной Православной Церкви, «переучивали» через «перемазание и прочтение чина проклятия ересей») и рассылали по своим общинам.

Главными центрами поповщины были керженские скиты (по р. Керженцу в Нижегородском Заволжье), иргизские (по р. Иргизу в Саратовской губернии), «ветковское согласие» (обосновавшееся на о. Ветка р. Сож) и стародубские (на Брянщине).

Как уже указывалось, еще при Екатерине II старообрядцам, вернувшимся из Польши, было разрешено поселиться в Саратовском Поволжье по р. Иргизу (см. гл. 6). В 1820 г. здесь насчитывались десятки скитов (старообрядческих монастырей), в которых числилось до 3 тысяч монашествующих. В 1822 г. иргизским старообрядцам было разрешено принимать к себе для богослужения беглых православных священников, не подлежавших суду за уголовные преступления. Иргизские скиты стали главным центром «исправления» таких священников по старому обряду.

В начале XIX в. только в одном Нижегородском Заволжье насчитывалось 35 старообрядческих скитов, из них 22 скита поповцев и 13 – беспоповцев разных согласий. В 1812 г., в связи с нашествием французов, сюда из Москвы переселились рогожские поповцы²⁸⁴.

В 40-х годах XIX века в поповщине появились и свои церковные иерархи, которые рукополагали священников для старообрядческих общин. В 1846 г. в старообрядчество перешел босно-сараевский митрополит Амвросий (один из наиболее влиятельных греческих архиереев), ставший старообрядческим митрополитом белокриницким (по

названию с. Белая Криница на Буковине, в пределах Австрийской империи). Так возникло «белокриницкое» (или «австрийское») согласие в старообрядчестве, которое имело собственного митрополита, рукополагавшего епископов и священников. Обезпокоенное этим российское правительство потребовало от Австрии высылки Амвросия, а от константинопольского патриарха – низведения Амвросия с кафедры и лишения его сана митрополита, но он уже успел рукоположить несколько епископов и многих священников. В пределах России их ловили и заключали в монастырские тюрьмы. Но несмотря на преследования, укрываемые своей паствой, они продолжали свою деятельность, а численность их паствы росла. Только в Москве и ее окрестностях в середине XIX в. насчитывалось до 120 тысяч старообрядцев, принадлежавших к Белокриницкой иерархии²⁸⁵.

Поповцы, признававшие светские власти и соглашавшиеся на определенных условиях сотрудничать с официальной церковью, считались терпимой конфессией. Светские и церковные власти стремились соединить таких поповцев с Православной Церковью, предоставив им определенные уступки. Так появилась компромиссная конфессия, называемая единоверием. Единоверие – условное единение части старообрядцев-поповцев с Православной Церковью. Во имя союза с Русской Православной Церковью эта часть старообрядцев принимала от нее «законное» священство, а Церковь позволяла им держаться своей обрядности. Путем единоверия церковные и светские власти стремились поставить старообрядцев под свой контроль и в то же время предотвратить исповедовавших официальное православие от «уклонения в раскол». Но в реалии нередко происходило обратное, когда единоверие служило удобным путем перехода из Православной Церкви в старообрядчество.

Начало введению единоверия было положено еще в конце XVIII в. (см. гл. 6). Единоверцы совершали богослужение по «неисправленным» («дониконовским») книгам и обрядам, но подчинялись Православной Церкви. Священников и диаконов для них рукополагали епископы Русской Православной Церкви, но обязательно с соблюдением своих старых обрядов и с использованием древнеправославных облачений и утвари. В отличие от прочих старообрядцев единоверцам разрешалось открывать свои храмы и монастыри, печатать богослужебные книги по неисправленным реформой Никона образцам.

Единоверцы не имели своего епископа, но по церковным судебным вопросам подчинялись местному архиерею. Единоверцам разрешалось участвовать в «соборном молении» с мирянами господствующей церкви,

иметь от нее священников и принимать все таинства «в действительной силе». Единоверческие священники были уравнены в правах с общеправославными. В 1807 г. с одобрения Александра I был принят порядок содержания единоверческих церквей и их причтов за счет примкнувших к единоверию старообрядцев. С начала 30-х годов XIX в. из казны стали выделяться средства для строительства единоверческих церквей. При Николае I единоверие утвердилось в Иргизских скитах, в Рогожском и Преображенском кладбищах, на Керженце. С 1825 по 1854 гг. было построено 150 единоверческих церквей и ряд старообрядческих монастырей обращен в единоверческие. Открытие единоверческих церквей и монастырей продолжалось и позднее²⁸⁶.

В 1822 г. Синодом были утверждены правила касательно беглых священников, «у раскольников находящихся». Правила легализировали служение «бегствующего иерейства» на условиях единоверия. В 1829 г. по инициативе саратовского губернатора Голицына и епископа Моисея началось обращение иргизских старообрядческих монастырей в единоверческие. В 40-е гг. XIX в. единоверие закрепилось в основных старообрядческих районах России. В это время единоверческие церкви были открыты в Саратове, Хвалынске, Риге, на Дону. В 1848 г. возведены в число штатных монастырей единоверческие Казанский женский, Макарьевский мужской и др. монастыри.

Главным центром единоверия была Москва. В ней на Преображенском кладбище и за Рогожской заставой существовали три единоверческих церкви и два единоверческих монастыря, а также свои богадельни и сиротские дома²⁸⁷.

Но более опасным для Русской Православной Церкви и светской власти являлось старообрядчество в виде разных толков и согласий беспоповщины. Безпоповщина также возникла в конце XVII в. Основные положения беспоповщины были установлены на соборах ее представителей в 1692 и 1694 гг. в Новгороде. Отрицая православную церковную иерархию, беспоповцы заменили ее выборными наставниками, провозгласили принцип «всеобщего священства», ибо «благодать священства взята на небо», и «каждый мирянин есть священник». Безпоповцы признавали необходимость только трех таинств – крещения, исповеди и причастия, но в отличающейся от официального православия форме. Так, причастие понималось ими как духовное приобщение к Богу. Правила беспоповцев предписывали избегать контактов «ни в еде, ни в питье, ни в молитве» с теми, кто не принадлежал к их вере, включая и

старообрядцев-поповцев. Приходящих к ним из Православной Церкви или из поповщины они подвергали повторному крещению («перекрещиванию»).

Безпоповщина сначала получила распространение на Северо-Западе и Севере России, затем в Поволжье, на Урале и в Сибири. Если поповцы держались сплоченнее, то безпоповцы разбились на множество толков и согласий, нередко враждовавших между собой. Ниже коснемся наиболее важных из них.

Наиболее влиятельны были беспоповцы «поморского согласия», обосновавшиеся в Выговской пустыни (в Карелии). Это был центр старообрядческой духовности беспоповского толка. Здесь создавались старообрядческая литература, которая распространялась среди беспоповцев по всей стране.

Авторитетную роль в беспоповщине играли федосеевцы, получившие свое название от основавшего это согласие в 1694 г. на Псковщине бывшего дьячка Феодосия Васильева. В 70-х годах XVIII в. федосеевцы обосновались в Москве на Преображенском кладбище, где образовали Преображенскую общину, которая превратилась, наряду с Выговской пустыней, в один из важнейших центров беспоповщины в России.

К беспоповцам относились «нетовцы» (или «спасовцы»), которые считали, что «нет в мире православного священства, ни таинств, ни благодати, а спасение только от Спаса» (Иисуса Христа). Нетовцы-спасовцы принадлежали к самым непримиримым противникам никоновских реформ.

Еще в середине XVII в. в России (в ярославском и нижегородском Заволжье) возникла мистическая секта беспоповского толка, которая впоследствии получила наименование «хлыстовщины». Возникновение этой секты большинство ученых-сектоведов относит в 1645 г., а некоторые – даже к 1613 г., т.е. еще до раскола в Русской Православной Церкви. Следовательно, она не относится к старообрядческой. Они не признавали никаких духовных книг – ни старых, ни новых, говоря, что «буква убивает, а дух животворит».

Название «хлысты», по-видимому, произошло от искаженного слова «христовщина», так как члены этой секты называли себя «христами», полагая, что в них за их богоугодную жизнь «воплощается Христос». Свои духовные объединения они называли «кораблями», считая, что они, подобно кораблям, «брошены в бушующее море человеческой жизни» и вынуждены плыть по нему, подвергаясь опасности. Община избирала себе наставника («кормщика»), с момента его избрания в него, как они

полагали, вселялся Святой Дух, и потому весь «корабль» благоговел перед ним: на него молились как на Бога и беспрекословно исполняли все его приказание.

В конце XVIII – начале XIX вв. эта секта распространилась во Владимирской, Рязанской, Тверской, Вологодской, Симбирской и Пензенской губерниях. Обосновалась она и в Москве. Ее адепты появились даже в Петербурге. Жизнь этой секты была окутана непроницаемой тайной и вследствие этого породила массу слухов об их «радениях» с самобичеванием, завершившихся «свальным грехом». Хлысты старались не выдавать свою принадлежность к этой секте и были самыми усердными посетителями православных храмов. Вступавший в секту давал расписку-клятву: «Клянусь соблюдать тайну в том, что увижу и услышу в собраниях, не жалея себя, не страшась ни кнута, ни огня, ни всякого начальства». Поэтому даже те, кто порывал с этой сектой, не выдавали ее тайн²⁸⁸.

По характеру вероучения и обрядности к хлыстовщине примыкало скопчество, возникшее в России в середине XVIII в. как ответвление от хлыстовства. Их общины также назывались «кораблями» во главе с наставниками-"кормщиками», обладающими неограниченной властью в общине. Вступающий в эту секту подвергал себя добровольному оскотлению, чтобы освободиться от «влияния плоти» и «первородного греха», становясь «подобным небесным ангелам». Оскотление называлось «убелением», а оскотленные – «белыми голубями».

Секта скопцов стала быстро расти с 70-х годов XVIII в. В начале XIX в. только в Петербурге насчитывалось не менее 300 членов этой секты. В нее были вовлечены солдаты, моряки, даже некоторые офицеры гвардии и представители высшего света (в числе их два племянника петербургского генерал-губернатора М.А. Милорадовича), что вызвало серьезные опасения властей. Были приняты суровые меры против распространения скопчества. Руководитель секты Кондратий Селиванов в 1820 г. был заключен в тюрьму Спасо-Евфимиева монастыря, где он и умер в 1832 г. После его смерти начались судебные процессы против скопческой «ереси». Часть ее приверженцев была сослана в Сибирь, остальные скрылись от кары за границей (в княжества Валахию и Молдавию). Скопчество считалось самой вредной сектой, и ее последователи при Николае I подвергались особенно суровым гонениям²⁸⁹.

В 1784 г. образовалось согласие «странников» или бегунов. Страннический толк – одно из самых крайних и гонимых течений в

беспоповщине. Возникло во второй половине XVIII в. Они проповедовали близкий конец света, убегали из центральных областей России в безлюдные места на окраины. Проповедовали уже воцарение антихриста в мире. Так как открыто с антихристом бороться было нельзя, необходимо уйти от мира, где царствует антихрист, разорвать с обществом. Вступивший на путь странничества покидал родной дом, принимал новое крещение и новое имя, не имел постоянного места жительства. Бегуны не желали иметь ничего общего не только с государством и официальной Православной Церковью, но и с «миром» вообще; отказывались брать любые официальные бумаги и даже деньги, «на которых стоит двуглавый орел – антихристова печать». Согласно их правилам, они не должны жить в обществе, записываться в ревизии, брать паспорта, платить подати и вообще исполнять какие бы то ни было повинности, а также вступать в официальные браки. Не имея ни дома, ни семьи, они жили на нелегальном положении, постоянно находясь в бегах, скрываясь от светских и духовных властей. С ними тесно было связано старообрядческое согласие так называемых «жиловых христиан» или «странноприимцев», дававших бегунам приют и укрывательство от властей²⁹⁰.

Наступление на раскол возобновилось в последние годы царствования Александра I, в связи с усилением реакционного политического курса. Так, указом 1822 г. старообрядцам было запрещено возводить новые и ремонтировать старые молитвенные здания. Это запрещение было подтверждено потом указами Николая I (1826 и 1827 гг.). 13 марта 1825 г. был образован специальный секретный комитет для выработки мер против распространения раскола. К борьбе с расколом в 1825 г. было подключено Министерство внутренних дел, а в 1826 г. III-е отделение собственной его императорского величества канцелярии. Указ 1827 г. объявлял браки «раскольников», заключенные по их обрядам, недействительными, а родившихся у них детей «незаконнорожденными», которые лишались права наследовать имущество своих родителей.

Старообрядцам запрещалось отлучаться с места жительства далее 30 верст; кто вел предпринимательское дело, тому было запрещено записываться в купеческие гильдии, не принимали и их свидетельства в судах; детей старообрядцев не принимали в учебные заведения.

Массированное гонение против старообрядцев началось в царствование Николая I. При нем было издано свыше 500 разного рода постановлений и актов по расколу. Борьба с расколом приняла уголовно-полицейский характер, ибо раскол рассматривался как государственное преступление, как проявление «своевольтва» и «неповиновения» властям.

Поэтому одной из важных задач учрежденного 4 апреля 1826 г. ведомства высшей полиции – III-го отделения императорской канцелярии – была борьба с «расколом».

Светские власти интересовались не столько обрядовыми и догматическими тонкостями старообрядческих и сектантских толков, сколько их отношением к официальным властям, к государству, т.е. с точки зрения их государственного «вреда». В силу этого старообрядческие согласия и рационалистические секты подразделялись на три категории: «терпимые» (единоверцы и вообще те поповцы, которые лояльно относились к светской и церковной властям), «вредные» (основная масса беспоповцев, признававшие царя, но не признававшие Православную Церковь) и «особо вредные» (или «вреднейшие»), не признававших ни церковных, ни светских властей. К последним относили бегунов, скопцов, духоборов, молокан. Из них мужчин, способных к военной службе, Николай I распорядился сдавать в солдаты, а остальных сослать в Сибирь на поселение. В 1839–1841 гг. духоборов и молокан, проживавших в районе р. Молочные воды и отчасти в центральных губерниях России, повелено было выслать в Закавказье (в южную часть Грузии).

В 1831 г. в Москве был учрежден Комитет о раскольниках в составе московского митрополита, военного генерал-губернатора и гражданского губернатора г. Москвы. В 1838 г. аналогичные комитеты были созданы в Петрозаводске, Перми, Тамбове, Чернигове, Вятке, Иркутске, Харькове, Костроме, Ярославле, Витебске, Тобольске, Уфе, Могилеве, Нижнем Новгороде, Самаре и Риге. В эти комитеты входили епархиальные архиереи, губернаторы, жандармские штаб-офицеры. Таким образом, с расколом боролись рука об руку светская власть с духовной.

Права старообрядцев всё более ограничивались. Указ 1832 г. запрещал старообрядцам принимать беглых православных священников. Указ 8 октября 1835 г. запрещал не только возводить новые молитвенные дома, но и ремонтировать старые. Затем последовало закрытие частных молелен.

С 1837 г. регистрация рождений и смертей старообрядцев была передана в ведение местной полиции. Дети родителей-старообрядцев, которые состояли в браке, заключенном не по официальному церковному обряду, объявлялись «незаконнорожденными». Их отбирали у родителей и крестили по православному обряду, а мальчиков отдавали в кантонисты. Старообрядцам было запрещено заниматься общественной деятельностью и благотворительностью.

С начала 40-х годов XIX в. входит в практику посылка на места чиновников Министерства внутренних дел для изучения раскола и

разработки конкретных мер против его распространения. В губернии, особенно «зараженные расколом», посылались специальные комиссии, облеченные чрезвычайными полномочиями «для обращения раскольников в лоно православия». «Отпадших от православия» насильно «перекрещивали», наиболее упорных отправляли «для исправления» в монастыри или в ссылку под полицейский и духовный надзор. С раскольничьих молелен снимали кресты, запрещали колокольный звон, монахов старообрядческих монастырей (скитов) было повелено считать «простолюдинами», так как за ними не признавалось принятое ими по старообрядческому правилу монашество.

В 1853 г. было проведено массированное наступление на «раскол». 13 февраля 1853 г. был образован новый секретный комитет «для пересмотра постановлений о раскольниках и составлении новых правил». Последовали и конкретные карательные действия против старообрядцев как поповского, так и беспоповского толка. Первоначально подверглись разгрому старообрядческие скиты по р. Иргизу в Саратовской губернии, затем стародубские в Черниговской; несколько позже – керженские и чернораменские в заволжской части Нижегородской губернии. Наконец, той же участи подверглись поморские скиты в Архангельской губернии. С помощью посланных воинских команд чиновники и полиция закрывали старообрядческие молельни и скиты; православные священники «перекрещивали» старообрядцев в православие, наиболее упорствующих в приверженности к своей вере отправляли под конвоем в православные монастыри «для исправления» или даже в сибирскую ссылку под полицейский и духовный надзор, а «распространителей лжеучений» и старообрядческих наставников ловили, подвергали наказанию кнутом, клеймили и ссылали на каторгу. Только за пять лет (1847–1852 гг.) под судом находилось 26,5 тыс. особенно непримиримых раскольников.

В итоге, по официальным отчетам, за 25 лет применения этих мер были «возвращены в лоно православия» 2 268 тысяч человек. Однако в своем подавляющем большинстве они продолжали придерживаться «старой веры». Практика показала, что никакие суровые меры не достигали цели. Преследуемые откупались взятками, что легко было им сделать при всеобщей продажности чиновников и полиции, «боровшихся с расколом». Сами чиновники рассматривали «раскольничьи дела» как весьма прибыльную «статью дохода». В своих отчетах они писали об «искоренении раскола», который на деле несколько «не искоренялся», даже получал свое дальнейшее распространение. Это выявили проверки и ревизии. В 40-х годах проведенные на местах обследования показали

совершенную неверность присылаемых чиновниками данных отчетов о числе «раскольников» в их губерниях. Так, в Ярославской губернии по отчетам значилось 14–15 тысяч «раскольников», а специальные проверочные расследования выявили, что «расколом заражена половина губернии». В Вологодской губернии местные отчеты показали наличие в ней 3,5 тысяч «раскольников», а в действительности их оказалось более 200 тысяч. В Костромской губернии по отчетам местных властей значилось 20 тысяч «раскольников», а на деле их оказалось никак не менее 100 тысяч. В суммарном итоге считалось, что в «расколе» в 50-х годах XIX в. оставалось около 700–800 тысяч человек. Однако по данным Н.Н. Обручева, их насчитывалось в 10 раз больше.

Когда при Александре II раскол практически был легализован, то оказалось (данные П.И. Мельникова-Печерского), что в «расколе» находилось от 12 до 14 млн. человек. Это означало, что около 1/5 русского населения считали себя вне официального православия. Заметим, что русский старообрядец не признавал за собой официального наименования «раскольник», считая его для себя обидным. Он рассматривал себя на деле настоящим православным человеком – приверженцем старой, «истинной» веры, а «никониан» – уклонившимся от нее.

Политика прямых гонений против «раскола» в 40–50-х годах XIX в. воочию показала правительству их неэффективность. Поэтому было предпринято систематическое изучение раскола и сектантства на местах с целью выработать более гибкие меры борьбы с этими видами религиозного «диссидентства». Изучение было облечено в конспиративные формы, проводилось достаточно широко и основательно. Для этого был привлечен весьма подготовленный персонал Министерства внутренних дел и духовные академии. В духовных академиях и в семинариях Поволжья, Урала, Сибири были учреждены «противораскольничьи» кафедры и специальные дисциплины «для обличения раскола». В «раскольничьи» регионы посылались специальные экспедиции Министерства внутренних дел. В составе экспедиций находились такие известные писатели и публицисты, как И.С. Аксаков, Ю.Ф. Самарин, Н.И. Надеждин, П.И. Мельников-Печерский. Собранный ими материал, лишь частично опубликованный, содержит ценнейшие сведения о старообрядчестве и о применяемых правительством мерах борьбы с «расколом». Материалы обследований на месте выявили совершенную неверность сведений местных епархиальных властей о числе «раскольников» в их епархиях.

Для борьбы с расколом стали готовить и специальные миссионерские кадры. В 1853 г. последовал указ Св. Синода об открытии при духовных

академиях кафедр, а в семинариях отделений для подготовки этих кадров. В духовных академиях готовились исследования по расколу. В отделениях преподавались история русского раскола, современная статистика раскола во всех его видах, обзорные раскольнических и противураскольнических сочинений, опровержение раскола, практические наставления миссионерам. На эти отделения отбирались наиболее способные ученики, освобождавшиеся от изучения древних языков – латинского и греческого.

В нашей литературе долгое время старообрядчество традиционно трактовалось как консервативное религиозное направление в православии, как социально-религиозная реакция на «обновление общества», предпринятое церковными и светскими властями в середине XVII в., как протест, связанный с защитой старины, сочетавшийся с антифеодальной оппозицией патриархального крестьянства и купечества. Лишь в последние годы историографическая ситуация стала меняться. Проходившие специальные научные дискуссии о социально-историческом характере старообрядчества, старообрядческой культуре, публикации документов и исследований позволили иначе взглянуть на этот социальный, культурный и этический феномен в нашей истории, в частности, и истории Русской Православной Церкви. Старообрядчество постепенно осознается как явление, представляющее собой и модернизационные моменты. Опровергается прежнее представление о «староверах» как «ярких врагах новаций и культуры». Отметим также, что Русская Православная Церковь ныне сняла проклятие со старообрядцев, наложенное на них церковным Собором 1667 г. и готова к сотрудничеству с ними.

Воссоединение униатов с Русской Православной Церковью

При Николае I была проведена крупная акция «воссоединения» униатов западных губерний России с Русской Православной Церковью.

В 1596 г. на церковном соборе в г. Бресте был принят акт об объединении с католической церковью епархий Русской Православной Церкви на территории Белоруссии и Правобережной Украины, входивших тогда в состав Речи Посполитой. Православная церковь белорусов и западных украинцев своим главой признавала римского папу, но за ней сохранялась ее обрядность и богослужение на церковно-славянском языке. Брестская уния была заключена тогда в силу политических мотивов.

После первого раздела Польши в 1772 г. Екатерина II приказала объявить губернаторам вновь присоединенных областей соблюдать равенство в правах всех трех христианских церквей – римско-католической, униатской и православной. Однако православному духовенству было предписано «склонять» униатов к «воссоединению с православием».

После второго раздела Польши в 1793 г., когда основная часть Правобережной Украины и Белоруссии вошла в состав России, началось массовое воссоединение с православием униатов преимущественно украинских земель. Но российское правительство тогда воздерживалось от применения крайних мер, и воссоединение проходило в основном добровольно. К концу царствования Екатерины II, таким образом, были воссоединены с православием около 2 млн. униатов.

Но примерно столько же человек (в Белоруссии, Литве, на Холмщине) продолжали твердо держаться униатства, которое было уже верой их отцов и дедов, освященной многолетней традицией. Положение их было легализовано российским законодательством. Павел I создал две униатские епархии – Луцкую и Брестскую. В 1798 г. был учрежден Департамент римско-католического вероисповедания. В его ведении находились и униаты, за которыми (как и за католиками) признавалось право свободы вероисповедания. В 1804 г. была образована Центральная римско-католическая духовная коллегия, в которую входили и представители от униатских епархий, а в 1805 г. в составе этой коллегии был образован Униатский департамент.

Но уже в царствование Александра I при первых же попытках

«вовлечь» униатов в православие, последние ответили на это решительным отказом, а в 1807–1808 гг. под влиянием слухов о ликвидации унии более 50 тыс. униатов перешли в католичество. Е то время уния официально трактовалась как «искусственное создание католичества», не имевшая корней ни в прошлом, ни в настоящем, явившись «делом интриг и обмана». Поэтому требовалось «исправить ошибку» и во имя исторической справедливости вернуть Православной Церкви «незаконно похищенное наследие».

Решительные шаги к ликвидации унии на территории России были предприняты Николаем I. Рьяным исполнителем светской власти в деле присоединения униатов к Русской Православной Церкви стал бывший униатский епископ, затем митрополит литовский, Иосиф Семашко. Видную роль в деле воссоединения униатов с православными сыграл и обер-прокурор Св. Синода Н.А. Протасов.

Поводом к решительным мерам для ликвидации унии послужило ноябрьское восстание 1830 г. в Польше. Историк унии и ее упразднения в России профессор М.О. Коялович писал, что «оно (восстание. – В.Ф.) показало правительству как нельзя яснее всю опасность латинского направления в унии и всю благотворность для России воссоединения униатов». Воссоединение униатов с Русской Православной Церковью призвано было решить две задачи лишить религиозной опоры поляков в данном крае и вместе с тем послужить средством обрусения западных губерний России, некогда входивших в состав Польши. Этому предшествовал ряд подготовительных мер «очищения унии от примесей латинских»: устройство в униатских церквях православных иконостасов, введение при богослужении служебников московского издания, запрет детям униатов ходить в «латинские» школы; в униатских епархиях закрывались монастырские училища и создавались русские духовные семинарии.

К 1834 г. все епископские кафедры в униатских епархиях были заняты либо православными иерархами, либо сторонниками присоединения униатов к православию. К 1835 г. на территории Литвы, Белоруссии и Правобережной Украины были закрыты все униатские монастыри.

В 1837 г. униатская коллегия была преобразована в составе Синода. 22 декабря 1838 г. был образован специальный Секретный комитет по униатским делам, а по существу для разработки мер ликвидации унии. В этот Комитет вошли обер-прокурор Св. Синода Н.А. Протасов, шеф жандармов А.Х. Бенкендорф, главноуправляющий делами иностранных вероисповеданий Д.Н. Блудов и министр государственных имуществ П.Д.

Киселев. В Комитет также были «приглашены» виленский и волынский военные генерал-губернаторы, которым предстояло содействовать духовным властям проведение правительственных мер по воссоединению униатов с Православной Церковью.

И духовные, и светские власти прекрасно понимали, что нельзя полагаться только на методы убеждения. Один из наиболее воинствующих иерархов епископ Смарагд откровенно заявлял: «Одною проповедью и похвалюбою православия ничего взять нельзя. Теперь не апостольские времена». Из опасения народных волнений решено было в наиболее «угрожаемые» и «неспокойные» уезды «под благовидным предлогом» ввести войска. Разработаны были и инструкции, как им предстояло действовать.

Губернаторам было предписано, чтобы они разослали уездным предводителям дворянства секретные письма с приказаниями местным помещикам (каковые в основном были поляки), что вопрос об упразднении унии уже решен в высших правительственных инстанциях России, и что помещики всецело отвечают за сохранение спокойствия в своих имениях во время проведения акции упразднения унии. В противном случае помещикам угрожало взятие их имени в опеку. Также было постановлено активно сопротивлявшимся этой мере предавать военному суду с последующей ссылкой в Сибирь.

25 марта 1839 г. Николай 1 утвердил Синодальное деяние (решение) «О слиянии греко-униатской церкви с православием» и в тот же день издал манифест, официально объявлявший унию упраздненной на территории России, за исключением Холмской епархии (в которую входили Седлецкая, Люблинская и Сувалкская губернии Польши) Отныне полтора миллиона униатов, а это 1800 приходов Литвы, Белоруссии и Правобережной Украины, считались присоединенными к Русской Православной Церкви. У них сохранялись те обряды и обычаи, которые не противоречили сущности православия.

Епархиальное униатское духовенство оказалось более сговорчивым и пошло на сотрудничество с царскими духовными и светскими властями в деле упразднения унии, тем более, что за ними сохранялись их духовные должности. Однако приходское духовенство, тесно связанное со своей паствой и выражавшее ее настроения, в большинстве своем оказало упорное противодействие. Их лишали сана и приходов, переводили в причетники, высылали в великорусские губернии, подвергали заточению в специально основанный для этого в Курской губернии монастырь. На их места присылали русских священников, которые совершали по

православному обряду освящение униатских церквей.

В знак протеста прихожане собирались около своих храмов, не допуская в них православных священников. В помощь последним призывалась полиция, а в случаях особого упорства прихожан-униатов – воинские команды, применявшие телесные наказания. Обычными были сцены, когда полицейские власти выбрасывали церковные униатские предметы из храмов, а затем начинали чуть ли не поголовное сечение упорствующих до тех пор, пока последние не подписывали заявлений о своем «согласии» перейти в православие. В наиболее «безпокойных» приходах войска оставались до тех пор, пока прихожане, разоряемые постоянно, не изъявляли «добровольного согласия» подчиниться требованиям православных и светских властей.

Присоединение униатов к Русской Православной Церкви рассматривалось как «великий акт государственной мудрости и церковного торжества», отмеченный учреждением специальной медали с характерной надписью: «Отторгнутые насилем воссоединены любовью».

Формально присоединенные к православию униаты потом в своей массе демонстрировали «отпадение» от него, что выражалось обыкновенно в нежелании идти в православные храмы и обращаться за исполнением треб к православным священникам. Десятки тысяч униатов перешли в католичество, за которым признавалось право легального существования в России.

Польское восстание 1863–1864 гг. дало повод продолжить процесс воссоединения униатов с Русской Православной Церковью, теперь уже в собственно польских губерниях – Седлецкой, Сувалкской и Люблинской (Хомская епархия), где преобладали униаты. В 1875 г в числе других мер по «инкорпорации» (включения в состав России) Польши было объявлено о ликвидации унии и на Холмщине. Однако запрещенная официально уния в реалии продолжала существовать Униатов поддерживала католическая церковь, преследовавшая цели укрепления своего влияния в западных губерниях России²⁹¹.

Взаимоотношения с Ватиканом в 1845–1866 гг.

В декабре 1845 г. Николай I, будучи проездом в Риме, посетил Ватикан. Папа Григорий XVI жаловался ему на «притеснения» католиков в России, просил о расширении прав католической церкви в Российской империи. При решении проблем большой европейской дипломатии для Николая I в то время имело значение лояльной позиции к нему Ватикана. Николай поручил рассмотреть этот вопрос специально созданному для этого секретному комитету. Комитет счел возможным пойти навстречу Ватикану, но сообразуясь с интересами Российской империи и ее законодательством.

В ноябре 1846 г в Рим был направлен председатель Департамента законов Государственного совета граф Д.Н. Блудов для переговоров с Ватиканом, получив полномочия от Николая I на заключение конкордата (соглашения) с римским папой. Согласно заключенному 22 июля (3 августа) 1847 г. конкордату (с русской стороны подписали Д.Н. Блудов и посол в Риме А.П. Бутенев, со стороны Ватикана – кардинал А. Ламбускини).

На территории России дополнительно к шести существовавшим римско-католическим епархиям (Могилевской, Виленской, Самогитской, Минской, Луцкой и Каменец-Подольской) учреждалась седьмая – Херсонская (Тираспольская). В Петербурге открывалась католическая духовная академия. Уточнены были и границы всех семи римско-католических епархий в пределах России. Епископы этих епархий назначались по соглашению русского императора и папы, но канонически утверждались папой. Определен порядок назначения настоятелей приходских церквей. Римский папа признавался главой католиков в России. Были определены права католических епископов в области церковного суда и управления в пределах их епархий, а также порядок назначения настоятелей католических приходов. Согласован был порядок удовлетворения духовных требований армян-католиков в пределах России.

Конкордат 1847 г. вызвал недовольство православного духовенства, которое усмотрело в нем усиление влияния католичества в западных и южных губерниях. Известный славянофил князь В.А. Черкасский поставил вопрос об изменении статей конкордата. После польского восстания 1863–1864 гг., в котором активное участие приняло римско-католическое духовенство, произошел обмен резкими дипломатическими нотами между

российским двором и Ватиканом. В итоге 22 ноября 1866 г. царским указом действие конкордата 1847 г. было прекращено. В дальнейшем контакты с Римом проходили дипломатическим путем через Министерство иностранных дел^{[292](#)}.

Глава 8. Конфессиональная политика Александра II и Александра III

1. Конфессиональная политика при Александре II. Церковные реформы 1860–70-х гг.

Во время проведения крестьянской реформы 1861 г. царское правительство, прекрасно понимая, что подготовленные к обнародованию законодательные акты не могут удовлетворить крестьян, готовилось к предотвращению ожидаемой вспышки крестьянских волнений. Помимо принятых полицейских и военных мер, оно обратилось за содействием к Церкви. 24 ноября 1860 г. министр внутренних дел В.Н. Панин направил обер-прокурору Св. Синода А.П. Толстому от имени царя предписание: «Вменить в обязанность чрез епархиальное начальство приходским по губерниям священникам, чтобы они <...> по обнародовании Указа и Положения об улучшении быта крестьян, при каждом удобном случае внушали бы крестьянам, чтобы они и впредь усердно и постоянно исполняли свои обязанности к государю и установленным властям, объясняя при том, что дарованные крестьянам права и льготы упрочат их благосостояние лишь при постоянном их трудолюбии, нравственном поведении в точном исполнении облегченных повинностей к владельцам земли. Вместе с тем приходские священники должны иметь самое бдительное наблюдение, дабы церковнослужители, нередко в самых близких отношениях к крестьянам состоящие, не распространяли никаких ложных слухов относительно смысла изданных постановлений и, напротив, в случае неправильных толков объясняли бы Положения согласно буквенному их содержанию и в духе данных начальством предписаний». Приходские священники обязывались немедленно доносить властям о всех случаях «ложных слухов и толков»²⁹³.

Александр II обратился также к содействию влиятельного митрополита Московского Филарета (в миру – Василий Михайлович Дроздов, 1783–1867). Это был высокообразованный и независимых взглядов выдающийся церковный деятель и писатель, он считался признанным авторитетом в канонических и церковно-административных вопросах. С 1817 г. – епископ Ревельский, с 1819 г. – епископ Ярославский, с 1821 г и до своей кончины он возглавлял Московскую епархию. Именно ему Александр I в 1823 г. поручил важное секретное дело – составить манифест о передаче престола Николаю Павловичу, минуя цесаревича Константина. При Николае I Филарет был возведен в сан митрополита и

введен в состав постоянно присутствовавших членов Св. Синода. Однако Филарет не любил сановный Петербург и практически постоянно проживал в Москве. Здесь, помимо исполнения своих пастырских обязанностей, он занимался литературной деятельностью, но главным образом – переводом на русский язык Библии. Большим успехом пользовались его блестящие проповеди, за которые он был прозван «московским Златоустом». Опубликованный в 1845 г. сборник проповедей Филарета был переведен на французский и немецкий языки. Филарета уважал А.С. Пушкин.

К мнению Филарета, как наиболее авторитетного деятеля Русской Православной Церкви, прислушивался Александр II. От него Филарет получил ответственное поручение – составление Манифеста 19 февраля 1861 г., провозглашавшего отмену крепостного права. За это царь наградил его золотой медалью.

Зная о влиянии Филарета на Александра I, противники крестьянской реформы (во время ее подготовки) просили его «отговорить» монарха от ее проведения. Но к чести Филарета, он ответил решительным отказом под предлогом, что это не входит в круг обязанностей церковного иерарха. В то же время в целях «успокоения» крестьян в условиях готовящейся реформы Филарет составил особую инструкцию приходскому духовенству «Об обязанностях священников в предстоящие тревожные дни». Согласно этой инструкции, священники обязывались внушать крестьянам, чтобы они терпеливо ожидали царской воли, аккуратно исполняли свои повинности, не выходили из повиновения под угрозой отлучения от церкви. Кроме того, по приходам был разослан составленный Филаретом текст проповеди, с которой священники по прочтении Манифеста 19 февраля 1861 г. должны были обратиться к прихожанам²⁹⁴.

Среди реформ, проводившихся в 60–70-е годы XIX в., в России видное место занимают и церковные реформы. О них ранее даже не упоминалось как в общих работах о царствовании Александра II, так и в специальных исследованиях, посвященных реформам, проводившимся в его царствование. Правда, ранее церковные историки в своих исследованиях о приходском духовенстве, духовном образовании и пр. касались и этих сюжетов. Из «светских» историков специально разработал эту тему С.В. Римский в своей докторской диссертации²⁹⁵. Однако автор ограничился преимущественно изучением изменений в положении приходского духовенства, системы духовного образования, церковной администрации и суда, не коснувшись, например, существенного вопроса об изменении

положения старообрядчества.

Церковные реформы находятся в связи с другими реформами, проводившимися царским правительством в обстановке общественно-политического подъема 50–60-х годов XIX в. в стране.

Непосредственным поводом к началу церковных реформ, в первую очередь в изменении статуса приходского духовенства, послужило следующее обстоятельство. В 1858 г. в Лейпциге при содействии историка М.П. Погодина была издана книга приходского священника Калязинского уезда Тверской губернии Ивана Беллюстина (без указания имени автора) «Описание сельского духовенства». В 1858–1859 гг. она была переиздана в Париже и Лондоне как на русском, так и в переводе на немецкий и французский языки, что позволило ознакомиться с ней широкой европейской общественности. (Основные фрагменты этой книги см. в Приложении 3.4.) Несмотря на меры русских властей против проникновения книги в Россию, она получила широкое распространение в стране и произвела сенсацию. Прочитал эту книгу и Александр II. В книге Беллюстина была дана впечатляющая картина униженного положения приходского, особенно сельского, духовенства: его тяжелый материальный быт, «всевозможные притеснения, несправедливости, оскорбления», какие приходилось ему испытывать от духовных и светских властей. Беллюстин приходил к выводу о необходимости «коренных преобразований для всего духовенства» поднять социальный статус священника и существенно улучшить его материальное положение, ввести принцип выборности на все духовные должности. Приходское духовенство, по свидетельствам современников, отнеслось к книге Беллюстина с сочувствием, отмечая, что «все изложенное в ней – правда».

На рубеже 50–60-х годов XIX в. в церковной и светской периодической печати развернулось оживленное обсуждение вопросов о положении Православной Церкви, ее ответственности перед обществом, о поднятии материального и нравственного уровня духовенства. Были поставлены вопросы о преодолении бюрократизации в управлении Церковью, придания Церкви большей самостоятельности, т.е. меньшей зависимости от опеки и контроля со стороны светской власти, о преобразовании приходской жизни, о введении веротерпимости, наконец, круг вопросов совершенствования системы духовного образования. Само правительство осознавало необходимость разрешения этих назревших проблем.

Разработка церковных реформ была возложена на высшие ведомства центрального управления – Министерство внутренних дел и Святейший

Синод. Решено было начать с преобразования статуса приходского духовенства. В августе 1861 г. министр внутренних дел П.А. Валуев представил Александру II предварительно согласованный с обер-прокурором Синода князем А.П. Толстым секретный доклад «О преобразовании быта духовенства». К обсуждению доклада был привлечен также московский митрополит Филарет. Александр II и Филарет одобрили основные идеи доклада Валуева. 22 сентября 1861 г. Валуев представил императору более детальный план, суть которого сводилась к тому, чтобы покончить с кастовостью и изолированностью российского православного духовенства, «сблизить» его с остальными сословиями, повысить его материальный и нравственный уровень. Валуев предлагал также включить «первоприсутствующих» членов Синода в состав Государственного совета, чтобы привлечь высших иерархов церкви к участию и в политической жизни страны.

24 ноября 1861 г. Александр II отдал распоряжение образовать специальный Комитет для разработки церковных реформ. Во главе Комитета был поставлен брат царя – великий князь Константин Николаевич. В основу работы Комитета был положен представленный в январе 1862 г. новый доклад Валуева о церковных реформах. В нем речь шла уже не только о правовом статусе приходского духовенства, но и системе духовного образования, об отношении к старообрядцам; был включен и вопрос о привлечении прихожан к участию в хозяйственной жизни приходской церкви. Однако несогласие Константина Николаевича с программой Валуева затормозило дело. В мае 1862 г. Константин Николаевич был назначен наместником царя в Польше, и главное препятствие проекту Валуева было устранено; в июне 1862 г. Валуев представил проект Александру II. 28 июня он был утвержден Советом министров, 6 октября одобрен Синодом, затем последовало повеление императора составить из духовных светских лиц при Синоде «Особое присутствие для изыскания способов к большему обеспечению быта духовенства». В него вошли все члены Синода, министры внутренних дел и государственных имуществ, начальник III отделения князь В.А. Долгоруков и директор Духовно-учебного управления Синода князь С.Н. Урусов. Председателем Присутствия был назначен петербургский митрополит Исидор, Впоследствии оно получило наименование Главного Присутствия, на местах были созданы губернские присутствия во главе с епархиальными архиереями.

17 января 1863 г. Главное Присутствие открыло свои заседания и 21 марта утвердило программу мер, предложенную Валуевым. На основе

программы Валуева Главным Присутствием был подготовлен ряд актов, впоследствии одобренных императором и изданных в виде указов и постановлений.

8 мая 1864 г. был издан устав «О правилах учреждения православных братств». Предусматривалось создание духовных объединений («братств») для проповеднической и миссионерской деятельности (они создавались преимущественно в западных губерниях в противовес усилению влияния там католичества и униатства). На приходское духовенство возлагалась обязанность обучать сельских детей грамоте.

Но своей первостепенной задачей Главное Присутствие поставило оживление жизни церковного прихода «Положением о приходских попечительствах при православных церквях» от 2 августа 1864 г.²⁹⁶ «Положение» предусматривало «попечение о благоустройстве и благосостоянии приходской церкви и причта в хозяйственном отношении» и исполнено было многих благих намерений. В обязанность попечительств входили: «содержание и удовлетворение нужд приходской церкви, изыскание средств на ремонт и строительство церковных зданий, учреждение школ, больниц, богаделен, приютов и прочих благотворительных учреждений, помощь бедным прихожанам, погребение неимущих умерших, поддержание в порядке кладбищ, а также наблюдение за тем, чтобы приходское духовенство могло воспользоваться всеми предоставленными ему средствами для его содержания».

Главным источником получения средств попечительствами «Положение» предусматривало добровольные пожертвования, однако признавало законным и обязательный сбор с тех прихожан, которые составили и приняли о нем приговор. Попечительство получило право ходатайствовать перед соответствующими властями и организациями о выдаче пособий неимущим казной, духовным или другим ведомствами.

Сбор пожертвований осуществлялся отдельно по трем видам их предназначения: 1) в пользу самого приходского причта, 2) на благоустройство церкви и 3) на школьные и благотворительные учреждения, отнюдь не допуская смешения этих средств.

Приходские попечительства избирались общим собранием прихожан по простому большинству голосов. При этом непременно в состав попечительства должны были войти священник и сельский староста (в волостном приходе – волостной старшина). Все дела (решения, назначение расходов, отчетность и пр.) должны были вестись гласно. Каждый год попечительство отчитывалось «в заведываемых суммах и имуществе» перед общим собранием прихожан. Прихожане могли для проверки

расходуемых сумм назначить ревизионную комиссию. Церковно-приходское попечительство в рамках своей компетенции пользовалось самостоятельностью, а для разрешения спорных вопросов могло обратиться к епархиальному архиерею.

Церковно-приходские попечительства создавались медленно (вплоть до 1882 г.) и крайне неравномерно по епархиям: в некоторых епархиях их удалось создать десятки и сотни (в Самарской – 177, в Подольской – 266), а в других – считанные единицы. По данным С.В. Римского, церковно-приходских попечительств насчитывалось: в 1867 г. – 4048, в 1868 г. – 5327, в 1869 г. – 6870, в 1872 г. – 8873, в 1873 г. – 9257, в 1879 г. – 11616, в 1881 г. – 11950, в 1882 г. – 12074, 1883 г. – 11733, в 1894 г. – 14564, при этом часть ранее созданных попечительств прекращала свое существование. «В целом, – указывает С.В. Римский, – за годы реформы количество попечительств так и не достигло даже трети от общего числа приходских храмов»²⁹⁷. В 1868 г. было собрано попечительствами на церковно-приходские нужды 506,5 тыс. рублей, в 1883 г. эта сумма возросла до 2 млн. 245,6 тыс. рублей, но на 1 приход приходилось в 1868 г. менее 100 рублей, в 1883 г. – 191,4 рублей²⁹⁸, в 1894 г. – 2,8 млн. рублей, что было явно недостаточно для выполнения тех материально-благотворительных обязанностей, которые возлагало на попечительства «Положение» от 2 августа 1864 г. Характерно, что они охотнее жертвовали на украшение и содержание церквей (75%) и менее всего на содержание причтов (8%). Остальные пожертвования шли на благотворительную деятельность в приходе²⁹⁹.

В конце 60-х годов издан ряд указов, определявших правовой статус духовенства. Указом 22 февраля 1867 г. отменялось укоренившееся правило наследственной передачи приходских церковных должностей. Что же касается детей духовенства, то изданный 26 мая 1869 г. закон «Об устройстве детей лиц православного духовенства» так определял их статус: «Дети лиц православного духовенства не принадлежат к духовному званию, показываясь только для сведения в послужных списках их отцов», и им предписывалось «приписаться к городскому или сельскому обществу». Однако права этих детей на образование в духовных учебных заведениях, на определение в священно- и церковнослужители, на пособие от церковно-приходских попечительств, оставались «на прежнем основании». Они освобождались от подушной подати и рекрутской повинности³⁰⁰. Таким образом, не числясь отныне лицами «духовного звания», они сохраняли за собой его права и льготы. Детям священников и

диаконов предоставлялась свобода выбора профессии на государственной или военной службе.

Закон 11 июля 1869 г. официально отменял наследование духовного звания от отцов к детям. По этому же закону из духовного звания отчислялись церковные сторожа, оставшиеся за штатом при сокращении приходов пономари, псаломщики и пр. церковнослужители. Таким образом, кастовость духовенства была существенно подорвана, но на практике не уничтожена. В силу укоренившейся традиции наследственность духовного сословия продолжала существовать: старшие сыновья священнослужителей продолжали сохранять за собой места своих отцов. Тем самым духовенство продолжало пополняться детьми духовенства же, и приток в духовную среду лиц из других сословий был минимален. В духовных учебных заведениях преобладали дети опять-таки духовенства.

Проведено было и некоторое сокращение численности приходов и приходского духовенства. 16 апреля 1869 г. было издано положение «О составе приходов и церковных причтов»³⁰¹. Оно предусматривало во всех епархиях страны пересмотр границ приходов и изменение состава причтов. Предусматривалось при этом сокращение приходов и уравнение их по численности прихожан. Предполагалось упразднить небольшие, малолюдные приходы путем соединения их с другими. При слиянии приходов один из храмов считался «главным приходским храмом», а храм упраздненного прихода «приписным» к нему. С пересмотром границ приходов вводилось новое штатное расписание. В каждом главном храме предполагалось иметь всего двух клириков: настоятеля (священника) и причетника в звании псаломщика. В приходах, насчитывающих не менее 1 тысячи прихожан мужского пола, в помощь настоятелю полагалось два причетника. Если приход оказывался многочисленным, с большим количеством населенных пунктов, далеко отстоящих от церкви, то в помощь настоятелю прихода назначались «помощники настоятеля» или, как их именовали, «младшие священники»: в числе таковых обычно ставили вновь рукоположенных священников. Вводился принцип «постепенности»: на места настоятелей, младших священников, диаконов и псаломщиков ставили тех, кто прослужил в прежних должностях (рангом ниже) не менее трех-четырёх лет. Строго соблюдался и возрастной ценз: в псаломщики и диаконы полагалось рукополагать «только достигших 25 лет от роду, а в сан священника, по возможности не моложе 30 лет». Для овдовевших и холостых ценз увеличивался до 40 лет³⁰².

Положение 16 апреля 1869 г. вводилось медленно, встречая сопротивление как приходского духовенства, так и прихожан. В большинстве епархий оно было введено в действие в 1873–1878 гг. и на деле не оправдало ожидаемых результатов. Подводя итоги этой реформе, С.В. Римский в своем исследовании о церковных реформах Александра II приходит к выводу: «Несмотря на планировавшиеся масштабные изменения, уменьшилась только численность духовенства, да и то преимущественно за счет причетников. Количество приходов фактически сократилось очень незначительно <...> – с 31568 в 1870 г. до 31119 в 1879 г. То есть можно говорить не столько о сокращении, сколько о замораживании числа приходов, с увеличением прихожан в каждом из них». Учитывая прирост православного населения за эти годы на 7 млн. человек, средняя численность прихода выросла с 1800 до 2000 верующих³⁰³.

За счет сокращения численности белого духовенства казенное пособие приходскому священнику увеличивалось со 144 до 240 руб. в год, а отставным священникам устанавливалась пенсия в размере 90 руб. в год, вдовам священников – от 65 (с детьми) до 55 (бездетным) руб. в год. Церковнослужители, как и ранее, не получали никакого казенного вознаграждения. Эти мизерные «надбавки» не могли решить проблемы материального обеспечения приходского духовенства, главным источником существования которого продолжали оставаться платы за требы.

Ряд изменений произошел и в церковном управлении. В 1867 г. упразднено было деление епархий на три «класса» (епископства, архиепископства и митрополии). Однако свое значение «первенствующих» сохраняли Московская, Петербургская и Киевская епархии, во главе которых ставили только митрополитов. Некоторую самостоятельность получили все епархиальные архиереи: право без санкции Синода строить церкви, давать разрешение на поступление в монашеское звание, самостоятельно решать вопросы духовного образования в пределах своих епархий. В 1869 г. были утверждены новые штаты консисторий и втрое увеличены ассигнования на их содержание. В епархиях восстанавливалась практика выбора благочинных самим приходским духовенством, образованы благочиннические советы (во главе с благочинными). Духовенство получило право собираться на съезды трех уровней: благочиннические, училищные (по училищным округам) и епархиальные.

С 1863 г. был начат пересмотр системы подготовки приходских священников, что было связано с изменением статуса приходского духовенства и вместе с тем вызвало необходимость проведения реформы

духовного образования.

В 1863 г. выпускникам духовных семинарий официально было разрешено поступать в университеты (впрочем, на практике это делалось и раньше). В 1864 г. детям духовенства разрешено было поступать в гимназии, а в 1867 г. – и в военные училища; одновременно это давало и возможность выхода из духовного звания. Вместе с тем детям других сословий по указу 1867 г. разрешалось поступать в духовные учебные заведения и в перспективе получать священнические должности и таким образом войти в духовное сословие (см. главу 4, §5).

В 60-х годах XIX в прекратились гонения, каким подвергались старообрядцы при Николае I. За легализацию «раскола» выступала в печати либеральная общественность, которая считала, что поскольку старообрядцы не нарушают государственных законов, гонения против них противозаконны, более того, приводят к обратным результатам – ожесточают гонимых, провоцируют конфликты, к тому же и неэффективны, ибо нельзя действовать грубой силой против идей, учений, веры, а сами гонимые приобретают ореол мученичества.

В 1864 г. был учрежден Комитет по «раскольническим делам». Выработанные им и утвержденные в 1875 г. «Правила» легализовали значительную часть старообрядческих толков, которым предоставлялось право свободно отправлять свое богослужение, а также выезжать за границу. Были признаны имеющими юридическую силу старообрядческие метрические записи рождений (крещений), брака (венчаний), смерти (отпеваний). Старообрядцам позволялось заниматься иконописанием (для своих нужд), учреждать свои школы грамотности, занимать некоторые общественные (но не государственные) должности. Но эти права не распространялись на признанные «вредными» старообрядческие толки (например, на хлыстов, скопцов, «бегунов» или «странников»), а также на секты: духоборов, молокан, субботников, филипповцев, поморцев и др., не признававших не только церковную, но и светскую власть с её установлениями. Но в 1875 г. был издан циркуляр против дальнейших «послаблений» старообрядцам.

С 1870 г. началась подготовка реформы церковного суда. Предполагалось все судебные дела по церковным вопросам изъять из ведения епархиальных архиереев и передать в специально создаваемые церковные суды³⁰⁴. Однако это дело затянулось. В 1880 г. новый обер-прокурор Св. Синода К.П. Победоносцев воспротивился проведению этой реформы.

Церковные преобразования 60–0-х годов XIX в. практически не

коснулись монастырей. Лишь были более четко определены условия для желающих принять монашество, поставлена задача о переводе монастырей из необщежительных в общежительные, с более строгими уставами монашеской жизни (см. об этом в гл. 3. «Монастыри и монашество»). Однако в либеральной прессе 70-х годов высказывались мнения о коренном преобразовании монастырей и существенном их сокращении. Например, в статье «Наши монастыри»³⁰⁵ предлагалось «оставить лишь несколько монастырей, в которых ввести истинно аскетическую жизнь, отняв у них как у обществ отшельнических огромные богатства». В статье «Вопрос о реформе монастырей»³⁰⁶ высказывалось мнение о преобразовании монастырей в мирские благотворительные учреждения, где не имели бы вовсе места иноческие обеты аскетического свойства, формально требуемые от монахов».

В итоге церковные реформы при Александре II несколько оживили деятельность Русской Православной Церкви и смягчили стеснявшие её бюрократические оковы. Однако они были неглубоки, так как не затрагивали принципиальных вопросов управления церковью и взаимоотношений её со светской властью, к тому же они были непоследовательны и незавершенны.

В 1881 г. И.С. Аксаков (издатель газеты «Русь») и А.М. Иванцов-Платонов (издатель «Современных известий») поставили вопрос о дальнейшем проведении церковных реформ. В первую очередь они настаивали на восстановлении принципа «соборности» в Русской Православной Церкви – передаче власти в церкви на всех уровнях «соборным», т.е. выборным представительным органам при участии в них мирян, введении выборности священников и даже архиереев. Эти предложения поддерживали и другие представители светской и церковной печати³⁰⁷. Однако эти заявления остались благими пожеланиями.

2. Конфессиональная политика при Александре III.

Роль обер-прокурора Св. Синода К.

П. Победоносцева

При Александре III конфессиональную политику определял назначенный еще Александром II в апреле 1880 г. обер-прокурором Св. Синода профессор гражданского права К.П. Победоносцев (1827–1907). На этом посту он находился 25 лет. Победоносцев был сыном московского приходского священника (впоследствии профессора словесности Московского университета). Отец дал ему блестящее образование. Современники отзывались о молодом К.П. Победоносцеве как о человеке «тихого, скромного нрава, благочестивом», с разносторонним образованием и тонким умом. Ему прочили блестящую карьеру. Отец готовил его к священническому делу, но сын избрал иную стезю. По окончании в 1846 г. Училища правоведения К.П. Победоносцев начал службу в одном из московских департаментов Сената. В 1859 г. он стал профессором Московского университета. Его курс «Гражданского права», вышедший пятью изданиями, был настольной книгой для юристов. Он заявил о себе как о талантливом публицисте и писателе либеральных воззрений. Его памфлеты, в которых он выступал за гласность и осуждал николаевское время, печатал за границей А.И. Герцен. В начале 60-х годов Победоносцев принял деятельное участие в разработке судебной реформы, отстаивая принципы независимого суда, гласности судопроизводства и состязательности судебного процесса. С 1861 г. Победоносцев преподавал законоведение наследнику престола Николаю Александровичу, а после его смерти новому наследнику Александру Александровичу (будущему Александру III) и другим детям Александра II, будущему императору Николаю II, одновременно преподавал гражданское право в Московском университете. В 1865 г. он оставил профессорскую должность в Московском университете и окончательно переселился в Петербург, всецело посвятив себя государственной службе. В 1868 г. стал сенатором, а в 1872 г. – членом Государственного совета. По свидетельству известного адвоката А.Ф. Кони, речи Победоносцева в Сенате и Государственном совете своей логикой, ясностью и силой убеждения производили большое впечатление на слушателей.

В те годы Победоносцев много занимался и научно-публицистической деятельностью. Им были изданы несколько научных и публицистических книг, переводов, документальных сборников, множество статей по истории

и юриспруденции. Французская академия и все российские университеты избрали его почетным доктором права.

К концу 70-х годов произошел поворот во взглядах Победоносцева в сторону реакции. После убийства народовольцами 1 марта 1881 г. Александра II он оказался в центре политической жизни страны и в значительной мере влиял на политический курс Александра III. Победоносцев был автором царского манифеста 29 апреля 1881 г. «О незыблемости самодержавия».

Победоносцев большое значение придавал личностному фактору, следуя принципу: «Люди, а не учреждения». Он стремился все дела по духовному ведомству решать единолично. Здесь он опирался на местный епископат, строго подчинив ему приходское духовенство и духовно-учебные заведения в епархиях. Повысилась роль епархиальных консисторий. Была восстановлена прежняя численность церковных приходов и церковного клира.

Победоносцев подчеркивал, что в деле укрепления самодержавия Православная Церковь призвана сыграть огромную, если не решающую роль. В православии, указывал он, «корень всей жизни народа, главные ключи всякого добра и правды на земле». Победоносцев твердо придерживался позиции неразрывной связи Церкви с государством. Находясь на посту обер-прокурора Св. Синода в течение 25 лет, он до минимума свел его роль как коллегиального учреждения, взяв в свои руки все дела по высшему церковному управлению. Духовенство не без основания расценивало это как «самодержавство» Победоносцева. Синодский чиновник А.Н. Львов писал в 1891 г.: «Весь центр тяжести не в Синоде, а в канцелярии его; что захочет сделать управляющий, то и будет»³⁰⁸. Победоносцев часто менял состав присутствующих Синода, чтобы сделать его более «послушным». Синодские архиереи сделались поистине «статистами» в Синоде³⁰⁹.

В своей деятельности на посту обер-прокурора Св. Синода Победоносцев выходил далеко за рамки конфессиональных проблем Русской Православной Церкви: он вникал в вопросы светского образования, науки, литературы и искусства, следил за периодической печатью и даже репертуаром театров. Безпрерывно он слал указания о принятии мер против «распущенности» прессы. При нем умножилось число церковных изданий и тиражи духовной литературы. Он сам часто брался за перо и издавал большими тиражами свои сочинения; был талантливым критиком, но не предлагал позитивной программы, ибо

выступал против всяких преобразований.

Победоносцев стремился «поднять нравственный уровень» населения, «перевоспитать» его в духе строгих христианских правил – вплоть до того, что запретил театральные представления во время великого поста, ношение венков и употребление музыки на похоронах.

При нем под жесткий контроль было поставлено епархиальное духовенство. «Доверенным» лицам Победоносцев поручил надзор за епископами. Посланные в епархии эти лица должны были состоять при архиереях и направлять обер-прокурору конфиденциальные донесения об их поведении. Им проводились частые перемещения епархиальных архиереев. Подсчитано, что за 1881–1894 гг. проведено 180 таких перемещений. Некоторых архиереи подвергались этим «перемещениям» до трех и более раз. Строптивых архипастырей Победоносцев засылал в захолустные епархии – в Сибирь, на Дальний Восток или на Аляску, что вызывало глухое недовольство среди епископата.

Подверглись пересмотру церковные реформы, проведенные при Александре II. 9 января 1882 г. Александром III было подписано «определение» о прекращении действия закона 16 апреля 1869 г. о сокращении численности приходских храмов и причтов. Восстанавливались прежние приходы и создавались новые. В течение 1881–1894 гг. открывалось ежегодно в среднем 250 новых церквей и 10 монастырей³¹⁰. 16 февраля 1885 г. последовало повеление царя «О закрытии [Главного] Присутствия по делам православного духовенства и об изменении некоторых постановлений, касающихся устройства церковных приходов и состава причтов»³¹¹. Этим законом епархиальным архиереям позволялось открывать ранее закрытые приходы и создавать новые. Закон 16 февраля 1885 г. отменял разделение священников на настоятелей прихода и помощников настоятелей, а также причетников на псаломщиков и исполняющих должность псаломщиков.

Победоносцев немало сделал для усиления влияния Православной Церкви на жизнь общества. Он считал, что Церковь, помимо собственно своей богослужебной, должна была развивать и другие формы деятельности. Он стимулировал учреждение церковных братств, активизировал церковную печать.

Большое значение он придавал церковной проповеди, внебогослужебным беседам священников со своими прихожанами, организации церковной благотворительности, а также проведению торжеств при праздновании церковных юбилеев: в 1881–1894 гг. их было

проведено 17, в том числе 1000-летие кончины Кирилла и Мефодия, 900-летие крещения Руси, 500-летие кончины Сергия Радонежского, 50-летие воссоединения униатов с Русской Православной Церковью, 100-летие православия в Северной Америке.

В 80–90-х годах происходит возрождение византийского стиля в церковной архитектуре и живописи. Большое внимание уделялось расширению церковных изданий для народа, устройству при церквях библиотек, организации церковной благотворительности, учреждению церковных братств, особенно в западных губерниях России, призванных противодействовать католицизму.

В 1883 г. был введен новый устав консисторий, усиливавший их административно-дисциплинарную роль в епархиях. В 1884–1885 гг. изданы новые уставы духовных учебных заведений, отменявшие выборность в семинариях, вводившие в них должности духовников, выполнявших надзирательские функции.

Победоносцев был того мнения, что возвысить роль Церкви без содействия светской власти невозможно. «Нечего обманывать себя, – писал он в 1883 г., – наши духовные без светских сами бессильны». Современники отмечали непомерно возросшую власть Победоносцева как обер-прокурора Св. Синода.

Известный церковный публицист того времени А.М.Иванцов-Платонов писал, что «обер-прокурор и есть в настоящее время высший глава и правитель Русской церкви», имеющий «такую власть, какой не может иметь никакой патриарх». Он «ничем не ограничен, разве что императорской властью «имеет «больше власти, чем министр в любом министерстве». Немало нелестных слов публицист высказал о сложившихся порядках управления в самом Синоде. «Управление Синода едва ли может быть названо пастырски-церковным, и скорее всего должно быть названо казенным, бюрократическим, подобно управлениям других государственных ведомств». Он отмечал также, что высшие светские чиновники в Синоде имеют «преобладающее значение» по сравнению с присутствующим в нем епископатом, который постоянно чувствует «случайность», «нетвердость» своего положения; указывал на «засилие бюрократизма и бумажной волокиты сверху донизу, бездушный казенный формализм», на «ненормально усиливающуюся в епархиальном управлении значение светского чиновничества в ущерб значению самой духовной администрации»³¹².

Победоносцев стремился поднять религиозность русского общества. Хотя он и заботился о повышении влияния Церкви, но именно его

действия сковывали инициативу Церкви и роняли ее престиж, подрывали авторитет в народе, т.е. приводили к обратным результатам. Победоносцеву нужен был лишь священник- «требоисполнитель», а не просвещенный пастырь. Это вело к принижению роли духовенства. Как писал известный церковный писатель и историк протоиерей Георгий Флоренский, «складывался сниженный тип православной церковности, упрощенный и очень обессиленный».

В конце 70-х – начале 90-х годов XIX в., как отмечал Георгий Флоровский, «началось возвращение интеллигенции в Церковь, когда религиозная пытливость становилась все острее»³¹³. Победоносцев всячески противодействовал духовным контактам интеллигенции с народом, с Церковью, диалогу с ней. Им были закрыты возникшие в 70–80-х годах в Москве и Петербурге Общества любителей духовного просвещения, в которых находились представители высших столичных кругов и часть профессуры (главным образом духовных академий). Как отмечали Н.П. Гиляров- Платонов и Г. Флоровский, Победоносцев никак не хотел идти дальше «прикладного полупросвещения», «не хотел творческого обновления Церкви». «Он боялся, что религиозное просвещение поведет к протестантизму и вольномыслию»³¹⁴.

В связи с развитием рабочего движения в 70–90-х гг. светская власть потребовала от Православной Церкви оказать содействие в борьбе против влияния на рабочую среду народнической, а затем и социал-демократической пропаганды.

По инициативе Победоносцева и редактора «Московских ведомостей» М.Н. Каткова в начале 80-х годов в Петербурге при Исаакиевском соборе было создано специальное общество для издания клерикально-патриотической литературы и бесплатной раздачи ее среди рабочих. Во время известной Морозовской стачки ткачей во Владимирской губернии в январе 1885 г. клерикальные круги с благословения Синода и при поддержке местных властей распространяли среди рабочих листовки, в которых говорилось о возникших в народе «шатаниях», о необходимости «уважать закон» и что всякие посягательства на государственные устои относятся к числу наиболее тяжких грехов; завершался текст листовок с призывом к покаянию.

В 80-х годах ужесточилась духовная цензура, проведены были контрреформы в системе духовного образования. С 1884 г. по инициативе Победоносцева стали усиленно насаждаться церковно-приходские школы, возглавляемые приходским духовенством и подчиненные непосредственно

Св. Синоду (об этих школах см. гл. 5. «Система духовного образования»).

Закон 1883 г. о старообрядцах и меры против распространения рационалистических сект

В многонациональной России Православная Церковь хотя и была «господствующей и первенствующей», однако её влияние не распространялось на десятки миллионов, исповедующих католичество, протестантизм, мусульманство, иудаизм, а также «отпавших от православия» старообрядцев разных толков и сектантов. В тогдашней статистике деление населения было не по национальному, а по конфессиональному признаку (более того, всякий православный человек считался русским!). Основная масса этнических русских, украинцев, белорусов, ряда народов Поволжья и Урала (за исключением татар, башкир и калмыков) исповедовала православие.

По данным годовых отчетов Синода, в 1840 г. православное население в России насчитывало 44 млн. человек, в 1860 г. – 52 млн., в 1890 г. – 72,1 млн.³¹⁵ Удельный вес православного населения в России за указанные годы составлял примерно 70–80%. Точные сведения о численности лиц различных вероисповеданий получены Всероссийской переписью населения 1897 г. Из 125,7 млн. человек обоего пола (без Финляндии) значилось: православных 87384480 человек (около 70% ко всему населению), старообрядцев – 2 173 738 (сюда не вошли единоверцы, причисленные к православному населению), католиков – 10420927, протестантов – 3743200, прочих христианских исповеданий (представителей различных сект) – 1 121516, мусульман – 13829421, иудеев – 5189404, язычников – 655503³¹⁶.

По отношению к старообрядчеству в 80-е годы проводилась довольно гибкая политика. 3 мая 1883 г. был издан новый закон о старообрядцах³¹⁷. Он подтверждал постановление 1875 г., отменявшее многие ограничения николаевского царствования, и даже предусматривал новые послабления. Старообрядцы, кроме «вредных» толков (скопцов, бегунов, хлыстов и пр.) получали ряд гражданских прав: заниматься промышленностью и торговлей, получать паспорта на общих основаниях. Им разрешалось совершать «общественные богомоления и богослужения», в том числе и в специально устроенных молитвенных домах, открывать новые молитвенные здания, но с разрешения обер-прокурора Синода и министра внутренних дел, ремонтировать старые, с разрешения губернатора, но

запрещалось возводить колокольни.

В тех местностях, где старообрядцы составляли большинство населения (на Урале, в Новороссии, Закавказье, Таврической и Архангельской губерниях), в выборах и занятии общественных должностей было разрешено участвовать и старообрядцам, однако с тем условием, чтобы их ставили «не на высокие должности, к тому же заместителями их должны быть православные или единоверцы». При этом за деятельностью избранных на общественные должности старообрядцев устанавливался строгий надзор.

Закон 1883 г. не признавал «раскольничью духовную иерархию». Вместе с тем он указывал на опасность распространения раскола: «Пользуясь благоприятными условиями действия среди темной, невежественной массы раскольников, под густым покровом тайны, вне всякой гласности, вожаки раскола, с одной стороны, держат в деспотических руках всю духовную паству, а с другой стороны, являются пред лицом православного духовенства опасными соперниками, желающими на равных правах конкурировать с ними в делах духовного руководства русским народом». В связи с этим признавалось, что это – серьезная сила против деятельности правительства по «воссоединению с Православной Церковью заблудших и совратившихся в раскол». За старообрядческими духовными лицами (наставниками и руководителями) закон не признавал их духовных званий, вследствие чего им запрещалось проповедовать свою веру. В официальном органе Синода «Церковном вестнике» откровенно заявлялось: «Если раскольникам разрешить действовать беспрепятственно, повсеместно открывать свои храмы, то древнее православие тогда расширится, а настоящее православие сузится, ограничится в своем объеме, и чего доброго займет подобное положение, какое оно занимает в наших западных окраинах».

Закон 1883 г. ограничивал благотворительную и образовательную деятельность старообрядцев, которая рассматривалась как пропагандистская, преследовавшая цель соращения в раскол. Была запрещена деятельность раскольничьих учителей и вся система обучения в раскольничьих школах. Однако эти школы и учителя всё же продолжали свою деятельность, но в глубокой тайне. По закону 1883 г. старообрядцам хотя и разрешалось «творить общественную молитву, и исполнять духовные требы по их обрядам как в частных домах, так и в особо предназначенных для сего зданиях», но было запрещено называть их церквами. Закон хотя и позволял «исправлять и возобновлять принадлежащие им часовни и другие молитвенные здания, приходящие в

ветхость», однако «наружный вид зданий не должен быть изменяем», т.е. «не должен иметь облика храма», ибо это было бы «публичным оказательством» раскольнической веры. Но поскольку как «исправление», так и возобновление молитвенных раскольничьих зданий требовало разрешения властей, это создавало почву для коррупции последних. Закон 1883 г. допускал в исключительных случаях распечатывать запечатанные при Николае I молитвенные здания, опять-таки с разрешения Министерства внутренних дел, которое согласовывало свое разрешение с Синодом. Распечатание скитов (старообрядческих монастырей) категорически было запрещено. Раскольникам было запрещено совершать крестные ходы и публичные процессии (публичное ношение своих икон, за исключением случаев погребения), ибо это рассматривалось как «акты публичного оказательства раскола». Во всей своей силе сохранялся строгий запрет на публичную пропаганду своего вероучения. Запрещалось вне домов и своих молитвенных зданий употреблять свои церковные облачения (монашеские и священнические одеяния), а также «публичное раскольничье песнопение на улицах и площадях».

В 1898 г. Военное министерство добилось царского разрешения поступления на военную службу лиц из старообрядчества и других конфессий (если это им не возбранялось их религиозными правилами), а также «в виде исключения и за выдающиеся заслуги» производить их в офицерские чины.

Несмотря на сохранение перечисленных в законе 1883 г. ряда прежних ограничений, он все же благоприятствовал оживлению деятельности старообрядчества, о чем с тревогой писала церковная пресса. Так, в 1884 г. в «Церковном вестнике» сообщалось: «Вообще в настоящее время старообрядцы чувствуют себя очень хорошо и ведут себя очень смело – сооружают молельни, устраивают алтари, попы их ходят в длинных волосах и почти в такой же одежде, какую носят православные священники, рассылают особых миссионеров для совращения православных в раскол, нисколько не опасаясь ответственности за совращение». Указывалось, что только за один год (с момента издания указа 1883 г.) старообрядцы-поповцы построили 80 новых молелен, «а в Замоскворечье даже резиденцию для своего архиерея».

Церковные и светские власти с тревогой отмечали дальнейшее распространение «раскола» в 80-х годах. В решении архиерейского собора, состоявшемся в июле 1885 г. в Казани специально для разработки мер борьбы против распространения раскола, говорилось: «Раскол существует во всех вверенных нам епархиях и легко прирождается к православным

чадам, а посему нашим архипастырским званием мы почитаем для себя обязанным приложить со своей стороны труды его врачеванию». Собор требовал обратить особое внимание на подготовку квалифицированных в деле борьбы с расколом православных священников, начитанных, обладавших необходимыми знаниями и полемическим опытом в споре с раскольниками. Указывалось, чтобы приходский священник являлся примером для прихожан своим моральным поведением, порядочностью и вообще всем своим обликом. Священникам предписывалось исполнять службы в церквях с особой торжественностью, привлекая верующих «величием православного богослужения», произносить «глубокомысленные проповеди, дабы показать мудрость православной религии». Священники должны чаще находиться среди прихожан и во внеслужебное время, разъяснять им смысл религиозных догматов. Предполагалось, что само торжественное по всем правилам богослужение должно отвлечь верующих от поползновений уйти в раскол.

* *

Но еще большую опасность представляли для Русской Православной Церкви особенно широко распространившиеся разного рода рационалистические секты, последователями которых стали люди не только из «простого народа», но и представители интеллигенции и аристократической элиты.

Старообрядцы первостепенное значение придавали обрядности, точнее – приверженности к старым обрядам, в которых видели суть сохранения «древлего благочестия». По существу же догматических расхождений у них с господствующей Православной Церковью не было. Новые, сектантского типа, христианские конфессии делали акцент на разум, почему их и принято называть «рационалистическими». Они, наоборот, практически отвергали всякую обрядность или сводили ее к минимуму. Поэтому расхождение их с Православной Церковью было главным образом на почве догматики.

Здесь необходимо дать хотя бы краткое описание наиболее значительных рационалистических сект, которые получили особенно широкое распространение в России в пореформенную эпоху и представляли для Православной Церкви и светских властей наибольшую опасность тем, что проповедовали идеи свободы и всеобщего равенства, созвучные настроениям и чаяниям широких масс.

Рационалистические секты появились в России в конце XVIII в. сначала в Причерноморье, которое стало усиленно заселяться не только выходцами из украинских и русских губерний, но и иностранцами

(преимущественно из Голландии и германских государств). Среди них баптисты, меннониты, штундисты и пр., испытывавшие религиозные гонения у себя на родине и приглашенные российским правительством для освоения присоединенных к России земель Причерноморья. И в самой России в конце XVIII в. возникли рационалистические секты духоборов и молокан, а в XIX в. и новые рационалистические конфессии (пашковцы, толстовцы и пр.)³¹⁸.

Для рационалистических конфессий характерны: отрицание духовной иерархии («перед Богом все равны»), таинства исповеди («между Богом и верующим в него не должно быть посредника»), монашество, почитания святых, икон, мощей. В основе вероучения книги Св. Писания, преимущественно книги Нового Завета.

Рационалистические секты особенное распространение в России получили в пореформенный период, что вызвало сильное беспокойство церковных и светских властей. Вследствие этого был принят ряд радикальных мер к их искоренению.

Суровым гонениям подверглись духоборы. Хотя к властям духоборы и относились лояльно, были законопослушны, исправно платили подати, но считали, что поскольку все люди на земле равны, то и не должно вообще существовать никаких властей – ни светских, ни духовных. Они отказывались от принесения присяг и клятв, от воинской службы, выступали против всякой войны. Поэтому они значились в числе «вредных сект», и последующие послабления старообрядцам обычно не распространялись на духоборов.

Духоборы

Эта конфессия возникла в России в 40–50-х годах XVIII в. в Харьковской губернии. Основателем ее считают Силуяна Колесникова. К концу XVIII в. последователи этой секты были обнаружены в Таврической, Херсонской, Астраханской, Курской, Воронежской, Рязанской, Пензенской, Тамбовской, Симбирской, Саратовской, Оренбургской, Пермской, Тверской и даже в Московской губерниях. При Екатерине II и Павле I духоборов ссылали навечно на каторгу и поселение в Сибирь, сдавали в солдаты.

Рескриптом 1801 г. Александра I они были возвращены из ссылки. В 1802 г. 4 тыс. духоборов за счет казны поселили на свободных землях Новороссии по р. Молочные Воды, с наделением по 15 дес. земли на 1 душу, предоставлением ссуды на обзаведение и освобождением на 5 лет от податей. В 1820 г. надел духоборам был увеличен до 37,5 дес. на душу, так что многие из бежавших на юг крестьян стали «записываться в духоборы». Вследствие этого в 1822 г последовали указы об отмене этой льготы³¹⁹. В 1830 г. начались новые гонения на духоборов. В 1841–1845 гг. основную массу духоборов выселили в Закавказье (на юг Грузии). В 80-х годах XIX в. здесь, в Елисаветпольской и Карсской областях насчитывалось свыше 24 тыс. духоборов. Часть духоборов была оставлена на месте их прежнего проживания (в основном в Екатеринославской, Калужской и Тульской губерниях).

Наименование «духоборы» представителям этой секты было дано в 1785 г. епископом Амвросием, считавшим их борцами против Духа Святого, что духоборы решительно отрицали. Они приняли это наименование, но вкладывали в него иной смысл: «Мы – поборники Святого Духа, Духом Богу служим, от Духа берем и Духом бодрствуем». Они называли себя «борцами за Духа Святого», «именными духоборцами», говоря «Бог внутри нас», «мы есть живые храмы». В основе их учения служение и поклонение Богу «духом и истиной». Считают себя поборниками царствия Божия на земле. Сторонники «не буквы, а духа, ибо буква убивает, а дух животворит». Христа почитают человеком, наделенным божественным разумом. Бога понимают как растворенное в мире добро, мудрость и любовь. Отвергают, как и другие евангелисты, церковные обряды, таинства, церковную иерархию, монашество, почитание икон (презрительно называемых ими «деревяшками»),

поклонение мощам святых, соблюдение иной православной обрядности, называемой ими «идолопоклонством». Веруют в то, что добрые дела спасут мир. В их догматике рай и ад понимаются духовно. Иисуса Христа считают обыкновенным человеком, полагая, что в отличие от других людей в нем с особой силой воплотился божественный разум. Согласно их учению, чем праведнее ведет жизнь человек, тем сильнее в нем проявляется божественный разум. По мнению некоторых духоборов, Иисус Христос – Божественная сила, обнаруживающая себя в природе и в праведных людях (сначала в благочестивых людях Ветхого Завета, затем в апостолах, а позже в тех, кто принадлежит к их духоборческой конфессии).

Хотя в основе их верования Св. Писание, но они берут из него лишь то, что считают «полезным и истинным», указывая, что Св. Писание – «книга тленная»; в нее вкралось много ошибок, ибо писали ее люди. Поэтому на первое место духоборы ставят устное, «живое предание», передаваемое из поколения в поколение и называемое ими «Животной книгой» (т.е. «Живой книгой» или «Книгой жизни»), которую ставят выше Библии. Эта книга состоит из вопросов и ответов, отдельных псалмов Давида, духовных стихов и духоборческих молитв, заговоров и заклинаний, а также преданий, передаваемых устно и свято хранимых.

Духоборы верят в бессмертие души и в переселение душ, которые созданы Богом еще до сотворения мира. Затем из-за своей гордыни они стали посылаться Богом на землю и облекаться плотью. По смерти одного тела душа переходит в другое: души праведников – в тела людей, а грешников – в животных. Духоборы отрицают воскресение телесной плоти в день страшного суда, а также существование «чувственных» рая и ада. В день пришествия страшного суда совершится «падение старых небес», старого порядка неправды; всё «уравняется», падут всякие перегородки между людьми («огонь поест»), настанет царство Божие, царство мира и разума. Они принимают догмат троичности Бога, но трактуют это так: Бог-отец-память, Бог-сын-разум, Бог-дух святой-воля. Отвергают крещение, ибо «креститься надо не водою, а словом Божиим».

Рождение ребенка не сопровождается обрядами. С раннего возраста его учат основам своей религии и морали. Своих родителей духоборы называют по имени, мужа своих жен – «сестрами», а жены мужей – «братьями». Браки справляются торжественно, но без обрядности и обязательно по любви. Супружеские измены, воровство и пьянство исключены. Следуют завету «любить ближнего своего», жалостливы даже к животным. Смерть в похороны отмечают серьезным и вдумчиво. Сам

умирающий отправляется в последний путь стоически, слезы близких о нем считаются неприличными, ибо смерть считается «изменением» т.е. переходом человека в иное состояние. Если кто из них умирал, то про него говорили: «Наш брат изменился».

За нравственностью и исполнением всех предписаний членами общины строго следят их наставники, обладающие в общине непререкаемой властью. Свои моления духоборы совершают без всякой обрядности: ставят посреди комнаты стол, на которые кладут хлеб и соль, затем распевают псалмы и духовные стихи.

Духоборы отличались большим трудолюбием и стойкостью в невзгодах. В духе христианского социализма они жили общинами, в которых существовала суровая дисциплина. В конце XIX в. их главный наставник Павел Веригин разработал такие правила внутреннего обихода в общинах духоборов: «Воздержание от накопления богатств, общность имущества, отказ от алкоголя, табака и мясной пищи. Следует отметить, что не все духоборы приняли эти суровые аскетические требования Веригина.

В 1898 г. Министерство внутренних дел дало разрешение духоборам на выезд из России. С помощью американских и английских квакерских духовных общин и материальной поддержке Л.Н. Толстого (он пожертвовал духоборам весь свой гонорар за роман «Воскресение») 7400 духоборов в 1899 г. переселились в Канаду.

В 1909 г. в разных местах России проживало до 15 тыс. духоборов. Когда произошла Февральская революция, жившие в Канаде духоборы направили в Петроград поздравительную телеграмму российскому народу, а Временному правительству – просьбу о желании вернуться в Россию, но получили отказ. Ныне в Канаде духоборов проживает до 30 тыс. чел. [320](#)

Молокане

Как ответвление от духоборства в конце XVIII в. возникла секта молокан, которая также значилась в числе «вредных». Они проповедовали отрицание светской власти, ибо «она нужна для сынов мира сего, а духовные христиане не обязаны исполнять человеческие законы, даже должны избегать таких, которые противоречат слову Божию».

Основателем секты явился крестьянин Тамбовской губернии Семен Уклеин, который сблизился с духоборами, но потом разошелся с ними в вопросах богопознания. В 1823 г. молокане были переселены на Молочные Воды в Причерноморье, где государство выделило им земли. При Николае I подвергались гонениям и переселены в Закавказье. В 1885 г. в Закавказье насчитывалось 35 тысяч молокан.

Их вероучение изложено в распространявшемся в рукописях «Основании вероисповедания духовных христиан» и в печатном «Вероучении духовных христиан, обыкновенно называемых молоканами». В основу их вероучения была положена Библия, но «с исключением того, что в ней домыслено». «Краеугольным камнем истины» они считали Новый завет. По их вероучению, Иисус Христос основал истинную церковь, но таковой она просуществовала лишь до IV века, когда отцы Церкви и Вселенские Соборы «извратили христианство». Иисус Христос принес плоть с неба, и с нею вселился в утробу Богоматери Воскресение мертвых будет духовным, а не телесным Страшный суд будет только для грешников, т. е. для тех, кто не принадлежит к их вере, а также и для согрешивших самих молокан. Для всех остальных молокан наступит вечное блаженство, а для остальных – вечное мучение. Бог есть Дух и духом истинно необходимо поклоняться. Те таинства, которые указаны в Писании, следует соблюдать духовно. Для брака достаточно благословения родителей.

Как и другие рационалистические секты, молокане отрицали духовную иерархию «У нас один архиерей и учитель – Христос, а мы все – братья и священники, у нас нет ни малых, ни больших, все равны», – говорят они, но «есть только руководители по вере» (наставники). Отрицали гражданскую власть, ибо она нужна для сынов мира сего, а духовные христиане не обязаны исполнять человеческие законы, даже должны избегать таких, которые противоречат слову Божию, например, избегать рабской службы помещикам, военной службы и присяги. Если

открыто этого исполнять нельзя, то следует укрываться от правительства.

Обучение слову Божию есть истинное крещение, ибо крещение, совершаемое Церковью погружением в воду есть «пустой обряд». Чтение Св. Писания есть истинное причащение тела и крови Господа нашего Иисуса Христа, а совершаемое вином и хлебом причащение («плотское причащение») нелепость, также и крестное знамение рассматривается ими как «вымысел». Пост соблюдается молоканами только в дни страданий Христа, причем пост состоит в полном воздержании от всякой пищи. В остальном молокане не различают пищу постную и скоромную, не употребляют лишь мяса, а едят в постные дни яйца и молочную пищу, почему и получили наименование «молокан». Они согласились с этим названием, но в том смысле, что «вкушают молоко словесное Евангелия». Называли себя (как и духоборы) «духовными христианами» (или «истинно духовными христианами»).

Молокане критически относились не только к господствующей Православной Церкви, но и к старообрядкам, говоря, что у них «солома вместо мозгов». «Бог есть дух. Ему надо поклоняться духом», – заявляли молокане. Они смеялись над тем, что «раскольники идут на плаху за два пальца» (двоеперстие). Решительно отвергали поклонение иконам, мощам, кресту; считали, что поклонение Св. Духу и Истине исключает нужду в храмах. Сами храмы называли «идолохранилищами». Поэтому богослужебные собрания молокане устраивали в больших комнатах, которые называли «сионскими горницами». Брак у них заключается только по согласию в него вступающих, с благословения родителей, сопровождаемое чтением молитв. Каждая община избирает себе пресвитера (наставника) с двумя помощниками для наблюдения за порядком во время богослужения, чтения Св. Писания и произнесения молитв. Почитают царя и власти, им установленные, узаконивают моление за царя. Переход в молокане обычно сопровождался тем, что мужик первым делом выбрасывал иконы или рубил их на лучину в знак «презрения к идолу и борьбы с язычеством».

Молокане по образу жизни – пуритане, соблюдают строгий нравственный образ жизни, не употребляют спиртного и не курят, у их детей нет игрушек, девушки не носят и не имеют никаких украшений. Когда спрашивали у родителей: «Неужели ваши дочери не завидуют православным в украшениях? Ведь девичий возраст такой, что они любят рядиться и украшаться». На это родители отвечали: «Наши дочери любят украшаться душою, а не серьгами и кольцами. Какая из них раньше грамоте выучится, да больше читает, больше знает слова Божия и лучше

других поет в собраниях, те и считаются у нас красивее других». Обычно молокане либо всей семьей, либо общиной собираются читать Библию. Ставят посредине обыкновенный стол, по стенам лавки, справа садятся мужчины, слева женщины.

В 20-х годах XIX в. среди молокан появилась секта под названием «общие», которая жила первобытной коммунистической общиной и имела всё общее – хозяйство, имущество, общие дома и столовые. Когда в конце XIX в. они переселились в Канаду, то некоторые из них свои общинно-коммунистические принципы довели до крайности: отказались брать землю в собственность, а лишь в общее пользование и сообща вели на ней хозяйство. Они даже отказались использовать тяглый скот: сами по 10–12 человек впрягались в плуги и повозки. Стали строгими вегетарианцами: не употребляли в пищу не только мясо, но и молоко³²¹.

Штундисты и баптисты

С конца 60-х годов в Херсонской и Киевской губерниях, а затем и в средней России среди крестьян стало быстро распространяться религиозное течение под названием штундизма. Оно возникло под влиянием немецких колонистов и свое название получило от немецкого слова *Stunde* (час). Члены этой конфессии-братства в определенный час (обычно в воскресные дни) собирались для чтения Св. Писания, благочестивых размышлений и пения религиозных гимнов.

Такие братства возникли в Германии в конце XVIII в. и проникли на юг России в связи с основанием немецких колоний в этом крае. В 70–80-х годах XIX века штундизм распространился уже по всему югу России, затем на Украину, в губернии центральной России: в Орловской, Калужской, Нижегородской, Пензенской, Тамбовской, Рязанской и Московской. Позже штундизм проник в Среднее Поволжье – в Симбирскую, Самарскую и Саратовскую губернии.

Сущность вероучения штундистов заключалась в следующем. Источником вероучения они признавали лишь Св. Писание (Библию). Признавали триединство в Боге, воплощение Иисуса Христа и искупление им человеческого рода, покаяние и молитву. Церковь и ее иерархию рассматривали как изобретение «человеческое», а не «божественное» учреждение. Русскую Православную Церковь называли «блудницей», а духовенство считали «фарисеями». Православных христиан ставили на одну доску с язычниками, а себя называли «духовными христианами – братьями библеистами», свое учение – «евангельским исповеданием». С хулой они отзывались о Богородице и христианских святых, и среди них особенно чтимом христианами Николае-чудотворце (епископе Мирликийском). Отрицали наличие ангелов, не признавали мощей святых, отвергали совершение молитв за живых и мертвых. Открыто выступали против храмов, икон, креста, совершенно отвергали соблюдение постов, а из христианских праздников признавали лишь Рождество Христово, Пасху, Духов день и воскресные дни. Отрицали необходимость иерархии и в своей среде, учителей и служителей как должностных лиц в своей общине. Из таинств признавали лишь крещение и причащение хлебом. Для властей представляла опасность проповедь штундистами идеи всеобщего равенства и общности имущества.

Среди штундистов существовали два направления – старо-штундисты,

принявшие учение баптистов и вскоре к ним примкнувшие, и младоштундисты, близкие к молоканам. В начале XX в. наименование «штунда» утратилось. Штундисты по своему вероучению близки были к старой евангелическо-протестантской конфессии – баптистам.

На рубеже 60–70-х годов штундисты под влиянием преследования властей, а также и массивном конфессиональном воздействии со стороны баптистов стали переходить к баптизму. Перешедшие в баптизм штундисты были окрещены по-баптистски, вынесли из своих домов иконы и кресты и снесли их к церквам, чтобы не дать повода в обвинении их в надругательстве над святынями Православной Церкви³²².

Баптизм возник в начале XVII в. в Англии. В Россию он перешел в середине XVIII в. из Германии с немецкими колонистами, поселившимися в Новороссии. В 80-х годах XIX в. он распространился в Поволжье, а затем в Сибири и даже на Дальнем Востоке. В то время баптистские общины существовали в 30 губерниях России.

Обычно в общине числилось от 10 до 30 семей. Преобладали в них ремесленники, рабочие и крестьяне. Баптистская община представляла собой духовный и трудовой коллектив со взаимопомощью. Между общинами существовали тесные связи и взаимовыручка.

В 1876 г. И.Г. Онкель издал «Гамбургское исповедание веры баптистов», содержащее основы их вероучения. Баптизм провозглашает отказ от иерархии в своей конфессии, «всеобщее священство», т.е. убеждение, что каждый верующий может быть проповедником и миссионером. Баптизм не признает икон и таинств. Сохраняет верование в Св. Троицу. Священное Писание рассматривает единственный источник богопознания, единственное наставление и правило веры и жизни.

Членом баптистской общины становится принявший крещение (отсюда и понятие «баптист» или «крещеный»), обязательно в разумном возрасте, который через Евангелие и благодать Божию обратился к Христу и верует в него от всего сердца как в Спасителя. Желającego креститься приводят к реке или вообще проточной воде. Здесь ему читают тексты Нового Завета о крещении. Затем крещаемый и крещающий его пресвитер снимают верхнюю одежду и входят в воду в одном нижнем белье. Пресвитер складывает крестом руки на груди крещаемого, затем, взяв их или заопоясанное полотенце левой рукой, правой закрывает рот крещаемого, погружает его в воду и быстро поднимает. После пресвитер читает тексты из «Деяний апостолов». Крещаемый становится на колени и пресвитер, возлагая ему на голову руки, молится о ниспослании на него Святого Духа. Члены баптистской общины («братья» и «сестры»),

присутствующие при обряде крещения, в это время поют духовные песни.

Баптисты веруют во второе пришествие Христа и воскресение мертвых. Основной девиз баптистов: «Бог есть любовь». Верующий баптист должен заботиться не только о своем душевном спасении, но и о благе ближнего. «Не любящий брата своего, которого видит, – говорят они, – как он может любить Бога, Которого не видит?»

Брак признают они «деянием священным». Признают светские власти, ибо «они установлены Богом». Считают своей обязанностью повиноваться всем законам, если они не ограничивают свободного исполнения предписаний их веры. Согласны нести воинскую повинность и занимать гражданские посты.

В баптистской общине поддерживается строгая дисциплина: сурово караются проступки, совершенные членами общины. За пьянство, прелюбодеяние, супружескую неверность, посещение увеселительных заведений, нарушение воскресного дня (не говоря уже о совершении уголовных преступлений), члены общины караются исключением из нее. Часто устраивают духовные съезды и собрания, на которых царит атмосфера приподнятости и торжественности.

Существует два течения в баптизме – «общие баптисты» и «частные баптисты». Первые считают, что Христос искупил грехи всех людей, и их спасение зависит от их свободной воли. Вторые являются сторонниками кальвинистской доктрины, согласно которой Бог изначально предопределил спасение одних и гибель других людей.

Состоявшийся в 1911 г. в Филадельфии всемирный союз баптистов принял в свой состав российских баптистов.

К 1914 г. баптистские общины существовали в десятках городов России, и их численность, по данным Министерства внутренних дел, составляла свыше 31 тысяч человек (по всей вероятности, эти данные сильно занижены).

В Первую мировую войну русские баптисты организовали сбор средств для организации лазаретов. После Февральской революции главным деятелем российского баптизма Прохановым была создана христианско-демократическая партия баптистов «Воскресение», издавали журналы «Христианин», «Сеятель», «Утренняя звезда», «Беседа», впоследствии «Братский вестник». Октябрьскую революцию они встретили враждебно³²³.

Меннониты

Из протестантских сект, имевших место в России в конце XIX – начале XX вв., следует назвать меннонитов и адвентистов седьмого дня. Первая возникла в Голландии в XVI в. и получила свое наименование от имени своего основателя Симониса Меннона. Последователи секты проповедуют смирение, неприменение насилия во имя общественного блага, выступают против всяких войн и несения военной службы. Они отрицают иконы, церковную обрядность и таинства, за исключением крещения, которое совершается в их общине над ее членами, достигшими 10-летнего возраста. Веруют во второе пришествие Христа. Их девизы: «Вера без дел мертва», «Спасение – делами» и «Оправдание – делами». Профессиональный «мирской» (общественный) труд рассматривается ими как «служение Богу», а самое богоугодное занятие – земледелие. Наиболее почитаемыми у них являются те родители, которые для своих детей избрали стезю земледельцев. Меннониты – образцовые фермеры.

В 1789 г. Екатерина II пригласила 228 меннонитских семей в Россию. Им были дарованы свобода вероисповедания, земельные наделы по 65 дес. на семью, материальная помощь на переселение в Россию, освобождение от податей на 10 лет, от военной и гражданской службы. Меннонитские семьи были поселены в Южной России – пор. Молочной в Мелитопольском уезде. Затем прибывавшие меннонитские семьи поселяли в Екатеринославской и Самарской губерниях, в Крыму, Сибири и Средней Азии. Когда был издан закон о всеобщей воинской повинности, меннониты восприняли его как покушение на их религиозные убеждения, предусматривавшие отказ от воинской службы. В 1880 г. в знак протеста против этого 15 тысяч меннонитов (примерно 1/3 проживавших к тому времени на территории России) переселились в США и Канаду. Потом специально для них был издан закон, согласно которому воинская служба для них заменялась охраной казенных лесов. В 20-х годах, при советской власти, когда началась волна «раскулачивания», большинство меннонитов переселилось в Канаду³²⁴.

Адвентисты

Наименование «адвентист» произошло от латинского слова *adventus* (пришествие). Последователи этого вероучения полагают, что второе пришествие Христа произойдет в последний (седьмой) день недели, каковым они считали субботу. Отсюда большое почитание ими субботы. Секта была основана в 1833 г. Вильямом Миллером в США. Адвентизм распространился на юге России (в Причерноморье) в 80-х годах XIX в. К 1912 г. в России числилось до 5500 человек, принадлежавших к этой секте. Согласно учению адвентистов, во второе пришествие Христа мир будет уничтожен огнем, а для истинно верующих (имелись в виду адвентисты) будет создана новая земля. Для них одинаково значимо почитание как Ветхого, так и Нового Заветов. Не признают существования ни рая, ни ада в нынешнее время: по их представлениям, они будут созданы для верующих и неверующих после второго пришествия Христа и страшного суда³²⁵.

Пашковцы

В середине 70-х годов XIX века в великосветских кругах Петербурга возникла секта пашковцев по имени основателя ее отставного полковника гвардии В.А.Пашкова. Пашков был сказочно богат, ранее к вере в Бога относился равнодушно и вел типично великосветскую жизнь со всеми ее удовольствиями. К вере – в форме евангелизма – обратил Пашкова прибывший в Петербург в 1874 г. английский проповедник лорд Ресток, который сумел обратить в нее также русских аристократов княгиню В.Ф. Гагарину, графиню Н.Ф. Ливен, графа М.М. Корфа, графа А.П. Бобринского, К.И. Черткову и др., которые стали собираться для духовных бесед в петербургском доме Пашкова. Дом Пашкова на Французской набережной Петербурга стал центром евангельского служения пашковцев. В нем Пашков открыл дешевую столовую для студентов и бедного люда. В Петербурге открыл швейные мастерские и прачечные, чтобы дать заработок бедным женщинам. Он и его последователи читали работницам книги духовно-назидательного характера.

В 1876 г. Пашков испросил разрешение на учреждение «Общества поощрения духовно-нравственного чтения», цель которого состояла «в доставлении народу возможности приобретать на самом месте жительства его и за дешевую цену книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета и сочинения духовно-нравственного содержания». Общество в течение 1875–1877 гг. выпустило около 200 названий брошюр духовного содержания. Особые книгоноши распространяли их во всех уголках страны. В 1875–1884 гг. пашковцы издавали журнал назидательного содержания «Русский рабочий». Пашков на свои средства издал русский перевод Библии. В Петербурге пашковцы занимались и благотворительной деятельностью, посещали тюрьмы и вели «утешительные» беседы с заключенными. Сам Пашков проповедовал свое учение в извозчицких дворах, в мастерских и на фабриках.

В 1877 г. Пашкову было запрещено устраивать религиозно-назидательные беседы в столице. Тогда он перенес свою деятельность в свои имения в Московской, Нижегородской, Тамбовской и Уфимской губерниях. В русско-турецкую войну (1877–1878 гг. пашковцы отправились на театр военных действий ухаживать за ранеными и больными. В 1878 г. церковным властям поручено было «увещевать» Пашкова, чтобы он прекратил свою деятельность и вернулся в лоно Православной Церкви, но

«увещевания» остались безуспешными.

Вероучение Пашкова исходило из протестантского положения об «оправдании верой». Вследствие грехопадения человек совершенно бессилён своими делами заслужить оправдание перед Богом и обрести спасение. Пашков проповедовал, что Иисус Христос есть «единственный посредник, ходатай, начальник и совершитель веры», что делами нашими мы не оправдываемся перед Богом, а оправдываемся верой в Иисуса Христа, что уверовавший в Него принимает в себя Христа, который никогда его не покидает; вечной гибели он не подлежит, а если и согрешит, то одним покаянием перед Богом непосредственно получает прощение, поэтому никаких внешних средств для спасения не нужно. Пашковцы отвергают иерархию и церковные таинства (кроме крещения и покаяния в виде устной проповеди), обряды и почитание святых, икон, креста, мощей, поминовение умерших, посты. Их религиозные собрания сопровождалось чтением молитв и Священного Писания и пением песнопений, иногда под аккомпанемент музыкального инструмента. Согласно учению Пашкова, поскольку «спасение совершилось на кресте», то каждый уверовавший в Христа тотчас же получает отпущение от грехов и избавляется от вечной гибели. Если же человек совершит вновь грех, то ему нужно лишь покаяться – и он тотчас получает прощение. Каждый уверовавший в Христа может уразуметь Священное Писание и толковать его другим. Но он обязан сам творить добрые дела.

По характеру своего вероучения пашковцы были близки к баптистам и штундистам. Поэтому Пашков задался целью объединения всех евангелистов России. По его инициативе и благодаря его усилиям 1–5 апреля 1884 г. в Петербурге состоялся съезд представителей евангелических конфессий. Пашков нанял большую гостиницу, взяв на себя все расходы на проведение съезда. На съезд прибыло до 100 представителей евангелистских общин. Съезд обсуждал практические вопросы распространения Евангелия в России. Однако в ночь на 6 апреля 1884 г. все участники съезда были схвачены полицией и препровождены в Петропавловскую крепость. Затем после кратких допросов о причине появления их в столице и характере съезда всех в сопровождении жандармов отправили на вокзал, купили им железнодорожные билеты и предупредили, чтобы они никогда больше не появлялись в Петербурге.

24 мая 1884 г. последовало повеление Александра III о закрытии «Общества». Издания его были конфискованы. Сам Пашков с семьёй уехал за границу, где обосновался в Лондоне. Однако последователи Пашкова продолжали вести пропаганду его учения в ряде губерний, за что

неоднократно привлекались к судебной ответственности. В начале XX в. они составили Евангельско-христианский союз, претендуя на главенствующую роль среди евангельских христиан в России. В Петербурге издавали журналы «Христианин» и «Вера»³²⁶.

* *

Все исследователи религиозной жизни пореформенной России отмечали многочисленность сект, их живучесть, быстрое, хотя и тайное их распространение, появление новых учений и толков. «Ересь», «раскол», отступление от православия, наряду с «богохулением», «кощунством», «порицанием веры» карались по «Уложению о наказаниях» в светских судах.

Численность лиц, привлеченных к уголовной ответственности за преступления религиозного характера, в пореформенное время заметно возросла. Если за 1874–1878 гг. в 33 губерниях (где были введены новые судебные учреждения) рассматривалось уголовных дел по этим преступлениям в среднем за год 316, а в 1879–1883 гг. – 378, то в 1884–1888 гг. – 487, в 1889–1893 гг. – 944 и в 1894–1896 гг. – 1077. Эти данные относятся к 33 губерниям, в которых были введены новые судебные уставы 1864 г. 16% осужденных были приговорены к каторге и ссылке, остальные к тюремному заключению. Среди осужденных 52% принадлежали к православному исповеданию, 31% – старообрядчеству и 17% – представители сектантства³²⁷.

Миссионерские съезды в борьбе с сектантством

Для борьбы с распространившимся в конце XIX в. в России сектантством созывались специальные Всероссийские миссионерские съезды.

Первый съезд состоялся в Москве в 1887 г. На нем выдвигались предложения применить самые радикальные меры против сектантов – вплоть до того, чтобы лишать их гражданства. Эти же меры применялись и к «упорствующим раскольникам».

На втором миссионерском съезде, состоявшемся в 1891 г. также в Москве, была поставлена задача прежде всего разобраться в сущности учений сектантов и раскольников, определить, насколько «вредны» некоторые из них. Раздавался призыв к «единству действий» против натиска этих сект на православие, а также принять меры административного воздействия против «сращения» в эти секты православных. Съезд констатировал: «Быстрый рост этих сект является серьезной опасностью для государства». В постановлении съезда предлагалось: «Всем сектантам должно быть воспрещено покидать свои места жительства... Паспорта сектантов должны быть помечены особым образом, так чтобы их нигде не принимали на работу, ни на жительство, пока жизнь в России не станет для них невыносимой. Дети их должны силою отбираться и воспитываться в православной вере»³²⁸.

Третий миссионерский съезд, проходивший в 1897 г. в Казани, апеллировал к светской власти, чтобы она оказала помощь внутренней миссии изданием законов для ограждения православия и пресечения активности сект, опасных не только для церкви, но и для государства. «Принадлежность к некоторым исповеданиям, – говорилось в решении съезда, – признать порочащим обстоятельством, которое давало бы обществу право высылать их последователей в Сибирь». Предлагалось ссылать «совратившихся» без суда, по приговорам сельских сходов³²⁹.

Четвертый миссионерский съезд состоялся 1908 г. в Киеве. Он констатировал активизацию сектантов, особенно баптистов, в Киеве, Харькове, Одессе, даже в Москве и в Петербурге. Сектанты вовлекали в свои секты в основном молодежь – из крестьян, солдат, мастеровых, приходивших на заработки в указанные города, устраивали свои школы, больницы, проводили свои съезды³³⁰.

Пятый миссионерский съезд состоялся в 26 июня-4 августа 1917 г в

Бизюковском монастыре (Херсонская губерния). Съезд констатировал «небывалую пропаганду сектантства». В своих решениях съезд поставил задачу вести борьбу не только с сектантством, но и с «социализмом». Принято также решение о привлечении к миссионерству монастырей, создании специальных миссионерских школ, регулярном созыве миссионерских съездов и о учреждении при Синоде Миссионерского совета. Но этого осуществить уже не удалось³³¹.

Кроме того, были проведены специальные архиерейские съезды в 1885 и 1897 гг. в Казани, в 1886 г. – в Киеве, в 1910 г. – в Иркутске, обсуждавшие проблемы борьбы с сектантством.

Л.Н. Толстой и «толстовство»

В 1882 г. в журнале «Русская мысль» (№5) была опубликована «Исповедь» Л.Н. Толстого, в которой он изложил основы своего вероучения, расходящегося с догматами Русской Православной Церкви. На этот номер журнала сразу же был наложен арест, и Толстой начал нелегальное распространение своих духовных сочинений – «Новое Евангелие», «В чем моя вера?», «Критика догматического богословия», «Церковь и государство» и др. В рукописных списках и в литографированном виде они распространялись в России, были переведены на французский и немецкий языки и получили широкую известность за рубежом.

Л.Н. Толстой выступил с проповедью ненасилия и всеобщей любви, требовал очистить христианство от «суеверий и обрядности», отделить христианство как учение от официальной церкви как духовной организации.

Сущность вероучения Л.Н. Толстого заключалась в следующем. Христос сам не проповедовал никаких догматов: ни о грехопадении прародителей и первородном грехе, ни об искуплении, ни о своем воскресении и божестве, ни о церковной иерархии, ни о богослужении с таинствами, ни о вере в него, ни о воскресении людей и загробной жизни. Всё это измышлено позже и явилось плодом суеверия или своекорыстия духовенства. Апостол Павел первым стал вводить догматику, а со времени византийского императора [Константина Великого](#), когда церковь вступила в союз с государством, совершился окончательный разрыв церковного учения с учением Христа.

Толстой считал, что Христос – сын человеческий, который учил только тому, как жить, поэтому его учение может быть принято всеми народами разных убеждений и вер. Божественное в нем – тот разум, который есть и в людях. Жить по этому разуму – значит жить по-Божьему. Основных правил честной жизни пять: не гневайся, не блуди, не клянись, не противься злу, не убивай другого (даже на войне). В этом, считал Толстой, весь смысл жизни и вся сущность христианства, основа человеческого счастья. В своем учении он доходил до отрицания власти, судов, клятв и присяги, ведения всяких войн и всякого насильственного противления злу, до отрицания современной цивилизации. Таким образом, его учение было направлено против существовавших политических и

общественных устоев, господствовавшей морали и принятых в обществе ценностей, что и вызвало недовольство светских и церковных властей.

Толстого называли «отступником от веры». На это он отвечал: «То, что я отрекся от церкви, называющей себя православной, это совершенно справедливо. Но отрекся я не потому, что восстал на Господа, а, напротив, только потому, что всеми силами желал служить лучше Ему. Прежде чем отречься от церкви и единения с народом, которое мне невыразимо дорого, по некоторым признакам усомнившись в правоте церкви, посвятил несколько лет на то, чтобы исследовать теоретически и практически учение церкви: теоретически – я перечитал всё, что мог, об учении церкви. Изучил и критически разобрал догматическое богословие; практически – строго следовал в продолжении более года всем предписаниям церкви, соблюдая посты и все церковные службы. И я убедился, что учение церкви есть теоретически коварная и вредная ложь, практически же – собрание самых грубых суеверий и колдовства, скрывающего совершенно весь смысл христианского учения. Отсюда я пришел к выводу, что все православные обряды, которые проводятся священниками и считаются христианским богослужением, – есть не что иное, как различные приемы колдовства, приспособленные ко всем возможным случаям»³³².

Толстой имел немало последователей не только в России, но и за рубежом. С толкованием его учения выступали Н.Н. Страхов, В.С. Соловьев, Д.С. Мережковский. Возникли и общины-поселения последователей Толстого. Первые их колонии были основаны в Тверской, Симбирской и Харьковской губерниях, затем в Закавказье. Последователем Толстого был Махатма Ганди.

Последователи Толстого шли дальше того, что он проповедовал: отрицали божественное происхождение Христа, считая его просто «нравственным человеком». Они говорили, что учение Христа выше учения Будды, но ниже учения Толстого. Из священных книг признавали только Евангелие, исключая из него сказания о чудесах. Не верили в загробную жизнь и воскресение мертвых, крест называли «виселицей», церковный храм – «хлевом», а священников – «куклами, набитыми соломой». Некоторые доходили до того, что опровергали существование самого Бога, говоря, что «Бог – лишь человеческая любовь и совесть, и каждый человек заключает в себе частицу Божества». Отрицали государство, полицию, суд; проповедовали безбрачие и вегетарианство³³³.

О толстовстве в то время много говорили и писали во Франции, Англии, Германии, Италии, странах Востока, где также нашлись его

последователи. В России начались нападки на Толстого со стороны официальной православной церкви и светских властей. Архиерейский съезд в Казани в 1897 г. объявил толстовство «вредной сектой». Власти боялись, что крестьяне, усвоив учение Толстого о всеобщем равенстве, потребуют «уравнения земель». Идея «черного передела» земель имела широкое распространение среди крестьян 80–90-х годов XIX в. Кроме этого, власти опасались что Толстой, ввиду его широкой известности и популярности, может явиться объединяющим началом не только толстовцев, но и близких к ним по своему духу молокан, духоборов, штундистов, баптистов. Как мы уже отмечали ранее, Толстой был связан с некоторыми из этих сект, особенно с духоборами, которым помогал даже материально во время их гонений и переселения в Канаду.

24 февраля 1901 г. Св. Синод объявил Л.Н. Толстого «вне Церкви», что фактически означало отлучение его от Русской Православной Церкви. Толстому ставилось в вину, что он отвергал основные церковные догматы: не верил в таинство причастия, не верил в Пресвятую Богородицу, в богочеловеческую природу Иисуса Христа. В опубликованном Синодом «Послании верным чадам» говорится: «Известный миру писатель, русский по рождению, православный по крещению и воспитанию своему, граф Толстой в прельщении гордого ума своего дерзко восстал на Господа и на Христа Его и на святое Его достояние, явно перед всеми отрекся от вскормившей и воспитавшей его Матери, Церкви Православной, и посвятил свою литературную деятельность и данный ему от Бога талант на распространение в народе учений, противных Христу и Церкви»³³⁴.

* *

Победоносцеву не удалось поднять авторитет Православной Церкви и обеспечить «религиозную монолитность» жесткими, иногда репрессивными, мерами. Против религиозных гонений подняла голос и либеральная печать. Выступали против религиозных гонений и новые суды, стоявшие за соблюдение законности. Гонения за веру отталкивали от правительства не только либеральных, но и лояльно относившихся к нему консервативных деятелей, разжигали недовольство в национальных регионах.

Противоречивость конфессиональной политики правительства во время обер-прокурорства К.П. Победоносцева при Александре III заключалась в том, что она, с одной стороны, стремилась активизировать деятельность Православной Церкви, но, с другой, усилением опеки и контроля за этой деятельностью, практически лишала ее самостоятельности, что приводило в конечном счете к кризисному

состоянию Церкви, в каком она оказалась на рубеже XIX-XX вв. Вот почему именно в это время различные общественные круги России и само православное духовенство с особенной остротой и настоятельностью поставили вопрос о необходимости коренных изменений во взаимоотношениях Церкви и государства: в первую очередь освобождения Церкви от опеки со стороны светской власти, предоставления Церкви реальной самостоятельности

Как было указано выше, эти вопросы возникли еще в начале царствования Александра II, когда были начаты церковные реформы, однако в виду ограниченности и непоследовательности реформ, не были решены, и не могли быть решены. Конфессиональная политика Александра III по сути дела отменила робкие реформы в статусе приходского духовенства, в сфере управления, духовного образования, цензуры, в отношении к инославным конфессиям.

В 1876 г. с письмом к императору Александру II против «начала мирского, вытесняющее собою начало божественного, в отечественной Церкви», обратился Волынский архиепископ Агафангел (Соловьев) «Государь! Подобное состояние Святой Церкви не может более продолжаться. Если православные миряне внимательно всмотрятся в нынешнюю администрацию Церкви, отпадение от нее будет происходить не десятками, а тысячами и миллионами лиц. Раскол естественно должен увеличиваться»³³⁵.

По восшествии на престол Николая II к нему обратился с письмами известный философ Владимир Соловьев, требовавший «освободить Церковь от крепостной зависимости от государства и тем самым придать ее жизни новый внутренний импульс»³³⁶.

С протестами против подчинения Церкви государству выступали представители самой широкой общественности, в том числе и профессора духовных учебных заведений – академий и семинарий. Об этом много писала не только светская, но и, пожалуй, еще больше церковная печать, говорилось на собраниях религиозных обществ рубежа XIX-XX вв. При этом важнейшим средством оживления деятельности Русской Православной Церкви выдвигалось требование восстановления принципа «соборности» – выборности сверху донизу всех церковных должностей на совместных собраниях (соборах) духовных лиц и мирян и коллективные решения насущных церковных вопросов. Совершенно определенно заявлялось об упразднении синодального управления Церковью и восстановлении патриаршества.

В 1891 г. за восстановление патриаршества высказались архимандрит [Антоний \(Храповицкий\)](#) и ректор Московской духовной академии Т.И. Филиппов В 1892 г. в среде духовенства ходили упорные слухи о созыве «по воле императора» Всероссийского церковного собора. «Мысль о созыве Всероссийского собора давно уже зреет в сознании мудрых архипастырей Русской церкви, и для многих она составила предмет вожделенных желаний», – сообщалось, например, в «Церковном вестнике»³³⁷.

Глава 9. Русская Православная Церковь и государство в начале XX в.

1. Обсуждение проблемы церковных реформ

В начале XX в. в церковной и светской печати постоянно указывалось, что основная причина кризисного положения Церкви коренилась в подчинении ее государству. Выдвигались требования освободить Церковь от жесткой опеки государства. Были поставлены вопросы о проведении реформ, призванных поднять ее авторитет, материальный и моральный уровень духовенства: в сфере центрального и епархиального управления, церковного суда, положения монастырей и приходского духовенства, духовного образования. Некоторые предлагали превратить Синод в «Синодальное правительство Всероссийского собора», независимое от светской власти, другие высказывались за восстановление патриаршества.

Под давлением общественного мнения и требований свобод правительство в указе 12 декабря 1904 г. «Об усовершенствовании общественного порядка»³³⁸ обещало провести закон о веротерпимости. В тот же день 12 декабря 1904 г. было издано Положение Комитета министров о немедленном прекращении действия принятых по делам «религиозного свойства» в административном порядке мер взыскания. При Комитете министров была создана специальная Комиссия для пересмотра узаконений о правах старообрядцев и сектантов. В этой Комиссии немало говорилось о неуместности вмешательства администрации в дела веры, о вреде насильственных мер против инаковерующих.

Однако обещанные в указе послабления о свободе вероисповедания не коснулись положения самой Русской Православной

Церкви, продолжавшей пребывать под опекой и мелочным контролем государства, что побудило в конце декабря 1904 г. петербургского митрополита Антония (Вадковского) от имени столичного духовенства направить Николаю II записку «Вопросы о желательных преобразованиях в постановке у нас Православной Церкви» с изложением неотложных реформ. В ней говорилось, что готовящееся предоставление инославным конфессиям свободы странным образом обходило вопрос о предоставлении свободы самой «господствующей и первенствующей» Православной Церкви, находившейся в полной зависимости от светской власти. В итоге в записке был поставлен вопрос: «Не следует ли предоставить Православной Церкви большей свободы в управлении ее внутренними делами, где бы она могла руководствоваться главным образом церковными канонами и нравственно-религиозными потребностями своих членов и,

освобожденная от прямой государственной и политической миссии, могла бы своим возрожденным нравственным авторитетом быть незаменимой опорой православного государства?». И тут же предлагалось: «Устранить или хотя бы ослабить ту постоянную опеку и тот бдительный контроль светской власти над жизнью церковной, которые лишают церковь самостоятельности и инициативы».

Предлагалось разрешить созыв совещания всех архиереев Православной Церкви и компетентных представителей приходского духовенства и мирян, но без участия в нем представителей от правительства, для выработки условий автономного существования Церкви и «освобождения ее от прямой государственной или политической миссии». Предлагалось также предоставить церковному приходу определенную автономию и статус юридического лица, обладающего правом собственности, дать приходским священникам право участия в работе земств, выделить несколько мест в Государственном совете для представителей епископата с правом их выхода на Комитет министров³³⁹.

Конечно, наиболее радикальным решением этих проблем было бы отделение церкви от государства, что исключило бы всякое вмешательство светской власти в церковные дела. Однако ни один церковный деятель не ставил и не мог тогда поставить такого вопроса. Представители Русской Православной Церкви, требовавшие ее «обновления», выступали за то, чтобы государство оставалось конфессиональным, а не атеистическим, чтобы светская власть нуждалась в услугах Церкви и в свою очередь поддерживала ее.

И если бы светская власть перестала нуждаться в услугах Церкви, это существенно подорвало бы престиж самой Церкви – такова была логика их рассуждений. Следовательно, требуя большей самостоятельности Православной Церкви, ее представители выступали за сохранение ее государственного значения.

«Записку» [Антония Вадковского](#) император передал председателю Комитета министров С.Ю. Витте. Тот создал при Комитете Особое совещание по церковным вопросам, пригласив в него и ряд либеральных профессоров из духовных академий. Особое совещание, поддержав Антония, пошло дальше его предложений. Составленная ими записка (она получила наименование «Записки С.Ю. Витте») «О современном положении Православной церкви» была более радикальной. Она содержала подробный анализ причин, которые привели к кризисному состоянию Православной Церкви и намечала пути выхода из него. В ней отмечалась «вялость» духовной жизни, отчужденность прихожан от

духовенства, узко бюрократический характер церковного управления и предлагался ряд мер выхода Православной Церкви из ее кризисного состояния. «Несвобода делает Церковь бездейственной, – говорилось в записке. – Единственным путем к пробуждению замерзшей жизни может быть только возврат к прежним каноническим формам церковного управления». Прямо ставился вопрос об отмене петровской церковной реформы как «неканонической и незаконной», вследствие которой Русская Православная Церковь «подпала под мертвящее веяние сухого бюрократизма». «Государству, – далее указывалось в записке, – нужна от духовенства сознательная, глубоко продуманная защита, а не слепая вера в его положение». В первую очередь предлагалось покончить с еще сохранявшейся кастовостью духовенства: обеспечить прилив в среду священников новых сил, восстановить исторические традиции, когда приходские священники избирались самими прихожанами. Предлагалось вообще восстановить «соборное начало, как это было в первые века христианства, когда и епископы избирались». Серьезной критике в записке подверглось состояние духовных школ, оторванных от запросов современной общественной жизни. Подчеркивалось, что политика «насилия» светской власти по отношению к Церкви принесла в итоге много вреда («тот упадок церковной жизни, который мы наблюдаем теперь»). Выдвигались предложения об обновлении прихода, обеспечении духовенства, децентрализации управления, преобразовании духовных школ. Для решения этих проблем, говорилось в «Записке», необходим скорейший созыв Поместного Собора, составленного не только от клириков, но и мирян. «На Соборе должен быть заслушан каждый голос». Витте настаивал на том, что духовенство должно участвовать и в работе правительственных учреждений на всех уровнях – от волостного до Государственного совета и Комитета министров, а само церковное управление должно быть ограждено от контроля со стороны чиновников-бюрократов. В январе 1905 г. Витте направил «Записку» Николаю II, а 28 марта 1905 г. она была опубликована в газете «Слово» и вызвала широкий резонанс (текст записки С.Ю. Витте см. в Приложении 3.6).

Предложения Антония Вадковского и Витте встретили сильное противодействие со стороны обер-прокурора Синода К.П. Победоносцева, который ответил запиской «Соображения статс-секретаря Победоносцева по вопросам о желательных преобразованиях в постановке у нас Православной Церкви». По существу в ней речь шла не о «преобразованиях», а о сохранении статус-кво в Русской Православной Церкви. Автор обвинял Витте в том, что тот желает «отделить Церковь от

государства» и ставит под сомнение сущность петровской реформы. Он доказывал, что Русская Православная Церковь в условиях громадной страны с разноплеменным и некультурным населением окажется «обездоленной без помощи государства». Защищая существующий порядок управления Русской Православной Церковью, Победоносцев говорил об отсутствии стеснения Церкви со стороны светской власти. «Бездействие церкви, – доказывал он, – зависит от ее собственного бессилия, но отнюдь не от засилия государства». Он выступал против восстановления патриаршества («Патриаршее правление опасно для государства»). В заключение он указывал на опасность предлагаемой его оппонентами церковной реформы для самодержавной власти царя.

12 марта 1905 г. Победоносцев направил свои «Соображения» императору, который передал их Витте. Витте ответил Победоносцеву новой запиской «По поводу соображений статс-секретаря Победоносцева по вопросам желательных преобразований в постановлении у нас Православной Церкви», в которой подверг сокрушительной критике положения Победоносцева и подчеркнул, что бюрократизм «самая болезненная язва в церковном управлении».

Победоносцеву удалось убедить Николая II изъять обсуждение вопроса о церковных преобразованиях из Комитета министров и перенести его «на рассмотрение Синода», о чем и последовал указ 13 марта 1905 г. Победоносцев надеялся таким путем если не снять с обсуждения данную проблему, то, по крайней мере, свести ее на нет. Характерно, что сам Синод не поддержал в этом своего обер-прокурора. После обсуждения вопроса о реформах, проходившего на заседаниях 15, 18 и 22 марта, Синод представил 31 марта 1905 г. Николаю II «Всепопданнейший доклад о преобразовании управления Российской Церковью на соборном начале». В докладе указывалось, что по решениям Никейского собора 325 г. поместные соборы должны созываться каждые полгода, а у Русской Православной Церкви не было собора уже более 200 лет (последний состоялся в 1689 г.). Синод испрашивал разрешения царя на созыв Поместного Собора в ближайшие месяцы в Москве, выборе патриарха, изменении самого состава Синода, который должен играть роль совещательного органа при патриархе и под его руководством. Победоносцев категорически настаивал не допускать созыва церковного собора. Сам царь по своему обыкновению занял половинчатую позицию. В своей резолюции на доклад Синода 31 марта 1905 г. царь писал: «Признаю невозможным совершить в переживаемое ныне тревожное время столько великое дело, требующее и спокойствия, и обдуманности, каково созвание

Поместного Собора. Предоставляю себе, когда наступит благоприятное для сего время, дать сему великому делу движение и созвать Собор Всероссийской Церкви для канонического обсуждения предметов веры и церковного управления»³⁴⁰. (Когда революционные события в стране приняли для царизма особенно угрожающий характер, Николай II согласился и на скорейший созыв Поместного Собора, о чем будет сказано ниже.)

13 марта 1905 г. для обсуждения поднятого вопроса собрался Петербургский Пастырский совет. 17 марта 1905 г. группа из 32 петербургских священников, возглавляемая Антонием Вадковским, опубликовала в «Церковном вестнике» свою программную статью «О необходимости перемен в русском церковном управлении», которая на следующий день была перепечатана в либеральной газете «Русское слово». Лейтмотив статьи – немедленное возвращение к каноническим нормам православия и освобождение Церкви от тех ограничений, которые наложила на нее светская власть. Авторы предлагали проводить регулярные созывы поместных соборов, избрание Собором Св. Синода, прекращение практики ежегодного перемещения епископов из одной епархии в другую, избрание епископов клиром и мирянами, увеличение числа епархий, создания митрополичьих округов с несколькими епархиями в каждом, немедленный созыв Всероссийского Поместного Собора Русской Церкви, широкое развитие самостоятельности церковных приходов, настаивали на участии духовенства во всех звеньях государственного аппарата – вплоть до Комитета министров. Статья вызвала небывалый общественный резонанс. О ней заговорили журналы и газеты разных направлений, тем самым показав, насколько острым и актуальным был вопрос о церковных реформах и, главным образом, о коренном изменении взаимоотношений между Церковью и государством.

В начале 1905 г. на основе петербургской группы «32-х» возник «Союз Ревнителй Церковного Обновления». Это было внутрицерковное объединение священников, стоявшее за проведение кардинальных реформ в Русской Православной Церкви. 19 октября 1905 г. на общем собрании Союза был принят «Проект церковных реформ». Согласно этому проекту выборность провозглашалась одним из основополагающих принципов жизни Церкви. В проекте далее говорилось: «Каждый приход во главе с предстоятелем составляет свободное братство, юридически самостоятельную общину, которая сообща управляет своим церковным имуществом и занимается делом приходской благотворительности»; монастыри освобождаются «от бесконтрольного господства их

настоятелей» и организуются в свободные общины или братства главным образом для благотворительных целей; «каждая церковная или церковно-общественная должность считается выборной». Проект предусматривал в перспективе «полное и живое единение между всеми христианскими церквами» и призывал к «обновлению всех сторон жизни посредством достижений науки и искусства»³⁴¹.

2. Манифест 17 апреля 1905 г. о веротерпимости и его оценка современниками

Нарастание революционных событий 1905 года заставило самодержавие пойти на существенные уступки в конфессиональной политике. 19 февраля 1905 г. министрами внутренних дел и юстиции были разосланы на места циркуляры, которые предписывали губернаторам «без замедления» принять меры к устранению административных стеснений в сфере религии. А 17 апреля 1905 г. (в пасхальное воскресенье) был обнародован и царский указ о веротерпимости³⁴². Свобода вероисповедания была подтверждена изданными 23 апреля 1906 г. «Основными законами Российской империи» (ст. 39).

Указ 17 апреля 1905 г. предоставлял свободу вероисповедания всем конфессиям на территории России, право регистрации конфессиональных объединений (при наличии их руководителей), переходить в другие веры, принимать в свои объединения даже бывших православных и с детьми до 14 лет. «Все, не принадлежащие господствующей Церкви, подданные Российского государства, природные (родившиеся в России. – В.Ф.) и в подданство принятые, также иностранцы, состоящие на российской службе или временно в России пребывающие, пользуются каждый повсеместно свободным отправлением их веры и богослужения по обрядам оной». Свободу вероисповедания получала многомиллионная масса старообрядцев всяких толков и согласий, подвергавшаяся гонениям почти 250 лет. Было объявлено, что с момента издания манифеста прекращаются всякие гонения за веру, и каждый свободен исповедовать ту, которую он считает истинной. Теперь миллионы получили право не тайно, но открыто исповедовать свое вероучение, исполнять необходимые обряды. Разрешалось объединяться в религиозные братства, строить молитвенные дома, издавать свою религиозную литературу. Упразднены были и монастырские тюрьмы. Открылись тяжкие железные двери этих тюрем, на волю вышли узники совести, некоторые из которых десятки лет томилась за свои религиозные убеждения.

Указ освобождал «инославное» (христианских неправославных конфессий) духовенство от воинской повинности. Правительственные чиновники получили формальное право официально менять религию. Бывшие мусульмане и представители других конфессий, которые насильно

были крещены, могли отказаться от православия. Кто перешел из лютеранства в православие в силу необходимости, мог обратно вернуться к своей прежней вере. Многие не замедлили воспользоваться этим правом. Так, с 1 апреля 1905 г. до 1 января 1909 г. в России было зафиксировано 308758 случаев выхода из православия, в том числе 167957 католиков в Царстве Польском, северо-западных, юго-западных и белорусских губерниях, 12068 человек перешли в лютеранство в Прибалтике, 49799 крещеных татар и башкир – в мусульманство³⁴³. Были приняты правительственные меры, чтобы приостановить этот процесс. 8 августа 1905 г. министр внутренних дел А.Г. Булыгин разослал на места секретный циркуляр, предписывавший «приостановить переход в иные веры».

Однако пока еще не была решена главная проблема – освобождение самой Православной Церкви от опеки и контроля со стороны государственной власти и предоставление Церкви полной свободы в решении своих собственных дел. Этого все настойчивее требовали представители передовой русской общественности и самой Церкви.

Либеральные публицисты, анализируя этот правительственный акт, приходили к выводу, что он еще «далек от действительного признания свободы совести». Он лишь упраздняет стеснения и прикрепление личности к православию. Свобода совести лишь декларирована, но не гарантирована на практике. В те годы в русской либеральной прессе оживленно обсуждались проблемы «религиозной свободы вообще». Представляют интерес выступления в печати историка и публициста С.П. Мельгунова, изданные вскоре в двух его сборниках «Церковь и государство в России» (М., 1906) и «Церковь и государство в переходное время» (М., 1909), книги профессора Московского университета, видного юриста, С.В. Познышева «Религиозные преступления с точки зрения религиозной свободы. К реформе нашего законодательства о религиозных преступлениях» (М., 1906) и М.А. Рейснера «Церковь и верующая личность» (М., 1905).

Анализируя манифест 17 апреля 1905 г., указанные авторы писали, что хотя он и явился несомненным шагом по пути к веротерпимости, однако подлинной свободы совести еще не дал, да и не мог дать в силу сохранения полицейского характера государства. В реалии продолжали подвергаться строгому наказанию те, кто «совращал» людей к переходу в иную веру. Православная Церковь продолжала оставаться соединенной с государством, господствующей и покровительствуемой государством, следовательно, она и сама не получила настоящей свободы от опеки и контроля над нею со стороны государства.

«Этот указ, – писал профессор М.А. Рейснер, – далеко не предоставляет каждому возможность верить в то, во что он хочет, или даже не верить ни во что. Закон 17 апреля есть по существу только норма, расширяющая привилегии инославных христианских исповеданий. Принцип остается старь». Лишь снимаются ограничения лояльных к власти христианских конфессий. Все христианские конфессии получили преимущества перед нехристианскими. Если можно было переходить из одной христианской конфессии в другую, то запрещался переход из христианской веры в нехристианскую, исключение делались для тех, кто переходил «в прежнюю свою веру».

В прессе писалось, что о полной свободе вероисповедания можно говорить лишь тогда, когда уравниваются в правах все конфессии и ни одной из них не дается преимуществ перед другими. Так, С.П. Мельгунов писал: «Во всем образованном мире в настоящее время утвердился взгляд на религию как на частное дело гражданина, на которое не должно распространяться вмешательство государственной власти; никакое внешнее принуждение не должно стеснять проявления в государстве религиозных мирозерцаний. Последовательное проведение принципа религиозной свободы требует полного отделения церкви от государства, категорического разграничения области политики и религии. Идеальное разрешение этих требований, выработанных долгим историческим процессом человеческой мысли и начертанных на знамени всех прогрессивных политических партий, сводилось бы к признанию равноправными всех церквей без исключения, к уничтожению государственной национальной привилегированной церкви, к отмене государственной поддержки исключительно лишь господствующего вероисповедания и обязательного преподавания догматов какого бы то ни было религиозного культа на общественный счет. Церковь как частное общество не должна пользоваться никакими особыми преимуществами»³⁴⁴.

Тогда были популярными лозунг «Свободная церковь в свободном государстве» и тезис «В правовом государстве не может быть господствующей церкви». В другой своей книге «Церковь и государство в переходное время» С.П. Мельгунов писал: «Полное невмешательство государственной власти в область религиозного самосознания массы – таков идеал правового государства. Государству как таковому нет дела до отношения человека к Божеству, пока эти отношения не переходят в сферу общегосударственных правоотношений. Обеспечивая каждому гражданину неприкосновенность основных политических и гражданских

прав, государство путем закона гарантирует и неприкосновенность религиозной свободы. Лишь посягательства на религиозную свободу, сопряженные с общим нарушением гражданской свободы, должны являться объектом государственного воздействия», но они не должны затрагивать «сферы религиозного мышления». В правовом государстве «ни одна церковь не пользуется никакими прерогативами и особой поддержкой со стороны государственной власти. Равно охраняя религиозную свободу представителей всех без исключения вероисповедных групп, признавая и атеизм, государство отделяет себя от вероисповедных интересов и окончательно сбрасывает с себя старую оболочку, поэтому она написана на знамени всех политических партий»³⁴⁵.

Россию того времени публицисты справедливо называли «полицейским государством». Отсюда, как далее продолжает в книге «Церковь и государство в переходное время» С.П. Мельгунов, «в полицейском государстве, где одна церковь объявляется господствующей, эта церковь на деле не является самостоятельной и самодеятельной, а становится служанкой, орудием светской власти». В силу этого в России, как полицейском государстве, «церковь сделалась одной из отраслей бюрократического управления, одним из многочисленных департаментов сложного государственного механизма. Она впитала в себя идеи старого режима и сделалась консервативной силой, охраняющей своим духовным авторитетом одряхлевшие устои общественной жизни. Она явилась врагом свободы и защитницей бесправия. Умалая авторитет церкви, унижая ее как носительницу божественной истины, развращая ее представителей, государственная власть путем полицейской опеки стремилась обеспечить неприкосновенность первенствующей церкви, в господстве которой она видела до времени твердый оплот для своих реакционных выступлений. Отсюда проистекали все меры репрессий против инакомыслия. Свободы совести в полицейском государстве не могло быть»³⁴⁶. «Государство не должно покровительствовать ни одной религии и, наоборот, ни одну религию не должно стеснять посредством уголовных наказаний; наконец, всякую религию оно должно охранять от грубых оскорблений и насильственных действий». Вместе с тем «государственная власть должна охранять свободу критики и борьбы религиозных мирозозерцаний от разного рода стесняющего их насилия, отнюдь не стараясь сама решить известные религиозные вопросы и обязывать граждан к принятию тех течений, которые представляются ей правильными» Последовательное проведение в жизнь этой свободы, писал далее Мельгунов, «не допускает

никаких ограничений во имя каких-либо государственных соображений». Европейские публицисты признавали за государством право не допускать религиозных учений, противных нравственности и опасных для правопорядка.

Мельгунов указывал, что в реалии это право государства, особенно в российских условиях, может свести на нет свободу религии вообще. Свобода совести, подчеркивал он, должна также допускать и снятие ограничений на свободу атеистической пропаганды. «Право свободы исповедания, право неверия и пропаганда связаны друг с другом», – писал он. Борьба с безнравственными и вредными учениями должна вестись не путем репрессий, а «в содействии свободной и гласной критике этих учений и в разных мерах народного просвещения». Мельгунов приводит ряд убедительных примеров того, как применение репрессивных мер приводило к обратным результатам – множило число адептов гонимых учений³⁴⁷. Он выдвинул тезис: «Религия – частное дело граждан, на которое не должно распространяться вмешательство государства»; свобода религии есть «полное невмешательство государства в область религии, полное разграничение интересов церкви и государства»³⁴⁸.

3. Подготовка к созыву Поместного Собора Русской Православной Церкви. Предсоборное Присутствие (6 марта – 15 декабря 1906 г.)

27 июля 1905 г. Синод разослал епархиальным архиереям Русской Православной Церкви запрос прислать по прилагаемой к нему анкете свои мнения о положении Церкви и предложения о желательных преобразованиях. Епископат живо откликнулся на запрос Синода. В Омске, Курске, Киеве, Иркутске, Ярославле состоялись по этому случаю епархиальные съезды, которые составляли коллективные ответы на разосланную Синодом анкету. Коллективный ответ дали и монахи Валаамского монастыря. В ряде мест для этого собирались и «пастырские собрания» приходского духовенства. Таким образом, присланные в Синод отзывы – не плод единоличных мнений епархиальных архиереев, а коллективное выражение интересов и чаяний всего православного духовенства. К концу 1905 г. в Синод поступило огромное количество интереснейших «отзывов», «записок», «мнений» и «предложений», которые в начале следующего года были изданы. Они представляют собой три объемных тома собственно «отзывов» и специальный том «прибавлений»³⁴⁹. Начавшиеся в 1905 г. революционные события в стране развязали низменные страсти, способствовали падению нравственности и духовности. В отзывах епархиальных архиереев дана неприглядная картина царившей в то время анархии на местах – «разгула страстей» – приводились многочисленные случаи неуважения к Церкви и к духовным наставникам, кощунства и богохульства, вызванных обстановкой революции. Отмечалось также, что «уровень семинаристского образования катастрофически упал во всех епархиях»; семинаристы бунтуют, вследствие чего в некоторых семинариях «классы были распущены на неопределенный срок».

Епископат Русской Православной Церкви однозначно (за редкими исключениями) высказался за церковные реформы и неотложное их проведение, за скорейший созыв Поместного Собора для проведения коренных церковных преобразований. Практически все авторы отзывов писали о неканоничности синодальной системы управления и настаивали на восстановлении «соборного строя», при котором существовал избранный патриарх и все вопросы решались на церковных соборах.

Указывалось, что Петр I, упразднив патриаршество, прекратил и практику созыва Поместных соборов Русской Православной Церкви как представительства от местных церквей. Бюрократический принцип синодального управления распространился и на местное церковное управление – лишение православного населения права избирать епархиальных епископов и приходского духовенства. Конфессиональная бюрократическая политика определила казенщину в духовном образовании, наконец, привела к возложению светской властью на духовенство неблагоприятных полицейско-сыскных функций, и в итоге резко усилила всестороннюю опеку и контроль светской власти над церковью, лишив ее практически всякой самостоятельности. Именно эти мотивы чаще всего и особенно остро звучали в отзывах с мест.

Настаивая на восстановлении института патриаршества и периодичности церковных соборов, авторы отзывов подчеркивали, что патриарх, однако, не должен обладать «самодержавной» властью в церкви подобно римскому папе, а «должен быть первым среди равных»; высшим органом управления Русской Церковью должен быть Поместный Собор. Выдвигались требования предоставления епархиям большей автономии – вплоть до разделения церкви на самоуправляющиеся митрополии. При этом предлагалось также расширить самоуправление церковных приходов. Далее выдвигались требования проведения реформы церковного суда и системы духовного образования. Некоторые предлагали перевести богослужение с малопонятного народу церковно-славянского языка на современный русский. В отзывах был поставлен вопрос об участии духовенства в общественной и политической жизни страны. Остро был поставлен вопрос об изменении брачных правил для духовенства: об отмене правила обязательного безбрачия епископов и обязательного вступления в брак для священников, снятие запрета вступления во второй брак овдовевшим священникам. Наконец, авторы отзывов настаивали на освобождении приходского духовенства от слежки за своей паствой, т.е. по существу от полицейских обязанностей, установленных еще Духовным регламентом Петра I.

Вопрос о неотложных реформах в Русской Православной Церкви и о созыве Поместного Собора живо обсуждался в прессе. В 1905 г. был опубликован сборник наиболее интересных статей из газет и журналов на эту тему³⁵⁰.

Нараставшие революционные события конца 1905 г. оказывали существенное воздействие на правительство. В условиях всеобщей октябрьской политической стачки царь вынужден был издать известный

манифест 17 октября «Об усовершенствовании государственного порядка». Через два дня (19 октября) по настоянию председателя Совета министров С.Ю. Витте Николай II отправил К.П. Победоносцева в отставку.

На пост обер-прокурора Синода был назначен сторонник Витте, шталмейстер двора, князь А.Д. Оболенский. Был обновлен и состав Св. Синода. Кн. Оболенский, мало осведомленный в церковных делах, но придерживавшийся либеральных взглядов, поклонник философа В.С. Соловьева, выступал за созыв Поместного Собора Русской Церкви и проведение церковных реформ. Ему удалось убедить колебавшегося Николая II согласиться на созыв Церковного Собора.

4 ноября 1905 г Николай II, принимая новых членов Синода, выразил надежду, что они «приложат все усилия к водворению мира и тишины». 17 декабря 1905 г. он принял митрополитов петербургского, московского и киевского. В своем обращении к ним он сказал: «В настоящее время при обнаружившейся расшатанности в области религиозных верований и нравственных начал благоустройство Российской Православной Церкви представляется делом неотложной необходимости»³⁵¹.

27 декабря 1905 г. был обнародован указ, уполномочивавший митрополитов петербургского, московского и киевского заняться подготовкой Поместного Собора, а Синод – учредить Предсоборное Присутствие, чтобы оно выработало повестку дня предполагаемого Собора. 7 января 1906 г. митрополиты получили указание заняться подготовкой к созыву Поместного Собора «в ближайшее по возможности время».

14 января 1906 г. Синод вынес определение об учреждении Предсоборного Присутствия для подготовки Поместного Собора Русской Православной церкви. Через два дня Николай II утвердил предложенный ему состав этого Присутствия при Синоде: обер-прокурор Синода, его товарищ, 10 иерархов, 7 священников и 21 профессор духовных академий и университетов. Председателем Присутствия был назначен петербургский митрополит Антоний Вадковский.

На первом пленарном заседании Предсоборного Присутствия, открывшемся 6 марта 1906 г. в Александро-Невской лавре, председатель его Антоний Вадковский в своем выступлении выразил надежду, что Поместный Собор Православной Церкви «станет источником возрождения духовной жизни России».

Работа Предсоборного Присутствия проходила в семи его отделах. Первому отделу предстояло обсудить состав и порядок работы Поместного

Собора, а также реформу высшего церковного управления. Второй отдел занимался разделением России на митрополичьи округа, их организацией, а также реформой местного (епархиального) управления. Третий отдел занимался реформой церковного суда и вопросами брака. Четвертый отдел обсуждал вопросы организации приходов и церковно-приходских школ, церковной собственности, а также епархиальных съездов клириков и их сотрудничеством с Государственной думой и земствами. Пятый отдел был занят проблемой духовного образования – реформой духовных академий и семинарий. В ведении шестого отдела были вопросы веры, отношение к старообрядцам и единоверцам, а также миссионерство. Этим отделом ведал крупнейший церковный деятель того времени [Антоний Храповицкий](#). Главная задача отдела – разработка методов обращения старообрядцев в православие. С работой шестого отдела был связан и седьмой отдел, занимавшийся проблемой «ограждения» православных от воздействия на них старообрядцев и различных сект евангелического толка. Заведовал этим небольшим, но важным отделом архиепископ Финляндский Сергей Страгородский. Впрочем, четкого деления предметов занятий между отделами не было. В процессе работы внимательно изучались присланные архиереями материалы с мест. 5–15 мая 1906 г. состоялись пленарные заседания, которые подвели итог работе всех отделов Предсоборного Присутствия: Поместный Собор должен состоять из епископов (епархиальных архиереев) и лиц, уполномоченных епархиальными архиереями быть на Соборе и иметь право голоса; избираются на Собор клирики и миряне, но лишь с совещательным голосом. Поместный собор вправе дополнительно привлечь экспертов по обсуждаемым вопросам. Но главное: «Поместный Собор должен действовать как высший орган Русской Церкви, осуществляющий верховную власть в церковном законодательстве и суде». Рекомендовано проводить Поместные Соборы один раз в 10 лет, а в промежутке между ними высшая церковная власть должна была принадлежать «малому Собору» в составе его председателя и 12 епископов. Предсоборное Присутствие определило место созыва Собора (Москву), регламент его проведения, круг предлагаемых к обсуждению вопросов, даже заготовило проекты решений³⁵².

На пленарных заседаниях Предсоборного Присутствия были изложены положения о предоставлении Русской Православной Церкви большей самостоятельности («устранение зависимости от государства»), но вместе с тем о предотвращении «чрезмерного развития епископской власти» на местах; был выдвинут принцип выборности на все церковные

должности сверху донизу, при непременном контроле за ходом самих выборов со стороны вышестоящих церковных органов управления. Единства мнений, конечно, не было. Шла острая борьба между сторонниками радикальных реформ и их противниками («традиционалистами»).

Работа Предсоборного Присутствия проходила в обстановке нарастающих революционных событий. В 1906 г. от приходских священников поступали тревожные вести, что «повсюду расцвело хулиганство: прервались богослужения, возле храмов собирались толпы, оскорблявшие молящихся». К осени 1906 г. «вся жизнь приходов почти замерла». Отмечали падение влияния церкви на народ. Практика воочию показала, что начать следовало с возрождения приходской жизни, восстановления авторитета и влияния на прихожан приходского духовенства.

Еще 18 ноября 1905 г. Синод издал постановление о церковных приходах. Предписывалось учреждение церковно-приходских советов, избранных общим собранием прихода. Трудно сказать, насколько удалось реализовать данное предписание Синода в тех условиях. Впоследствии, накануне Первой мировой войны вновь вернулись к этому вопросу. Был разработан законопроект о коренной реформе управления церковным приходом, предусматривавший объединение жителей города и села вокруг своих приходских храмов; дать приходам полную финансовую самостоятельность; возложить на них устройство школ и больниц, домов для престарелых, бедных и немощных; «создавать духовные кружки из взрослых прихожан, призванных просвещать и защищать церковный народ от атеистов и сектантов».

Предсоборное Присутствие заседало до 15 декабря 1906 г., когда по совету П.А. Столыпина (перед созывом II Государственной думы) оно было закрыто. Однако Присутствие успело подготовить итоговый доклад об «обособлении Церкви от государственных учреждений и определении ее полномочий в отношениях с государством». Верховной государственной инстанцией по делам церкви признавался император. С ним церковное руководство должно было согласовывать решения, имеющие общегосударственное значение. Для сношений с царем назначалось полномочное лицо, которое призвано следить за тем, чтобы принятые церковными органами решения не противоречили существующим государственным законам³⁵³.

Казалось, что создалась возможность проведения кардинальных реформ в Русской Церкви, которые определили бы ее новые

взаимоотношения с государством, что несомненно оживило бы деятельность церкви, подняло бы ее авторитет в глазах паствы. Митрополит Антоний Вадковский был убежден, что царь объявит о созыве Поместного Собора «на Троицу» (7 июня) или «на Успение» (15 августа). Однако этого не произошло. Спад революции приостановил созыв Поместного Собора. Когда 25 апреля 1907 г. итоговый доклад Предсоборного Присутствия был представлен Николаю II, тот наложил резолюцию: «Собор пока не созывать».

Против созыва Поместного Собора возражал П.А. Столыпин. В своих выступлениях 6 марта 1907 г. и 22 мая 1909 г. в Государственной думе он подчеркнул, что существующее положение Церкви в государстве не нуждается в каких-либо изменениях, и правительство будет твердо придерживаться политики сохранения и укрепления тесной связи государства и Церкви. Он решительно отвергал мнение, что все вопросы, связанные с Церковью, «подлежат самостоятельному единоличному вершителю Церкви». Церковь, говорил он, автономна в канонических вопросах и в делах своего внутреннего устройства. Здесь решения Синода нуждаются только в одобрении монархом. Но государство оставляет именно за собой «полную свободу в деле определения отношений Церкви к государству»³⁵⁴.

Созыв Собора в условиях наступившей реакции в связи с государственным переворотом 3 июня 1907 г. был отложен на неопределенное время, хотя надежды на его созыв продолжали сохраняться. 28 февраля 1912 г. Синод создал в узком составе (в числе 7 человек) Предсоборное Совецание, надеясь этим напомнить о необходимости созвать Поместный Собор. Совецание действовало до апреля 1913 г. Просьба к царю осталась без ответа. Царь исходил из того, что гражданская власть еще не потеряла возможность использовать Церковь для влияния на народ³⁵⁵. Отпала надежда и на то, что в связи с юбилеем – 300-летием дома Романовых – может быть созван и Церковный Собор.

Были предприняты попытки оживить деятельность церковного прихода. Еще 18 ноября 1905 г., в ходе подготовки к Поместному Собору, Синод издал постановление о церковных приходах. Предписывалось учредить церковно-приходские советы, избранные общим собранием прихода. К 1914 г. был разработан законопроект о коренной реформе управления приходом с внесением этого проекта в Государственную думу и Государственный совет, но с начала I Мировой войны это обсуждение

было отложено.

4. Депутаты от духовенства в Государственной думе

Согласно «Положениям о выборах в Государственную думу» от 11 декабря 1905 и 3 июня 1907 гг., духовенству предоставлялось право участия в выборах в этот законодательный орган Российской империи на основании ценза: по сельской курии при наличии ценза церковной земли, а по городской на основании иного имущественного ценза (домовладения, доходов и пр.). Ход выборов представителей в Думу от духовенства тщательно контролировался со стороны Синода. При выборах в III Государственную думу на места направлялись секретные послания, которые рекомендовали ограничить участие в выборах священнослужителей, сочувствующих партиям «левее октябристов». В центральной церковной печати регулярно появлялись статьи, призывающие духовенство активно действовать в избирательной кампании вкупе с правыми организациями. Епархиальные власти использовали для воздействия на ход выборов епархиальные съезды духовенства и местную печать. Большую поддержку многим прошедшим в Думу священнослужителям оказывали церковные братства и монархические организации³⁵⁶. Предполагалось создать в Думе «духовную группу» (фракцию), но из-за различия взглядов депутатов от духовенства этого сделать не удалось, что опрокинуло все расчеты правящих кругов, стремившихся иметь в Думе вполне послушных депутатов – духовных лиц.

Вот данные о представительстве православного духовенства и их политической ориентации в четырех Государственных думах. В Первую Государственную думу было выбрано шесть священников и два епископа. Епископы примкнули к правым, священники – к левым депутатам и центру. Во Вторую думу избраны 11 священников и два епископа – Евлогий (Георгиевский) и Платон (Рождественский). 3 депутата-священника примкнули к фракции кадетов, 4 – к социал-революционерам, остальные 4 священника и оба епископа распределились между октябристами и правыми. В Третьей и Четвертой думах численность депутатов от духовенства увеличилась (45 – в Третьей, и 46 – в Четвертой). Партийный «расклад» депутатов от духовенства в Третьей думе был таков: 15 священников примкнули к правым, 13 – к умеренно правым, 2 – к националистам, 9 – к октябристам и 4 – к прогрессистам; епископ Платон

примкнул к правым, а епископ Евлогий – к умеренно правым. В Четвертой думе только по два депутата принадлежали к прогрессистам, октябристам и центру, 19 священников примкнули к умеренно правым, остальные 19 священников и оба епископа – к правым. Такое «поправление» депутатов от духовенства в Думе было обусловлено тем, что по избирательному закону 3 июня 1907 г. духовным лицам было запрещено присоединяться к левым фракциям в Думе. Вместе с тем правительство, увеличивая с 1907 г. для духовенства число депутатских мест в Думе, надеялось создать внушительную опору правым. Однако эта надежда оказалась впоследствии мнимой.

В годы Первой мировой войны духовенство в Четвертой думе в своем большинстве примкнуло к Прогрессивному блоку депутатов, оппозиционному правительству³⁵⁷. В 1916 г. 46 депутатов от духовенства в Государственной думе подали царю прошение, в котором говорилось о необходимости восстановления соборного управления Церковью, и чтобы государство перестало использовать православное духовенство как инструмент своей внутренней политики. Простение было оставлено без ответа³⁵⁸.

5. Религиозно-философские общества в начале XX в.

Религиозно-философские общества (или, как они назывались, «собрания») стали возникать на рубеже XIX-XX вв., преимущественно в Москве и Петербурге – важнейших культурных центрах России. Официальная церковь и светская власть относились к ним настороженно. В 90-х годах XIX в. по настоянию К.П. Победоносцева деятельность их была прекращена. Однако под влиянием событий 1905–1907 гг. такие общества вновь стали возникать как в Москве, так и в Петербурге. Предпринимавшаяся ранее религиозно-философскими собраниями попытка сближения Церкви и интеллигенции была теперь признана неудавшейся. Новые религиозно-философские общества поставили себе задачей стараться не спорить, а столкнуться с Церковью.

Первым в 1905 г. возникло общество под названием «Христианское братство» в Москве, созданное Владимиром Эрном и [Валентином Свенцицким](#). К нему примкнули [Павел Флоренский](#) и Александр Ельчанинов. Однако оно просуществовало недолго. В том же году в Москве возникло религиозно-философское общество имени Владимира Соловьева. Оно в течение двух лет (1906–1908) издавало свой журнал «Вопросы религии». При материальной поддержке Маргариты Морозовой было создано издательство «Путь», специализировавшееся на издании религиозно-философской литературы, основные темы которой: возвращение русской интеллигенции в Церковь, протест против реакционно-синодального клерикализма, а также выступления против тенденциозности и примитивного натурализма в литературе и живописи.

В начале октября 1907 г. было образовано Петербургское религиозно-философское общество. Его наиболее активные деятели – видные философы, историки Церкви, поэты: А.В. Карташев, В.В. Розанов, Н.А. Бердяев, Д.С. Мережковский, В.П. Свенцицкий. На первом заседании общества 3 октября 1907 г. были сделаны доклады С.А. Аскольдова «О старом и новом религиозном сознании», В.В. Розанова «О Церкви грядущего», Н.А. Бердяева «Христос и мир», В.П. Свенцицкого об аскетизме. Но впоследствии (в течение трех лет собраний Общества) главной стала тема о русской интеллигенции. В значительной мере обсуждение этой темы было вызвано нашумевшим в 1909 г. кадетским сборником «Вехи», целиком посвященном проблеме русской

интеллигенции и ее ответственности за события 1905–1907 гг. Характерно, что большинство членов религиозного общества не разделяло позицию «Вех».

6. Русская Православная Церковь и Временное правительство

Таким образом, созыв Поместного Собора Русской Православной Церкви в условиях самодержавия оказался невозможным. Такая возможность открылась лишь после низложения царизма. После отречения Николая II из зала заседаний Св. Синода был вынесен царский трон. Сам Синод действовал пока на прежних основаниях, только 4 марта был смещен прежний его обер-прокурор Н.П. Раев и вместо него назначен князь В.Н. Львов – многолетний член думской комиссии по церковным делам (родственник председателя Временного правительства Г.Е. Львова). В.Н. Львов распустил старый состав Синода; в его новый состав кроме иерархов церкви были введены несколько профессоров духовных академий и некоторые протоиереи.

4 марта 1917 г. В.Н. Львов от лица Временного правительства заявил, что ближайшей задачей является раскрепощение Церкви, и это может быть осуществлено через созыв Поместного Собора, ибо только он призван провести необходимые преобразования в Церкви. До созыва Собора Синод будет руководствоваться в своих действиях директивами Временного правительства.

В момент прихода к власти Временного правительства настроение православного духовенства, особенно приходского, было весьма радикальным. Проходили многочисленные уездные и епархиальные съезды духовенства совместно с мирянами, которые приветствовали Февральскую революцию, свержение самодержавия и заявляли о своей поддержке Временного правительства. Некоторые съезды приняли решения о выборности епископата духовенством и мирянами. Обсуждались и политические вопросы, в том числе и аграрный. Характерно, что большинство епархиальных съездов высказалось за передачу помещичьих земель крестьянам, за исключением церковных.

7 марта 1917 г. группа петроградских священников явилась инициатором Союза демократического духовенства и мирян. Вскоре появились его отделения в других городах. Союз выступил за демократизацию Церкви. В то же время воссоздается «Союз прогрессивного петроградского духовенства». В его воззвании говорилось: «Духовенство давно осознавало тяжелое порабощение царской властью народа и Церкви. Скорбело об этом и сколько могло возвышало свой голос.

Но голос его был бессилён перед внешней физической силой. Выведенный из терпения могучий народ сбросил с себя иго рабства, и Церковь стала свободна. Можно ли не радоваться этому? Только свободная Церковь может служить народному благу. Мы, представители Церкви, дети народа, от плоти и кости его, не можем не жить интересами родного народа. Интересы его – наши интересы. Благо его – наш земной идеал»³⁵⁹. Отовсюду в адрес Временного правительства шли приветственные послания духовенства и мирян в его поддержку. Так, священники и миряне Псковской епархии телеграфировали Временному правительству: «Освобождение от векового гнета над совестью нашей, в светлой радости верующего лица, в полном разумении, с твердою волею обещаем все силы отдать на службу революции»³⁶⁰.

Февральскую революцию, свержение самодержавия и приход к власти Временного правительства восторженно встретили старообрядцы и представители других конфессий. Казаки-старообрядцы выступили с требованием вести войну «до победного конца» и обратились к Временному правительству с просьбой сформировать из казаков-старообрядцев особую войсковую часть.

В марте 1917 г. по инициативе депутатов Государственной думы от духовенства совместно с представителями других фракций в Думе и видными общественными деятелями был образован Совет по делам Православной Церкви. Он просуществовал недолго, но успел провести ряд съездов епархиального духовенства, которые поддержали Временное правительство и высказались за немедленный созыв Поместного Собора. При этом большинство епархиальных съездов пошло дальше в своих решениях – выдвинуло требования о введении выборности епископата приходским духовенством и мирянами, а также и о передаче помещичьих земель крестьянам. В ряде епархий были смещены епископы, запятнавшие себя связью с распутинской кликой и придворной камарильей.

На Всероссийском съезде духовных и мирян 2 июня 1917 г. известный русский религиозный философ С.Н. Булгаков выступил с докладом «Церковь и демократия». Он приветствовал падение самодержавия, освобождение Православной Церкви от опеки старой власти. «Церкви нужна свобода, которой она лишена была при старом строе, – говорил он. – Если ей даст это благо демократия, она (Церковь) будет ей признательна»³⁶¹.

20 марта 1917 г. Временное правительство издало постановление «Об отмене вероисповедных и национальных ограничений»³⁶², а 14 июля –

декрет «О свободе совести»³⁶³.

25 июля 1917 г. обер-прокурор Синода В.Н.Львов по мотивам его «некомпетентности» был уволен с этого поста. Новым обер-прокурором был назначен известный историк Русской Церкви профессор А.В. Карташев. 5 августа был упразднен и сам Св. Синод, а вместо него в составе Временного правительства было образовано Министерство вероисповеданий, во главе которого был поставлен тот же А.В. Карташев. Этот акт завершил двухсотлетний «синодальный» период в истории Русской Православной Церкви.

Эпоха Временного правительства знаменовала собой выход Русской Православной Церкви из «подневольно-государственного положения к свободному выборному строю». Но Временное правительство, предоставив значительные свободы как Православной Церкви, так и другим вероисповеданиям, не ставило вопроса об отделении Церкви от государства, сохраняя в этом плане статус конфессионального государства.

7. Созыв Поместного Собора Русской Православной Церкви. Избрание митрополита Московского Тихона (Белавина) Патриархом Всея Руси

29 апреля 1917 г. Синод обратился с «Посланием к архипастырям, пастырям и всем верным чадам Российской Православной Церкви», в котором объявлялось о введении выборного начала в церковном управлении. Послание предлагало на открывавшиеся вакантные епархиальные должности ставить лиц, «избранных свободным голосованием от клира и мирян». Но главное – «Послание» возвещало о предстоящем созыве Поместного Собора. В тот же день 29 апреля был образован и Предсоборный Совет для проведения необходимой подготовительной работы к созыву Поместного Собора. В Предсоборный Совет вошли все члены Синода (8 человек), 8 представителей от Всероссийского съезда духовенства и мирян, 3 – от монастырей, «по особому приглашению», 18 высших церковных иерархов, а также 8 профессоров духовных академий и университетов, представители Грузинской и Единоверческой церквей.

Поместный Собор Русской Православной Церкви торжественно открылся 15 августа в Успенском соборе Московского Кремля. На открытие Собора прибыли премьер Временного правительства А.Ф.Керенский, два его министра – внутренних дел и исповеданий. Председательствующим на Поместном Соборе 18 августа был избран митрополит Московский Тихон (Белавин).

Поместный Собор работал в течение 13 месяцев, проведя три сессии (129 заседаний): 15 августа – 9 декабря 1917 г., 7 (20) января по 7 (20) апреля 1918 г., 2 июля – 20 сентября (н.ст.) 1918 г.

Позиция Временного правительства по отношению к Поместному Собору Русской Православной Церкви была такова: оно рассматривало его как своего рода учредительное церковное собрание, выработанные законопроекты которого относительно церковных преобразований должны были быть представлены правительству и им одобрены. Таким образом, новая светская власть в лице уже Временного правительства не оставляла своих притязаний на «попечительство» над Православной Церковью.

Поместный Собор Русской Православной Церкви 1917–1918 гг. – важнейшее событие не только в церковной истории России, но и в ее общественно-политической и культурной жизни. Он представлял собой разнообразные социальные, национальные, конфессиональные и общественные категории православного населения России. На его обсуждение был поставлен широкий круг вопросов о положении Церкви в государстве, ее отношений со светской властью, о реорганизации церковного управления, статуса церковного прихода и монастырей, об автокефалии Грузинской и Украинской православных церквей.

Как видно из протоколов заседаний («деяний») Поместного Собора, его участники много говорили о «смуте», которую переживала в те дни Россия, вспоминали «смутные времена» начала XVII в. В августе-октябре 1918 г. Поместный Собор обратился с воззваниями («посланиями»), «К народу русскому», «К армии и флоту», «Против грабежей», а также в предвидении развязывания гражданской войны с предупреждением «По поводу угрожающей Родине братоубийственной войны». В них подчеркивалась величайшая опасность переживаемого страной момента.

В воззвании «К народу русскому» говорилось о «творившихся повсюду грабежах и убийствах», об ограблении церквей и монастырей, захвате крестьянами не только помещичьих, но и церковных земель и прочего имущества, приводились факты «убийств служителей Божиих». Тяготы Первой мировой войны, массовая гибель людей, революционные потрясения 1917 г. дали выход самым низменным человеческим инстинктам, разрушению духовно-нравственных устоев в народе, крушению иллюзий о его «преданности церкви и царю». Генерал А.И. Деникин свидетельствовал о «падении веры» тогда не только у солдат, но и офицеров. Деникин вспоминал, что духовенство после Февральской революции «удержать армию от развития в ней звериных инстинктов не смогло». Он отмечал «утрату народом-богоносцем, народом вселенского духовного склада, великого в своей простоте, правде, смирении, всепрощении, народом поистине христианском, своего прежнего обличил».

На заседании Собора 28 августа 1917 г. профессор А.В. Васильев поставил вопрос о восстановлении патриаршества и избрании патриарха. Разгорелся спор между сторонниками и противниками этого предложения. Обсуждение этого вопроса продолжалось около двух месяцев. В итоге большинство высказалось за восстановление патриаршества. После двух голосований, состоявшихся 30 и 31 октября, определились три кандидатуры: харьковского архиепископа Антония Храповицкого,

новгородского архиепископа [Арсения Стадницкого](#) и московского митрополита Тихона. Особым авторитетом в духовной и недуховной среде пользовался митрополит московский Тихон. Он и был избран тайным голосованием из трех указанных кандидатур 5 ноября 1917 г.

20 сентября 1918 г. работа Поместного Собора была прервана советским правительством. Однако Собор успел принять ряд важных решений и среди них – восстановление патриаршества.

Поместный Собор 1917–1918 гг. возродил соборное начало в Русской Православной Церкви – и в этом его важное значение. Это был единственный способ благоустроить церковную жизнь. Однако захват власти большевиками прервал этот процесс в самом начале. Последующий раскол Русской Православной Церкви, в значительной степени инспирируемый советской властью, породил «церковную смуту» в стране, и вместе с жестокими гонениями нанес Русской Православной Церкви тяжелый урон. Лишь в последние десятилетия началось ее возрождение.

Поместный Собор Русской Православной Церкви 1917–1918 гг., подведя итоги старого ее существования, привел ее и к новой эпохе, которая оказалась эпохой тяжелых испытаний. В значительной мере Собор и приуготовил ее к этим испытаниям. Таким образом, со времени Поместного Собора 1917–1918 гг. восстановления патриаршества, отделения церкви от государства декретом 23 января 1918 г., знаменовавшем началом массированных гонений на Русскую Православную Церковь, началась новая эпоха в ее истории, складывались иные отношения между Церковью и государством – государством уже атеистическим. Объявив отделение Церкви от государства, оно поставило Церковь под еще более жесткий контроль, нежели она находилась при царском режиме в синодальный период.

Заключение

Русская Православная Церковь в синодальный период проходила сложный и тернистый путь своего служения. С одной стороны, она как «господствующая и первенствующая» находилась под защитой государства, с другой, со времени проведения церковных реформ в начале XVIII в. оказалась практически в полной зависимости от государства: созданная светской властью синодальная система церковного управления явилась частью государственного аппарата со всеми вытекающими негативными для Церкви последствиями: духовенство превратилось в своеобразный служилый класс по духовному ведомству, а за Церковью не признавалось творческой инициативы даже в ее собственных делах. По завершении синодального периода на Поместном Соборе Русской Православной Церкви (1917–1918) прямо было заявлено, что после Петра I «сфера влияния церкви становилась всё уже и уже, угрожая ограничиться лишь богослужебной стороной и делами духовного сословия, и вместе с тем управление церковью приняло светский бюрократический характер»³⁶⁴.

Главное требование, которое предъявляло государство Православной Церкви – покорность «властям предержащим» и политическая лояльность. Первейшей обязанностью Церкви являлось насаждение верноподданнических чувств в народе – святость подчинения царской власти и ее почитания. На приходское духовенство возлагалась обязанность совершать во время богослужения поминовения о здравии царской семьи, с поименным перечислением всех его членов, а в так называемые «царские дни» (тезоименитства царя) проводить и специальные по этому случаю богослужения. Все царские манифесты обязательно оглашались с церковных амвонов по окончании богослужения, а прихожанам до прочтения их запрещался выход из церкви. За неисполнение этих предписаний священнику грозило лишение сана. Тягостной была и обязанность, взятая под присягой, не только «быть верным, добрыми послушным рабом и подданным императора и его законных наследников», но и «доносить об открытых на исповеди воровстве, измене и бунте на государя», т.е. требование нарушать основное каноническое правило – сохранение тайны исповеди.

Церковь выполняла и функцию «регистрации актов гражданского состояния» православного населения: рождения, брака, смерти с

исполнением ритуалов крещения, венчания, отпевания. Брак без церковного венчания официально не признавался законным со всеми вытекающими отсюда последствиями (непризнания законными детей, прав и обязанностей супругов и пр.), а само венчание требовало удостоверения из церковных метрических книг о крещении.

В исполнении своих функций Церковь опиралась на поддержку светской власти, охранявшей законом ее прерогативы и принимавшей меры по укреплению ее влияния в народных массах. В уголовном порядке царский суд преследовал покушения на православную веру, честь и достоинство священнослужителей. Так, статьи «Свода законов уголовных» гласили: «За умышленное похуление Господа нашего Иисуса Христа, Богородицы Марии, Честнаго Креста или святых угодников виновные подвергаются лишению всех прав состояния, наказанию кнутом и ссылке в Сибирь». Оскорбление священника «словом» наказывалось тюремным заключением до 8 месяцев, «нанесение ему побоев и других насильственных действий» – ссылкой «в отдаленнейшие места Сибири», «причинение ему увечий и ран» – каторгой от 8 до 10 лет³⁶⁵.

Хотя Православная Церковь (особенно монастыри) за период от Петра I до Екатерины II (в результате их конфискационной политики) и понесла существенные материальные потери, впоследствии (в XIX – начале XX вв.) ее материальное положение значительно улучшилось: от императоров систематически следовали земельные пожалования, постоянно увеличивались расходы казны на нужды Церкви.

К концу синодального периода церковная земельная собственность возросла до 2,6 млн. десятин, из них 740 тыс. десятин владели монастыри, около 1,9 млн. десятин – приходские церкви³⁶⁶. В 1914 г. бюджет Св. Синода составил 63 млн. рублей, при этом почти половина этой суммы поступила из казны.

Однако было бы неверным сводить деятельность Русской Православной Церкви к тому, что она лишь прислуживала самодержавию, молилась за царя и воспитывала своих духовных чад в духе преданности престолу и покорности властям. Даже в трудных условиях почти полного подчинения светской власти и постоянного контроля с ее стороны, диапазон деятельности Русской Православной Церкви был достаточно широк и имел многие позитивные результаты. Так, нельзя не отметить значительной роли Церкви в нравственном воспитании народа.

Не только проповеди, но и сама торжественная обстановка богослужения в храме оказывали сильное влияние на умы и чувства

верующих. Для верующего храм служил важнейшим местом духовного общения. Храмы составляли неотъемлемую часть панорамы города и сельского пейзажа. Их воздвигали на народные пожертвования даже в трудные для народа времена. Улица в городе обычно вела к храму, который ставился на видном месте, а сама улица обычно называлась по имени этого храма. В сельской местности храмы ставили обычно на холме или на высоком берегу речки, в окружении деревьев. Сам облик храма создавался веками и для каждой эпохи, даже для каждой местности, имел свой неповторимый колорит.

Значительна была роль Церкви в культурной жизни страны. В далекую крепостную эпоху священник обычно являлся единственным грамотным человеком на селе. Чтобы написать письмо, прошение, составить деловую бумагу, разобраться в присланных межевых планах или подписаться за неграмотных, обязательно звали священника.

Вплоть до отмены крепостного права, при почти полном отсутствии государственной системы начального образования на селе, приходское духовенство давало крестьянам элементарную грамотность: священник, дьячок, псаломщик за медные гроши, а то и за плату натурой, обучали крестьянских детей чтению, письму и счету. Когда в конце XIX в. расширилась сеть церковно-приходских школ на селе, ведущую роль в них играл сельский священник. Только за 80–90-е годы XIX в. в этих школах прошли обучение миллионы крестьянских детей. При многих приходских церквях были заведены библиотеки, имевшие не только духовную литературу, но и руководства по сельскому хозяйству, домоводству, научно-популярную и художественную литературу.

При болезнях и невзгодах крестьянин обращался за помощью и советами к своему приходскому священнику. Значительна была и благотворительная деятельность Церкви. При монастырях создавались богадельни и больницы, приюты для сирот, школы. Церковь оказывала помощь голодающим в неурожайные годы, проводила сбор пожертвований на нужды армии: например, в Отечественную (1812), Крымскую (1853–1856), русско-турецкую (1877–1878), русско-японскую (1904–1905) войны, но особенно в годы Первой мировой войны, устраивала лазареты для раненых, брала на свое содержание детей убитых воинов.

Падение самодержавия в 1917 г. знаменовало и завершение синодального периода в истории Русской Православной Церкви. Собравшийся в то время Поместный Собор, принял ряд важных решений, направленных на оживление деятельности Русской Православной Церкви и повышение роли в обществе, однако последовавшее утверждение

сурового атеистического режима помешало реализации этих решений.

Приложение 1. Поместный Собор Русской Православной Церкви (15 августа 1917 г. –20 сентября 1918 г.)

В.А.Федоров

29 апреля Синод обратился с «Посланием к архипастырям, пастырям и всем верным чадам Российской Православной Церкви», в котором объявлялось о введении выборного начала в церковном управлении. Предлагалось уже теперь на открывавшиеся вакантные епархиальные должности ставить лиц, «избранных свободным голосованием клира и мирян». В этом «Послании» говорилось о предстоящем созыве Поместного Собора В тот же день, 29 апреля, была образована подготовительная комиссия по созыву Поместного Собора, получившая наименование Предсоборного Совета. В него вошли 8 членов Синода, 8 представителей от Всероссийского съезда духовенства и мирян, 3 – от монастырей и «по особому приглашению» 18 высших церковных иерархов, а также по 8 профессоров духовных академий и университетов, по одному представителю от Грузинской и Единоверческой церквей. Приступив к своим заседаниям 11 июня, Предсоборный Совет работал быстро и интенсивно. Для изучения разработки правил созыва Собора, регламента и программы его занятий богатые материалы дают документы Предсоборного Присутствия 1906 года и Предсоборного совещания 1906 года. Вскоре Предсоборный Совет опубликовал ряд временных постановлений о церковном приходе, епархиальном управлении, порядке выборов епископов (этим должны были руководствоваться на местах до принятия решений по данным вопросам предстоящим Поместным Собором). 5 июля по разработанным Предсоборным Советом «Правилам» Синод принял решение о процедуре выборов делегатов в Поместный Собор и программе его занятий Назначена была и дата открытия Собора – 15 августа (день Успения Богородицы).

По принятому Предсоборным Советом и утвержденному Синодом «Правилу», выборы в Поместный Собор устанавливались трехстепенными. 23 июля в церковных приходах должны были пройти выборы представителей (или «выборщиков») на благочинническое собрание. На приходском выборном собрании, проходившем под председательством настоятеля прихода, участвовали все прихожане, как мужчины, так и

женщины, достигшие 25-летнего возраста. На благочинническое собрание выборщиков от прихода избирались все члены причта и 3 прихожанина. Благочиннические избирательные собрания были назначены на 30 июля под председательством благочинных. Кроме избранных представителей клира и мирян от приходов в нем участвовали и представители от мужских монастырей в расчете 1 от 10 монашествующих. Каждый благочиннический округ избирал 5 «выборщиков» (2 клирика и 3 мирянина) в епархиальное избирательное собрание. В епархиях проводились уже выборы (они были назначены на 8 августа) делегатов в Поместный Собор, также в количестве двух клириков и трех мирян от епархии. Избирались только мужчины не моложе 25 лет. Запрещено было избирать лиц «дурного поведения», ранее судимых и сложивших с себя священнический сан. Разумеется, избирались лица только православного исповедания. Предполагалось избрать 575 делегатов. Были избраны 569 делегатов: 270 духовных лиц и 299 мирян. Из числа духовных лиц были избраны 9 членов Синода, 73 управляющих епархиями, 4 настоятеля лавр и 4 настоятеля монастырей, 12 монахов, 62 члена Предсоборного Совета, 25 священников армии и флота, 11 – от единоверцев, 20 монахов, 127 приходских священников и 36 церковнослужителей. В составе «мирян» 11 человек принадлежали к титулованной знати, 12 профессоров духовных академий и 13 представителей Академии наук и университетов (в числе их видные теологи С.Н. Булгаков, [Е.Н. Трубецкой](#), П.И. Астров, [С.Г. Рункевич](#), А.Д. Самарин), 20 – Государственной думы и Государственного совета, 130 чиновников различных рангов и 20 предпринимателей.

12 августа Синод утвердил разработанный Предсоборным Советом «Устав Поместного Собора Российской Православной Церкви», внося в его текст лишь незначительные поправки.

Позиция самого Временного правительства по отношению к Поместному Собору Русской Православной Церкви была такова: оно рассматривало его как своего рода учредительное церковное собрание, выработанные законопроекты которого относительно преобразований в церкви должны были быть представлены правительству и им одобрены. Таким образом, светская власть в лице уже Временного правительства не оставляла своих притязаний на «попечительство» над Православной Церковью.

Из состава Поместного Собора был образован Совет епископов (совет экспертов по каноническим вопросам), в функции которого входило рассмотрение обсуждаемых Собором решений с точки зрения соответствия канонам и догматам Православной Церкви. Совет епископов

имел право налагать вето на решения, если они противоречили каноническому праву и возвращать их для повторного обсуждения. В случае налагаемого Советом епископов повторного вето, решение не проходило.

Тем самым от узкого круга Совета епископов зависела судьба обсуждавшихся Собором канонических вопросов. Однако на Соборе меньше всего обсуждались канонические вопросы: Собор более всего был занят проблемами реорганизации управления церковью, взаимоотношений ее со светской властью и с другими конфессиями.

При Соборе были созданы: канцелярия, протокольная и распорядительная части, а также три совещания – религиозно-просветительское, хозяйственно-распорядительное и юридическое. Члены Собора распределялись (по их желанию) на 22 отдела (или секции): уставный, высшее церковное управление, церковный суд, епархиальное управление, благоустройство прихода, правовое положение церкви в государстве, богослужение и проповедничество в храме, церковная дисциплина, внутренняя и внешняя миссии, единоверие и старообрядчество, духовные академии, духовные учебные заведения, церковноприходские школы, преподавание Закона Божьего, церковное имущество, правовое и имущественное положение духовенства, библейский, издательский, о Грузинской Православной Церкви.

Обсуждение вопросов первоначально проходило в названных отделах, а затем принятые в отделах решения в виде докладов выносились на пленарные заседания Собора.

Собор работал 13 месяцев (с 15 августа 1917 года по 20 сентября 1918 года), в течение которых были проведены три сессии: 1) 15 августа – 9 декабря 1917 года, 2) 20 января – 7(20) апреля 1918 года и 3) 2 июля – 20 сентября 1918 года, с двумя перерывами продолжительностью между 1-й и 2-й сессиями 43 дня и 2-й и 3-й сессиями 71 день. Всего было проведено 129 заседаний (или «деяний») Собора.

Поместный Собор Русской Православной Церкви торжественно открылся 15 августа в 3 часа дня в Успенском соборе Московского Кремля. На открытие прибыли премьер Временного правительства А.Ф. Керенский и два его министра – внутренних дел и исповеданий. Председательствующим на Поместном Соборе 18 августа был избран Московский митрополит Тихон.

На пленарных заседаниях Собор более недели занимался процедурными вопросами: принятием регламента работы, образованием руководящих и рабочих органов Собора, слушанием многочисленных

приветствий официальных органов власти, обществ, церквей, отдельных лиц. По решению Собора заседания могли быть как открытыми, так и закрытыми. Впрочем, и содержание «закрытых» заседаний через печать становилось достоянием публики, так что участники Собора удивлялись, почему, несмотря на «закрытость», сведения проникали в печать и активно ею обсуждались.

Из 569 избранных представителей Собора вначале присутствовало примерно 75%, а на последних заседаниях менее половины. Однако по регламенту считалось правомочным принятие решений при наличии 1/3 членов Собора. Разрешались только устные выступления, хотя можно было пользоваться записками с цифрами и цитатами. Запрещались аплодисменты, обструкции, прерывание речи выступавшего. Голосование проводилось по принципу «да» или «нет» (без «воздержавшихся»). По принципиальным вопросам голосование проводилось в виде «записок» (своеобразных бюллетеней), с указанием в записке имени голосовавшего.

На рассмотрение Поместного Собора был вынесен следующий круг вопросов: 1) Правовое положение Православной Церкви в России; взаимоотношения церкви и государства; 2) Высшее церковное управление: статус и прерогативы Поместного Собора, Синода, Высшего церковного совета (вопрос о введении патриаршества пока еще не ставился); 3) Церковное соборное управление среднего (епархиального) звена; церковный суд; 4) Организация церковного прихода и церковно-школьного воспитания; 5) Проблемы единоверческой церкви; 6) О церковном имуществе; 7) О статусе монастырей и правовом положении монашества. Как можно заметить из этого перечисления, Собор ограничился рассмотрением организационно-правовых проблем и не ставил себе задачи решать догматические и канонические темы; последние считались неизблемыми и, следовательно, не подлежащими пересмотру или каким-либо изменениям.

На первой сессии обсуждались проблемы реорганизации высшего церковного управления; на второй – епархиального управления, внутренней и внешней миссии, старообрядческие дела; на третьей – уставы о церковном приходе, монастырях, восстановлении священнического сана тех, кто был лишен его по политическим (но не по уголовным) мотивам, об устройстве церковного управления на Украине (в связи с провозглашением политической самостоятельности последней).

Собравшись для обсуждения своих внутренних церковных проблем, Поместный Собор не мог остаться в стороне от протекавших в то время в стране бурных политических событий. На заседаниях Собора (как

показывают его протоколы) много говорилось о «смуте», которую переживала в те дни Россия, вспоминали «смутные времена» начала XVII в., видели аналогию с ней «теперешней смуты». Вспоминали имена стоявших за правду и погибших мученической смертью митрополита Филиппа Колычева и патриарха Гермогена. В день памяти последнего 18 августа был отслужен торжественный молебен.

В августе-октябре 1917 года Поместный Собор обратился с воззваниями («посланиями»): «К народу русскому», «К армии и флоту», «Ко всем чадам Православной Церкви в виду выборов в Учредительное собрание», «Против грабежей», а также в предвидении развязывания гражданской войны с предупреждением «По поводу угрожающей родине братоубийственной войны».

В воззвании «К армии» говорилось, что страна находится «в разрухе», на фронте «измена», целые полки оставляют свои позиции, «воины глумятся над своими офицерами», «шпионы разваливают армию» (здесь подразумевались не только немецкие шпионы, но и русские «агитаторы»)*****. В воззвании 7 октября 1917 года «К народу русскому» говорилось о творившихся повсюду «грабежах и убийствах», ограблении церквей и монастырей, захвате крестьянами не только помещичьих, но и церковных земель и прочего имущества. На заседаниях Собора выступавшие приводили факты «убийств служителей Божиих». «Во множестве приходов различных епархий, – говорили выступавшие, – крестьяне насильственно забрали себе церковную и частновладельческую землю, запахивают самовольно причтовые поля, вырубают церковный лес». Приводился в качестве примера факт убийства в сентябре 1917 года в Орловской губернии приходского священника. При этом крестьяне, убив его, растащили и его имущество. Говорилось, что «не только одни отщепенцы человеческого общества, но чуть ли не целые деревни могут обращаться в злодеев и поступают хуже татар»*****. Заметим, что эти эксцессы происходили еще до октябрьского переворота 1917 года.

Источники свидетельствуют, что подобные эксцессы имели место и в ходе революции 1905–1907 годов. В Синод поступали тогда тревожные сведения из епархий об отходе, особенно рабочего люда, от церкви. Тогда с горечью констатировали, что почти все семинаристы, студенты и школьники старших классов, причем даже воспитывавшиеся в духовных семьях были на стороне революционеров, а в земских школах учителя вели пропаганду против церкви.

Эти явления приняли особо опасный характер в ходе Первой мировой

войны и в период революции 1917 года. Тяготы невиданной войны при массовой гибели людей способствовали огрублению нравов, обесценению самой человеческой жизни, а потрясения 1917 года дали выход самым низменным человеческим инстинктам. Рассеялись иллюзии о простом народе-"богоносце», его «богобоязненности, преданности церкви и царю».

Вот весьма показательное свидетельство архиепископа Никона, датированное 1916 годом: «В последние годы пронесся по Русской земле какой-то ураган неверия, безбожия, всякого произвола... На наших глазах оскудевает вера в среде верующих, гаснет духовная жизнь, утрачивается самое понятие о сей жизни и при том, что особенно горько отметить, не только у мирян, живущих почти исключительно жизнью плотскою, но и у духовных лиц, у нашего пастырства – этих, по идее, присяжных носителей идеала духовной жизни»^{*****}. Показательны отчеты армейского духовенства о том, что после освобождения Временным правительством от обязательного исполнения обрядов и таинств церкви (по декрету о свободе совести) процент солдат, записанных православными и соблюдавших таинство причащения, сократился со 100% в 1916 году до менее 10% в 1917 году.

Отсюда становится понятным, почему советской власти так легко и в сравнительно короткий срок, уже в начале 20-х годов, удалось провести массовую акцию закрытия и разорения монастырей и храмов. Надо сказать, что эта акция проводилась руками самого народа: одни комиссары не смогли бы провести такие широкомасштабные акты вандализма. Не в этом ли также кроется и сама катастрофа 1917 года, когда резко упал авторитет самодержавной власти и его конкретного носителя – Николая II, а также авторитет Православной Церкви, которая в то время уже не только не могла выполнять своей основной задачи – нравственного воспитания народа, но сама оказалась в глубоком кризисе?

Но продолжим рассказ о деятельности Поместного Собора. Итак, Собор не мог не откликнуться на события текущего дня. В конце августа начался корниловский мятеж. Делегаты Собора восприняли его неоднозначно: делегаты правых убеждений возлагали на него надежды, большинство же усматривало в нем начало «гражданской смуты» и не одобряло эту акцию. 30 сентября на заседаниях Собора шла дискуссия о том, принимать ли членам Собора участие в Предпарламенте или нет. Речь шла о выдвинутом некоторыми делегатами предложении послать 25 членов Собора в так называемый «Временный совет Российской республики», созданный 20 сентября и заседавший до 25 октября как «представительный орган» всех российских партий и групп до того, как

будет созвано Учредительное собрание. Многие высказались за участие в нем, аргументируя это тем, что «церковь не может отрешиться от политики», поэтому необходимо представительство в этом органе и от Поместного Собора. Аргументировали и тем, что якобы «сам Христос и апостолы принимали участие в политике». Наконец, выдвигался и такой довод: «Мы же (духовные лица) участвовали в Государственном совете и Государственной думе». Однако большинство высказалось против, резонно заявляя: «Нам нужно делать церковное дело».

В итоге было принято решение представителей от Собора в Предпарламент не посылать, ибо это – представительство партий; Собору, стоявшему вне партий, унижительно просить для себя представительства в таком органе. Ту же позицию Собор занял и по вопросу о своем возможном участии в делах предстоящего Учредительного собрания, полагая, что церковь вправе лишь воздействовать на депутатов как членов церкви в деле защиты ее (церковных) интересов, но не более того.

На заседании Собора 28 августа профессор А.В. Васильев поставил вопрос о восстановлении патриаршества и избрании патриарха. Его поддержали в своих блестящих и весьма убедительных выступлениях С.Н. Булгаков и архиепископ Илларион. Булгаков основывал свой довод на каноническом правиле о первосвященнике, как о «первом среди равных», а не как о «самодержце» (чем пугали противники патриаршества), указывая, что патриаршество вместе мертвящего синодального бюрократизма возродит динамику, гибкость и жизненность церкви. Доводы Булгакова поддержал в специальной записке, направленной Поместному Собору, и видный юрист профессор Н.Д. Кузнецов.

Но выступило немало и противников восстановления патриаршества. Еще летом 1917 года Петроградский Предсоборный Совет под влиянием профессоров Петербургской духовной академии вынес решение против восстановления патриархии. Его представители с этим мнением и выступили на Поместном Соборе. Таким образом, по данному вопросу мнения разделились между «московской» и «петроградской» группами на Соборе. Противники восстановления патриаршества (петроградская группа) заявляли, что в первые три века христианства вообще не было патриархов, приводили примеры, что на Руси патриарх не всегда мог защитить интересы церкви от «царской тирании». Указывали, что на Руси не было сильных традиций патриаршества, поскольку оно существовало немногим более столетия (1589–1700) и находилось в то время в полной зависимости от царской власти. «Дело не в патриархе, – говорил представитель этой группы протоиерей Н.П. Добронравов, – а в нас самих.

Виноваты мы сами, что нет у нас святого дерзновения, что мы раболепствуем перед властью». При этом он едко заметил, что и до Петра I российские патриархи «перед царем землю мели бородою». Кроме всего прочего, указывал Добронравов, теперь еще нет человека, настолько авторитетного, который мог бы возглавить Русскую Церковь (в этом, как потом оказалось, он был глубоко не прав).

Противники восстановления патриаршества также указывали, что избранный патриарх мог оказаться или чересчур слабым («мышонком в львиной гриве»), или наоборот, крутым и авторитарным («самовольным»). Последнего обстоятельства («тяжести руки самовластного патриарха») особенно опасались высшие иерархи церкви. Сторонники патриаршества говорили о его настоятельной необходимости «особенно в настоящее смутное время» – распада государства и угрозы «разделения церкви». Здесь четко было выражено (и не без оснований) опасение за целостность Русской Православной Церкви в обстановке не только центробежных национальных и политических процессов, но и в связи с ними неизбежного «церковного раздробления». Патриарх в этой ситуации должен явиться «духовным цементом, сохраняющим единство церкви». Он должен быть сильным и авторитетным ее вожаком. На опасения возможности авторитарной власти патриарха в церкви сторонники восстановления патриархии указывали, что такие опасения неосновательны, ибо вместе с восстановлением института патриаршества восстанавливается регулярный (через каждые 4 года) созыв Поместного Собора – высшей церковной власти, которой патриарх будет подотчетен и которая тем самым ограничит его власть.

Обсуждение этого вопроса продолжалось около двух месяцев. На заседании 23 октября профессор Московской духовной академии Илларион Троицкий в своем ярком, эмоциональном и аргументированном выступлении убедил большинство Поместного Собора в необходимости восстановления патриаршества. Под влиянием событий 25 октября (свержение Временного правительства) Поместный Собор на несколько дней прекратил обсуждение этого вопроса. 28 октября он вновь вернулся к его обсуждению. В тот день было принято постановление о восстановлении института патриаршества в Русской Православной Церкви и о немедленном избрании патриарха. Было постановлено выдвинуть и кандидатуры к избранию патриарха путем проведения нескольких туров голосования. После двух голосований, состоявшихся 30 и 31 октября, определились три кандидатуры: Харьковского архиепископа Антония Храповицкого, Новгородского архиепископа Арсения Стадницкого и

Московского митрополита Тихона. Результаты этих голосований были неожиданными: наибольшее число голосов было отдано Антонию Храповицкому, а наименьшее – митрополиту Тихону, хотя последний пользовался особым авторитетом в духовной и недуховной среде

4 ноября Поместный Собор принял постановление: «В Православной Российской Церкви высшая власть – законодательная, судебная, контролирующая – принадлежит Поместному Собору, периодически, в определенные сроки, созываемому, в составе епископов, клириков и мирян. Управление церковное возглавляется патриархом Патриарх вместе с органами церковного управления подотчетен Собору». Был определен статус патриарха. Он – первый среди равных ему епископов, но представляет собою высшую исполнительную власть в Русской Православной Церкви. При патриархе состоят совещательные органы, в которых он председательствует, – Священный Синод из 12 членов и Высший церковный совет из 15 членов Патриарх председательствует и в соединенных присутствиях (общих собраниях) этих высших совещательных органов управления Православной Церковью.

Патриарху предоставлено право созыва Поместного Собора, а также сношений с другими церквями. Патриарх – представитель Церкви перед государственной властью. Он «имеет долг печаловаться» (т.е. ходатайствовать) перед светской властью за свою паству. Патриарху предоставлено право снятия или сокращения эпитимий, обращаться с пастырскими воззваниями к православному населению.

Патриарх одновременно является и епархиальным архиереем его патриаршей области – Москвы и Московской епархии. Ему непосредственно подчинены ставропигиальные монастыри, которые включаются в его епархию. В Московской епархии патриарх имеет своего наместника в лице архиепископа Коломенского и Можайского (впоследствии он стал именоваться митрополитом Крутицким и Коломенским). В непосредственном управлении патриарха находятся все соборы и монастыри на территории Московского Кремля.

Если патриарх нарушает или не «блюдет» свои обязанности, то дважды члены Высшего церковного совета делают ему «внушения». Он может быть отрешен от своего сана Поместным Собором путем голосования. Для принятия такого решения необходимо не менее 2/3 голосов членов Поместного Собора. За проступки патриарх может быть привлечен и к церковному суду. Патриарх избирается пожизненно. В случае его смерти, до избрания нового патриарха, его обязанности исполняет его наместник, который именуется «местоблюстителем

патриаршего престола» Наместник замещает патриарха и во время его болезни.

Избрание патриарха совершилось 5 ноября в храме Христа Спасителя (Успенский собор, в котором предполагалось провести эту церемонию, был поврежден артобстрелом в ноябрьские дни).

После литургии было совершено торжественное молебное пение. Из трех определившихся кандидатов в патриархи необходимо был по жребию выбрать одного. Из Зосимовой пустыни привезли старца-затворника Алексия, который из «позлащенного ковчежца», помещенного перед чудотворной иконой Владимирской Богоматери, вынул один из трех свернутых листов с именами кандидатов и передал его киевскому митрополиту Владимиру. Тот, развернув листок, громко прочел: «Тихон, митрополит московский». Раздались голоса «аксиос!» (греч. – «достоин»).

В Троицкое подворье, где в то время пребывал Тихон, было направлено с извещением о его избрании патриархом специальное «посольство» во главе с митрополитом Владимиром. «Преосвященный митрополит Тихон, – обратился к нему Владимир, – Священный Великий Собор призывает твою святыню на патриаршество богоспасаемого града Москвы и всея Руси». Тихон ответил благодарственной речью. Интронизация Тихона (церемония возведения его в сан патриарха) проходила по традиции в Успенском соборе Кремля 21 ноября (в день введения во храм Богородицы). Согласно ритуалу Тихона трижды сажали на «горнее место» в алтарной части храма с троекратным провозглашением по-гречески «аксиос!». Затем ведомый под руки он был посажен на патриарший престол, который пустовал 200 лет.

* *

Сделаем небольшое отступление, чтобы сказать несколько слов о святителе Тихоне.

Избрание Тихона Патриархом Всея Руси с удовлетворением было встречено в церковных кругах и большинством православного населения России. Он слыл как «пастырь самый ученый, самый строгий и самый добрый из иерархов Русской Церкви». Был справедлив и нелицеприятен. Избрание Тихона патриархом явилось признанием его высоких духовных и нравственных качеств, его обширной богословской эрудиции, многолетнего опыта управления различными епархиями, в том числе и главнейшей из них – Московской. Импонировало в нем и то, что он находился в некоторой оппозиции к прежней, дореволюционной, светской власти и к прежнему, царскому, составу Синода, который из-за этого не давал ему ходу, посылая его в самые отдаленные епархии. Ненавидела

Тихона и распутинская клика.

Избранный Патриархом Всея Руси, Тихон активно защищал интересы Русской Православной Церкви в трудное для нее время – прихода к власти большевиков, развязывания гражданской войны и начала жестоких гонений на Православную Церковь. 1 января 1918 года в храме Христа Спасителя после молебствия Тихон в своей проповеди сказал: «Вся эта разруха и недостатки от того, что без Бога строится Русское государство... Церковь осуждает такое строительство, и мы решительно предупреждаем, что успеха у нас не будет никакого до тех пор, пока не вспомним о Боге». В начале июля 1918 года Тихон послал просфору и свое благословение бывшему царю и его семье в Екатеринбург, а при полученном им вскоре известии о расстреле царской семьи публично осудил эту акцию и отслужил в Казанском соборе панихиду по убиенным.

7 ноября 1918 года Тихон направил свое послание в Совнарком с ходатайством об освобождении заключенных по политическим мотивам, прекращения насилия, разорения, кровопролития, стеснения веры, призывал советские власти дать народу «желанный и заслуженный отдых от междоусобной брани». «От меча погибнете вы сами, взявшие меч», – писал Тихон в этом послании. И ноября 1918 года Тихон совершил заупокойную службу обо всех погибших в междоусобной брани – и красных и белых.

1918 год был обильно полит кровью священнослужителей. Тихон проклял участников расправ над ними. Проклятие относилось к непосредственным палачам, но не к самой власти. Кстати, проклятие коснулось и палачей из стана белых. Тихон резко выступал против бессудных расправ над невинными людьми, расстрелов крестных ходов, осквернения мощей святых. Продолжая протестовать против актов насилия и беззакония, Тихон заявлял: «Пусть за это называют нас контрреволюционерами, пусть заточат в тюрьмы». К самим верующим он обращался с наставлением: «Побеждайте зло добром». Когда в 1921 году в стране разразился голод, Тихон обратился с призывом к верующим и «народам Вселенной» помочь голодающим. По его инициативе было собрано на помощь голодающим 9 млн. руб. золотом. Власти опасались, что эта акция поднимет авторитет церкви, тем более, что Тихон благословил изъятие для борьбы с голодом тех церковных ценностей, без которых можно было обойтись при богослужении. Власти под предлогом помощи голодающим провокационно пошли на реквизицию и церковных святынь, что вызвало протесты верующих, пресеченные самими жестокими мерами: было расстреляно более 10 тысяч человек. Над самим

Тихоном нависла угроза расправы. Летом 1919 года было произведено первое покушение на Тихона. Его доброжелатели советовали ему бежать, говоря, что «все уже готово» для этого, но он отказался, считая что его бегство будет только на руку гонителям Церкви «Пусть делают, что угодно», – заявил он.

Осуждая действия властей, Тихон не выступал за свержение советской власти, как утверждала официальная версия, которая обошла всю советскую исследовательскую и учебную литературу. Летом 1919 года Тихон призвал всех отказаться от актов мести по отношению к гонителям Церкви. «Пролитая кровь всегда вызывает к новой крови, – говорил он. – Строительство на вражде – строительство на вулкане». Осуждая акты насилия, он всегда призывал к миру. Тем не менее, в апреле 1922 года начался судебный процесс над Тихоном, которому были предъявлено обвинение в его «антисоветской деятельности». Тихон был подвергнут домашнему аресту, месяц сидел в тюрьме Лубянки. В июне 1923 года его заставили письменно признать «свою вину» (которой, по существу, и не было), а в 1924 году его дело было прекращено. 19 мая 1924 года он был помещен в Донской монастырь, где до конца жизни фактически находился под домашним арестом, под строгой охраной и фактически в полной изоляции от внешнего мира. 7 апреля 1925 года Тихон скоропостижно скончался, по официальной версии, «от сердечной недостаточности». Похоронен в Даниловом монастыре. (9 октября 1989 года была совершена канонизация Тихона Русской Православной Церковью.)

* *

На второй сессии Поместного Собора решались вопросы церковного управления. 19 февраля 1918 года Поместный Собор по аналогии с высшими органами церковного управления установил и епархиальное управление в основном крупном церковном подразделении – епархии. Во главе епархии стоит ее настоятель – епархиальный архиерей (в сане епископа, архиепископа, митрополита), избираемый пожизненно клириками и мирянами. Синод лишь предлагает список кандидатов на пост главы епархии, а представители епархии (выборщики от благочиннических собраний) тайным голосованием избирают одного из них. Епархиальным архиереем мог быть избран представитель не только монашеского духовенства, но также и из приходского, даже из «мирян» (но обязательно неженатых и в возрасте не моложе 35 лет). Кроме того, он должен был иметь богословское образование. Епархиальный архиерей мог быть смещен за порочащие его проступки высшей церковной властью через церковный суд. Но он мог и сам по своему желанию просить

об отставке (уйти «на покой») по старости или болезни. Архиерей «на покое» обеспечивался пенсией за счет церкви. При архиерее и под его председательством состоят епархиальный совет из клириков и мирян и епархиальный суд. Они избираются на 3 года епархиальными собраниями и заменяют собой консисторию – прежнее бюрократическое управление в епархии. Для борьбы с «ложными верованиями» и для «распространения православия» при епархии предполагалось учреждать братства, миссии и духовные общества. В ведении епархии находятся все духовные учебные заведения, находящиеся на ее территории.

8 апреля 1918 года был принят Приходский устав, подробно определявший статус церковного прихода. В основу управления в приходе был положен принцип выборности, подотчетности избранных органов избравшим их собраниям причта и прихожан. В каждом приходе собрание избирало на 3 года церковный совет в числе 20 человек (двадцатка). На нем председательствовал настоятель прихода – приходской священник. При нем был его заместитель – обязательно из мирян. Для ведения хозяйственно-имущественных дел прихода избирался церковный староста. В церковные старосты могли быть избраны и женщины.

Работа Поместного Собора в первое время (во всяком случае до декабря 1917 – января 1918 годов) мало занимала большевиков, и в связи с этим особой конфронтации еще не наблюдалось. Обострение отношений началось с наступлением советской власти на религию и Церковь и изданием ряда законов, касающихся Церкви, вызвавших открытое недовольство Собора.

4 декабря 1917 года издан декрет о земельных комитетах, по которому все земли, «включая и все церковные и монастырские, отбирались в руки государства». Начавшаяся национализация земли больно ударила по имущественному положению Церкви.

11 декабря 1917 года издан декрет о передаче всех церковных школ в Комиссариат народного просвещения. А это означало лишение Церкви ее духовных академий, семинарий, училищ, а также полного изменения их преподавания и лишения их имущества, что наносило сильный ущерб подготовке духовных кадров (священников, миссионеров, преподавателей духовных училищ). 18 декабря того же года вводится гражданский брак и аннулируется церковный.

Завершением этих акций советского государства явилось издание 23 января 1918 года декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви. Поместный Собор воспринял этот декрет как начало «открытого гонения на церковь», как правовую основу для всяких ее стеснений и

ограничений. Особенное недовольство Собора вызвали пункты о лишении Церкви собственности, что лишало Церковь ее материальной базы.

19 февраля (4 марта) 1918 года Поместный Собор принял решение о непризнании гражданского брака и гражданского развода. «Декреты, направленные к ниспровержению церковных законов, не могут быть приняты Церковью, – говорилось в постановлении. – Брак, освященный Церковью, не может быть расторгнут гражданской властью. Такое расторжение Церковь не признает действительным, рассматривает как поругание таинства». Если венчавшийся в церкви решил расторгнуть свой брак путем обычной записи в ЗАГСе и вступить во второй брак также путем записи в ЗАГСе, Церковь считала виновным его в многоженстве – в «прелюбодеянии», как совершившим «тяжкий грех». Конечно, брак, заключенный путем венчания в церкви, в принципе в ряде случаев мог быть расторгнут (в постановлении перечислялись эти случаи), но опять-таки самой Церковью.

Поместный Собор выступил против и введения нового календаря (нового стиля), считая его неудобным для Православной Церкви. Резкую реакцию Поместного Собора вызвала позиция воинствующего атеизма советского государства. Это прозвучало во многих выступлениях членов Собора. Так, Н.Д. Кузнецов в своей речи на заседании 31 января 1918 года говорил: «С каким государством дорожим мы связью? Только с государством христианским. Мы надеемся, что после большевистской власти придет законная власть, которую мы можем признать... Над всякой другой, нехристианской, социалистической, властью мы должны поставить крест; нам невозможно наладить нормальные отношения с такой властью»^{*****}.

Разумеется, советское правительство не могло мириться с такими настроениями Поместного Собора. Когда Поместный Собор после длительного перерыва в заседаниях собрался 2 июля 1918 года на третью сессию, то ему запретили заседать в Москве. Собор в далеко не полном своем составе продолжил заседания в Троице-Сергиевой лавре, и после двух с половиной заседаний 20 сентября работа его была прервана.

За время трех сессий Поместного Собора удалось обсудить и принять постановления по уставам соборной структуры Православной Церкви (от статуса патриарха до церковного прихода), о церковной проповеди, о статусе монашествующих, о положении женщины в церкви. Согласно этим постановлениям на всех уровнях управления Церковью вводился выборный принцип сверху донизу при участии вместе с духовными лицами и мирян.

Относительно церковной проповеди решено их читать на всех

богослужениях (по окончании литургии), а не только по воскресным дням и великим праздникам. Проповеди должны были произносить не только священнослужители, но и церковнослужители, а также наиболее подготовленные к этому представители из самих прихожан. Предусматривалось предоставление определенной автономии монастырям, расширение в них демократических порядков. На монастыри возлагалась обязанность обучения мирян. Предполагалось создание и специальных школ для обучения самих монашествующих, ибо основной их контингент составляли малограмотные или даже неграмотные крестьяне. Учреждались съезды монастырей для решения общих вопросов. Монашествующие богословы объединялись во Всероссийское монастырское братство духовного просвещения. Для работы этого братства предназначались специально несколько монастырей.

Длительные дискуссии проходили по вопросу о положении женщин в Русской Православной Церкви. Выдвигались требования предоставить им равные с мужчинами права в приходах: исполнять должности псаломщиц и «церковных сестер» с разрешением входить в алтарь, восстановить чин диаконисс с рукоположением их в эту должность епископом. Но в итоге было принято компромиссное решение: женщины получили право участвовать в приходских церковных советах, в благочиннических и епархиальных собраниях, занимать должности во всех епархиальных просветительных, благотворительных, миссионерских, церковно-хозяйственных учреждениях, в исключительных случаях исполнять обязанности псаломщиц, но без включения их в церковный клир. Вследствие пресечения советской властью деятельности Поместного Собора, не вся программа его занятий могла быть выполнена. По плану, в начале 1919 года должна была состояться 4-я, последняя, сессия Собора, на которой предполагалось обсудить следующие вопросы: 1) учреждение Патриаршей палаты церковного искусства, 2) основные положения Библейского совета при Высшем церковном управлении, 3) устройство Православной Церкви в Финляндии, 4) о положении Грузинской Православной Автокефальной церкви и о ее взаимоотношениях с Русской Православной Церковью, 5) о церковно-издательском отделе, 6) о порядке расторжения церковью браков, 7) о высшем богословском образовании и уставе духовных академий, 8) о старом и новом календаре, 10) о правовом положении духовенства в государстве, 11) об образовательном цензе духовенства, 12) о восстановлении «чина диаконисс» (для женщин). Все это предполагалось обсудить по подготовленным по этим вопросам 23 докладам, представленным соответствующими отделениями Собора.

Поместный Собор Русской Православной Церкви 1917–1918 годов не успел обсудить многих вопросов, которые были намечены в его программе, и принять по ним свои решения. Более того, реализовать уже принятые решения в условиях жесткой атеистической политики государства было невозможно.

В начале 20-х годов Русская Православная Церковь оказалась расколотой: от нее отошла так называемая «обновленческая» церковь, которую возглавил самозванный митрополит [А.И. Введенский](#), и которую советская власть противопоставляла Церкви, возглавляемой Патриархом Тихоном (кстати, заявившем о признании в 1923 году советской власти); ушла в подполье так называемая «катакомбная» церковь, не признававшая «безбожную» советскую власть. В зарубежье русская эмиграция основала Зарубежную православную церковь; отделилась (еще в 1917 году) Украинская православная церковь, которая объявила о своей автокефалии (затем она снова вошла в состав Русской Православной Церкви, но после 1991 года вновь заявила о своей автокефалии, которую не признает наша Патриархия).

Хотя советская власть и провозгласила отделение Церкви от государства, на деле Церковь попала в еще более тяжелую зависимость от государства, чем при Петре I. Не выполнялись статьи декрета о свободе совести и невмешательстве государства в дела верующих. Без санкции властей нельзя было поставить во главе приходов священников, открыть храм. После смерти Патриарха Тихона долгое время (в течение 18 лет) власти не разрешали избирать нового патриарха. Его функции выполняли местоблюстители патриаршьяго престола, которые постоянно подвергались репрессиям.

Лишь в тяжких условиях Великой Отечественной войны, когда в полной мере выявилась патриотическая и воспитательная роль Православной Церкви, Сталин пошел на некоторые уступки: в сентябре 1943 года разрешил избрать патриарха, открыть часть храмов, несколько монастырей, духовных учебных заведений, издавать для своих нужд богослужебные книги и духовную литературу. Однако всё это делалось под жестким контролем государственных органов (в частности, органов государственной безопасности).

* *

О Поместном Соборе Русской Православной Церкви 1917–1918 годов нет еще специального монографического исследования. Имеются лишь несколько статей, глав в общих работах по истории Русской Церкви, в большинстве своем тенденциозного характера.

Среди исследовательских статей отметим: Карташев А.В. Революция и Собор 1917–1918 гг. Наброски для истории Русской Церкви наших дней // «Богословская мысль», Париж, 1942 (перепечатана в сб. Труды Православного Богословского Института в Париже. Вып. IV) и его же: Временное правительство и Русская Церковь // Из истории христианской церкви на родине и за рубежом в XX столетии. – М., 1995]; Смолич И.К. Русская Православная Церковь во время революции: с марта по октябрь 1917 г. и Поместный Собор 1917/1918 гг.; его же // История Русской Церкви. Ч. 2. – М., 1997; Поспеловский Д.В. Русская православная церковь: Испытания начала XX века // ВИ, 1993, № 12; Осипов Е.С. Церковь и Временное правительство // ВИ, 1964, № 6; Bogolepov Alexander. Church Reforms in Russia. 1905–1918. – Bridgeport., Conn.: Committee of the Metropolitan Council of the Russian Orthodox Church of America, 1996; Балашов Н., прот. Всероссийский Церковный Собор 1917–1918 годов. Некоторые детали предыстории // «Церковь и время», 2000, № 3 (12); К истории созыва Всероссийского Церковного Собора // «Церковь и время», 2000, № 3 (12); Суетов А.О. О предсоборном присутствии // Уч. записки Имп. Юрьевского унив-та, 1912, № 1.

Для изучения этого важного события не только в истории Русской Православной Церкви, но и истории России вообще, историк располагает разнообразными материалами В первую очередь здесь следует назвать протоколы самого Поместного Собора: Священный Собор Русской Православной Церкви. Деяния. – М.-Пг., 1918. Т. 1–10 (ныне переизданы). Материалы Священного Собора Православной Российской Церкви: Святейший Правительствующий Синод и Поместный Собор. Вып. 1–16. – М., 1917], Собрание определений и постановлений Священного собора Православной Российской Церкви. Приложения к «Деяниям...». Вып. 1–4 – М., 1918; Священный Собор Российской Православной Церкви. Положение о высшем и епархиальном управлении православной церкви. – Варшава, 1922; Священный Собор Российской Православной Церкви. Приходский устав православной церкви. – Варшава, 1922; Святейший Правительствующий Синод. Предсоборное совещание. В 5-ти томах. – СПб., 1912–1916 (о предыстории Поместного Собора).

Ценные материалы публиковались в ходе работы Поместного Собора в органе Св. Синода «Церковных ведомостях» (1917, №№ 1–48), которые уделяли большое внимание ходу работы Поместного Собора). Деятельность Поместного собора получила свое отражение в мемуарной литературе: Воспоминания товарища обер-прокурора Св. Синода Н.Д. Жевахова. Т. 1–2 – М., 1996; Путь моей жизни. (Воспоминания

митрополита Евлогия (Георгиевского)). – М., 1994.

Укажем также работы мемуарного характера «обновленческого» митрополита-самозванца А.И. Введенского: Революция и церковь (П., 1922), Церковь и государство» (М., 1923), Церковь патриарха Никона (М., 1923). Несмотря на тенденциозный характер работ А.И. Введенского, они содержат многие малоизвестные факты о Поместном Соборе 1917–1918 годов.

Интересны сведения и оценки работы Собора в тогдашней прессе. Архивные материалы Поместного Собора 1917–1918 годов ныне хранятся в РГИА (Ф. 833).

**Приложение 2. Структура управления Русской
Православной Церковью до 1917 г.**

Приложение 3. Документы и материалы

1. Духовный регламент 1721 г.

[ПСЗ-1 Т 6, №3718]
1721, Генваря 25.

Регламент или Устав Духовной Коллегии

Манифест

Между многими, по долгу Богоданныя Нам власти, попеченьми о исправлении народа Нашего, и прочих подданных нам государств, посмотря и на духовный чин, и видя в нем много нестроения и великую в делах скудость, не суетный на совести Нашей возымели Мы страх, да не явимся неблагодарни Вышнему, аще толика от Него получив благопоспешества во исправлении как Воинскаго, так и Гражданскаго чина, пренебрежем и чина Духовнаго. [...]

Уставляем Духовную Коллегию, то есть Духовное Соборное Правительство, которое по следующем zde (здесь. – В.Ф.) Регламенте, имеет всякия Духовные дела во Всероссийской Церкви управлять. И повелеваем всем верным подданным Нашим всякого чина, Духовным и мирским, имети сие за важное и сильное Правительство, и у него крайния дел Духовным управы, решения и вершения просить. И судом его определенным довольство- вагися, и указом его слушать во всем, под великим за противление и ослушание наказанием, против прочих Коллегий. [...]

Присяга Членам Духовных Коллегии

Аз, нижепоименованный, обещаюся и клянуся Всемогущим Богом, пред Святым Его Евангелием, что должен есмь по долгу своему, и всячески тшаться буду в советах и судах и всех делах сего Духовного Правительственного Соборания искать всегда самы сущия правды, и действовать вся по написанным в Духовном Регламенте Уставам, и аще кия (какие. – В.Ф.) и впредь с согласием сего Духовного Правительства, и соизволением Царского Величества определена будет. [...]

Клянуся паки Всемогущим Богом, что хочу, и должен есмь моему природному и истинному Царю и Государю Петру Первому, Всероссийскому Самодержцу и прочая, и по нем Его Царского Величества Высоким законным Наследником, которые, по изволению и Самодержавной Его Царского Величества власти, определены, и впредь определяемы и к восприятию Престола удостоены будут. [...]

Регламент или устав духовных коллегий, – по которому она знать должна своя, и всех духовных чинов, також и мирских лиц, поелику оныя управлению духовному надлежит, и при том в отправлении дел поступать имеет.

Разделяется же Регламент сей на три части, по числу трех духовных нужд, ведения достойных и управления требующих, которые суть:

Описания и важныя вины такового правления.

Дела, управлению сему подлежащие.

Самых управителей должность, действо и сила. [...]

Часть I. Что есть духовное Коллегиум, и каковыя суть важные вины такового правления

Коллегиум правительское не что ино есть, токмо правительское собрание, когда дела некие собственные не единому лицу, но многим к тому угодным, и от Высочайшей власти учрежденным подлежат ко управлению. [...]

А яко Христианский Государь, правоверия же и всякого в церкви Святей благочиния блюститель, посмотрев и на духовныя нужды, и всякого лучшего управления оных возжелав, благоволил уставити и духовное Коллегиум, которое бы прилежно и непрестанно наблюдало, еже на пользу церкви, да вся по чину бывають, и да не будут нестроения, еже есть желание Апостола или паче Самого Бога благоволение. [...]

Да не возмнит же кто, что сие управление не угодно есть, и лучше бы единому лицу дела духовные всего общества правити, якоже частных стран, или Епархий дела управляют каждой особ

Епископи. Предлагаются zde важные вины, которыя показывают, что сие правление соборное всегдашнее, и аки всегдашний Синод или Синедрион, совершеннейшее есть и лучшее, нежели единоличное правительство, наипаче же в Государстве Монаршеском, яковое есть Наше Российское.

Во-первых, бо (ибо. – В.Ф.) известнее взыскуется истина соборным сословием, нежели единым лицом. [...] Случается, что в некой трудности усмотрит тое человек простой, чего не усмотрит книжный и остроумный; то как не нужно есть Соборное Правительство, в котором предложенную нужду разбирают умы многие, и что един не постигнет, то постигнет другой, а чего не увидит сей, то он увидит. И тако вещь сумнительная и известнее и скорее объяснится, и каковаго требует определения, не трудно покажется.

А яко известие в познании, тако и сила в определении дела большая zde есть: понеже вящше ко усмотрению и повиновению преклоняет приговор соборный, нежели единоличный указ. Монархов власть есть Самодержавная, которым повиноватися сам Бог за совесть повелевает; обаче советников своих имеют, те токмо ради лучшего истины изыскания, но дабы и не клеветали непокоривые человецы, что се, или оное силою паче и по прихотям своим, нежели судом и истиною заповедует Монарх: то кольми паче в церковном правлении, где правительство не монаршеское есть, и правителем заповедуется, да не господствуют клиру. Где аще един

что уставляет, могут противници единым лица его оклеветанием силу установления его отъяти, чего не так возмогут, где от соборного сословия определение происходит. [...]

5. Но се наипаче полезно, что в Коллегиум таковым не обретається место пристрастию, коварству, лихоимному суду. Како бо могут сложитися в заступление виной, или во осуждение невинной стороны, где аще и будет един к лицу судимому пристрастен или яростен, обаче другий или третий и прочий от гнева и пристрастия того свободни? Како же им зла одолети может, где не во власти, но по правильным и важным причина дело вершится, и един другаго (аще благословной мнения своего вины не покажет) зазорится, да непознан будет во мздоимстве своем? Се же наипаче, егда Коллегиум состоится в таковых лицах, которым отнюдь невозможно тайно всем согласитися, сие есть, аще будут лица разнаго чина и звания: Епископи, Архимандриты, Игумены, и от властей белаго Священства. Во истину не видать зде, како таковые друг другу и открывати дерзнут коварное некое умышление, не токмо что согласитися на неправость.

И се тому ж подобно, что Коллегиум свободнейший дух в себе имеет к правосудию: не тако бо, якоже единоличный правитель гнева сильных боится, понеже и причины проискивать на многих, а еще разностатейных особ, не тако удобное есть, яко на единого человека.

Велико и сие, что от соборного правления не опасатися отечеству мятежей и смущения, яковые происходят от единого собственного правителя духовного. Ибо простой народ не ведает, како разнствует власть духовная от Самодержавной; но великою Высочайшего Пастыря честию и славою удивляемый помышляет, что таковой правитель есть то вторый Государь, Самодержцу равносильный, или и больши его, и что духовный чин есть другое и лучшее Государство, и сем сам собою народ тако умствовати обькл. Что же есть егда еще и плевелныя властолюбивых духовных разговоры приложатся, к сухому харастию (хворосту. – В.Ф.) огонь подложат? Тако простые сердца мнением сим развращаются, что не так на Самодержца своего, яко Верховного Пастыря, в коем либо деле смотрят. И когда услышится некая между оными распря, вси духовному паче, нежели мирскому правителю, аще и слепо и пребезумно согласуют, и за него поборствовать и бунтоватися дерзают, и льстят себе окаянные, что они по Самом Бозе поборствуют, и руки своя не осквернят, но освящают, аще бы и на кровопролитие устремилися. Таковому же в народе мнению вельми ради и не простые, но коварные человецы; тии бо на Государя своего враждующе, егда увидят ссору Государя с Пастырем, похищают то

за добрый случай злобе своей, и под видом Церковной ревности не сумнятся подносить руки на Христа Господа; и к тому ж беззаконию, яко к делу Божию, подвизают простой народ. Чтож, когда еще и Сам Пастырь таковым о себе надмен мнением, спать не похощет? Изрещи трудно, великое отвсяду бедствие бывает.

И не вымыслы то дал бы Бог, чтоб о сем домышлятися только можно было, но самую вещь не единожды во многих Государствах сие показалось. Вникнуть толково Историю Константинопольскую, ниже Иустиниановых времен, и много того покажется. Да и Папа не иным способом толико превозмог, не точию Государство Римское полма (половину. – В.Ф.) пресече, и себе великую часть похити, но и иныя государства едва не до крайнего разорения не единожды потрясе. Да не вспомнянутся подобные и у нас бывшие замахы!

Таковому злу в Соборном духовном Правительстве несть места, ибо несть zde и на самом Президенте великия и народ удивляющия славы, несть лишния светлости и позора, несть высокого о нем мнения, не могут ласкатели безмерными похвалами возносить его. Понеже что либо таковым Правительством доброе делается, невозможно единому Президенту восписоватися (возноситься. – В.Ф.). Само имя Президент не гордое есть, не иное бо что значит, только председателя; не может убо ниже кто иной о нем высоко помышляли. А когда еще видит народ, что Соборное сие Правительство Монаршим указом и Сенатским приговором установлено есть; то и паче пребудут в кротости своей, и весьма отложить надежду иметь помощь к бунтам своим от чина духовного.

8. Еще и сие угодие Церкви Государству от таковаго Соборнаго Правительства будет, что в нем не токмо един некто от соседателей, но и сам президент или Председатель подлежати имать суду своя братия, то есть томужде? Коллегиум, аще в нем знатно прогрешил, не так как деется, где един самовластный пастырь владеет: ибо он не похощет от подрпучных себе Епископов судитися. Аще же бы к тому и приумножен был, то обаче (однако. – В.Ф.) в народе простом, правосудие неведущем, и слепо рассуждающем, таковой суд был бы подозрительный и поношению подверженный. Отчего деется, что на злаго такового единовластителя нужда есть созывать Собор Вселенский, что и с великою всего отечества трудностию, и не с малым иждивением бывает, и в нынешние времена (когда восточные Патриархи под игом турским живут, и Турки Нашего Государя вящие (больше. – В.Ф.), нежели, прежде опасаются) отнюдь мнитися (сомневаться. – В.Ф.) быти невозможно.

Наконец, в таком Правительстве Соборном будет некая школа

правления духовнаго. Ибо от сообщения многих и различных рассуждений, и советов и доводов правильных, яковых частыя дела требуют, всяк от соседателей искусством навькнути, как бы дом Божий управлять возмогл; и потому самыя угоднейшия от числа коллегов, или соседателей, особы на степень Архиерейства восходит достойныя. И тако в России, помощию Божию, скоро и от духовнаго чина грубость отпадет и надеитися всего лучшего. [...]

Часть II. Дела, управлению сему подлежащие

Рассуждая же дела, которые в духовном Коллегиум имеют управлятися, оных всех два рода являются: первый род дел обще всея церкви как духовному, так и мирскому чину, и всем великим и малым чиновным степеням, тако ж и рядовым особам нужных, где наблюдать подобает, аще все правильно по закону Христианскому деется. И аще что оному противно обретается, и несть ли коея скудости в наставлении, христианину всякому подобающем. Второй род дел собственным чином потребных. Чины же оные пяточисленные суть: 1. Епископ и, 2. Пресвитеры, дьяконы и прочий клир церковный, 3. Монахи, 4. Дома училищные и в них учителя и ученики, тако ж церковные проповедники, 5. Особы мирские, поелику участны суть наставления духовнаго, яковое случается о правильных и неправильных браках, до светских людей касающихся.

О сих всех порядком, что есть важное, zde предлагается.

Дела общие. Зде двое смотреть подобает. Первое, аще все правильно и по закону Христианскому деется, и не деется ли что и где закону оному противное. Второе же, аще довольное христианам наставление употребляется.

К первому насмотрению последующие пункты суть потребны:

Розыскать вновь сложенные и слагаемые акафисты и иные службы и молебны, которые наипаче в наша времена в Малой России сложены суть немалое число, суть ли оныя сложения писанию священному согласная? и не имеют ли нечто в себе слову Божию противное, или хотя нечто непристойное и празднословное?

Тако ж определить, что оныя многочисленныя моления, хотя бы и прямые были, однако не суть всякому должныя, и по воле всякого на едине, а не в соборе церковном употреблять оных мощно, дабы по времени не вошли в закон и совести бы человеческой не отягощали.

Смотреть историй святых, не суть ли некия от них ложно вымышленныя, сказующие чего не было, или Христианскому православному учению противныя или бездельныя и смеху достойныя повести. И таковыя повести обличить и запрещению предать со объявлением лжи во оных обретаемой. [...] Обаче духовному правительству не подобает вымыслов таковых терпеть и вместо здоровой духовной пищи отраву людям представлять. Наипаче, когда простой народ не может между

десным и шуиим рассуждать, но что-либо видит в книге написанное, того крепко и упрямо держится.

Собственно же и прилежно розыскивать подобает оные вымыслы, которые человека в недобрую практику или дело ведут и образ ко спасению лестный предлагают. [...]

Могут обрестися и некия церемония непотребныя или вредныя. [...1
Розыскать, так ли деется, и ведают ли о сем мест оных епископи. Аще бо сия и сим подобная обретаются, ведут людей в явное и стыдное идолослужение.

О мощах святых, где и какие явятся быть сумнительныя, розыскивать: много бо и о сем наплутано. [...]

О иконах святых смотреть того, что во обещании поставляемых епископов написано.

Еще сие наблюдать, чтоб как деялось, впредь бы того не было: понеже сказуют, что нецыи архиереи для вспоможения церковей убогих или новых построения повелевали проискывать явления иконы в пустыне или при источнице, и икону оную за самое обретение свидетельствовали быти чудотворную. [...]

Вторый же общих дел есть: Есть ли у нас довольное ко исправлению Христианскому учение. Ибо хотя известно есть, что самое Священное Писание содержит в себе совершенные законы и заветы ко спасению нашему нужные, [...] обаче понеже немногие имеют честь книги и от книжных не могут вся собрать от писания, яже суть нужнейшая ко спасению; того ради требуют руководства совершеннейших мужей. Того бо ради пастырский чин от Бога уставлен, дабы от Священного Писания научал вверенное себе стадо. А понеже мало есть таковых пресвитерей, которые бы наизусть могли проповедать догматы и законы Священного Писания, то всеконечная нужда есть имети некия краткия и простым человекам уразумительныя и ясныя книжицы, в которых заключится все, что к народному наставлению довольно есть, и тыя книжицы прочитовать по частям в недельные (воскресные. – В.Ф.) и праздничные дни в церкви пред народом. [...]

О епископах сия зде последующая суть ведения достойная

Смотрети же должен епископ, чего обещался клятвою на своем поставлении, сие есть: о монахах, дабы не волочились безпутно, дабы лишних безлюдных церквей не строено, дабы иконам святым ложных чудес не вымышленно; також о кликушах, о телесах ложных несвидетельственных, и прочих всего того добре наблюдать.

Все же тое, чтоб удобнее пошло в дело, указать должен епископ по всем городам, чтоб закащики или нарочно определенные к тому благочинные, аки бы духовные фискалы, тое все надсматривали и ему бы епископу доносили. Если бы таковое нечто где проявилось, под виною извержения, кто бы утаить похотел.

Вельми ко исправлению церкви полезно есть сие, чтоб всяк епископ имел в доме или при доме своем школу для детей священнических или и прочих, в надежду священства определенных. А в школе той был бы учитель умный и честный, который бы детей учил не только чисто, ясно и точно в книгах честь, но учил бы честь и разуметь. [...] А который ученик был крайне туп, или хотя и остроумен, да развращен, и упрям, и непобедимой лености, таковых бы при довольном искушении, отпускать от школы, отняв им всю надежду чина священнического. [...] А если епископ неученого во оной школе человека поставит в священники или в монашеский степень, минуя ученого, и без вины правильной, то подлежит наказанию, якое определено будет в Духовном Коллегиум. [...]

Ведал бы всяк епископ меру чести своея и невысоко бы о ней мыслил, [...] Се же того ради предлагается, чтобы укротити оную вельми жестокую епископов славу, чтоб оных под руки, донеле же (покуда. – В.Ф.) здравы суть, не вожено, и в землю бы оным подручная братия не кланялись. И оные поклонницы (здесь в смысле поклонники. – В.Ф.) самохотно и нахально стелются на землю, да лукаво, чтоб исходатайствовать себе степень недостойный, чтоб так неистовство и воровство свое покрыть. [...]

Следует из того и сие, чтоб епископ не был дерзок и скор, но долготерпелив и рассудителен во употреблении власти своей связательной, то есть во отлучении и анафеме. [...]

Чтоб епископы смотрели, хранятся ли (соблюдаются ли. – В.Ф.) от пресвитерей и монахов и прочих должные оных заповеди, и чтоб имел на сие духовных фискалов. Обаче понеже (однако, поскольку. – В.Ф.) сие не

довольно есть, ибо фискалы оные, дружа своим благодетелям или мзду емля, много утаевают, того ради подобает епископу в год или в два года единожды объяти и посетить епархию свою. [...]

Может епископ и тайно у меньших церковников, и аще кто оный угодный покажется, спрашивать, как живут пресвитеры и диаконы. И хотя доношению всякого не подобает верить скоро, обаче лучшая уже покажется причина к рассмотрению и исправлению.

Покамест епископ донесенных дел не управит, пота (до тех пор. – В.Ф.) и сам себе гостей не позовет и званый к оным не пойдет, чтоб не обольстился трапезом (приемом, связанным с расходами. – В.Ф.) или поне (от этого. – В.Ф.) подозрения бы на себе не подал, что он судит по пристрастию за удовольствие свое. [...]

Если епископ похощет звать в себе гостей, то весь бы тот трапез свой казною отправлял, а не налагал бы побору на священство или на монастыри. И не может извиняться убожеством своим, ибо не по долгу, но по свободной воле своей звать гостей или не звать будет.

Иные дела и поступки, как священства, так и приходских людей, могут быть утаеваемы пред епископом, хотя и явные народу суть; и о таких тайно и искусно проведывать. [...]

Спросит же епископ священства и прочих человек: Не делаются ли где суеверия? Не обретаются ли кликуши? Не проявляет ли им кто для скверноприбытства ложных чудес при иконах при кладезях, источников и прочая? И таковыя безделия запретить со угрозением на противляющихся упрямо.

О правлении и поведении близких (аще суть) монастырей лучше спрашивать в градах и селах от священства и мирян, нежели в самих монастырях о том же проискывать мощно. [...]

Крепко же заповедать епископ должен служителем своим, чтоб в посещаемых городах монастырях благочинно и трезво пребывали и не творили б соблазна; наипаче бы не домогались бы у монахов и попов кушанья и питья и конского корму лишнего. Кольми паче (тем более. – В.Ф.) не дерзали б грабить под виною жестокого наказания. Ибо слуги архиерейские обычне бывают лакомые скотины, и где видят власть своего владыки, там с великою гордостью и безстудием, как татары, на похищение устремляются.

Да весть же всяк епископ, каковый он есть степенем, простой ли епископ, или архиепископ, или митрополит, что он Духовному Коллегиуму, яко верховной власти, подчинен есть, указов оного слушать, суду подлежать и определениям его довольствоваться должен. И того ради, аще

что имать на брата своего другого епископа, обидим от оного, подобает ему не самому мститися ниже клеветами, ниже повестьми, хотя бы и истинныя были, грехов его, ниже попущением сильных неких лиц духовных или мирских, наипаче да не дерзает недруга своего епископа предавать анафеме; но обиды своя да предлагает доношением Духовному Коллегиум и тамо суда себе да просит.

Тому и сие следует, что всякому архимандриту, игумену, строителю (основателю монастыря. – В.Ф.), тако ж и дияконам и прочим причетникам свободно и вольно просить у Духовного Коллегиум суда на своего епископа, аще кто в чем от него знатно избужен будет. [...]

Но дабы сие не подало многим вины к безстрашию и презорству (высокомерию. – В.Ф.) своих пастырей, уставит Духовное Коллегиум немалое наказание на тех, которые бы ложным доношением пастырей своих требовать дерзнули или всуе от суда епископского на суд Духовного Коллегиум учинили бы провокацию.

Наконец должен будет всяк епископ дважды в год (или как укажет о сем Коллегиум) присылать до Коллегиум репорты, сие есть извещения, о состоянии и поведении епархии своей, всё ли добре или некое неисправление есть, которого он переставить не может. А хот б всё добре было, то обаче должен епископ известить в Коллегиум, что слава Богу всё добре. Но если бы известил, что всё добре, и отинуду бы показалось, что нечто в епархии его деется суеверное или явно богопротивное, епископ бы, ведая тое, утаил и до Коллегиум не донесл, то самого его позовет на суд Коллегиум, и по довольном уличении, подвержен его наказанию, яковое уставлено будет.

Домы училищные и в них учителя и ученики, тако ж и церковные проповедники

[...] Когда нет света учения, нельзя быть доброму церкви поведению, нельзя (не) быть нестроению и многим смеха достойным суевериям, еще же и раздорам и пребезумным ересям. [...] 17. Новопришедшего ученика отвеждать (здесь в смысле «испытать». – В.Ф.) память и остроумие; и если покажется весьма туп, не принимать в Академию, ибо лета потеряет, и ничего не научится; а обаче возымеет о себе мнение, что он мудрый и от таковых несть горших бездельников. А чтоб который не притворял себе тупости, желая отпуску в дом, как то другие притворяют телесную немощь от солдатства, искушению ума его целый год положить. [...]

Буде покажется детина непобедимой злобы, свирепый и до драки скорый, клеветник, непокорлив, и буде чрез годовое время ни увещании, ни жестоким наказании одолеть ему невозможно, хотя бы и остроумен был, – выслать из Академии, чтоб бешеному меча не дать.

Место Академии не в городе, но в стороне, где несть народного шума, ниже часты оказии, которые обычно мешают учению и находят на очи, что похищает мысли молодых людей и прилежать учением не попускает. [...]

Принимать бы студентов с рассмотрением остроумия, и они бы запись давали на себе, что до конца учения пребудут во Академии, под великим штрафом, если бы обета своего не исполнили без крайней нужды. И так можно будет оных по совершении школьном презентовать Царскому Величеству и по Его Величеству указу определять оных на разные дела.

22. Но что паче всего и почитай едино потребно и полезно – быть при Академии или в начале и без Академии семинариум для учения и воспитания детей... А того некий zde образ представляется:

Построить дом образом монастыря, которого пространство и жилье, и всякие к пропитанию и одеянию и прочим нуждам припасы были б против числа детей (каковое определено будет по воле Царского величества) пятьдесят или семьдесят или больше, тако ж и потребных управителей и служителей.

В дому том имеют жить дети и уже и большего возраста юноши – по осьми или по девяти человек в единой избе. Обаче с таким расположением: большие во единой, средние в другой, малые в третьей избе.

Всякому место определить при стене, где его стоит кровать складная

(чтоб в день логова знать не было), тако ж шкаф на книжки и иные вещицы, и стулик для седения.

Во всякой избе (сколько оных будет) имать быть префект или надсмотрщик, человек хотя неученый, обаче честного жития, только б не вельми свирепый и не меланхолик, летами от 30 до 50-го года. А дело онаго сие: насматривать, чтоб между семинаристы (так воспитываемые в дому том нарицаются) не было ссор, драки, сквернословия и иного бесчиния, и чтоб во урочные часы всяк делал, что должно. А всяк семинарист из избы своей без его благословения не исходил, и то со объявлением причины, куды и для чего исходит

В том же дому подобает быть хотя бы трем ученым человеком, монахом или мирским, из которых един будет ректор, дому всему управитель, а два экзаменаторы, сие есть розьщики учения, как кто учится, лениво или прилежно.

Во всякой избе префект имеет власть наказывать себе подчиненных за преступление, но малых розгою, а средних и больших словом угрозытельным, а потом на неисправляющихся доносить ректору

Тако ж экзаменаторы за леность во учении с малыми, средними и большими поступать будут и ректору доносить.

Ректор – верховная власть всех – всяким по рассуждению наказанием наказывать может. А кто непреклонен к исправлению явится, того ректору не отпускать из семинарии без ведома Духовного Коллегиум.

Определить время ко всякому делу и покою семинаристов: когда спать ложиться, когда вставать, молиться, учиться иди на трапезу, гулять и прочая. И вся бы оныя часы колокольцем означать, и вси бы семинаристы, как солдаты на барабанной бой, так на колокольчика голос, принимались за дело, какое на час уреченной назначено.

Не отпускать из семинариум в город или куды ни есть, к своим в гости, пока семинарист не обькнет, пребывая в семинариум, и не ощутит знатной пользы таковаго воспитания, а именно: до трех лет, по приходе в семинариум, не испускать никуды; а и по третьем году не больши дважды в год позволить выдтить в гости к родителем или сродником, и то недалече отстоящим, так чтоб не больше седми дней прошло от исшествия до возвращения в самый дом семинарийский.

А когда и так испущен в гости будет семинарист, то обаче придавать оному честнаго человека, яко инспектора и наблюдателя, который был бы при нем везде, и всегда и при всяких случаях, и по возвращении давал бы репорт ректору, что деялось. А если бы тот приданный инспектор, поноровя ему, утаил нечто худое, и такового плута бить гораздо. А можно

будет гое познать и по сему, что возвратившийся семинарист не может не показать на себе некоей прежних нравов и охоты измены.

А когда сродники приидут в семинариум посетить своего тамо сродника, и тех гостей, с ведомом ректорским, ввести в трапезу или иную общую избу, или в сад, и тамо оным с сродником своим разговаривать, и мерно кушанием и питием потраковать их можно, самому же присутствующему ректору или одному экзаминатору, по рассуждению лиц.

Таковое молодых человек житие кажется быти стужительное и заключению пленническому подобное. Но кто обикнег так жить, хотя чрез един год, тому весьма сладко будет.

Принимать до семинариум только малых детей от 10 до 15 году возраста, а выше того разве за прошением честных лиц, свидетельствующих, что отрок и в доме родительском жил в страхе и добром насмотрении.

На всяк день 2 часа определить на гулянье семинаристам, а именно: по обеде и по вечери, и тогда б невольню никому учиться, и ниже книжки в руках имеет. А гулянье было бы с играми честными и телодвижными летом в саде, а зимою в своей же избе. Ибо сие и здравию полезно есть и скуку отгоняет. А еще лучше таковыя избирать, которые с потехою подают полезное некое наставление: такое, например, есть водное на регулярных судах плавание, геометрические размеры, строение регулярных крепостей и прочая.

Можно единожды или дважды в месяц, наипаче летом, проездиться на острова, на поля и места веселья, к дворам загородным Государевым, и хотя единожды в год в Санкт-Петербург.

В трапезе чтение будет ово историй воинских, ово церковных. А в начале каждого месяца чрез два или три дни чтомы да будут повести о мужах, во учении просиявших, о церковных великих учителях також и о древних и нынешних философах, астрономах, риторях, историках и прочая. Ибо таковых повестей слышание и сладко есть и в подражание мудрых оных людей поощряет.

Можно еще дважды в год или больше делать акции, диспуты, комедии, риторские экзерциции. И то бы зело полезно к наставлению и к резолюции, сие есть честной смелости, каковыя требует проповедь слова Божия и дело посольское, но и веселую перемешку делают таковыя акции.

Могут уставлены быть и всякие почести добре и тщательно учащимся.
[...]

21. Подобаает быть в семинариум церкви, аптеке и доктору, а школы в

близкой Академии, куды семинаристы ходить учиться будут. А если в семинариум и школы и учителя будут, то Академия и семинариум вместе будут. А для учеников прочих, которые не похотят жить в семинариум, можно построить несколько жилья вне семинариум и пустить в наем студентам, f...]

Семинаристы едины будут люди убогии, и тыя по милости Царского Величества пропитание и одеяние и прочая нужная возымеют. А другие богатых людей дети, которые должны будут платить за корм и одеяние, а цене быть единой, навсегда определенной.

Как приидет семинарист в совершенный разум и к большим учениям достигнет, то должен учинить в церкви семинарийской при прочей братии своей присягу в том, что хочет он быть верен Царскому Величеству и его наследнику и готов к службе, до которой угоден есть и позван будет указом Государевым.

Совершившихся в учении семинаристов не отпустит ректор от семинариум, пока прежде не обвестит до Коллегиум Духовнаго, а Коллегиум презентовать оных будет Царскому Величеству. И потом даст оным абшит (отпускную. – В.Ф.) со свидетельством искусства их.

А которые семинаристы, по совершении учения, угоднейшие покажутся к делу духовному, и они б у епископов были ближайшие к всяким степенем властелинским паче прочих, хотя бы и равно оным искусных, но не в семинариум воспитанных, разве бы некий знатный порок на семинаристе оказался, и то не был бы оной порок от клеветы. А на завистников и клеветников определить жестокое наказание. [...]

О проповедниках слова Божия последующий регулы полезный суть:

Никто же да дерзает проповедать, не в сей Академии ученый и от Коллегиум Духовнаго не свидетельствованный. Но если кто учился у иноверцов, тот бы явил себя прежде в Духовном Коллегиум, и тамо (его) испытать: как искусен в Священном Писании, и слово бы сказал о том, о чем ему повелит Коллегиум. И если искусен покажется, то дать ему свидетельство, что аще похощет быть в чину священническом, мощно ему проповедать.

Проповедали бы праведники твердо, с доводом Священнаго Писания, о покаянии, о исправлении жития, о почитании властей, паче же самой высочайшей власти Царской, о должностях всякаго чина. Истребляли б суеверие, вкореняли б в сердца людския страх Божий. Словом рещи: испытывали б от Священнаго Писания, что есть воля Божия, святая, угодная и совершенная, и то б говорили.

О грехах во обществе говорить, а не именовать кого, разве был бы опубликован от всея Церкви. Но и когда произнесется о некоем лице недоброй сей слух о сем или оном именно грехе, и тогда проповедник должен о таком грехе молчать на слове. Ибо если вспомянет грех той, хотя и не воспоминал лица именно, обаче помыслит народ, что на оное лице грех той есть. И такой оному умножится печаль, и он не о своем исправлении, но паче о мщениии на такового проповедника думать станет. Что из того пользы? Если чий грех великий, с презрением закона Божия, самохотно от грешника гордаго явлен будет, то его епископу, а не коему-либо пресвитеру штрафовать таким способом, как выше говорилось в делех епископских о анафеме.

Обычай неким проповедникам есть, аще кто его в чем прогневит, на проповеди своей мстить оному, обаче так говоря, что можно слышателем знать, о ком речь есть; и таковыя проповедники самые бездельники суть, и оных бы жестокому наказанию подвергать.

Непригоже вельми проповеднику, наипаче юному, говорить о грехах властительских, или обличительне к лицу слушателей. [...]

7. Аще проповедник видит от слова своего в народе пользу, да не хвалится тым. Аще же не видит, да не сердитует и людей за сие, да не поносит. Дело их есть говорить, а обращение сердец человеческих дело Божие есть. [...]

Не подобно проповеднику шататься вельми, будто в судне веслом гребет. Не надобно руками спляскивать, в боки упираться, подскакивать, смеяться, да ненадобе и рыдать; но хотя бы и возмутился дух, надобе, елико мощно, унимать слезы; вся бо сия лишняя и неблагообразна суть и слышателей возмущают.

По слове, аще лучится (случится. – В.Ф.) в гостях быть или в каких ни есть беседах с людьми, не подобает проповеднику вспоминать о слове своем, и не точию (не только. – В.Ф.) слова своего хвалить (часто есть великое безстудие), но и не осуждать самохотне, ибо покажется, что он в похвале слова своего таковым способом поощряет прочих. А хотя бы кто и стал хвалить слово его, то проповедник должен показать на себе, что ему слышать то стыдно, и всячески отводить от похвал и заводить иную беседу.

Мирския особы, поелику участны суть наставления духовного

[...] Всяк христианин должен православного учения слушать от своих пастырей. Яко же пастыри не пасут, аще овец своих словом Божиим не питают; тако и овцы не суть овцы, но все тако нарицаются, аще не хотят пасомы быть от пастырей. Того ради если бы кто презирал и ругал, или, что горше, тщался бы не допустить чтения, или проповеди слова Божия, без крайней нужды за едину некую горделивую злобу, гот наказанию церковному надлежит, или суду епископскому. [...]

Должен всяк христианин и часто, а хотя бы единожды в год, причастия святой Евхаристии. Сие бо есть и благодарение наше изящнейшее Богу о толиком смертию Спасителевою содеянном нам спасении. [...] Того ради, аще который христианин покажется, что он весьма от Святаго Причастия удаляется, тем самым являет себя, что есть не в теле Христове, сие не есть сообщник церкви, но раскольник. И несть лучшего знаменья, почему познать раскольника. Сие прилежно подобает наблюдать епископам и приказывать, чтоб им священники приходские во все годы о своих прихожанах доносили, кто из них не причащался чрез год, кто же и чрез два, и кто никогда же. И таковых понуждать ко исповеданию клятвенному, аще суть они сыны церкви, и проклинают ли вся полки раскольнические, которые ни есть в России обретаются. Понуждение же оное клятве не иное имать быть, только угрождением, что если не похотят клястися и проклинать именно вся раскольническая согласия, то объявление о оных издастся, что они суть раскольники. Немалая бо польза ведать о сем, ибо многие раскольники, под одеждою православия крыющиеся, вместо того, чтоб боялися, еще сами воздвигают гонение на церковь. И не токмо ругают чин священный, и, сколько могут, пакостят ему, но мирских, сему безумию несогласных, всячески утесняют, о чем могут засвидетельствовать людие веры достойнии.

А когда таким (или) иным способом объявлен будет раскольник, тогда епископ должен о оном раскольнике письменно дать знать тому, под чьим он судом, который его имеет послать в Духовную Коллегиум.

Полезно есть в Коллегиум ведение, сколько во всех епархиях обретаются раскольников; сие бо ко многим, рассуждения требующим, случаям помощно есть.

Великий грех есть и не терпящий молчания духовных, что некие

(некии. – В.Ф.) мирские господа, в своих областях ведая раскольников, покрывают для мзды, им подаваемой.

Иное дело о раскольщиках явных, ибо от тех напасти блюстися не надобно, но раскольников, под видом православия живущих, покрывать сие дело, безбожием смердящее. И за сие должны суть епископи ревновать и доносить о сем к Духовному Коллегиум; а Коллегиум по духовном розыске, таковых господ, аще не похотят в том исправиться, может предать анафеме. Духовный же розыск надлежит быть таковым образом: доношение подаст епископ в Духовную Коллегиум на мирского господина не просто, что у него раскольщики обретаются. Но что господин тот сильно не допускает священнику прихода оногo или посланным архиерейским сыскивать и обличать раскольников, в вотчине его пребывающих, и именовани будут в доношении достоверный свидетели того. А Коллегиум, слушав свидетелей, напишет увещательне ко оному господину, чтоб попустил свободно сыскивать раскольников по своей вотчине. И буде послушает господин, то его больше не утруждать; буде же преслушает, то и сам делом о себе засвидетельсвует, что он раскольников заступник есть. И тогда Коллегиум приступит к духовному его наказанию всем тем порядком, как выше писано о анафеме. А дело сие не о явных, но о тайных раскольщиках, как объявлено выше, если они простой народ суть; если же учителя и аки бы пастыри раскольнические суть, о тех, как тайных, так и явных, дело сие есть. [...]

По всей России никого от раскольников не возводят на власти, не токмо (на) духовныя, но и на гражданския, даже до последнего начала и управления, чтоб не вооружать нам на нас же лютых неприятелей, и Государству и Государю непрестанно зло мыслящих.

А если кто в подозрении будет раскольничества, хотя бы и вид на себе являл православия, и того первее привести к присяге, купно с клятвою на себя, и оных, что он не есть и не думает быть раскольник, и объявить ему (о) жестоком наказании, если бы после противное на нем показалось, и подписаться ему в том своею рукою. Вина же оногo сия есть, когда кто знатным делом своим сотворит себе подозрение: аще никогда же приобщается Святым Тайнам, аще учителей раскольнических в дому своем покрывает с ведением, что таковые суть, и аще милостыню посылает в раскольническая обители и прочая; а в таковых делах, кто обличен будет явными доводами, тогда таковой подозрению раскольничества подлежит.

А если сему противное где явится, то епископ о том скоро писать к Духовной Коллегиум.

Отселе не быть у мирских ни у кого (кроме фамилии Царского

Величества) в домех церквам и крестовым попам (не служащий в приходе. – В.Ф.), ибо сие лишнее есть и от единыя спеси деется и духовному чину укорительное. Ходили бы господа к церквам приходским и не стыдились бы быть братиею хотя и крестьян своих, во обществе Христианстем. «О Христе бо Иисусе несть раб, ни свобода», – глаголет Апостол.

Когда прихожане или помещики, которые живут в вотчинах своих, изберут человека в церкви в священники, то должны в доношении своем засвидетельствовать, что оной есть человек жития доброго и неподозрительного. А которые помещики в своих вотчинах сами не живут, оное свидетельство о таких людях подавать людям крестьяном их, и в челобитных писать именно, какая ему руга (плата. – В.Ф.) будет или земля. А избранный бы также приложил руку, что он тою ругою или землею хочет быть доволен, и от церкви, к которой посвящен, не отходит до смерти. А ежели оной избранный пред епископом явится в каком подозрении или расколе, и оного чина не достоин, сие оставляется в рассуждение епископле.

Волочащихся попов не принимали б господа к себе в духовники, ибо священник, изгнан(ный) за преступление или своевольно сам оставив врученную ему церковь, уже почитай и не священник есть, и великий грех приемлет, действуя священническая. А приемлющий его господин тому ж греху участник есть, и сугубо, ибо и помощник греху тому и правлению церковному противник есть.

Не понуждали б сильные миряне священников в дома своя входить для крещения младенцов, но носили б тех в церковь, разве бы вельми болен был младенец, или иная некая великая нужда зашла бы. [...]

11. Мирским особам многая случаются трудности в сомнительных браках, и того ради, если таковое кому случится сумнительство, то не дерзал бы таить оного пред священником. А священник, если и сам сомневается, не дерзал бы скоро венчать, но относить дело оное ко рассуждению епископа. Но и епископ отсылал был к Духовному Коллегиуму, если и сам решить недоумевает. [...]

12. А хотя бы и несомнительный брак чий мнился быть, обаче не подобает венчаться в ином приходе, в котором ни жених ниже невеста живет, кольми паче (тем более. – В.Ф.) во иной епископши венчаться не подобает. Також и не звагы из чужого прихода или епархии священников на венчание, ибо сие, кроме укоризны своих пастырей, еще являет, что так женящиеся (находятся) в подозрении суть неправильного сочетания.

Часть III. Самых управителей должность, действие и сила

Время уже говорить о самих управителях, из которых составляется Духовное Коллегиум.

Число особ правительствующих довольное есть 12. Быть же лицам разнаго чина: архиереом, архимандритом, игуменом, протопопом, из которого числа трем архиереом, а прочих чинов, сколько которого достойных същется. [...]

Первое и почитай едино долженство есть сего Духовного Правительства – ведать, какие суть должности и всех вообще христиан и собственно епископов, пресвитеров с прочими церковными служителями монахов, учителей и учащихся; тако ж и мирских лиц, поелику они наставления духовного участницы суть. [...]

Обвестить или публиковать всем обще христианам, коего-либо чина, что можно всякому, усмотрев нечто к лучшему управлению церкви полезное, доносить на письме Духовному Коллегиум так, как вольно всякому доносить Сенату о правильных прибылях государственных. А Коллегиум Духовное рассудит, полезный ли или неполезный совет; и полезный прият, а неполезный презрен будет.

Аще кто о чем богословское письмо сочинит, и тое б не печатать, но первее презентовать в Коллегиум. А Коллегиум рассмотреть должен, нет ли каковаго в письме оном погрешения, учению православному противнаго.

Аще где проявится нетленное тело, или пройдет слух видение чие или чудотворение, Коллегиум долженствует испытовать тоя истины, призвав к допросу оных повестителей и прочих, которые о том свидетельствовать возмогут.

Аще кто поречет (будет проповедовать. – В.Ф.), яко расколыщик или нового учения изобретатель есть, судить тое в Духовном Коллегиум. [...]

Производимых в архиерейство тут первее освидетельствовать, не суть ли суеверны, ханжи, святокупцы, где и как жили; допросить со свидетельством, от чего богатство имеет, если кто таковой покажется.

На суд Духовного Коллегиум относить суды епископов, если кто оными недоволен. Дела же суду сему подлежат сия именно: недоуменные браки, вины (причины. – В.Ф.) разводов брачных, обиды клиру или монастырю, от своего епископа нанесенные, обиды, сделанные епископу

от другою епископа, и кратко рекше: вся та дела, которья к суду патриаршему подлежали.

Должно Коллегиум рассмотреть, кто и как владеет землями церковными, и куда на что хлеб и прибыли, аще какие суть денежные, издерживаются. И если кто церковные пожитки расхищает воровски, Духовное Коллегиум наступать на оною и на нем похищенное доправлять долженствует. [...]

12. О подавании милостыни должен Коллегиум Духовное сочинить наставление, ибо в сем немало погрешаем. Многие бездельники при совершенном здравии за леность свою пускаются на прошение милостыни и по миру ходят безстыдно; и иные же в богадельни вселяются посулами у старост, что есть богопротивное и всему отечеству вредное. Повелевает нам Бог от пота лица нашего, сие есть от промыслов праведных и различных трудов, ясти хлеб, и делати доброе не только для собственного пропитания, но еще чтоб имели мы что подавать и требующим, сие есть убогим. И запрещает Бог, да праздный человек ниже ясть (не работающий да не ест. – В.Ф.). И потому здравии и ленивии прошаки противни Богу суть. И аще кто снабдевает оных, и той есть яко помощник, тако и участник оных же греха; и что-либо на таковую суетную милостыню издерживает, всё то вотще ему, а не в пользу духовную. Но из таковой дурной милостыни еще и отечеству, якоже рехом (так сказать. – В.Ф.), великий вред деется; от сего бо в первых скудость и дорог бывает хлеб. Рассуди всяк благоразумный, сколько тысящ в России обретаются ленивых таковых прошаков, толикож тысящ не делает хлеба, и потому нет от них приходу хлебного. А обаче нахальством и лукавым смирением чуждые труды поядают, и потому великий хлеб расход вотще. Хватать бы таковых всюды и к делам общим приставлять. Да от тех же прошаков деется убогим истинным великая обида, ибо сколько оным подается, толико прямым убогим отъемлется. А еще бездельники оные, понеже здоровы суть, скоро до милостыни прибегают, когда немощные нищие остаются, инии же полумертвы почитай на улицах лежат и при своей болезни и голодом истаевают. Суть же и таковые, что и дневной пищи лишаеми просити стыдятся. Аще кто истинную имеет утробу милосердия, сия рассудив, чтоб было таковому бесчинию доброе исправление.

Сверх того еще ленивии оные нахальники сочиняют некая безумная и душевредная пеня и она с притворным стенанием пред народом поют и простых невежд вящше обезумливают, приемля за то награждение себе.

И кто вкратце исчислит вреды, от таковых бездельников деемая? По дорогам, где угодно видят, разбивают, зажигатели суть, на шпионство от

бунтовщиков и изменников подряжаются, клеветают на властей высоких и самую власть верховную зле обносят, и простой народ к презорству (поношению. – В.Ф.) властей преклоняют. Сами никиих же христианских должностей касаются, в церковь входят не свое дело быти помышляют, только бы им пред церковью непрестанно вопить. И что еще меру превосходит бессовестие и бесчеловечие оных, младенцем своим очи ослепляют, руки скорчивают и иные члены развращают, чтоб были прямые нищими и милосердия достойные: воистину гнет нет беззаконнейшего чина людей. Надлежит убо великая должность Духовному Коллегиуму прилежно о сем думать и советовать, каковым бы лучшим способом зло сие искоренить и добрый чин милостыни определить, а определив, просить Царскаго Величества, дабы изволил указом Своим Монаршим утвердить.

13. И се немалая должность, как бы священство от симонии (продажи священнических мест. – В.Ф.) и безстудного нахальства отвратить. К сему полезно есть сделать совет с сенаторами, как много дворов к приходу определить, с которых всякий бы давал такую-то именно подать священству и прочим причетникам церкви своя, дабы они совершенное по мере своей имели довольство и впредь бы не домогались платежа за крещение, погребение, венчание и прочая.

Обче же определение не возбранет доброхотным человеком подавать священнику, сколь много кто по щедрости своей похощет.

Собственно всяк Коллегиат, как президент, так и прочие, в начале прияти чина своего должны учинить присягу, что верен есть и будет Царскому Величеству, что не но страстям своим, не для мздоимства, но для Бога и пользы людской со страхом Божиим и доброю совестью судить дела и советовать и других братии своей мнения и советы рассуждать, принимать или отвергать будет. И клятву такую изречет на себе под именным штрафом анафемы и телесного наказания, аще бы после противен присяги своей подстережен и уличен был.

Сия вся зде написанная первее Сам Всероссийский Монарх, Его Царское Священнейшее Величество слушать пред собою что- мое, рассуждать же и исправлять благоволил 1720 года февраля 11 дня. А потом по указу Его Величества преосвященные архиереи, архимандриты, купно же и правительствующие сенаторы слушали же и, рассуждая, исправляли сего февраля 23 дня. Таже в утверждение и в исполнение непреложное, по приписанию рук присутствующих духовных и сенаторских персон, и сам Его Царское Величество своею собственною рукою подписать соизволил.

2. Прибавление к духовному регламенту

[ПСЗ-1. Т. 6, №4022. Майя 1722 г.]

О пресвитерах, диаконах и прочих причетниках

1. Мнози (многие. – В.Ф.) в священнический чин вдираются не для чего иного, только для большей свободы и пропитания, а никакого званию своему должного искусства не имеют. Того ради не ставить в священники и диаконы ни единого, который в школе дому архиерейского не наставлен будет. А покамест школы сии будут, то ставленником велеть изучить книжицы о вере и законе Христианством, о должностях всех чинов; и пота (до тех пор. – В.Ф.) оно не ставить, пока он наизусть не изучит.

Приходящий ставленник да имеет известное от прихожан своих свидетельство, что его знают быть доброго человека, а именно, не пьяницу, в домостроении своем не ленивого, не клеветника, не сварлива, не злободейца, не бийцу, в воровстве и обманстве не обличенного. Сии бо наипаче злодейства препинают дело пастырское и злообразие наносят чину духовному.

В том же доношении да будет именно написанная руга (денежная плата. – В.Ф.) или земля, священнику прихода оною определенная за руками прихожан и за рукою ставленника, что он хочет быть доволен руги оные или земли.

Приятого же ставленника не тог час ставить, но изучил бы прежде помянутые книжицы, а между тем искушать (испытать. – В.Ф.) его, не ханжа есть он и не притворяет(ся) ли смирения, что умному человеку нетрудно узнать. Также не скажет ли своих о себе или ином снов и видений. Ибо от таковых какового добра надеяться, разве бабьих басен и вредных в народе плевел вместо здравого учения

Пред доставлением во священство да проклянет ставленник публично в церкви вся именно раскольнические согласия, с присягою, что он которых усмотрит тайных раскольников чрез удаление от святы евхаристии (причастие. – В.Ф.) или чрез иные приметы, не будет укрывать молчанием, но подаст о них свое ведение на письме к епископу своему. При вышеписанной присяге должен и в верности Государю своему присягу чинить, и объявлять всякую противность; также которая правилами велено объявлять дела, кто хотя и при исповеди скажет, но не раскаивается, и намерения своего не отлагает, как ниже сего числом (пунктом. – В.Ф.) 11 ясно показано.

По поставлении на священство обучаяся чрез некое время церковным служениям в дому архиерейском, в тож время да перепишет себе сие zde

написанные священником правила, ежели не может иметь печатного Регламента; также и выше писанные от Регламента правила общих дел.

Должны священники знать наипаче сие: како на исповеди кающихся, аще же (если же. – В.Ф.) кого студеного (пристыженного. – В.Ф.) кого без умиления видят, судом Божиим устрашит. Аще же кого видит сумнящегося и ко отчаянию преклоненного, како такового восставить и укрепить упованием милости и милосердия Божия, како наставить к преломлению греховного обычая, како посещать и утешать больного, како утверждать и напутствовать словом умирающего, и како наипаче осужденных и ведомых на смерть подкреплять и милостию Божиею обнадеживать. Сие суть воистину нужнейшие священнические должности. [...]

11. Если кто при исповеди объявит духовному отцу своему некое неделанное, но еще к делу намеренное от него воровство, наипаче же измену или бунт на Государя, или на Государство, или злое умышление на честь или здравие Государево и на фамилию Его Величества; а объявляя толикое намеряемое зло, покажет себе, что не раскаивается, а ставит себе в истинну, и намерения своего не отлагает, и не яко грех исповедует, но дабы тако согласием или молчанием духовника своего в намерении своем утвердился, если повелит ему духовный отец именем Божиим отстать всеконечне от намерения своего злого, а он молча и аки бы сомняся или оправдая себя, в том непременен явится, то должен духовник не токмо его за прямо исповеданные грехи прощения и разрешения не сподоблять, не есть бо исповедь правильная, аще кто не всех беззаконий своих кается, то и кому надлежит, должен духовник объявить. Однакож в том объявлении важности того, на исповеди показавшего, не открывать; понеже таких злодеев, которые в вышеозначенных словах явятся, нигде, кроме Тайной канцелярии и Преображенского приказа, расспрашивать не позволено; но токмо в том объявлении тайно сказать, что такой-то человек, показав его чин и имя, имеет зло на Государя или на прочее, что выше сего помянуто, мысль и нераскаянное намерение, от чего великий вред быть хочет, за что без всякого медления пойман и арестован быть должен. Для надлежащего таких злодеев обличения в помянутые Тайную канцелярию или Преображенский приказ за поруками, или буде порук не будет, за провожатыми, под честным арестом высылать повелено. Того ради и священнику, объявив оное и дав по себе поруку, ехать по высылке в указное место неотложно и неотбывательно. И тамо уже, где о таких злодействах следование бывает, все об оном злом намерении слышанное, объявить именно без всякого прикрывательства и сомнения... Сим объявлением не порокуется (опорочивается. – В.Ф.) исповедь, понеже

объявление беззакония намеренного, которого исповедующий отстать не хочет и в грех себе не вменяет, не есть исповеди ниже часть исповеди, но коварное к прельщению совести ухищрение на конечную тем злодеем погибель. [...] 12. Не токмо намеренное зло, которое в действо произвестися хочет, должны священники объявлять, но и сделанной уже народный соблазн, например: ежели кто, вымыслив где каким-либо образом или притворно учинив, разгласит ложное чудо, которое от простого и малорассудного народа приемлется за истину, и потом такой вымыслитель тог свой вымысел на исповеди объявит, а раскаяния на то не покажет и опубликовать того (дабы несведующие той лжи за истину не принимали) не обещается, а та ложь за истину по неведению приемлемая, к числу истинных чудес приобщаться и от времени всем в звание и в память утверждаться будет. То духовник должен, где надлежит, без всякого медления о том объявить, дабы такая лжа была пресечена, и народ, тою лжею прельщенный, неведением не прегрешал и лжи за истину не принимал, понеже таковых ложных чудес употреблением не точию какое-либо чинится бесстрашие, но и заповедь Божия «не приемли имене Господа Бога твоего всуе» дерзостно разоряется. Ибо в тех вымышленных чудесах Божие воспоминается имя, которое теми, яко лжею, не прославляется, но яко всуе приемлется. Чего ради такое законопреступное и благочестию вредительное действие весьма пресекать надлежит; и духовники о таких случаях, как выше сего воспоминаето, объявлять нескротно и неукоснительно должны суть...

Когда придет священник к больному слушать его исповедания и сообщить (причащать. – В.Ф.) Тайнам Святым, то исповеди его слушать наедине, а Тайнам Святым сообщить при людях дому того, також и при своих церковниках. А сие для того, что попы некии окаяннии, утаевая раскольников, притворяют, будто они больного сообщают Святым Тайнам наедине, дабы раскольник, таковым Причастия притвором утаен не был. За такое безбожие попу чужду весьма быть священства (т.е. отрешить от священства. – В.Ф.), и под мирской суд в телесное наказание подвержену; а раскольника, тако крыющегося, все имение взять на Государя.

А кто, подстерег тако злодействующих попу с раскольщиком, донесет, и тому дать в награждение половину или третью долю взятого имения раскольникова.

Тоеж делать и с попом, который накуплен от раскольников, приемлет их младенцы будто к крещению, и не крестив, отсылает. Великое суеверие и тщеславие неких мирских лиц есть попы в дом звать на пение вечерни или заутрени и прочая. [...] Кая (какая. – В.Ф.) же причина звать

священника в дом на пение, которое и без священника быть может? И для чего сие толикое властей и богатых человек от убогой братии разнствие, к которым в дом на пение священницы не приходят? Воистину раздражение се, а не уmolение Божие есть. Бывают же по многим дворам попы-беглецы, порочнии и от архиереев своих запрещеннии, самозванцы; и иных же вдовы держат под образом (под видом. – В.Ф.) потреб церковных не без подозрения, яково неоднократно явилось в духовных делах. От таких попов, скрытно живущих по дворам, многая деются беззакония, браки неправильные венчаются и прочая. Того ради сей бесчинный обычай весьма оставить, а на преслушников налагать штрафы.

Священницы и диаконы и прочия причетницы да не дерзнут идти на пение к местам славимым чудотворным, но не свидетельственным соборне; но должны доносить (об этом – В.Ф.) архиереям своим, а народу запрещать под жестоким наказанием. Да не попустит священник в церкви своей литургисать (свершать литургию. – В.Ф.) попу, или иеромонаху, или служителю иеродиакону, не имущему свидетельства архиерейского, что он правильный священник есть или диакон. [...]

Священник яко врученных себе пастырь должен наблюдать, не входят ли в дом которого прихожанина чернцы и учителя раскольнические, или льстецы, пустосвяты, и оных, буде увидит, должен ловить и в дом архиерейский отсылать под штрафом лишения священства и мирского (от светских властей. – В.Ф.) наказания.

За дело служения своего, например: за крещение, венчание, погребение и прочее не делали бы иереи торгу, но довольны бы были подаваемым добротным награждением. Сие наипаче наблюдать в сорокоустах (службы в 40-й день по кончине. – В.Ф.), за которые великие цены попы домогаются, хотя бы их и не прошено о том, но сами они часто сорокоустов служить не думают, а насильно платы, будто пошлины, за смерть истязуют. Сие едино зло, аще который епископ укрощать пренебрежет, довольную подаст причину звать себе на суд в Святейший Правительствующий Синод.

А понеже намерение есть Его Императорского Величества так церкви распорядить, чтобы довольное ко всякой число прихожан было приписано, и определить, чтоб всякой приходской человек должен в год причту своей церкви, так чтоб от подаяния тех весь причт тот мог иметь довольной трактамент (содержание. – В.Ф.). Того ради по его Императорского Величества указу Святейший Правительствующий Синод, согласясь с мирскими честными властями, сочинит совет, и намеренно определение уставит. И когда сие станется, то священники должны будут и малейшего

за службы своя, им определенные, награждения не искать, разве кто с доброхотства своего похощет нечто подарить, но и то, чтоб не в то время, когда священник потребу какую исправляет, но несколько недель спустя

23. Святый Вселенский собор в Халкидоне (4-й Вселенский собор в Халкидоне состоялся в 451 г. – В.Ф.) в каноне шестом запрещает ставить священники и диаконы просто, ни к какой церкви не надлежащие, и просто поставленным не попустить никакого дела священнического и диаконского А в России хотя и не ставятся священники и диаконы просто, однакож многие ставятся в единой церкви свыше потребности; и многие, оставив свою церковь, в которой поставлены были, волочатся семо и овамо (повсюду – В.Ф.). Такового безчиния дабы впредь не было, должны суть мирские лица не принимать таковых попов и диаконов ни к которому церковному служению, а епископы должны не ставить свыше потребности. А оставших церковь свою, где таковыи проявятся, имать (брать. – В.Ф.)и наказывать. И аще не нохотят к церквам своим возвратитися и до смерти в них служить чинно и то за порукою честных лиц, то таковых лишать священства, а излишних священнослужителей ни под какими видами не ставить, понеже многие ставятся и в причт принимаются, бежа от службы.

24 А буде священник или диакон за вышеупомянутое или за иное некое преступление лишен своего сана от архиерея, пойдет по миру в лице (под видом. – В.Ф.) священническом или диаконском и служить священная станет, такового, поймав, присылать в Святейший Правительствующий Синод, а из Синода отослан будет к мирскому суду. Вольно же и самому архиерею отослать такового к мирскому суду, где пристойно.

А ежели приход нуждным неким случаем обнищает так, что священнику с причтом весьма невозможно пропитатися, и о таковых самому архиерею иметь попечение, не допуская их скитатися, и определить их туды, где нового священника требуют.

Не дерзать священнику самовольно без благословения епископа приставать к полку воинскому, и воинским властям не принимать таковых. За преступление же сего священника взять под жестокое наказание, а на власти воинские (аще кто не обманом поповским, но самоволием так погрешит) епископам о том написать в Синод, а из Синода будет о управе искано в Военной Коллегии.

При многих церквах поп не припускает в церковники чужих, но своими сынами или сродниками места того служения занимает, не смотря, угодны ли суть и грамоте искуснии ли. Сие наипаче вредно есть, что тако удобнее попу неистовствовать, о служении и порядке не радеть и

раскольщиков покрывать. Того ради весьма зло сие пресекать епископы должны, а противное творящих попов жестоко наказывать, разве по приговору прихожан и по благословию именному епископа может священник сына своего, меть и честь искусного, да только единого имети в дьячках или пономарях, а прочих, добре изучившихся, отдавать к другим церквам или в иной честный жития промысел.

Прочее не токмо наблюдать надлежит: не бесчинствуют ли священники и диаконы и прочие церковники, не шумят ли по улицам пьяни, или что горшее, не шумят ли пьяни в церквах, не делают ли церковного моления двоегласно, не ссорятся ли по-мужичьи на обедах, не истязуют ли (вымогают ли. – В.Ф.) в гостях потчивания, не храбствуют ли в боях кулачных; и за таковые вины жестоко их наказывать. Но и сие прилежно им заповедать епископ должен, чтоб хранили на себе благообразие, а именно, чтоб одеяние их верхнее, хотя и убогое, но чистое было, и единой черной, а не иной краски, не ходили бы простовласы, не ложились бы спать по улицам, не пили бы по кабакам, не являли бы в гостях силы и храбрости к питию, и прочая сим подобная. Таковые бо неблагообразия показывают их быти ярыжками, а они поставлены пастырьми и отцами в народе.

Должны же отселе священники иметь всяк у себя книги, которые обычне нарицаются метрики, то есть книги записные, в которых записывать прихода своего младенцев рождение и крещение, с означением года и дня и наименованием родителей и восприемников (крестных. – В.Ф.). Також и которые младенцы, не получившие крещения, померли, с приписанием вины (причины. – В.Ф.), коей ради младенец лишен Святаго крещения. Да в тех же книгах записывать своего прихода лица, браком сочетаваемые. Також и умирающие с приписанием по христианской должности в покаянии преставилися и погребаемые. И аще кто не погребен, именно написать вину, чего ради не получил христианского погребения, со означением года и дня. А повсегодно объявлять таковые книги в приказ архиерейской; а сколько родится и умрет, по всякие четыре месяца репортовать в архиерейские приказы, а из архиерейских приказов о том уведомлять письменно в Синод.

Должны были прилежный совет в Святейшем Правительствующем Синоде, что делати со овдовевшими иереи и диаконы, наипаче же которые в юности своей овдовели.

Был доселе обычай постригать таковых в монахи, но как же таковой изречет пред Богом обещание, что он не от нужды в чин монашеский идет? Что же еще, когда он и не ощущает в себе дарования сего, и весьма

того не хотел бы? Понуждать не надобно, а в самовластном (добровольном. – В.Ф.) произволении со искушением (испытанием. – В.Ф.) постригать мощно.

О монахах

Чин наипаче монашеский, который в древние времена был всему христианству аки зеркало и образ покаяния и исправления, во времена сия во многие безчиния развратился. Того ради ко исправлению онаго последующие служат правила:

Кого и как принимать в монахи

Не принимать в монахи человека ниже тридесятого году возраста. К монашескому бо житию не довольно иметь совершенный разум, но искусство состава своего, аще имеет дар к безженному (целомудренному. – В.Ф.) житию.

Не принимать воина. Яве бо (очевидно – В.Ф.) есть, что тот не с намерением монашества приходит, но грешит вельми, бегая от службы своея. Сие бо есть явное преслушание повеления верховной власти и вред наносит всему государству. Аще же который уволен будет в сему от высочайшия власти, то с трилетним искушением такового прияти мощно.

Не принимать чуждого крестьянина, разве бы имел отпускное письмо от своего помещика, но и так смотреть, кто и каков и каковых лет, и нет ли какового подлога, проведав первее, для чего освобожден от помещика, и умеет ли грамоте, а неумеющих фамоте весьма не постригать, кроме собственного Императорского Величества указу и Синодального определения.

Не принимать мужа, жену живу имущего. Обычай же есть, что муж с женою взаимное согласие творят, чтоб муж в монахи постригся, а жена бы свободна была пойти за иного. Сей развод простым кажется быти правильный, но слову Божию весьма есть противный, ежели для единой сей причины делается. А хотя бы и была причина к разводу довольноная, однако же не делати мужеву с женою самовольно, а представляет о том разводе епископу своему обстоятельно, которому, подлинно освидетельствовав, для рассуждения и определения писать в Святейший Правительствующий Синод, а не получа из Синода резолюции, таковых разводов не чинить.

А еже ли бы муж и жена взаимным соизволением поволили принята чин монашеский, и тогда, кроме иных остоятельств, смотреть на лета жены: прошло ли оной пятьдесят лет или шестьдесят, и имеют ли дети и как их оставляют.

Ведомо же всем буди, и должны архимандриты и игумены сказывать приходящим в монахи сына без воли родительской, також родителям, обещающим чада, и мужам своих жен, и женам, мужей своих оставляющим, что богопротивное дело есть оставлять своих так, будто Христа ради.

Смотреть прилежно о приходящем в монахи, не обязан ли он долгами,

не бегают ли от суда за воровство, нет ли за ним дела Государева и сим подобная. Таковые бо не каятся, а спрятаются ищут, и великую беду на монастырь наволакивают (навлекают. – В.Ф.). Дабы сего не было, не принимать в монахи из иной епархии приходящего и людям честным неизвестного.

Приказных бо человек без отпускного письма от губернатора или воеводы, или от архиерея, или от монастыря, с приписанием руки их и со свидетельством, что они свободны от дела приказного, не принимать. Тож разумеется и о прикащиках. [...]

А когда явится таковой, которому ни едино от сих вышеписанных оберегательств препинает (не препятствует. – В.Ф.) к чину монашескому, то обаче (однако. – В.Ф.) того приняв в монастырь, не скоро постригати, но дата его честному и трезвенному старцу в сожитие и наблюдение. Проходити же ему общие монашеские послушания, каковые укажет настоятель; и тако пребыти в монастыре три лета неисходно в кротости и трезвости, и на всяк год исповедатися и приобщатися четырежды в четыре поста Святым Тайнам. Сие покажет, кто лестно (притворно. – В.Ф.) и кто во истине монашество избирает. Ибо истинные трудолюбцы трилетнего искушения не отрекутся, а лжеобещанники не стерпят, и того ради монашества не получают.

Но и тако трилетно искушенного без благословения архиерейского не постригати, но да представит оного архимандрит или игумен купно с духовным его отцом и старцем, у которого под началом был доселе, епископу свидетельствуя о нем, что нелестно желает монашества, и что кроток, смирен, терпелив, послушен и трезв, три лета пребыв в монастыре, и сие на письме дать свидетельство и записать. И тогда епископ, получив его, благословит пострищи. Аще же той монастырь в дальном расстоянии будет от епископа, то свидетельство о таком письменное послать ко архиерею с подписанием рук настоятеля и братии.

Пред пострижением же дать ему прочести, а ежели не книжен, то прочитовати ему вопросы и ответы постригальные, чтоб рассуждал, каковое имеет изрещи обещание, и может ли по обещанию жити, таж прочитовати ему и zde написанные правила. А лучше все сие прочитовать ему чрез трилетнее его искушение почасту.

А буде он по всем свое трилетном искушении, таж и по свидетельстве пред епископом, раскается и монахом быти не похощет, то свобода отпустите его без всякого удержания и укоризны.

А если отшед, паки (снова. – В.Ф.) похощет в тот монастырь возвратитися или в иной пострищися пожелает, и тогда вновь ему

трилетнее искушение принята.

Аще какой вклад похощет дати в монастырь, не принима- ти у него, разве по трилетном искушении, и то так, чтоб подписался, что он никакого чрез тое подаяние не ищет преимущества, и хвалитися тым и того выговаривати настоятелю и братии и восиоминати не будет, и весьма уничтожает, как бы и не дал ничего.

О житии монахов

Четырежды в год исповедатися и приобщитися Святым Тайнам должны в четыре посты святые; подобало бы и множае понеже сими совершеннейшее житие славится. А в древней Церкви и вси христиане часто причащались, и литургия без причастников не бывала. [...]

Весьма монахом праздным быти да не допускают настоятели, избирая всегда дело некое. А добре бы в монастырях завести художества: например, дело столярное и иконное и прочее, что не противно монашеству, а монахиням пряжу, шитье и плетение кружев и прочего.

Кроме старых и начальников не имети никому служителей, но и начальникам не выше потребности; а старых ради и больных быть бы больницам чинным, и тамо определять служителей по препорции.

Не вольно никакому монаху звати к себе гостей, ни нарочно на пирование, ниже из церкви на препутье (по пути. – *В.Ф.*), разве за благословением настоятеля; и были бы при гостях другий брат честный, которого настоятель определит.

Да и в гости разве за благословением настоятеля, и то не единому монаху, но с другим честным старцем побывати, но не более четырежды в год, а больше разве крайних ради нужд, и то не без благословения настоятеля. А пресечения ради всякого подозрительства, в мирские дома, паче же в девичьи монастыри монахам, без благословной вины (причине. – *В.Ф.*), которой уже по самой беспорочной потребности пременить невозможно, отнюдь не ходить под жестоким наказанием.

Монахам вещей монастырских, как снадных (съестных. – *В.Ф.*), так и прочих, хотя и им определенных, не продавати ни по улицам градским, ни в монастыре и весьма ни на каковом месте, ибо сие студное (безстыдное. – *В.Ф.*) вельми и весьма безчестное дело есть.

В келии по трапезе настоятель и братия пищи, оставшиеся от трапезы, да не берут никогда, кроме кваса; аще бо не тако, то всё изнесенное втуне за монастырем будет.

Братии всей и настоятелю, кроме общия трапезы, собственно по своим келиям не ясти, кроме сущия немощи или иные благословенные вины (разрешенные случаи. – *В.Ф.*).

Пища и питие и одеяние всем в равенстве да будет. Аще бо не тако, то всяк тцатися (стараться. – *В.Ф.*) будет красти, лишних ради пищи и пития и одеяния; обаче во одежде различить, иная олтарная, а иная, по

рассмотрению, служебным.

За монастырь никто чesого (что-либо. – В.Ф.) отдати власти имать, кроме настоятеля, и то с объявлением старшей братии, и именно с запискою, кому кто и в какой случай дано. Аще не тако будет, то кийждо (каждый. – В.Ф.) потщится свойственникам и друголюбцам бесстыдно монастырское раздаяти. И тако греха и излишние утраты избегнем, и вместо десяти братий питатися могут тридесять.

В монастыре подобает общему житию быти по правилам святых отец, аще бо не общая жития будут, всяк повлечет потребная врозь.

Все бываемые доходы из монастырских вотчин, и даемые от боголюбцев, и церковные доходы принимать в едино определенное место, и из того употреблять на вся церковные, и монастырские, и братские потребности. Аще же не будет тако, то не престанет имений хищение, любоначалия (властолюбия. – В.Ф.) ради бываемое, которое обителем в сущее разорение, а их сродникам в обогащение. [...]

Никому в монастыре чужих денег и пожитков не держати, кроме книг. Понеже от сего гордыня и сластей исполнение, их же ради мнози в монастырь приходят под образом терпения. И аще у кого что явно или тайно держимо обрящется, тое да возьмется в монастырскую казну.

Монахам из монастыря в монастырь преходити, разве благословных вин, и то с отпуском настоятелей, на письме являемом, всеконечно не попускати по завещанию святых отец. Понеже послушание, терпение же и смирение против обещания весьма скоро от сего искоренишася, и всякое неистовство и злообразие прият (приняло. – В.Ф.) великую силу. Понеже мнози от сего непосвященнии священная действуют; отлученные своими архиереями и духовными отцами паки без разрешения действуют же. Мнози же непострижены, в монашеский образ облегшася, ходят. От сих вся злая на соблазн многим бывають, и всякому монастырскому благообразию. И церковному благочинию и монашескому благоговению весьма на поругание.

Монахам во грады и веси, кроме общия потребности, не исходити из монастыря. Исходить же на сие определенным по общему избранию и нуждою не без подорожной, от настоятеля данной.

А в другую епархию и в царствующий град посылаемым монахам коей-либо нужды ради не довольно имети от своего настоятеля подорожную, но должен имети и от своего епископа подорожную. А где монах явится без подорожной, такового ловити и отсылати к епископу места того, где явится; а в царствующем граде отсылати таковых в Святейший Правительствующий Синод; а волочащихся монахов ловить

учрежденным от Правительствующего Синода и гражданским. [...]

Жен в келии настоятелю и братии никогда не попускать, разве в гостинной келии, и то не наедине, но при благоговейных монахах, кие (какие. – В.Ф.) на сие определены будут. И тако всякий зазор и укоризна, бываемая от иноземцов и своих, весьма искоренится, кроме сего убежати того невозможно.

По всем монастырям монахов учить подобает, не точию да читают писания, но да и разумеют. А на сие учинить собственно келию, и монахов приставить на сие избранных, иже знают Божественного Писания разум; и тако обученных да избирают достойных в чин священства и всякого начальства.

Монахам никаких по кельям писем, как выписок из книг, так и грамоток советных, без собственного ведения настоятеля, под жестоким на теле наказанием, никому не писать, и грамоток, кроме позволения настоятеля, не принимать, и по духовным и по гражданским регулам чернил и бумаги не держать, кроме тех, которым собственно от настоятеля для общедуховной пользы позволитися. И того над монахами прилежно надзирать, понеже ничто так монашеского безмолвия не разоряет, как суетные их и тщетные письма. А ежели которому брату случится настоящая письма потреба, и тому писать в трапезе из общей чернильницы и на бумаге общей за собственным настоятеля своего позволением, а самовольно того не дерзать под жестоким наказанием.

О монахинях

Все вышеписанные правила монахам должно хранить и монахиням, а сверх оных да сии собственные да хранят:

На праздники и никогда, также и в крестохождения монахиням отнюдь не ходить, ни к монастырем мужеским, ни к приходским церквам, и в монастыри женские не входить же, разве игумении и с нею единой или двоим сестрам, которых она изберет; и монастырям женским всегда заключенным быть, разве благословенных времен, якоже литургии святой или благословных лиц, якоже духовника для нужд больным. А понеже все почитай монастыри имеют церкви на воротах, где надлежит крыльца сделать на улицу в церкви, а от церкви быть одним дверям в игуменьины кельи. И ежели где есть какие мощи и прочее, чего ради люди обыкновенно вяще (особенно. – В.Ф.) ходят, то перенести на ворота ж, дабы никто не мог претензии сыскать идти в монастырь; в пресечения ради подозрительства никому, как мирским, так и монахам, по кельям ходить никогда не попускать, но весьма жестоко запретить.

Ежели случится женского монастыря нужда искать на кого управы у мирского суда, монахиням в тяжбу оную не входить, но стряпчего посылати или у архиерея просити, чтоб он от себя за их делом послал.

Буде случится нужное дело в царствующий град, монахиням просити архиерея своего, дабы писал о том в Святейший Правительствующий Синод, а их бы не отпускал.

Монахиням в мирских домех не жити, ниже по миру скитатися ни для какой потребы. Изъемлетя от сего фамилия Царского Величества. Монахиням и в своей церкви не мешатися с народом, но определить крылашанкам (монахини, поющие на клиросе. – В.Ф.) на хорах, а прочим в трапезе, где им единым стояти. [...]

А будет которая молодая девица похощет в девстве пребывати с намерением прияти монашество, то рассматрива прилежно, аще нелестно (по убеждению. – В.Ф.) и не коея ради нужды, или пристрастия, или лицемерия избирает девственное житие, дати таковую в монастырь честный и добре заключенный под начал честной и постоянной старице; девица же да пребывает непострижена до шестидесяти или поне (по крайней мере. – В.Ф.) до пятидесяти лет. А если прежде оных лет похощет идти замуж, не возбраняти ей.

О монастырях

Скитков пустынных монахам строить не поиускати. Ибо сие мнози делают свободного ради жития, чтоб от всякой власти и надсмотрения удален жити возмогл, по своей воле, и дабы на новоустрояемый скит собирал деньги и теми корыстовался, да и лишает себе таковой великия пользы душевныя: не имеет у кого спросить совета духовного, решения сомнительных помыслов и падежей совести, не видит образа подвигов монашеских. Что же, когда постигнет его в таком уединении час смертный? Кто послужит ему в болезни? Кто утишит, наставит и утвердит его против страха отчаятельного? И не в пример нам древних отец отшельничества: были тогда мужие добре в богословии христианстей обучении и великого рассуждения и искусства, яковый был Павел Фивейский, [Антоний Великий](#), [Макарий Египетский](#) и прочии (жившие в IV в. – В.Ф.). А человеку невежливому и таковое житие опасно есть, и душепагубному бедствию подлежащее; к тому же пустыням прямым быть в России, холодного ради воздуха, невозможно. Ибо в Палестине, в пустынях и в прочих теплых странах есть довольно плодов, чем питаться, и тако может весьма от миру отлучиться; zde же без пашни, рыбы, огородов пробыть невозможно, что тайно и уединенно быть не может.

Монастыри, идеже (где. – В.Ф.) мало братии, надлежит сводити во едину обитель, идеже прилично толико, елико пропитатися могут; обаче по самой нужде, да не менее тридцати братий будет ради лучшего благоговения. Понеже малым братством повседневную Божественную службу и общежительство, яко же подобает, отправляти невозможно, тою ради пребывают весьма без службы, яко пустые. А мирских священников и диаконов к монастырям мужеским отселева отнюдь не определять; а оставшия монастырские церкви в приходские поверстати, а попу и церковникам дать той монастырской земли неоскудно, а оставшееся, что есть, приписать к тому ж монастырю, в оный же братия будут переведены. И аще по сему образу будет учинено, то всячески во всех святых церквах, которых не больше трех, а именно: сборной, трапезной и больничной, в каждом монастыре надлежит иметь будет повседневная служба во обителях от множайшего братства и служение и общее житие и всякое монастырское благообразие, а во оставшихся приходских от приходских священников, понеже потребе их на сие понуждающей, да и братия в соединении общих монастырских доходов примут себе во всех потребах

вящее во всем изобилие, нежели прежде в малом братстве скудость терпяще и во всем неустроение имуще. Тоже и с монастырями девичьими учинить.

Еще при таковых же монастырях, идеже обретается многое за потребами довольство, надлежит тогда, как все прежние их монастырские вотчины с доходы к тем монастырям отданы будут, постройTM странноприимницы и лазареты, и велеть в них, по рассмотрению, собрать престарелых и здравия весьма лишенных, кормится собою не могущих, и промышленников о себе не имущих, и велеть таковых в славу Божию потребами покоить по подобно показанного в Морском Регламенте о таком покое учреждения.

В монастырях строение бываемое чрез потребу от излишества, еже и на славу Божию, таковое не пропускать, но повелеть употреблять на странноприимницу, и таковое дело пред Богом многоприятнее будет чрез потребного строения.

Монастырей вновь, как мужеских, так и женских, никому не строить без ведома Святейшего Правительствующего Синода.

О настоятелях монастырских

Подобает в духовные начальства избирать благонравных и в житии иноческом искусных, безпрочных и свидетельственных, добре ведущих разум писания и устав жития монастырского и монашеского; да печется о спасении братних душ, а не строении точию (только. – В.Ф.) стен и собраниа многого богатства, но бодроопасно по званию своему да правительствует; и в том коегождо настоятеля приводить к присяге с подобающим подкреплением.

Аще ли по избранию духовный начальник не станет противу своего звания о спасении душ, порученных ему в паству, яко же подобает промышлять пастырю, такового, ничто же медля, сводити в степень последнего братства, а в его место советом братии избирати иного. Да сие видевше прочие начальствующие хранитися будут и законоположения монастырская добре и всецела соблюдутся.

Аще кий настоятель беглого монаха примет самовольне без указа, такового сводити от начальства по смерть его в монастырскую работу и к тому таковому начальствующим не быти

Монахов избегших держати по смерть в оковах во трудах монастырских.

Во всяком монастыре да будет записная книга, в ню (в нее. – В.Ф.) постриженного монаха писать время и имя и какового чина был он в мире, за подписанием руки начальствующего.

Казна монастырская да не будет в келии настоятеля, ниже за ключем его единого хранима, но на собственном месте за ключом назначая и за печатью монастырскую, подобие и ризница церковная.

Единощи в неделю или поне (по крайней мере. – В.Ф.) единощи в месяц настоятелю и келарю, при других несколько честнейших старцах, слушати приходы и расходы монастырские; и слушав, записать в книгу, чтоб могл настоятель дать в том ответ, кому он подручен.

Да не понуждает настоятель братию приходити к себе на исповедь, понеже таковое исповедание будет притворное.

Быть в монастыре единому общему духовнику честному и пред епископом свидетельственному иеромонаху; и тот бы иногда сказывал настоятелю, аще какое злое в братии вкоренилося обыкновение; обаче же ниже лица по имени, ниже показуя келии и ниже коих либо иных обсуждати и тщатися, как бы зло оное искоренити в монастыре; тое ж

соблюдать и о духовнике в монастыри женские.

Аще настоятель, мзду приняв, засвидетельствует епископу о некоем монашестве хотящем, что он угоден есть к такому житию, таковой да лишен будет власти своея и изведен в рядовые монахи.

Настоятелю свойственников при себе не держать, ниже к делам монастырским определять; подобно и прочим от братии сего не попускать, и епископы б сего не творили, а в домех архиерейских, разве благословных ради вин, сиречь (то есть. – В.Ф.) егда в старости угоднейша бывает служба от своего, неже чуждого.

Сокровищ в монастыри на сохранение не принимать как братии, так и настоятелю.

По смерти архиереев, архимандритов и игуменов и прочего монашеского чина, собственного их имени родственником и свойственником ничего не давать, но таковые вышних чинов присылать в Правительствующий Духовный Синод, а нижних чинов обирать в монастырскую казну.

Вси сии описанные правила, и аще кая (какие. – В.Ф.) вновь приданы будут от Святейшего Правительствующего Синода, прочитовати по всем монастырям единожды в месяц, в воскресный день по трапезе, дабы кто не извинялся неведением. [...]

Сие Духовного Регламенту прибавление Сам Его Императорского Величества Своею Особою слушать и собственноручно исправлять изволил, и всё написанное апробовав, напечатать и опубликовать указал апреля в последних и мая в первых числах сего 1722 года.

3. Регулы *** семинарии преосвященного
Феофана архиепископа Новгородского и
Великолуцкого**

[Чистович И. Феофан Прокопович и его время. – СПб., 1868. С. 723–726]

Устав, что надлежит знать и делать ученикам по дням и по часам

В простые дни поутру вставать в 6-м часу; в 7 убираться честно; галстук, камзол, башмаки и чулки чтоб чисты были; голова чтоб расчесана, потом молиться. 8–9 первее изученное вчера греческое протвердить, а потом латинского и русского языка обучаться; 10 гулять; 11 рисовать; 12 обедать.

По полудни 1-й гулять; 2 и 3 латинского и русского языка паки обучаться; 4 и 5 рисовать; 6 и 7 иным голосной, иным инструментальной обучаться музыке на перемену; 8 грамматики еллинского языка; 9 гулять и вечерять и потом молиться и ложиться. Во вторник и четверток по обеде гулять.

Во всякий день при трапезе читать чтение от Св. Писания тем, которые могут читать точно, по тридневным чередам. А чтениям быть следующим: а) в воскресные дни Деяния апостольская да прочтаются; б) в понедельник вторник, среду и четверток книги историческия, начиная с Бытия; в) в пяток и субботу Притчи Соломоновы. И читать по определенным статьям всякую статью до конца.

IV При трапезе никому ни с кем ничего ни тихо ни в голос не говорить и никаким образом не соглашаться и не раздражаться, но внимать чтению.

Если что в чтении покажется кому недоуменное, чтобы он выписал для памяти; а во время свободное предлагать нам для протолкования.

Когда время идти в церковь, и шли бы все вместе, и по них (при них – В.Ф.) большие, також и из церкви

Во дни воскресные пред литургиею читать с книги одному, а прочим слушать толкования заповедей, и одну заповедь отправить одним чтением. А по литургии малым ребятам совопрошаться от заповедей, двоим от одной, а другим двоим от другой следующей. И тако в одно время отправлять по две заповеди очередно.

Во дни господские пред литургиею, троим одному по другом, наизусть проговорить повесть краткую, богословскую, и сие очередно делать по троим на праздник.

В гулянии вне дому всем быть вместе и единому от других далее пятидесяти сажень не отлучаться. Дабы одни другим в случае помощи, и одни других о обхождении и некоем (сохрани Боже) припадке

свидетельствовать могли.

Игания употреблять безбедные и незлобообразные; например, в городки палками не играть; на грагли (городки. – В.Ф.) метать пули двоих аршин; по сторонам игры тойе близко не стоять, победителям на побежденных не садиться и ничего непристойного не делать; в свайку никому отнюдь не играть.

Когда которому нужда будет изыйти из дома куды ни на есть (близко или далеко), тогда докладывать нам, в небытности нашей первому, кто будет из службной фамилии, и требовать позволения. И во всей этой отлучке, даже до возвращения в дом, был бы при нем один из слуг наших, дворянин или иной кто служитель. А того соприсутствующего не поить. И по возвращении нам, или не в присутствии нашем, кому пристойно представить для свидетельствования, что он не пьян.

А если кто против вышеположенному одиннадцатому артикулу дерзнет учинить, то всяк из детей наших, да и прочих, кто о том знать может, должен нам объявить, под жестоким за умолчание наказанием.

Дополнение к вышепомянутым регулам

Ничего не говорить и не делать, чтобы другому могло быть к раздражению и подать причину к ссорам, лаям и дракам.

Если который досаждают словом или делом учнет другого, то другой досады на досаду не отдавал бы, но предлагал бы о том тотчас кому из больших, а после при том же, которому предлагал, доносил бы директору.

Скверных и стыдению подлежащих слов никто бы отнюдь не произносил, кольми паче (тем более. – В.Ф.) не писал отнюдь, ни собою сочиняя, ни выписуя; також не показывать студного мигания и никаким телодвижением не изображать того, что срамно есть. И если нечто таковое учинит, то всяк видевший или слышавший тотчас должен повестить директору и будет бездельному таковому не обычное наказание. А кто о том не повестит, и тот жестоко наказан будет.

Никогда двоим (и в гулянии), ниже троим не отлучаться на сторону и тайно с собою ничего не говорить, но говорить явно и в слух прочих. И сие кто усмотрит, доносить должен тем, как выше в XV пункте показано.

Но и в компании с другими одному ничего отнюдь на ухо другому не шептать. И сие всяк усмотрев должен скоро доносить.

Один с другим писемцами б не пересылались, и если сие учинит, то хотя б что доброе писал, жестоко яко бездельник наказан будет. Тож получит и тот, кто от одного до другого переносить и передавать письменно будет.

Никому никуда в сторону писем, не объявив их прежде директору, не посылать. Також и кому откуду, хотя от родителей письма присланы будут, не распечатывать и не читать, но нераспечатанные подавать директору, и когда он, распечатав, отдаст, тогда читать мощно.

Никому у себе особо не держать и иметь съестных и питейных припасов (кроме неких фруктов, и то от нас подаваемых и на малое время), кольми паче (тем более. – В.Ф.) водки и простого вина. И сего преслушание почитаем мы за великое злодействие.

Никому у себе не держать денег; но если бы откуду получил, то тотчас объявил бы директору и деньги отдал бы ему в сохранение. И если бы им явилась нужда, то о нужде той сказывал бы директору. А если кто сему противное учинит, ожидать ему великого наказания.

Никому не вязаться и не входить в дружбу и компанию с дворянами, приказными, конюхами и прочими домовыми служителями.

Никому не говорить про людей честных, чтоб могло быть со умалением чести их, хотя бы то и явно всем было и обносилось бы в народе слухом.

Никому, когда и по нашему приказанию предоставлено питание будет, не пить жарлочно (неистово. – В.Ф.) и жадно, и такового злообразия весьма хранитися, кольми паче не пить до пьяна и не шуметь.

Что в вышеизложенных регулах или правилах написано, то всякому прилежно и тщательно хранить, ожидая за преступление жестокого наказания и не надеясь оправдаться никакими отговорками. Сей устав всякого месяца в первый день пред начинанием обеда прочитывать при собрании всех, дабы впредь никто не мог неведением извиняться.

4. [Беллюстин И.С.]***** Описание сельского духовенства

[Описание сельского духовенства. – Лейпциг, 1858].

[...] Грустно и больно смотреть, до чего унижено и подавлено у нас сельское духовенство, и тем более грустно и больно, что само оно некоторым образом подало и подает повод к этому и не имеет даже права сказать в утешение себе: вся терпим Христа ради. Не так оно держит себя, чтобы возбуждать в других всё необходимое благоговение к служению своему, высокому и пренебесному, чтобы возрождать в пасомых им искреннюю, сердечную расположенность к себе и ту любовь, крепкую ако смерть, которая неразрывно соединяла бы его с паствою в одном общем стремлении – к цели горнего звания.

Где причина этого? В чем зло?

Чтобы ответить на эти вопросы, мы проследим жизнь сельского иерея с детства. [...]

Выскажем, не обинуясь, всю правду, но лишь одну правду: и да востяжет (привлечет к ответу. – В.Ф.) нас Господь на суде своем своем страшном, если мы осмелимся сказать хоть одно слово лжи.

Первоначальное образование

1. Квартиры

[...] Мальчику приходит время учиться, и вот его привезли в уездный или губернский город. Прежде всего ему нужна квартира.

Весьма немного таких священников (из – ста два-три – не больше), которые имеют средства поставить сына на квартиру к хорошему чиновнику, купцу и надежному священнику; большая часть ищет квартиры возможно дешевле и особенно, когда у священника уже учатся два-три сына, что не редкость. Где ж эти квартиры? У мещанина-полунищего, отставного солдата, вдовы, промышленяющей Бог знает чем и как, причетника (городской причетник всегда равняется мещанину-полунищему). И под надзор и хранение этому люду вручается мальчик осьми-девяти лет! Чтож он видит в своей квартире? Отвратительную нищету, неразлучные спутники которой: грязь, грубость до зверства, самые страшные пороки, которых даже и не считают нужным скрывать. И вот первые впечатления мальчика – первые, которые, по свидетельству всех опытных людей, остаются неизгладимыми! Еще, если б только видел: нет, его заставляют быть орудием и даже участником разных мерзостей; посылают в кабаки за водкой, воровать щеп или дров, когда печь истопить нечем, и пр. больше – его поставляют в необходимость самому прибегать к разным проделкам. Так, истребив для себя в две-три недели всё, что было привезено мальчику на целую треть, они кормят его хлебом и щами, на которые и смотреть страшно. Что делать ему, всегда голодному? Если он робок, то в одну треть делается скелетом, если смел, то ворует или промышленяет подобными средствами. [...]

Приезжает мальчик домой, и родители не узнают его, – так он изменился физически и нравственно. Переводят на другую квартиру – и только из одного омота претаскивают в другой. Если прибавим к этому, что мальчики почти всегда страдают от кожных болезней и что даже иногда заражаются такими болезнями, о которых даже и говорить срамно и страшно, то можно будет составить ясное понятие о квартирах учеников духовных училищ.

От всех этих язв, физических и нравственных, не спасаются и те, которые стоят на лучших квартирах: они заражаются от зараженных уже товарищей и имеют лишь то преимущество, что для них берутся хоть какие-нибудь средства против этого, и зло не развивается так быстро и неудержимо.

И вот под какими погибельными влияниями проводят мальчики целых шесть лучших и важнейших лет своей жизни! Правда, время от времени берут их домой родители; но что самые любящие, самые умные родители успеют сделать каких-нибудь в две и даже шесть недель? Успеют залечить какую-нибудь болезнь физическую, не более, а язву нравственную, которая развивается годами, не вырвешь днями. Притом мальчики, пользуясь губительными примерами, скоро приобретают навык скрывать язвы нравственные. Конечно, и в этом, как и во всем, есть исключения; но как исключения они редки: нужна слишком счастливая организация мальчика, чтобы не увлечься дурными примерами, которые всегда у него перед глазами, а много ли найдется таких мальчиков?

Скажут: «Есть училищное начальство, которое должно смотреть за всем этим». Должно, конечно; но едва ли где больше забывается и смелее пренебрегается должное, чем у тех, которым вверена какая-либо власть среди духовенства. Квартиры – это оброчная статья смотрителя и инспектора училищ. Взявши тем или другим с хозяина или хозяйки, затем они предоставляют им полную волю и свободу над мальчиками.

2. Училища

Еще не так заразительно действовала бы на мальчика грязь и всё дурное, всё растлевающее душу на квартире, если б всему этому было противодействие в училище. Но нет, к ничем непоправимому несчастью, в училище он не видит ничего доброго: та же грязь, такие же лица, враждебные ему, лишь в другой форме, поразительно страшные беспорядки различного рода и вида.

Что такое здания училищные? По большей части трудно было бы угадать, для чего эти здания тому, кто видит их в первый раз. Это не казармы, не конюшни, не хлевы, – нет, хуже всего этого. Большею частью это еле держащиеся, при бесчисленных подпорках, остатки чего-то в незапамятные времена строенного, в которых ветер гуляет со всей свободой, куда проникает дождь самый небольшой, где накапливаются целые сугробы снегу. А если, что однакож чрезвычайная редкость, стены целы и даже крепки и сквозь них не проникает дождь, то все-таки ученикам немногим лучше и в таком училище. Мыть или мести полы считается самую непростительную роскошь; а на случай приезда архиерея их посыпают песком да можжухой – и только. Топить училища, хоть без сомнения на это отпускаются нужные суммы, не считают нужным, если б даже зимы были так жестоки, как, напр., в прошедшем году. Училищные комнаты до того тесны, что ученики буквально сидя в тисках. Зимой наошнанный на ногах снег и занесенный метелями, от спершегося воздуха растаивает, на полу образуется грязь, и весь класс делается болотом. И в таких-то зданиях учится юношество, из которого впоследствии должны быть иереи и даже архиереи! [...]

Из грязных квартир переходят ученики в еще более грязные классы! Но там, в квартирах, по крайней мере тепло; здесь же им нужно кутаться в две-три одежины, чтобы не замерзнуть. И что же? Когда все усядутся, и воздух сопрется, делается нестерпимо душно; между тем как ноги, неизбежно погруженные в болото, зябнут до того, что наконец совсем коченеют; и по окончании класса видишь, что ученики идут точно на костылях. Но как же переносят все это ученики? Со здоровьем от природы слабым гибнут, со здоровьем крепким отделяются горячками или другими болезнями. Могут этому не поверить. Но пусть посмотрят уездные училища в губерниях Московской, Ярославской, Тверской, Владимирской (о других не знаем, а в этих состоянии училищ нам хорошо

известно) и поверят [...]

Неужели духовное начальство не принимает никаких средств к улучшениям! Нельзя сказать этого: упадет потолок, оно распорядится поставить подпорку; рухнет пол, оно прикажет сделать новый перевод; покачнутся стены, тут поставят три или четыре подпорки.

О, как грустно, как больно, невыносимо больно делается, когда вспомнишь о действиях высшего духовенства в иных землях и сравнишь его с нашим! У наших – ни малейшей заботы об образовании даже того сословия, во главе которого стоят они сами, с которым неразрывно, хотя и противуестественно, соединены они! Вались училище, им и дела нет; не то, чтобы пожертвовать из собственности, которая Бог знает, идет куда, даже и похлопотать-то о необходимых улучшениях не хотят! И то сказать: чужих детей не жалко; еслиб их дети учились в духовных училищах, – без сомнения не допустили бы они до того, что теперь есть.

3. Училищные начальства и учителя

С содроганием сердца приступаем к изображению этих лиц, которым безусловно, безгранично родители передают своих детей, – лучшее, что есть у них в жизни. Нечто несодеянное, неслыханное, невообразимое, но между тем до последней буквы справедливое, – сему свидетель сам Господь, – расскажем мы.

[...] Большинство учителей в духовных училищах состоят из глубочайших невежд; после нескольких лет преподавания едва знакомы они с начатками преподаваемого предмета. Еще это зло могло бы несколько поправляться, если б учителя навсегда оставались учителями: сколько нужда, столько же и долготелая практика сколько-нибудь ознакомили бы их с делом, а то каждый смотрит, как бы скорее выйти во священника, и не считает нужным заняться усильно своим предметом, зная, что там – на месте – он для него решительно бесполезен. И действительно, прослужит он лет пять и даже десять без малейшей пользы для учеников и – выходит; его место занимает такой же ученик (кончивший семинарию. – В.Ф.), с такими же познаниями и с такими же целями; и так идет вся история училищного учения.

Одну способность только оказывает большая часть учителей – обирать деньги. Зло это всюду пустило глубокие корни; но нигде оно не обнаруживается так небоязненно, как в духовных училищах, в духовных правлениях и консисториях. Приводят мальчика в училище; отец должен его явить смотрителю и пятерым учителям. Явить – значит принести деньги. При этом случае от беднейшего причетника требуется не менее двух руб. сер. смотрителю и не менее рубля на каждого учителя. Священник должен представить вчетверо или по крайней мере втрое. И напрасны тут просьбы, напрасны даже слезы: кто стоит на одном, что не может дать требуемого, тот выгоняется в толчки; а что последует за тем, увидим дальше. Та же история повторяется после святок, после Пасхи, после ваката (каникул. – В.Ф.), – непрерывно во все продолжение курса. Но зачем же дают? Затем, что горе тому мальчику, отец которого когда-либо не выплатил назначенного: месть жестокая, неумолимая, зверская преследует его с утра до ночи на каждом шагу. Истязаниям несчастного, – и каким истязаниям!., нет ни конца ни меры. Скажем одно: в один и тот же день от двоих учителей ученику случается вытерпеть до 200 розог, самых беспощадных, потому что учитель стоит тут же и кричит: больнее,

больнее! Секущий из учеников хорошо знает, что за малейшее послабление ему грозит тоже казнь, и потому напрягает все силы удовлетворить учителя. И этого мало: ученика, едва ставшего с полу, учитель хлещет рукой и ногой, чем пришлось, по ушам, по голове, по щекам, вырывает у него целые клочья волос и пр., и пр. И это на неделе повторяется два-три раза. Жаловаться смотрителю ученики не смеют и думать; за жалобой неизбежно следует наказание от смотрителя – не палачу-учителю, а тому же ученику. В деле грабежа они действуют общими силами и поддерживают один другого. И кому же эти казни? Мальчику от 8 до 14 лет! Тут нисколько не помогают ни добрые успехи, ни прекрасное поведение; отъявленный негодяй пользуется и лаской и приветом от всех, если отец его и поит смотрителя с учителями до упаду и тащит им всего – от денег до яиц – обильно; [а] прекраснейший мальчик, но сын бедного отца, засекается – именно засекается. Не дальше, как два года назад, в N училище двенадцатилетнего мальчика, таким образом наказанного не за вину, а за то, что отец его не привел учителю корову, которой тот требовал, принесли на руках домой, и он на другой же день помер. И это дело нередкое. Почему же несчастный отец не жаловался? И почему не жалуются вообще на разбой и грабеж учителей и смотрителей? Скажем дальше

И исчисленным поборам еще не конец. Это всё только по мелочам. Самый главный – при переводе из одного класса в другой, и особенно в семинарию. Вот, напр., как это делается. В 1855 году из... училища за месяц до экзаменов все ученики были разосланы по домам со строжайшим приказанием: принести по столько-то (смотритель сам назначал цену), с предостережением таковым, кто принесет меньше назначенного, тот будет оставлен, кто совсем не принесет, – будет исключен. Высшая цена (на долю многих священников) была назначена 50 р. сер., низшая (на долю беднейших причетников) 5 р. Что было делать отцам? Не представить назначенного – угроза исполнится без сомнения, и сыновей или исключат (а куда деться с мальчиком в такие лета!) или оставить в том классе, – а чего стоит пробыть лишних два года ученику (6-летнее обучение в училище делилось на 3 «класса» – по два года в каждом. – В.Ф.), не говоря уже о неизбежной мести. И некоторые, преимущественно отцы негодяев, поспешили исполнить требуемое. Большая же часть, особенно же те, которые решительно не имели возможности прислать назначенную сумму, или рассчитывали на то, что дети их вполне достойны перевода, явились к смотрителю. Здесь начались торги, и некоторым сделаны уступки. Те же, которые осмелились ничего не заплатить и даже пригрозить жалобой,

выгнаты от зрителя со срамом. Какой же конец? Дети первых переведены, дети последних или оставлены или исключены.

Нашлись однако же, которые в самом деле принесли жалобу семинарскому правлению. Что ж! Зрителя вызвали для объяснения (объяснения! когда нужно было сделать строжайшее исследование!). [...] Как и что он объяснял, неизвестно; но преспокойно возвратился в свой город и смелее прежнего продолжает свои действия.

Теперь о жалобах. Почему не жалуются? Вот, напр., отец засеченного мальчика приехал в город и в самом деле приготовил жалобу; но у него учатся еще два сына; принеши жалобу, нужно было бы сейчас же взять их из училища, иначе и им была бы не лучшая судьба; а он в своем-то городе едва может содержать их, – куда же бы он их дел? Подумал, поплакал, погоревал и отдал на суд Божий. Вот, напр., лет тому десять, жестокости зрителя и инспектора .ого училища сделались до того невыносимыми, что ученики стали бегать из училища Принесли жалобу семинарскому правлению. Дело весьма важное; поехал исследовать сам ректор семинарии Что ж он сделал? Провел целую неделю у зрителя, не выходя из комнаты, а что делал, Бог знает. Затем явился в училище, пересек жесточайшим образом учеников и донес, что ученики взбунтовались и что он прекратил бунт . Взбунтовались мальчики от 8 до 14 лет! даже и отцы которых, под жесточайшей тираний, при миллионах несправедливостей, не смеют и помыслить о чем-либо подобном. Случилось даже однажды, что профессор (семинарии. – В.Ф.), посланный в ..рское училище, честно произвел следствие и обнаружил все мерзости зрителя и учителей Что ж вышло из этого? Зритель поспешил побывать у ректора семинарии у письмоводителя архиерея – велено переследовать. Понятно, что новое следствие вполне оправдало виновных. Следователя вытеснили из семинарии с дурным аттестатом. Кто ж осмелится после этого производить следствие строго-справедливо? К чем уже, значит, и жалобы? И еще ли после этого спросят: почему не жалуются? [...]

4. Учение

Скажем сначала – чему, а потом – как учат в духовных училищах.

Главный и важнейший предмет учения, на который обращается исключительное внимание, – латинский язык. Корнелий Непот (римский писатель (100–27 до н.э.). – В.Ф.) – мерило умственных способностей и успехов учеников; и сколько усилий, сколько истязаний, чтобы вбить в головы учеников этого вечного кошмара их; сколькими слезами, и какими слезами обливается он каждый курс!

Странное и непонятное явление, возможное только в образовании русского духовенства: во главу образования сельского иерея ставится язык мертвый, который для действительной его жизни будет столько же полезен, как и язык санскритский! Чтобы быть добрым пастырем, прежде всего надобно быть латинистом, без этого ему никогда не бывать пастырем, потому что без знания, в настоящее время совершенно ничтожного и поверхностного, – латыни его никогда не переведут из училища в семинарию!. Целые шесть лет мальчик убивает свои способности на изучение языка, который забудет в первые же два года своего священства, потому что всю свою жизнь ему не придется встретиться ни с одной буквой этого языка! Понятно было бы, если б его учили с таким же вниманием славянским наречиям, – это было бы прекрасным подготовлением для его будущего служения. Обладая знанием этих наречий, он не становился бы втупик перед мужиком-начетчиком при его вопросах; понятно было бы, если б его заставили изучать Четью-Минею: каждый урок был бы для него материалом будущих беседований с прихожанами, не говоря уже о том, какое благодетельное влияние произвело бы это изучение на юную душу сердце; а то заставляют забивать голову каким-нибудь Алкивиадом, Кимоном и т.п., да еще на языке чуждом! Чего ждать от такого образования, в основание которого кладется совершенно бесполезная для сельского иерея латынь? Да и можно ли назвать это образованием?

Скажут: но знание латинского языка необходимо тем, которые впоследствии должны поступить в академию. Так, но много ли поступающих в академию? [...]

Говорят: изучение языков развивает мыслящую способность и прочее вроде этого. Положим, что это правда; но уж конечно не пошлое, нелепое, мертвое изучение, каково в духовных училищах. А почему ж бы не изучать

языки немецкий, французский или английский? Знание этих языков было бы вдвойне полезно сельскому священнику: любознательный имел бы под руками средства продолжить свое образование и на месте (служения. – В.Ф.), потому что в каждом уезде найдется два-три помещика, у которых есть библиотека из книг того или другого языка. Имеющий нужду в средствах жизни, – а какой священник не имеет нужды? – мог бы приобретать их путем чистым и честным, – именно давать уроки в домах помещиков. И кроме личной пользы для священников, какая бесконечная польза вытекала бы из этих уроков для самого их служения! Ими они сблизилась бы с помещиками и имели бы непрерывное благое влияние на их быт семейный, так глубоко растлившись в последнее время, посредством их они воспитали бы и новое дворянское поколение в духе строго православном, не то что какие-нибудь выходцы с Запада, всегда посевающие в воспитываемых ими презрение ко всему русскому вообще и к Православию в особенности. [...]

Второй предмет, который также считается главным, хотя и не так важным, как латынь, язык греческий. Не говоря уже о том, что он везде без исключения преподается весьма дурно, ... какая польза от него для будущего священника, если б он преподавался даже и как должно, и он изучил его в совершенстве? «Он может изучать Св. Писание на этом языке, читать творения греческих отцов церкви». А где, в каком селе найдется (книг – В.Ф.) отцов церкви, так редких и дорогих, и говорить нечего, где найдется хоть одна буква этого языка? Нигде. Значит, и этот язык он учит единственно для того, чтобы забыть. [...]

Далее следует катехизис и священная история. И вот то, что должно быть положено во главу угла всякого образования, занимает лишь третью степень, и где ж? В духовных училищах! Могут не поверить, да и в самом деле трудно поверить, что даже в семинариях на катехизис и Св. Историю смотрят как на предметы весьма невысокого значения. Так они и преподаются в училищах. Все дело ограничивается тем, что ученика заставляют зубрить и зубрить. Он зубрит, почти всегда не понимая того, что зубрит, и особенно текстов. Ни в душу же его, ни в сердце не проникают ни одна благодатная мысль, ни одно святое чувство, ни один высокий порыв. Он заучил, что должно и что не должно, но без всякого внутреннего сознания. В 13–14 лет он не умеет дать себе отчета, почему это должно, а это нет? Оттого, [что ему] давали работу только одной памяти, не обращая ни малейшего внимания на то, чтобы расшевелить его сердце, внедрить в него святыя истины и увлечь на путь добра.

Далее – грамматика русская. Не говорим уже о величайшей

нелепости, какая может допущена только в духовных училищах, считать мертвые языки главными предметами преподавания, а живой свой, родной, – чуть ли не последним. Грамматика русская у нас в жалком положении. Ученики зубрят правила, не понимая ни духа, ни механизма языка. От этого не только в училищах, даже в семинариях правописание – камень преткновения для многих. Что это не преувеличение, пусть проверят в любой семинарии, пусть прочтут какое-либо писание какого-либо сельского священника, который ограничил свое образование лишь тем, что получил в семинарии.

Прочие предметы, которые не считаются ни главными, ни даже второстепенными, а чем-то вроде дополнения, преподаются еще слабее. [...]

Теперь скажем, как учат в духовных училищах. Мы заметили выше, что учеников заставляют зубрить; именно – все училищное учение, по самой строгой справедливости, можно назвать наукой зубрения. Здесь не обращается ни малейшего внимания на способности ученика: «выучить от N до N», – гласит учитель; а о том, для всех ли это возможно, у него и помышления нет; а о том, чтобы облегчить как-нибудь труд того, кого Бог не наградил легко воспринимающею памятью, у него никогда заботы нет. Приходит время отдавать уроки: немногие приготовили, большая часть нет. Из неприготовивших одни сделали это от лени и шалости, другие от недостатка способностей. И что ж? Учитель не дает себе ни малейшего труда проверить действия учеников: и легче и удобнее наказать всех; и он наказывает на всей своей воле. Какое же следствие этого? Прилежный, но малоспособный, бичуемый одинаково с лентяем и шалуном, в свою очередь бросает все труды и делается лентяем. Не всё ли равно, думает он, быть наказанным, – пробьюсь ли всю ночь и не выучу, или вовсе не буду учить? Таким образом, из мальчика, который при терпеливом, кротком и заботливом направлении своих способностей, мог бы сделаться хорошим учеником, делается неисправимым лентяем. Напрасно погибает в нем и то немногое, что даровал ему Господь; погибает и всякая энергия к труду. Случается, и нередко, такие переводятся в семинарию и оканчивают курс; но все семинарские задачи работают для них другими; остальные восполняются приношениями отеческими. Вот почему нередкость видеть ученика семинарии в состоянии совершенного бездействия – телесного и душевного; он сидит или лежит в продолжении многих часов с полусонными глазами, без забот, тревог, дум; его не волнует и не шевелит ни тень мысли!

И вот ученик кончил училищный курс и так или иначе переходит в

семинарию. Какой же запас вынес он из училища для действительной жизни? Никакого! Почти всё, на что он употребил шесть лет, ни к чему, все учил он для того, чтобы скорее или медленнее забыть. Не убиты ли значит и всецело эти лучшие годы жизни? Ради чего ж он вытерпел столько наказаний, перенес столько мук, пролил столько слез? И еще, если б эти годы были только убиты, сгибли без пользы; нет, в течение их глубоко заронилось в юную, восприимчивую душу семя зла.

Что он видел постоянно в квартире своей? Грязь и порок. Что он видел в училище? Ту же грязь. Что видел в начальниках и учителях? Злых и жестоких наемников, единственная цель действий которых – грабеж, смелый, не преследуемый и не наказываемый; видел, что для учителя, часто нетрезвого, не существует ни закон, ни правда, ни совесть: что он безнаказанно казнит и милует, и что единственное средство избавиться от казней – давать деньги, как можно более денег или иного чего; – вот что неотступно перед глазами его было целых шесть лет!... Мудрено и взрослому продышать целых шесть лет в такой губительной атмосфере и не заразиться; чего же хотят ждать от мальчика? И весь страшно заражается он. Грубеет и искажается его нравственное чувство. Без отвращения смотрит он самый грубый разврат. С ним безумно жестоки, – ожесточается и он; с его отца выжимают деньги, – выжимает и он, если только имеет возможность, если, напр[имер]: он аудитор (или старший). Словом, в нем отражается всё дурное, что только было в квартирах и училище. И вот основной камень его образования, которое должно приготовить из него будущего учителя православной церкви! Исключения встречаются, и после такого губительного начала вырастают добрые ученики, которых видно сам Господь хранит; но, к несчастью, такие исключения редки. О, вы слепые судьи чужих дел! Так беспощадно преследуете вы и насмешкой и презрением несчастных иереев; но если б провести вас сквозь этот омут, что зовется нашим образованием. Бог знает, вышли ль бы вы чище, были ли бы вы лучше в жизни!... Не поправит ли дела семинария? Не вырвет ли она зла с корнем? А вот увидим.

Семинарское образование

Цель всякого специального образования – приготовить достойных людей к тому или другому роду службы. Чем выше эта служба, тем строже должна быть обсуждена программа этого образования; в состав ее должно входить лишь то, что прямо ведет к предположенной цели, что самым делом из мальчика может сделать достойного деятеля на предположенном ему жизненном пути. Пусть такое образование будет далеко не энциклопедическое; что нужды? Было бы оно прочно, было бы оно так ведено и направлено, чтобы образующийся заранее всей душой и всем сердцем полюбил будущее свое дело, всем существом своим предался ему так, чтобы впоследствии ничто не могло отвлечь от него; пусть он заранее ознакомился бы со всеми сторонами своего дела: изучил бы те способы, которые вернее и надежнее могут вести к успеху, и довольно. Так образованный будет делателем полезным.

Что служение священническое настолько же выше служб гражданских, насколько небо выше земли, вечность выше временного. Против этого надеемся никто не станет спорить. Значит и программа образования тех, которые готовятся к этому служению, должна быть обсуждена строжайшим образом. В круг этого образования должно быть введено лишь то, чтобы приуготовить их – быть верными, ревностными и неукоснительными служителями Христа, провозвестниками Его спасительного учения и неусыпными стражами Его стада. Все прочее может быть только допущено постольку, поскольку содействует главной цели. Смотрим на программу семинарского образования, и что же видим? Богословие, философия, риторика, математика, физика, агрономия, медицина и пр., и пр. Что же к чему готовятся изучающие все это? Если б дать прочесть эту программу иностранцу, то он решительно стал бы в тупик, особенно когда бы увидел, что как на изучение богословия полагается два года, так и философии и риторики. Ясно, что из ученика семинарии хотят сделать немножко богослова, немножко философа, немножко ритора, агронома, медика. А что должно выходить по суду здравого смысла и по свидетельству опыта на самом деле? Да ровно ничего. В деле образования все немножко весьма близко граничат с ничем; и чем более этих немножко, как, напр., в семинариях, тем вернее сумма всего образования сложится в количество, близкое к нулю. Так и выходит из ученика семинарии ни богослов, ни философ, ни агроном, ни медик!...

Все преподаваемые науки смутно проносятся перед очами его неустоявшегося самосознания, потому что все преподаются лишь в общих, неопределенных чертах; в душе его не остается никакого живого чувства; в нем не рождается ни влечения, ни привязанности ни к одной науке, потому что он не ознакомился как должно ни с одной. Кажется, не разумная воля управляет всем его образованием, а слепая судьба; по крайней мере во весь семинарский курс ни один ученик не мог дать себе отчета, к чему готовится он? И по окончании курса он не имеет особенного влечения ни к чему: он готов быть священником, учителем, подъячим, – всем чем угодно. Что ж это за образование?

Но если нелепа и бессмысленна программа семинарского образования. То еще нелепее, еще бессмысленнее идет самое дело образования. Невольно думаешь, не устроено ли все намеренно таким образом, чтобы из учеников семинарии приготовить полных невежд с огромными претензиями⁹. Начнем с начальников и наставников. Главное лицо в семинарии, имеющее обширнейшее влияние на учеников – ректор семинарии, всегда монах. Странность ничем не объяснимая: главным двигателем и наблюдателем над образованием юношества, большая часть которого предуготовляется в сельские иереи, назначается лицо, навсегда отчуждившееся от мира и всех его волнений и всех требований, лицо, по крайней мере, по идее, умершее всему живущему в этой плачевной юдоли, что зовется земля. Он всегда магистр, т.е. ученый, – пусть даже ученейший муж; но что ж такая отвлеченная ученость для действительной жизни? Славнейшие мудрецы – разве не всегда дети в деле житейской мудрости? Где ж изучил ее, эту неуловимую никаким умом, а лишь познаваемую опытом мудрость он – магистр и даже доктор богословия? Не в стенах же академии и того или другого монастыря, где он начальник; да и не мог, если б хотел, изучить ее. Здесь в действительной жизни все: и высочайший подвиг добра и порок во всей наготе своей, и ангелы небесные и демоны преисподней, разве можно (т.е. позволено и должно) монаху окунуться в этот омут? А если нельзя, то какое же понятие его об жизни? Еще если б большинство этого юношества предуготовлялось к жизни аскетической, тогда ректор- монах было бы явление понятное; а то – юношество, готовящееся на борьбу с плотью и кровию, с обязательною властью князя преднебесного и с миром, возле лежащим, – что узнает это юношество об верных и надежных средствах вести успешно эту борьбу из самых ученых, но лишь теоретических уроков своего ректора? Нет, руководителем образования будущих иереев должен быть сам иерей, не столько ученый, сколько искусившийся в жизни, сам испытывавший всё, что ждет его

учеников на будущем тяжком их поприще. Пусть не передает всех схоластических тонкостей богословия, но покажет многообразное, бесконечно различное, часто поразительно-резкое, еще чаще едва заметное, едва уловимое действие страстей человеческих; но научит работать против них: это неоценимый, ничем незаменимый даже огромнейшими курсами богословия запас для будущего иерея! [...]

Наставники в семинарии большею частью магистры; несмотря на то, редко приносят они всю ту пользу делу образования, которую должны бы приносить. Причиной этого тот порядок, который ведется при назначении профессоров. Здесь не обращается ни малейшего внимания на способности их педагогические: кончил курс академии и достаточно – будь профессором, хотя бы в устной речи не умел связать двух слов толком. Кроме того, большею частью назначаются не на те предметы, в которых кто сильнее, а на первые, которые представятся незанятыми в какой-нибудь семинарии, хотя бы они об них не имели никакого понятия. [...] Знаток, напр., математики толкнула судьба в класс философии, которую он знает и понимает сколько и будущие его ученики, – и будь профессором-философом; с особенным успехом занимавшегося философией толкнула судьба в класс математики, совершенно ему чуждой, и преподавай ее! [...] После таких мудрых распоряжков, каково ж должно идти само преподавание? О, если б люди истинно образованные послушали, что и как преподается в семинариях!... Не знаем, какое чувство сильнее овладело бы ими: смеха ли на эту жалкую и пошлую карикатуру образования; скорби ли об этом несчастном юношестве, Бог знает за что осужденных на неисходное невежество; негодования ли, что время и силы и труд учеников гибнут решительно даром; отвращения ли к монахам, которые, забравши всё в свои руки, целию всех своих действий имеют деньги и удовлетворение своих страстей. [...]

[О преподавании наук в семинарии]

Возьмем, напр., богословие, эту науку из наук, важнейшее из знаний человеческих, краеугольный камень его образования, его жизни. Холодно, безучастно, безжизненно читает профессор свою лекцию – какой-нибудь отрывок из записок академических – или перевод с грехом пополам из какого-нибудь германского и лютеранского богослова. Холодно и безучастно слушают ее [семинаристы] и не знают как дожидаться конца. Профессор приказывает ее заучить; худо или хорошо ее заучивают. Тем и всё дело оканчивается. Следовательно, заставляют работать лишь память, а о том, чтобы учение божественное и спасительное взволновало всю душу, неизгладимо врезалось в сердце, претворилось в плоть и кровь учеников, о

том и не помышляют. Какие же следствия этого? Ученики и на богословие смотрят как и на всякую другую науку, т.е. как на тяжелое бремя, от которого не знают, как избавиться. Заученное они помнят только пока в семинарии; прожили год-другой на месте – и всё забыто, и ни одного догмата не сумеют они объяснить удовлетворительно, и о целом курсе богословия у них сохраняется темное воспоминание. [...]

Возьмем философию. Смешно и горько видеть, что и как преподается в семинариях под этим громким названием. Не заставляют учеников путем собственного мышления искать истину; нет, а заставляют учить, еще иногда на латинском языке, какую-нибудь нелепейшую компиляцию из quasi-философов XVII и XVIII вв., компиляцию, сделанную без толку, без смысла, из десяти разных авторов, бесконечно различных между собою, каким-нибудь самодельным философом-профессором. И бьются несчастные ученики над изучением этой безтолковой и безцельной мудрости; заучив, бойко отвечает и на экзаменах, а в существе дела не в состоянии дать себе отчета, что это он делает и для чего. Не вдумывался он сам ни во что, потому что его заставляли учить и учить; учить букву, а не смысл, до того, что если он в ответ одну фразу заменял другою, равносильною, то профессор с тетрадкой в руке сейчас же останавливал и приказывал отвечать как написано. И ничто не оставалось в голове его; и на всю эту науку, даже среди самого курса ее он смотрел как на что-то темное, непроницаемое, где нет Божьего света.

Говорить ли о преподавании других наук? Кажется, нет нужды. Если так преподаются те, которые считаются главными, то понятно, как должны преподаваться второстепенные. И ученики или совсем не ходят на эти классы и убивают время на квартирах за картами, или занимаются романами, и преспокойно, не обращая ни малейшего внимания на профессора, развращают душу свою чтением какого-нибудь нелепейшего произведения французской школы.

Скажем по несколько слов о недавно введенных агрономии и медицине.

Прекрасна, по-видимому, цель, с которою введена агрономия; священник будет сам земледельцем; не рутинным, а ученым, свое звание передаст и прихожанам, – и процветет хозяйство как его самого, так и всей его паствы, на что лучше! И преподаватели уже везде ученые – воспитанники образцовых земледельческих школ. Пусть они везде не делают ничего, и вся эта наука в презрении у самого начальства; пусть ни один из окончивших семинарский курс не сумеет отличить одной почвы от другой – мергеля от гипса; нет нужды, была бы введена наука, и пусть она

идет, как судьбе угодно. Но предположим, что судьба распорядилась именно так, что эта наука пошла прекрасно; в самом ли деле прекрасна цель, с которой введена она? И может ли быть она достигнута, т.е. священник будет агрономом образуем[ым] для своих прихожан? Чтобы ответить на эти вопросы, мы предложим еще несколько вопросов. К чему готовится большинство учеников в семинарии? Не к тому ли, чтобы быть иереями селах и городах? Конечно, да. И не желает ли начальство, чтоб! эти ученики впоследствии были иереями не по имени только, самым делом, т.е. ревностно, неусыпно заботились о спасении душ как своих, так и тех, которые вверены их пастве? Без сомнения, да. А. если так, то неужели не знают, что священнику, на руках которого бывает от тысячи до двух с половиною и более дуг мужеского и женского пола, немного уже остается времени о главного дела на какие бы то ни было посторонние дела? [...]

Но вот курс учения кончен. Двенадцать, четырнадцать, а иногда и более, лет тяжких, тем более тяжких, что ученик занимался даже и главными предметами без охоты, без рвения и без увлечения, а по одной крайней необходимости... Следуют вопросы что же он теперь? что в нем? куда направит он путь свой?

Не спрашивайте его самого, что он? Иначе вас неприятно поразит его ответ: – Я кончивший курс студент или ученик. – В звуках голоса, в манере физиономии он дает вам знать, что это не кто-нибудь, не простой человек, – кончивший курс. Да, нужно отдать честь семинарии: если мало доброго и дельного посеивает и развивает она, зато прекрасно умеет развить дурное в человеке. Семинарист без претензий – явление, едва ли виданное когда-нибудь. Самолюбие мелкое, пошлое, бессмысленное, и не смотря на то, обнаруживающееся слишком резко и угловато, вот чем набит ученик семинарии, и особенно кончивший курс, головы до пяток. [...]

Что в нем, – разгадать очень нетрудно: стоит только завезет с ним разговор дельный и заставить только высказаться, чтоб! увидеть, что в нем совершеннейшая пустота, отсутствие всякого положительного, вполне усвоенного знания. Случается бойкий на слово засыплет словами; но напрасно вы захотели бы в поток слов уловить мысль живую, сознannую, прочувствовannую, ничего подобного вы не заметите. Иначе и быть не может поел такого образования, какое получил он в семинарии: в ней развивали лишь память и подавляли само мышление. [...] Пока еще свежо в памяти, что зубрил он во время своего курса, он болтает без умолку, не умея однако ж дать себе никакого отчета в том, почему это так, а не иначе; от этого какой-нибудь пустой софизм сейчас же собьет его с толку. [...]

Куда направит он свой путь? Да этого он и сам не знает: так мудро и целесообразно устроено и ведено его образование! Естественно и ближе всего ему поступить в священники; пусть он не чувствует к этому званию никакого сердечного влечения, – но его отец, предки, родные – все служители Церкви на высшей или низшей степени, и он просится в какое-нибудь село в иереи. Удалось, делается иереем; не удалось, ищет путей побочных для достижения той же цели (какие это пути, сказано дальше); если это не послужили они к чему, просится в учителя; не попал – также хладнокровно, также без всякого сердечного участия хлопочет о поступлении в подьячие... Словом, нет звания, к которому бы не решился прильнуть семинарист, лишь там он мог ожидать себе кусок хлеба. Следовательно, о какое страшное и горькое следствие!! И в иереи он поступает «не ради Иисуса, а ради хлеба куса»...

Скажут: из семинаристов выходят ученейшие профессора, и даже университетов, государственные люди, примерные священники в столицах. Но пусть спросят всех таковых: семинарии ли они обязаны тем, что силы их развились и сделали их людьми; в семинарии ли они сознали свое призвание и назначение? И если они хотят ответить по совести, то без малейшего сомнения ответят: нет, нет и нет!.. Судьба толкнула одного в университет; там обратил почему-либо на него внимание профессор, или попал он на уроки в богатый, образованный дом; его вытерли, вымыли, изгнали из него злого духа и семинарщину, и – пошел он в ход. А остался [бы] он при собственных средствах, с духом и направлением, полученным им в семинарии, и – погиб. Кинула его судьба в академию, сблизила с людьми благородными не по званию, а по духу жизни: с людьми благородно мыслящими, благородно действующими; взяли они на себя труд образовать его, – и вышел примерный священник. [...] Бросила его судьба по окончании академического курса в канцелярию какого-нибудь вельможи; приглянулся он своему начальнику; тот взял его в железные руки, ввел под свой кров – для учения ли детей, для домашних занятий, и вот он впоследствии сам государственный человек как граф Сперанский; не случилось этого, он погряз в своей семинарщине. [...] А пусть бы всех этих людей судьба толкнула в сельские иереи, и были бы они лучше других. Ведь и теперь из числа выходящих в сельские иереи есть с огромнейшими духовными силами, неразвитыми, даже и непочатыми; и все эти силы гибнут в омуте жизни [...]

Чего ж сказать вообще об образовании, которое получают ученики духовных училищ и семинарий? Мы видели, как оно бесцельно, нелепо, ничтожно; мы видели, как мало добра могут вынести ученики из училищ и

семинарий, и как много выносят зла. Следовательно, имеем все право сказать: в училищах и семинариях все и с самого основания должно быть изменено и преобразовано, если хотят, чтобы образование духовного юношества было не одним образованием. По крайнему разумению, образовавшемуся вследствие долговременных наблюдений и крепких размышлений, мы сказали бы, каково должно быть это образование, да к чему? Кто послушает слов человека, идущего путем безвестным, горьким и страшно тернистым? Необходимость преобразования чувствуется, но новые проекты напишутся в кабинете человека громкого и славного, окруженного всем комфортом, для которого быт сельского иерея, требования и нужды его – темна вода в облацех воздушных. Введут новые науки, переменят учебники, а дух останется тот же, и всё пойдет по-старому. А еще чего доброго, – семинарии соединят с гимназиями вконец собьют с толку несчастное духовенство!!.. Так и всегда и во всем: нужно преобразовать деревушку, – проекты об этом пишутся в изящнейших кабинетах, рассуждают об этом в великолепнейших залах, а саму деревушку и не спросят, что ей нужно; да и что спрашивать? Народ темный, и сам не понимает, что ему нужно... Не понимает!!! И приводят проекты в исполнение, а что выходит??

Сельский иерей

А) Поступление на место

О хорошем месте в епархии лучшему (лучшему по аттестату) студенту и мечтать нечего. Такие места обыкновенно раздаются племянницам архиерейским, а если их нет, то сволочи, окружающей архиерея. Жестко выразились мы, но как же иначе назвать архиерейских лакеев, келейников, письмоводителей, певчих? Что это за люд? Лакей – всегда выгнанный за беспутное поведение из училища или из семинарии, ученик, перебивавший в течение нескольких лет и сторожем где-нибудь и послушником, потом прибившийся к архиерейскому дому и втершийся, так или иначе, в лакеи. [...]

Но и посредственное место студент может получить под одним условием – заплативши за него деньги. Прежде лет за двадцать зло это еще не слишком было сильно; но в последнее время оно развилось до невероятной степени. Поводом к этому было то, что сильно возросло учеников, оканчивающих курс, и оттого на одно и то же место подают иногда человек по десяти и даже более. Из них место дается не тому, у кого лучше аттестат, а кто больше даст денег. Продают или письмоводитель архиерейский, всегда имеющий огромное влияние на архиерея, или келейник его, а иногда оба вместе. Чем лучше место, тем выше цена, возрастающая иногда до 200 рублей. Но еще не все сделано, когда заплачены деньги этим господам; нужно не менее отдать в консисторию: оттуда нужна справка с мнением; без платы подобные вещи не делаются; без удовлетворения всех – и членов, и секретаря, и подьячих в консистории мнение может послужить не в пользу. [...] Скажем о дальнейших поборах при производстве в иереи: после посвящения он должен заплатить протоиерею, протодиакону, иподиякону, певчим, т.е. сейчас же, по принятии благодати, и тут же на месте посвящения, должен заплатить за указ в консисторию, за грамоту письмоводителю (кроме казенной цены), иначе его продержат месяцы; словом, он должен издержать от 60 (никак не менее) до 100 р[ублей] сер[ебром].

Где ж ученику или студенту, которые всегда нищие, взять столько денег? Он обыкновенно ищет себе, не имея в виду никакого места, невесту, т.е. собственно не невесту, а деньги с невестой, и хлопочет не о том, чтобы выбрать себе подругу жизни, а чтобы как можно больше найти денег. Приторговавшись к нескольким невестам, решается там, где дают больше, – будь невеста со всеми недостатками, нравственными и даже

физическими. Условившись, получает деньги и получает место.

Или: ищет поступить в дом. Это значит – ищет священника, который по старости ли, или попав под суд, должен оставить свое служение. Здесь не обращается ни малейшего внимания ни на достоинство невесты, ни на быт семейный ее родителей – можно ли спокойно и безтревожно жить с ее родителями. Главное – место, невеста же может быть вдвое старше жениха и глупа, и безобразна и т. под.

Если почему-либо он не устроит так дел своих, т.е. или не захочет взять деньги с невестой (что впрочем весьма редко), или будет думать, что ему дают еще мало (что весьма обыкновенно), то будь он два раза студент (получивший по окончании семинарии аттестат первого разряда и звание студента. – В.Ф.) и подавай на каждое место, несмотря на это лет пятьдесят пробудет без места. И вот почему ученики второго разряда, которые ценят себя много дешевле студентов, и особенно третьего, которые при денежной оценке себя опускаются еще ниже второразрядных, скорее находят себе места, чем студенты, т.е. по епархии расходится то, что и в семинарии было худшего. А студенты после многих бесполезных попыток выходят или в учителя или в подьячие.

Скажем кстати о том, поскольку обыкновенно берется денег за невестами. В губерниях Московской, Ярославской, Тверской и Владимирской, весьма близко нам известных, ученику, могущему поступить в сельские иереи, дается 500–1000 р[ублей] се[ребром], кроме приданого. От этого женами сельских иереев делаются лишь дочери богатых священников, дьяконов, или даже причетников (получивших наследство от какого-нибудь монаха и т. под.). Как приобрели они богатство: трудом честным и благородным или бессовестными поборами, преступными притязаниями прихожан, и даже проделками и никак непростительными (напр[имер], благочинные грабя церкви и пр.), на это не обращается никакого внимания. Дочери же честных, но бедных и многосемейных священников, или остаются девицами или выходят замуж за причетников, подьячих и прочий погибельный люд. Будь они красавицы собой, прекрасной нравственности, воспитанные в страхе Божиим, от нужд и лишений, в которых выросли, кроткие, терпеливые, домовитые, – всё это ни к чему.

В) Быт семейный

И вот бывший ученик семинарии – сельский иерей. Он вошел в дом или на праздное (вакантное. – В.Ф.) место. Посмотрим на того и другого в их семейном быту. Считаю нужным сказать, что мы описываем большинство, а отнюдь не всех. Найдется и лучше и выше того, что мы скажем, но такого найдется очень немного; найдется и хуже, и такого немало. Поэтому на исключения мы не будем указывать, как в этом, так и в следующих отделениях.

Ученик принимается в дом. Не свободная воля располагает той и другой стороной – принимающей и вступающей в дом, а крайность. С одной стороны: перезрелая невеста или потеря по суду места заставляют быть не слишком разборчивыми в женихах, принимают не лучшего в умственном и нравственном отношении, а возможно дешевле; с другой: необходимость иметь кров и пищу заставляет соглашаться на самые тяжкие условия: вступать в семейство многочисленное, иногда явно беспорядочное, и вдобавок ко всему – брать себе в жену какого-нибудь уроды, если не физического, то нравственного. Последствия такой погубительной сделки обнаруживаются слишком скоро. Не успеет дешевле сделаться иереем, как уже на деле доказывает справедливость поговорки «дешевое гнило», и даже на первых порах не умеет скрыть своего нравственного растления. Всегда начинается с условий: принявшие требуют буквального исполнения их, вступивший сначала не может, а потом и не хочет исполнять. И вот возникли ссоры. [...] Молодой иерей начинает ненавидеть всё – до самых стен дома, в котором живет. Быть дома – мука для него, и он ищет всех случаев быть вне его – в приходе, у причетников, в сторожке, где бы то ни было, только не дома. Не имея в себе нравственной точки опоры, от семинарии с предрасположением злым, он принимается за чарку – сначала чтобы заглушить горе, а потом чарка делается для него потребностью и обращается в страсть. [...]

Ученик выходит на праздное место. Казалось бы, тут есть все условия для счастливой семейной жизни: жизнь вдвоем, без всякого постороннего вмешательства, должна бы сблизить молодых мужа и жену, хоть они до брака почти не знали друг друга. На деле однако же не то. Выше мы сказали, как делаются у нас эти дела: ищут не подругу жизни, а денег; и – берут деньги, а с ними, что судьба пошлет. И редко судьба не наказывает за такой извращенный порядок вещей, редко к деньгам прилагается добрая

жена. Иначе и быть не может. Дочери богатых священников – люд избалованный, самовольный, привыкший к лени и расточительности. [...] Из денег, полученных за женою, остается какая-нибудь безделица на действительную жизнь, а нужно строиться, заводиться всем нужным. Где брать средства? Тут является руководительницей жена. «Мой батюшка нажил себе состояние вот так: за свадьбу брал столько-то; не дают, он нажмет чем-нибудь, и ругают, а дают; за молебен столько-то, иначе и служить не станет, чего же и тебе смотреть?» Новый иерей, в душе которого не посеяно чести, правды и даже простой житейской мудрости, легко склоняется на такие убеждения и, не прослужив году, начинает страшные притязания во всем... Следствия этого понятны: прихожане возмущаются и на нового иерея смотрят, как на какого-нибудь станового, т.е. как на неизбежное зло; они платят, но с глубочайшим негодованием, стайной, а иногда и явной бранью.

С) Средства к жизни

Трудно себе представить что-нибудь менее обеспеченное, более подверженное всем возможным случайностям в средствах жизни, чем сельское духовенство. А эти сомнительные средства. Как приобретаются они? В каком отношении они к самому служению священника? О, как много зла в этих средствах!! Они: доход и земледелие.

Доход... Если б дали премию придумать что-нибудь, чтобы более уничижить, опозорить духовенство, из высокого и чудного служения сделать чуть не ремесло, то верно никто не придумал бы лучшего средства, как эти нечестивые поборы с прихожан, что зовутся доходами. Священник отслужит молебен, и – тянет руку за подающим; проводит на вечный покой умершего – тоже; нужно венчать свадьбу – даже торгуется; ходит в праздник по приходу с единственной целью – собирать деньги; словом, что ни делает – во всем одна цель у него: деньги; даже, – о, верх нечестия и позора! – примирив кающегося грешника с Богом, он берет деньги; даже приобщив его Святых Тайн, он не отвращается с ужасом от денег... Что ж он, как не наемник? И какими глазами должны смотреть на него прихожане? О, пройдите из конца в конец Россию и прислушайтесь, как из-за этих проклятых доходов честят духовенство... Какая же после этого польза от всего его служения? Какое нравственное влияние может иметь он на прихожан, когда они хорошо понимают главную цель всех его действий? А без нравственного влияния чтож он за пастырь? И при таком порядке дел на что всё его пастырство? [...]

Говоря о доходах, мы ничего не сказали о злоупотреблениях, так обыкновенных, когда, напр., за свадьбу выжимают 5–10 и более руб[лей], и о прочем в роде этого. Говорить об этом слишком тяжело, слишком грустно; и горько смотреть на такой порядок вещей в Церкви Православной. А и бросить в священника камнем за эти нечестивые поборы невозможно. Больше ему делать нечего, потому что иных средств, кроме этих, нет. Самые злоупотребления как ни возмущают они душу, некоторым образом прощаешь ему, когда взглядишься в его быт. Священник живет с семейством редко менее 10 человек, иногда в 12–15 человек. Сколько ему нужно в год на содержание семейства? Положим *minimum*, именно столько, сколько проживает наш крестьянин (крестьянин, которому не нужна ни ряса, ничего подобного) с семейством в 10 человек, – 120–180 р[ублей]. Кроме того у него один, два, а иногда и три сына в

училище или семинарии; на двоих – на содержание и одежду (не говоря уже о грабеже учителей), на квартиру и проезды по самой меньшей мере 120 рублей]. У него ж еще и дочери невесты; для них нужно приготовить что-либо; извольте сосчитать сколько? А необходимые поправки для стройки? А без притязаний самый лучший приход даст 150–200 р[ублей], посредственный – 60–100 р[ублей]. Что же прикажете ему делать в такой крайности? [...]

Земледелие. Где земля хороша, и священник обделывает ее собственными руками, там она служит хорошим пособием. Священник не только сыт со своим семейством, но и еще продает кое-что, когда Бог благословит хорошим урожаем. Зато посмотрите на такого священника, есть ли хоть какой-нибудь признак, что он священник? [...] Весь занятый уходом за скотом, за землей, свое прямое назначение (иерея. – В.Ф.) он считает чем-то побочным, чем-то лишь только мешающим делу, на которое он смотрит, как на главное в жизни. Случится требование в приходе, особенно в рабочую пору, – с неохотою, с неудовольствием, нередко с бранью отрывается он от своего дела, спешит исправить кое-как (требу. – В.Ф.), лишь поскорее возвратиться в дело. Приходит день праздничный, нужно совершить литургию; – о, какой тяжкий, невыносимый труд это для него; лучше бы он обмолотил два овина, чем отслужить одну обедню... Он служит, – нельзя же не служить, – но как? С невниманием, с рассеянием; торопится сам, лишь бы поскорее вырваться из церкви; торопятся причетники... Словом, священник-земледелец есть тот же крестьянин, лишь только грамотный, но с образом мыслей, с желаниями, стремлениями, даже с образом жизни чисто крестьянскими. В каких-нибудь десять лет такой жизни он до того осваивается со своим грубым и грязным бытом, что для него невыносимая мука провести часа два-три где-нибудь в хорошем обществе; даже одеться прилично для него уже тяжело. [...] Скажут. «вольно ж ему довести себя до такого положения; можно бы быть и земледельцем и сохранить достоинство сана» Конечно, можно Но мы попросили бы кого угодно испытать на деле эту возможность, попробовать, напр , размышлять о высоком и прекрасном, роясь в навозе, написать что-нибудь умное и дельное вечером после дня, который начался с трех часов утра, весь проведен под жгучими и палящими лучами солнца до того, что и пообедать было некогда, и в ожидании целого ряда таких же дней и даже недель. Нет, священник-земледелец не может быть истинным иереем, даже похожим на него. [...] Жизнь чисто физическая всегда убивает жизнь духовную; вот почему у священника-земледельца нет ни думы ни помысла о чем-нибудь выше его обыденной жизни, ни даже

желания вырваться из этой колеи, в которой погряз весь он. [...] Для улучшения его быта необходимо или вовсе избавить его от земли, или дать средства возделывать ее посредством вольнонаемных рабочих. А лучше совершенно освободить от нее; пусть он, ничем посторонним и таким тревожно-хлопотливом, как земледелие, неразвлекаемый, знает одно свое дело – иерейское [..]

Д) Отношение сельского иерея:

1. К прихожанам – помещикам и крестьянам

Из всего доселе сказанного можно составить некоторое понятие об отношениях сельского иерея к прихожанам своим. Как пастырь он должен бы иметь влияние на прихожан своих, и влияние полное, ничем не ограничиваемое, ничем не стесняемое. Между тем на деле наоборот: находясь в полной зависимости от прихожан в приобретении средств жизни, он подчинен их влиянию; не прихожане от иерея воспринимают что-нибудь доброе, а иерей от прихожан воспринимает дурные привычки, злые наклонности. Вообще священник в отношении к своим прихожанам находится в положении самом горьком, самом жалком, самом нелепом. Положение его еще невыносимее, если в приходе есть помещик; но верх его несчастья, если их несколько.

Кстати, несколько слов вообще о хождении по приходу. Если когда-либо решатся приступить в самом деле к преобразованию духовенства, то в числе самых необходимых мер должно быть совершенное уничтожение этих хождений. К чему и для чего они?

Нужно служить молебен – пусть служат в церкви. А то посмотрите, что делается в селах: пьяные служат, пьяные молятся; что ж это за молитва! Да, эти хождения не дело религиозное, а лишь обычай, положим вековой, с единственной целью собирать деньги. Уничтожьте этот обычай – и вы уничтожите наполовину пьянство и беспорядки в духовенстве. Можно допустить одно, раз в год поднять образа, но с одним непременно условием, чтобы каждая деревня делала это особенно, приготовившись постом, чтобы в день поднятия священник служил литургию, на которой была бы вся деревня, чтобы священник прямо из церкви шел с образами по всей деревне, не скидывал облачения и по окончании дела ни на минуту не останавливался в деревне, возвращался опять в церковь с образами. Вот это было бы прекрасно, было бы дело чисто религиозное. А то, напр., о Пасхе тащат образ из одной деревни в другую: девки и бабы; гут и шум, и хохот, и перебранки; после волокут священника с причтом в телеге; – не позор ли это для религии? И не лучше ль средство вконец убить всякое расположение к ней крестьян?

2. К причту

Чудное, непонятное, ничем не объяснимое явление в нашей Церкви: причт принадлежит к духовному сословию! Дьяконы, дьячки, пономари в

числе духовенства! Поистине «духовные лица».

Что это за люд? Объясним хоть коротко их генеалогию.

Ученик, в училище или семинарии, совершенно сбился с толку: он и пьяница, и буян, и вор, словом – дурен до того, что даже в наших духовных заведениях терпим быть не может, и его выгоняют. Выгнанный года два-три и больше шляется. Где пришлось, и на вольной свободе совершенствует свои разнообразные способности. Открывается где-нибудь место причетника; он просится, и его определяют. И вот вместо того, чтобы его выгнать совсем из духовного звания, освободить сословие от заразы, по самой строгой справедливости – отдать в солдаты, его делают членом клира, служителем Церкви, меньшим служителем, правда, но все-таки Церкви, а не другого чего!.. Исключений тут нет, потому что в наших учебных заведениях исключаются лишь отъявленные негодяи. Бездарные, даже ленивые, но ведущие себя хорошо, перетаскиваются из класса в класс и доводятся до окончания курса. Каким же он может быть, и всегда бывает, служителем Церкви?

Если в училище, под ферулой (присмотром – В.Ф.) беспощадно наказывающих его учителей он был негодяем, и никакими казнями не мог быть исправлен, то можно ли ждать от него добра на месте, где он пользуется полной свободой и еще располагает кое-какими средствами? Нельзя ждать, и обыкновенно не бывает добра. Сельский причт (да и городской также, дьякона мы причисляем к причту потому, что он как по происхождению – иногда из выключенных, так и по духу, направлению и стремлениям, большею частью едино с дьячком и пономарем), без малейшего преувеличения срам и позор – не звания, а человечества. Он ниже, отвратительнее всего, что только есть в людях. Всякий крестьянин выше его: он бывает груб, жесток, упрям, но трудолюбив, почтителен к высшим себя, по-своему честен, имеет понятие о стыде и совести; предается грубым порокам, но сознает, что делает дурно, и редко падает до того, чтобы потеряв человеческое в себе, низойти до степени животных. В причте (причетнике. – В.Ф.) же обыкновенно ни тени ничего подобного! Он невообразимо ленив, бессовестен, дерзок и – без малейшего сознания своей дурноты! Короче: это – животное, вечно алчное, прожорливое, хищное, хитрое на самые злые и пагубные проделки, радующееся гибели других и особенно высших себя... И такое животное – член духовного сословия! И ему дано право входить во все действия и распоряжения священника как по приходу, так и по церкви, до того, что он должен вместе со священником свидетельствовать все книги, касающиеся прихода, все документы церковные; должен наблюдать за приходом и

расходом сумм и пр., и пр. Можно ли придумать что-нибудь нелепее такого устройства клира?

И с таким-то людом должен жить и действовать священник! При пособии его должен совершать божественные служения и исправлять все требования приходские! Каково же должно быть положение священника? [...]

3. К благочинным

Для ближайшего надзора за духовенством учреждены благочинные. Необходимы в городах, где духовенство все-таки приличнее держит себя, тем более необходимы они в селах.

Но достигается ли в настоящее время цель, с которою учреждены они? И насколько достигается?

Прежде всего эта должность, чрезвычайно важная, если понимается и исполняется как должно, весьма редко поручается иерею отличному между собратами по уму, образованию и жизни. Такие иереи никогда не бывают искательны (т.е. добивающиеся этой должности – В.Ф.), никак не захотят жертвовать деньгами, доставаемыми тяжким трудом, на приобретение и сохранение какой бы то ни было должности. А должность благочинного всегда и неизбежно должно купить, иногда и очень дорого. Поэтому она предоставляется большею частью иерею жалкой посредственности во всем, но артисту зашибить копейку. Естественно, что купив эту должность, он хочет выручить потраченные деньги – и с барышом; значит, цель учреждения благочинных извращена в самом основании своем.

Далее – всякий гражданский чиновник, всякий становой, всякий подьячий, не исключая и рассыльных при земском суде, получают жалованье; лишь благочинному нет ничего. А между тем у него немало расходов существенно необходимых: напр., на содержание канцелярии, на наем рассыльного и т. п. Вот и еще повод благочинному обирать вверенных ему.

Еще: благочинный, будь он глуп и безнравственен, как только можно, но если щедро расплачивается с правлением и консисторией, он крепко держится на своем месте; более – его хвалят, награждают, ставят в пример другим. Он не в состоянии соединить двух мыслей, написать толково и понятно двух строк, – нет нужды: в правлении или консистории за него напишут, сделают, всё приведут в порядок. Но горе благочинному умному и ведущему себя примерно. Дела свои он ведет сам исправно и честно, держит он себя так, что не имеет нужды ни в чьем снисхождении, поэтому платит какою-нибудь безделицу. Что ж за это? Гонение самое неутомимое,

самое пошрое и мелочное. Придираются ко всему, заваливают его выговорами, двадцать раз заставляют переделывать какую-нибудь ничтожнейшую ведомость, не указывая, чего недостает; словом, употребляют все подьяческие проделки, чтобы заставить такого благочинного отказаться от должности. Оканчивается всегда тем, что он теряет терпение и отказывается, а на его место заступает более угодный правлению или консистории.

г) К правлениям и консисториям

В последнее время слышны повсюду жалобы на страшные злоупотребления в нижних присутственных местах (гражданских). Но что, если бы эти жалующиеся посмотрели, что делается в духовных правлениях и консисториях? Верно они нашли бы, что земские и уездные суды в сравнении с ними то же, что ничтожный холерин в сравнении со злейшей холерою и поприумолкли бы со своими жалобами.

Да, есть судебные места, где во имя закона попирается всякая правда, попирается так явно, так бесстрашно, так нагло, что и вообразить трудно; есть судебные места, [от] которых бежит всякий порядочный человек, о которых все говорят с презрением, самые названия которых обратились в притчу и позор, – это духовные правления и консистории. Что же особенно дурного в них?

Там восседает глубочайшее невежество в отношении к правам и законам. Нет нужды, что членами консистории (о правлениях и говорить нечего; они ниже и позорнее всего, что можно только себе представить) иереи-магистры и протоиереи. Быть может некоторые из них и в состоянии написать проповеди, но юридического смысла знания и смысла нет ни в одном, – говорим положительно и не боимся, что нас обличат во лжи. Чего бояться? Пусть любому члену, напр., Тверской консистории поручат разобрать сколько-нибудь серьезное дело, подвести нужные законы и составить определение, – тогда увидят правду ли говорим мы. В консистории они то же, что головы в волостях: сидят и подписывают, что подадут им; или нет – выше голов, – исправляют грамматические ошибки, да переписывают резолюции заранее приготовленные. Но известно, что ничто так не надмняется, как невежество: внешним quasi-величием оно старается прикрыть внутреннее ничтожество. Известно, что ничто так не завистливо к истинным достоинствам, как невежество, – вот почему член консистории всегда представляет из себя такую личность, о которой и говорить невыносимо тяжело. Он доступен для полтинника, для целкового, для бутылки рому, для фунта чаю, и недоступен для лучшего иерея в епархии, если тот имел дерзость явиться ни с чем. Он друг и покровитель благочинного – отъявленнейшего грабителя, и неусыпный гонитель иерея честного. [...] Он, – но скажем коротко: цель всех его действий – взятки, во что бы то ни стало взятки.

О подьячих и говорить нечего. Если члены консистории позволяют

себе подобные вещи, то чего ж не позволит себе подьячий, бывший некогда семинаристом и выгнанный из семинарии за пьянство, буйства и тому подобные деяния?

Секретарь – это душа консистории, и везде, всегда, без исключения – жесточайший бич духовенства. Чтобы не распространяться об этой личности, скажем только, что секретари консисторий считают свои годовые доходы десятками тысяч. Откуда и каким образом? Ясно и понятно, что путем чистым и честным приобретать столько нельзя; нужно прибегать ко всем подьяческим ухищрениям, к безсовестнейшим проделкам, к жесточайшим притеснениям, чтобы выжимать из духовенства такие суммы.

Каково же положение духовенства при таком управлении, и особенно духовенства сельского, беззащитного и загнанного? Не напрасно же сельский иерей (да и всякого уездного города) больше содрогнется при известии, что его зачем-то вызывают в консисторию, чем при вести, что в его приходе показалась холера; от холеры еще быть может Господь и спасет, но кого прицепила как-нибудь консистория, тому нет спасения. Прав он или нет, всё равно; должен везти туда то, что скапливал в продолжение многих лет по копейкам; а если этого нет, то продать последний хлеб из закрома или последнюю скотину со двора. Без этого найдут средства если не совсем погубить его, то навсегда заклеить позорным: «Был под судом и штрафован».

Как ведутся дела там, где у всех – от членов до последнего сторожа – цель одна – обирать и грабить, понять легко. [...]

Но будут ли когда-либо наши консистории лучше? И не думается и не верится! Разве только огонь, который разольется после суда страшного по всей земле, выжжет эти места нечестия, срама и позора для всего духовенства, для всего управления нашего.

д) К Епархиальным архиереям

Главная цель служения архиерейского – пасти вверенное ему стадо. Чтобы вполне достигнуть этой цели, ему необходимо знать все духовные нужды своей паствы, нужды до бесконечности разнообразные, потому что паства его состоит из целой губернии, т.е. из сотен тысяч человек, среди которых неизбежно встречаются и высокая образованность, и глубочайшее невежество, и вера во всей чистоте, и отчаянное неверие, и самое дерзкое вольномыслие, и самое наглое нечестие. Но возможно ли узнать все нужды архиерею, постоянному жителю губернского города, лишь изредка, мимоездом, осматривающему некоторые части своей паствы, и то те, которые лежат на почтовом пути? Возможно. У него есть сослужители – иереи, самым назначением своим обязанные содействовать своему архипастырю в великом деле его служения. Пусть он сблизится с ними, держит себя перед иереями не трехбунчужным пашой, а настоящим преемником апостолов, к которому каждый иерей мог бы обращаться доверчиво, искренно и с любовью, как к отцу, и в два-три года он ознакомится с духовным и нравственным бытом своей паствы, как не ознакомится в двадцать лет, или, лучше, никогда без этого средства [...] И в этом случае иереи могут быть верными и надежными советниками [...], при содействии иереев архиерей достигал бы, несколько это в силах человеческих, цели своего звания.

А теперь что? Создатель мой! Что может быть унизительнее, позорнее, бесчеловечнее того, как архиереи обращаются с иереями вообще и с сельскими в особенности? Кто бывал у архиереев в те часы, когда являются просители, тот без сомнения видал, что иереи, даже покрытые сединами, постыдно толкаются в сенях (даже и не в прихожей!) с причетниками и мужиками; сидят на лестнице в ожидании выхода владыки; нет нужды, что это бывает и морозы градусов в 25, – архиерей держит их часа по два, по три; а пожалует какая-нибудь барыня, – и по пяти часов, и после такого ожидания еще прикажет сказать, что сегодня не принимает просителей, и чтобы они явились завтра. Вот образчик того, как архиереи милостивы и доступны иереям. Но этот образчик слишком ничтожен – то ли бывает!

Но оставляем свое намерение описать все, что бывает в обращении архиереев с сельскими иереями. Скажем коротко, что архиереи не хотят видеть в иереях служителей Бога вышнего, своих собственных сотрудников

в великом деле пастырства, но не людей. Как собак держат их за дверьми своих прихожих: кликнут на несколько минут – для подачи ли прошений или для необходимых объяснений – и стараются как можно скорее выпроводить их из своей прихожей. Не только не удостоят продолжительного собеседования, даже подойти близко не хотят они к иерею, а из дверей зала протягивают руку для приема прошений. Словом, если кому угодно видеть азиатское чиновничество во всей его красе, во всем его отвратительно-пошлом велелепии, – от стуканья в пол подчиненным и до фигуры начальника, в которой ярко выражается одно – необъятное, ничем не удовлетворимое, тщеславие, – тот пусть проведет несколько суток при архиерее и внимательно и беспристрастно всмотрится в его обращение с подчиненными. [...]

И иереи под гнетом такого обращения всеми средствами и мерами стараются избегать свиданий с архиереями. Ни один сельский иерей, бывая по каким-либо делам в губернском городе, не осмелится побывать у архиерея так, просто, чтобы принять благословение и услышать какое-либо наставление. Лишь крайняя необходимость заставляет его преодолеть свой страх и явиться пред лицом владыки. И тут, если б кто заглянул только, что происходит в душе его, тот переполнился бы весь негодованием к такому порядку и состраданием к несчастному. Вот – он стоит или сидит, и по всему телу у него холодная дрожь. Угодно ли кому удостовериться в справедливости этого? Пусть любого сельского иерея, готовящегося предстать пред архиереем, заставят написать или подписать что-нибудь, – увидеть, какие страшные конвульсии в руках у него... Он обдумывает как и что сказать архиерею; но мимо его непрестанно снует архиерейская сволочь – от письмоводителя до лакея – и каждый как будто необходимым считает толкнуть его и разорвать нить его мыслей лакейски грубым: – Что стал на месте? – Он отходит на другое место; но где бы ни стал, где бы ни сел, везде не на месте; везде ругают, отовсюду с ругательством гонят; и он, еще не выдавшись с архиереем, уже растерялся и наполовину забыл, о чем нужно говорить. «Преосвященный идет», – шепотом раздаётся в толпе просителей, и он не чувствует земли под собой; и легче было бы ему, если б вместо этих слов сказали: – Потолок валится. – Приняв прошения, архиерей обращается к нему с вопросом: – Тебе что? – Объясниться с вашим высокопреосвященством. – Верно кляузы какие-нибудь; у вас вечно кляузы. – От этих слов, высказанных грубо, жестко, раздражительно, иерей теряется окончательно; мысли его путаются, несвязно, бестолково, невнятно он бормочет кое-что, не умея дать себе отчета, где он и что делается с ним. Не расслушав и не дослушав, архиерей

обращается к нему спиной, и кончено объяснение, от которого нередко зависит спокойствие и даже судьба всей жизни иерея и всего его семейства. Слово, одно только слово для приветия и ободрения, могло бы успокоить встревоженный дух иерея, и он получил бы возможность ясно и толково высказать, за чем являлся. Но нет таких слов в устах архиереев, как и в самом взгляде не выражается никогда ни милости ни снисхождения. [...]

Каков архиерей в своем неприступно-страшном доме, таков же и при обозрении епархии. Не остановится он переночевать в доме бедного иерея, а заранее наводит справки, где есть помещики; так, чрез их усадьбы и направляет свой путь в надежде переночевать где-либо. Остановится и прикажет к себе явиться окрестным священникам. Те являются и в лакейской ждут по несколько часов, пока его высокопреосвященство, натолковавшись со всеми, удостоит выйти к ним. Озадачит их милостивым словом: «Слышу я, что все сельские попы пьяницы, буяны, притесняют во всем прихожан; смотрите, если о вас дойдет до меня то же, не ждите милости», – и отпустит. Ждите после этого себе уважения, не говорю от бар, но даже от лакеев и от мужиков-прихожан так принятые архиереем несчастные иереи!

е) К раскольникам

Одно из самых странных, трудно объяснимых явлений в Русской Церкви, – раскол. Казалось бы, возможно ли, чтобы русский человек со своим здравым смыслом, с своим умением терпеть и переносить разные невзгоды жизни, на основании такой пустейшей причины, как исправление церковных книг, решил разорвать всякое единение с Церковью, возненавидел ее чиновничество, забыл святыню мощей и чудотворных икон, отказался от вековых своих привычек!

Однакож это случилось! Отчего и почему?

Едва ли по тем причинам, которыми обыкновенно объясняют это явление. Не Требник. – Самое Евангелие исправлялось десятки раз, даже искажалось нелепейшим образом переписчиками; и из этого не возникало никаких смут в Церкви. Мало знакомые с грамотой русские спокойно молились по рукописным книгам, едва ли и догадываясь даже, что в них есть грубейшие ошибки. И вдруг такая ревность за букву, за какое-нибудь слово!

Нет, что-нибудь было не так. Не место высказывать здесь все наши соображения об этом.

Зло росло и тем страшнее, что народ и прежде мало и скудно знакомый с истинными началами веры, но чувствующий неизбежную потребность в ней, вздумал сам себе составлять эти начала или искать учителей веры из среды себя, недоверяя уже ни одному лицу, принадлежащему Церкви. Можно представить, какой свет веры распространяли подобные учителя, действиями которых руководили невежество и злонамеренность! С ожесточением против Церкви, против веры православной разлился и разврат, грубейший, позорнейший и отвратительный...

Что делается теперь для обращения раскольников? То же самое – меры строгости. Но цель всех этих мер, кажется единственная – дать возможность обирать этих несчастных всем, кто только имеет какое-либо отношение к ним. Безпощадно, страшно обируют их городская и земская полиция, губернские правления... Священнику ли отставать от других? По мере сил хватает и он, разумеется, – сельский иерей по десятку рублей, городской по несколько десятков, протоиереи считают поборы сотнями. Случаются, что они возмущаются против всех этих мерзостей, но на подобные случаи есть особенные меры. Можно ли что-нибудь вернее и

надежнее придумать для усиления раскола и большего отдаления раскольников от Церкви? Подобное обращение с ними не может не раздражать их, и раздражает до того, что в каждом православном – от знаменитейших архиереев до последнего писца в правлении или земском суде – они видят себе врага жестокого, непримиримого, готового или ограбить их или довести до тюрьмы. Самому благонамеренному и честному священнику они верят мало; а если когда и сближаются с которым, то после долгого, самого строгого наблюдения над ним и вполне убедившись, что он не имеет намерения обирать их. Как же должны смотреть они на сельских иереев, иереев таких, каких большинство? Они поят и кормят их, дают им деньги и подарки и – презирают глубочайшим образом. Смотря на раскольников, и православные отдаляются от самой Церкви, и обращения из православия в раскол совершаются ежегодно.

Да, повторяем: *раскол не уменьшается, но увеличивается с каждым годом, несмотря на то, что архиереи каждый год доносят Синоду: по делам веры всё обстоит благополучно, соversions в раскол не было, напротив, обратилось в православие столько-то...*

Обратилось!.. Вот каковы эти обращения. Молодому раскольнику-крестьянину (или купцу, мещанину – все равно) нужно жениться, потому что явная беззаконная жизнь, позволяемая лишь помещику да купцу миллионеру, строго воспрещается человеку небогатому. Он является к православному священнику и просит повенчать. Тот не венчает; раскольник платит ему деньги. Священник пишет его обратившимся (в православие. – В.Ф.), ведет в церковь и иногда в самом деле венчает, если случится при народе; чаще, если без народа, попоет что-нибудь и отпустит. Раскольники перевенчивают по-своему, налагают на него покаяние (обыкновенно поклоны и деньги); и как прежде, так и после брака он и знать не знает Церкви. Священник пишет его и жену в исповедной ведомости православными, и доколе он исправно платится, отмечает их или бывшими у него у исповеди или небывшими по отлучке и т.п. А забудет доставить священнику ежегодную подать, священник уведомляет исправника, что NN. снова обратился в раскол. Тот приезжает и обращает в православие, т.е. обирает в пользу свою и священника, как только хочет: раскольник же делается еще упрямее и ожесточеннее. Консистория и архиерей всё это знают. И как для священника тот приход самый благодатный, так и консистории особенно дорожат этими священниками; средства у них хорошие, нажиты они не добром; следовательно, их всегда можно отдать под суд, – с полной надеждой – поживиться изрядно, до чего однако ж священники не доводят себя,

расплачиваясь с консисторией щедрой рукой; и в годовичном отчете все обстоит благополучно! Все, что мы сказали об обращении, сказали на основании многих дел в земских и уездных судах, которых мы сами были очевидными свидетелями и невольными слушателями.

Во многих селах, где раскольники считались лет за 20 десятками, теперь половина, две трети раскольники. Знаем это гот священников и особенно от самих раскольников.

Когда же и как истребится у нас эта язва? Тогда, как радикально преобразуется у нас все духовенство; тогда, как оно поймет свое высокое назначение и вырвется из этой непроницаемой тьмы, в которой болтается теперь; тогда, как само правительство поймет, что для обращения их нужен образ действий, совершенно противоположный настоящему; тогда, когда городничие, исправники и высшие их не будут грабить раскольников – словом, кажется, никогда!!..

Заключение

Но довольно! Нужно быть бесконечным, чтоб описать все.

И это писали с невыносимую болью сердца. Не раз перо выпадало из рук наших, когда дело шло о том, что есть, хотя по возможности мы везде старались смягчить горькую истину. Даже мы приступали к этому делу после страшной двухлетней борьбы с самими собой. С одной стороны: всегда всю душу нашу возмущало положение (и какого ж истинного христианина не возмутит оно?), до которого дошло духовенство, особенно низшее, что может быть ниже, позорнее этого положения? Везде, от великолепнейших гостиных до курных изб, клеймят его злейшими насмешками, словами глубочайшего презрения, неодолимого отвращения; самые снисходительные отзываются о нем с состраданием или молчат. Ужасное положение! С мыслью о таком положении у нас всегда было наразлучно сильнейшее желание, чтобы духовенство, как или иначе, вырвалось из него; поняло ту чудно высокую цель, для которой учреждено оно на земле; стремилось к достижению этой цели по мере сил и возможности; словом, сделалось тем, чем должно быть. И это желание заставляло нас описать если не все, то большую часть зло в духовенстве, указать на причины его, указать и на средства, какими, по крайнему нашему разумению и убеждению, можно до некоторой степени истребить его. С другой, – нас всегда останавливала боязнь, поймут ли, т.е. захотят ли понять цель нашей записки? Не раздражит ли она тех, которые с сознанием или без сознания довели духовенство низшее до этого положения? А вследствие этого вместо пользы не принесет ли она еще вред для него? Не обрушится ли на него мщение жестокое, неумолимое, которое совсем задавит его?

Но нет, сказали мы наконец себе, – добро еще не умерло на земле; люди добра, в высшем значении этого слова, есть в мире, иначе мир погиб бы... Нет сомнения, что те, которые узнают себя в представленных нами чертах, назовут наши слова хулой, нелепостью, злонамеренным памфлетом [...], если наша записка попадет в их руки. Но может она попадет в руки людей добра (неужели Господь, видящий, каким всепожирающим огнем горит вся душа наша к Церкви Православной, ко всему, что может служить для ее блага, для ее славы, попустит, чтобы записка наша попала в руки первых?) о, тогда и наша записка принесет хоть зерно добра! Без предубеждения, без озлобления прочтут они нашу

записку; беспристрастно сделают поверку всему, высказанному нами, если сами не видели и не слышали того ж, что впрочем невероятно; и не опустят, а, может быть, даже поищут случай быть полезными для низшего духовенства...

* *

Коренное преобразование для всего духовенства необходимо. Надеемся, что с этим согласится всякий, кто будет иметь терпение прочесть записку нашу. Но оно может совершиться лишь могучей рукой! Державного. Заслуживает ли духовенство того, чтоб подвигнуть к действию эту руку? Т.е. настолько оно полезно и нужно государству, чтобы единый Державный соблаговолил обратить на это внимание? Вот вопрос!!! От решения его зависит вся будущая судьба духовенства, т.е. возникнут ли ему к жизни новой светлой и благотворной или догнивать в тлетворном болоте...

Мы не осмеливаемся дать полный ответ на этот вопрос, а дерзнем высказать одну только мысль.

Одно из двух: духовенство нужно или нет в государстве. – Не нужно? Пусть уничтожат его, и чем скорее, тем лучше. В обществе, как в организме человека, всё ненужное вредно; следовательно, чтобы организм был здоров, а общество устроено на прочных основаниях и вполне благоденствовало, всё вредное должно быть изгнано, уничтожено. – Нужно? Так пусть определяют меру и степень его нужды, затем ясно, точно, положительно определяют условия его существования, избавят его во всем от произвола человеческого, дадут ему средства и возможность достигать той цели, с какою оно допущено в государстве. После всего этого уже пусть строго требуют, чтобы оно ни на шаг не уклонялось от своей цели. Но сделать всё это нужно немедленно. Зло не то, что добро: быстро растет оно и развивается. Мы видели, до каких страшных размеров дошло оно в духовенстве. Ждать ли же, когда оно своей смертоносной атмосферой заразит всё и всех. В физических болезнях нередко час определяет – ожить или погибнуть больному. Нечто подобное бывает и в нравственных. И в них как будто есть кризис: не поспеет благодетельная рука во-время, – всё погибло; никакие усилия, ничьи силы не воззовут к жизни погибших нравственно, – будет ли то единица, или будут тысячи единиц, т. е. целое сословие, или миллионы единиц – т.е. целое государство.

Считаем нужным еще раз объяснить, что мы, описывая сельское духовенство, имели в виду лишь большинство иереев, а отнюдь не всех. Найдутся иереи вполне достойные звания своего, которых никакой стороной не касается описание наше; найдутся такие, которых описание

наше касается лишь некоторыми сторонами; и, к несчастью, найдутся и такие, которые хуже нашего и ниже всякого описания. Выразим эти четыре разряда цифрами. Разумеется, приблизительно. Из ста таких, как мы описали, худших 70, средних 20, лучших 5.

5. Записка Петербургского митрополита Антония (Вадковского) *****

О желательности преобразования в постановке у нас Православной Церкви.

1) Бывшие в Комитете Министров суждения по вопросу о веротерпимости открывают отделившимся от Православной Церкви (старообрядцам, сектантам и пр.) известное государственное положение с определенными правами и льготами, и в то же время не касаются их внутренней, в собственном смысле, церковной жизни. Вопросы, напр., о браке и разводе, о церковном суде над духовными и светскими лицами, об организации общинно-приходской жизни и благотворительности, о назначении и способах выбора высшего и низшего духовенства и т.п. – и всё это останется вне вмешательства государственной, светской власти (пока не выходит, конечно, за пределы дозволенного русскому подданному вообще). Такая автономия в своих церковных делах ставит помянутые общества в некоторых отношениях в более благоприятное положение, чем то, в каком находится ныне признаваемая господствующею в государстве Церковь Православная, и представляя духовенству этих обществ особенный, исключительный авторитет в делах церковных, открывает духовенству возможность широкого влияния на всю вообще жизнь и семейную и общественную своих пасомых. Это, вместе с возможностью автономной организации, создаст из этих обществ силу весьма внушительную и для многих более привлекательную, чем стесненная в своей чисто церковной деятельности Церковь Православная. В особенности это нужно сказать об общине, «приемлющей австрийское священство»: она имеет всю видимость Православной Церкви. Может явиться опасность, что эта община обратится в церковь народную, тогда как Православная Церковь останется только церковью государственной.

В виду этого, а также в виду того, что Православная Церковь составляет одну из главных основ русского государственного порядка и один из ее исторических устоев, не является ли с точки зрения государства существенно необходимым пересмотреть нынешнее государственное положение Православной Церкви в России с тем, чтобы и при изменившемся государственном положении отпадших от нее, не лишить ее авторитета у народа и не лишиться ее влияния на последний?

2) Так как одним из величайших преимуществ инославных обществ теперь является их автономия во внутренних церковных делах, то чтобы парализовать это преимущество, не благовременно ли устранить или хотя бы несколько ослабить ту постоянную опеку и тот слишком бдительный контроль светской власти над жизнью церковной и над деятельностью церковного правительства, который лишает Церковь самостоятельности и инициативы, и ограничивая область ее ведения почти одним богослужением и исправлением треб, делает ее голос совсем неслышным ни в частной ни в общественной жизни?

3) Не следует ли поэтому, представив Православной Церкви большей свободы в управлении ее внутренними делами, где бы она могла руководиться главным образом церковными канонами и нравственно-религиозными потребностями своих членов и, освобожденная от прямой государственной или политической миссии, могла бы своим возрожденным нравственным авторитетом быть незаменимой опорой православного государства?

4) Наставники и пр. духовные лица инославных общин, являясь ставленниками последних не только чисто церковной, но и общественной жизни, окажутся естественными представителями своих общин и ходатаями за них пред правительством. Такого же непосредственного участия в общественной жизни прихода желает и высочайший указ от 26 июня 1904 года. Поэтому не следует ли распространить на православных священников права быть непременно членами общественно-государственных учреждений, имеющих место в их приходах (в случае восстановления прихода как земской единицы), участвовать в мирском сходе и быть представителем общины пред властями, при желании последней?

5) Чтобы голос Церкви был слышен в государственном управлении (которое принципиально призывает на себя благословение Церкви), а также, чтобы и государственные сановники могли непосредственно от полномочных представителей Церкви знать ее взгляд на тот или иной предмет, и представители Церкви могли непосредственно разъяснять государственным сановникам церковные дела и ходатайствовать о нуждах и потребностях Церкви, не признано ли будет желательным теперь же предоставить высшим представителям церковной иерархии (нескольким из них, по рангу или по выбору церкви) участия с правом голоса в заседаниях Государственного Совета, Комитета Министров и подобных высших государственно-законодательных учреждениях?

6) Для развития приходской благотворительности и вообще для

оживления прихода и правильной организации приходской жизни было бы весьма важно признать приход юридическим лицом с правом собственности, что давало бы приходской организации устойчивость и средства материальные. С другой стороны, Православная Церковь в отношении к вопросу о приобретении собственности окажется в будущем едва ли не в худшем положении, чем общины, отделившиеся от нее всякая собственность, хотя бы отказанная Церкви по завещанию, закрепляется теперь за церковным учреждением только Высочайшею волею. Поэтому не признано ли будет возможным теперь же пересмотреть законы о праве Церкви на собственность, ее приобретение и пользование?

Возрождение и оживление прихода, от чего справедливо ожидают благотворительных последствий для народной и государственной жизни вообще, возможно только при условии децентрализации церковного управления, когда инициатива во многих делах, а равно и окончательное вершение их будут перенесены из центра в области и епархии. Но такая децентрализация, вместе с указанной выше переменой в государственном положении Православной Церкви, естественно предполагает и влечет за собою многие изменения в строе церковного управления, как центрального, так и епархиального, и во взаимных отношениях того и другого. Все это приводит к мысли о необходимости пересмотра церковного строя. С другой стороны и независимо от этого, существует настоятельная и в литературе уже давно признаваемая необходимость пересмотра некоторых сторон церковного управления, например, особенно церковного суда, нрав и полномочий епархиальных съездов, участие в них мирян как представителей приходов и мн. др. Хотя все эти вопросы тесно соприкасаются с интересами общегосударственными и законодательством, но вполне компетентно и окончательно могут быть разрешены только в церковном совещании. Поэтому не благовременно ли теперь же представить Его Императорскому Величеству о настоятельной необходимости образовать особое совещание из представителей церковной иерархии, с участием сведущих лиц духовенства и мирян, для пересмотра существующего церковного управления и для выработки проекта необходимых в нем преобразований?

6. Записка председателя комитета министров С.Ю. ВИТТЕ *** «О современном положении Православной Церкви» [февраль 1905 г.]**

Объявление религиозной свободы вызывает необходимость изменений и в государственном положении Православной Церкви

После двухвековой политики религиозных стеснений Россия вступает теперь на путь широкой веротерпимости. К этому побуждает как сознание несоответствия религиозных стеснений духу Православной Церкви, так и испытанная долгим опытом их бесполезность. И официальные отчеты и особенно частные сообщения лиц, стоящих близко к миссионерскому делу, убеждают, что притеснения содействуют усилению расколо-сектантства, а никак не его ослаблению. Но если вопрос о религиозной свободе можно считать решенным в положительном смысле, то теперь вполне своевременно выяснить и то положение, в котором окажется при изменившихся условиях сама Православная Церковь, в силах ли она будет выдержать предстоящую борьбу с сектантством и иноверием вообще?

В духовной литературе по этому поводу слышатся весьма тревожные голоса «Объявить теперь свободу совести для всех – это значило бы всем развязать руки, а деятелей церкви оставить связанными». К этому мнению епископа Сергия (ректора С.-Пегербургской Духовной Академии) присоединяется почти вся современная богословская литература. Очевидно, и при полной внешней свободе и даже охране со стороны государства, внутреннюю жизнь Православной Церкви опутывают какие-то тяжелые цепи, которые также необходимо снять; следы их действительно заметны в современной религиозной жизни.

Современный упадок церковной жизни и ее причины

И духовная и светская печать одинаково отмечают общую вялость внутренней церковной жизни отчуждение прихода и особенно образованных слоев общества от своих духовных руководителей; отсутствие живого проповеднического слова, общую слабость пастырской деятельности духовенства, ограничивающегося в большинстве случаев только совершением богослужения и требоисправлением; полный упадок церковной приходской общины с ее просветительными и благотворительными учреждениями; сухость и формальность епархиального, «консисторского» делопроизводства и узко бюрократический характер деятельности группирующихся около Синода учреждений. Еще от Достоевского мы услышали впервые грозное слово: «русская церковь в параличе»; тогда оно не встретило серьезного возражения. Причину упадка церковной жизни и Достоевский и его многочисленные позднейшие единомышленники указывают в некоторых особенностях совершенной Петром Великим реформы церковного управления и в том укладе местной жизни, который стал развиваться с этого времени. С начала XVIII века в церковной жизни стало ослабевать, а затем исчезло соборное начало; это, прежде всего, и вызвало застой церковной жизни.

Органы соборного управления

Органами соборного управления являлись соборы вселенские и поместные. Первые были явлениями исключительными, вызываемыми особыми обстоятельствами, и конечно, не могли повторяться часто. Но поместные соборы на основании апостольских правил и канонов вселенских соборов, получивших силу непреложного канонического закона, должны были собираться дважды или по крайней мере один раз в год. На поместные соборы являлись или присылали своих представителей все епископы местной церкви. Епархиальное управление было также основано на принципе соборности. При епископе состоял собор пресвитеров; часто в этих совещаниях участвовала и целиком вся община; таким публичным, общественно-совещательным было церковное управление апостольских времен и вообще первых веков христианства, когда церковная община, имевшая отдельного епископа, не представляла большой численности; при дальнейшем развитии церковной жизни присутствие всех членов общины сохранилось только на приходских собраниях, а на епископском соборе постепенно заменялось их представительством. Патриаршество, которое рассматривалось Духовным регламентом как помеха соборному управлению церкви, отнюдь не нарушало принципа соборности – патриарх являлся далеко не единоличным управителем церкви, а только председателем существовавшего около него постоянного собора; он был немислим без собора; это обычный канонический порядок, редкие отклонения от которого всегда сопровождались упадком церковной жизни.

Неканонический характер церковной реформы Петра Великого

Учрежденный Преобразователем России Синод носит только внешние, отнюдь неканонические черты соборности. В нем соборное начало подменено коллегиальностью. Сущность соборного начала не в том, что во главе правления состоит не одно, а несколько лиц, а в том, что каждое из этих лиц является представителем целой общины. Коллегиальность же есть лишь система внутренней бюрократической организации. В нашем синодальном управлении нет представительства от каждой епархии, нет представительства вообще, так как члены Синода назначаются Правительством; он представляет собою «не правительство церковное, а государственное бюрократическое учреждение». «Постоянный Синод, – говорит профессор Заозерский, – какую бы форму он не имел, есть во всяком случае только исполнительный орган целого поместного собора». Это, конечно, вполне приложимо и к русскому Синоду. Но в России поместный собор не только не собирается ежегодно, но не собирался ни разу уже в течение двухсот лет. А потому вся система нашего церковного управления представляется не имеющею канонического основания. Православные канонисты сознаются, что при учреждении Синода Петр Великий действовал не по образцу обязательных для Православной Церкви канонов, а под сильным влиянием протестантских канонических систем, с которыми он познакомился в Голландии и Швеции (Павлов, Суворов и др.).

В епархиальном управлении в замену древнего собора пресвитеров учреждены так называемые «консистории», представляющие бюрократические коллегии с четырьмя-пятью членами из духовенства, назначаемыми Синодом по выбору епископа и с светским чиновником-руководителем. Таким образом, от представительства отдельных приходских обществ на епископском соборе здесь не осталось и следа. Если бы даже консисторию и можно было назвать собором, то во всяком случае это был бы собор безглавый, ибо он никогда не видит в своем кругу епископа, а сносится с последним путем канцелярской переписки или через светское лицо – секретаря консистории.

Влияние на церковную жизнь реформы Петра Великого

Изгнание из церковной жизни принципа соборности управления повело за собою изменение и самого духа церковной жизни. Деятельность Синода уже в первые годы приняла внешний, бюрократически-полицейский характер разыскивать разные злоупотребления, искоренять суеверие и свободомыслеие в разных формах. Предписания Синода епископам состояли по преимуществу из таких же наставлений о средствах розыска и искоренения, причем рекомендовалось иногда даже тайное выслеживание и выспрашивание. Все духовные обязанности членов Православной Церкви были строго регламентированы и расписаны по статьям и параграфам, соответствующим нынешнему «уставу о предупреждении и пресечении преступлений». Здесь было предусмотрено и уловлено всякое малейшее религиозное проявление духа и подробно предписано, как держать себя пред иконами, проводить праздники, ходить на исповедь и следить за твердостью в вере православных. Эти попытки полицейской регламентации не поддающихся ей предметов и явлений духовной жизни несомненно вносили в церковную среду мертвящее веяние сухого бюрократизма.

Главною целью реформы Петра I было низвести церковь на степень простого государственного учреждения, преследующего исключительно государственные цели. И действительно, церковное управление скоро сделалось только одним из многочисленных колес сложной государственной машины. Впоследствии «ведомство православного исповедания» правильно организовалось по образцу остальных министерств с обер-прокурором во главе, который стал представителем церкви пред Государем и в высших Государственных учреждениях (Государственный Совет, Комитет Министров).

В настоящее время наше церковное управление носит замкнутый канцелярский характер; иерархия сносится с народом чрез посредство бумаг, редко входя с ним в непосредственное живое общение. Причем постоянною преградой между Церковью и народом, Церковью и Государем стоит светский бюрократический элемент. Говорить о церковной самодеятельности, самопочине, или даже о взаимном живом общении между собою, иерархии не приходится. Живую общественную жизнь и здесь заменила бумага. Единственным путем к пробуждению замерзшей

жизни может быть только возврат к прежним каноническим формам церковного управления.

Древне-русский приход

Неблагоприятный поворот, совершившийся в жизни Русской Церкви в XVIII веке, едва ли не ярче всего сказался в упадке прихода – этой основной ячейки церковной жизни. Поворот этот тем более заметен, что церковно-общественная жизнь древнерусского прихода отличалась большим оживлением. Русский приход представлял прежде живую и самостоятельную единицу. Община сама строила себе храм, избирала священника и остальной церковный причт. Церковная казна имела куда более широкое назначение; ею поддерживались и содержались не только храм и дома для причта, но и школа с учителем и целый ряд благотворительных учреждений, иногда она играла роль крестьянского банка и раздавалась нищим. Приходская община сама судила своих сочленов и имела право самого широкого вмешательства даже в их внутреннюю жизнь, следя за нравственными поступками каждого сочлена. От этой живой и деятельной общины в настоящее время осталось только одно имя.

Причины упадка прихода

а) Усиление крепостного права и развитие государственной централизации

Падение жизнедеятельности прихода было вызвано сложными причинами, из которых многие продолжают оказывать свое гнетущее влияние и до сих пор; главными из них нужно признать развитие крепостного права, подорвавшего самостоятельность общинной жизни, и быстрое поступательное движение государственной централизации, все более и более устранявшей от участия в управлении местные элементы. Было время, когда не в меру усердные становые пристава преследовали все, что носило на себе какую-нибудь тень общины. «Братский» суд тогда считался самоуправством, «братские» сходки – опасными собраниями. К этим причинам общего характера присоединились весьма своеобразные требования, которые стали применяться правительством к приходскому духовенству.

б) Возложение на духовенство полицейско-сыскных обязанностей и последовавший вследствие этого разрыв его с паствой

Смотря на церковь только как на составную часть государственного механизма, преобразователь России решил привлечь ее служителей к исполнению чисто государственных обязанностей и, к великому несчастью для духовенства, возложил на него совершенно несвойственное духовному сану полицейско-сыскное дело, – священник должен был следить за правильным показанием числа податных душ и кроме того неукоснительно доносить обо всех открытых ему на исповеди поступках, клонившихся ко вреду государства. Превратившись из духовного руководителя в агента полицейского надзора, пастырь потерял всякое доверие своих пасомых и нравственную связь с ними. Этому способствовали и другие обстоятельства.

в) Кастовая отчужденность духовенства

С падением самостоятельности приходской общины сильно ухудшилось материальное положение духовенства; прежде община сама подбирала известную, заранее определенную, сумму на содержание причта; с падением общинного приходского хозяйства духовенство оказалось вполне предоставленным себе и должно было питаться обработкой наравне с крестьянами тех небольших клочков земли, которые были даны помещиками церквам, и копеечными сборами с прихожан за

требы; осиротевшая же семья священника оставалась совсем без куска хлеба и могла жить только подаванием милостыни со стороны прихожан. Такое материальное положение приходского духовенства вызвало много темных явлений в церковной жизни. Тяжелое положение сирот побудило духовное начальство допустить на практике весьма своеобразный способ благотворения – наследственную передачу священнических мест сыну или мужу дочери умершего члена причта. Поддерживаемый долгое время этот порядок замещения священнических мест, мешая приливу в духовное сословие новых сил со стороны, положил начало его кастовой замкнутости, производящей теперь такое неблагоприятное впечатление на общество. Кастовый замкнутый характер духовенства – явление небывалое в древней церковной жизни, где члены клира избирались из состава общины без всякого различия их звания и состояния.

d) Поборы духовенства при требоисполнении, вызывающие рознь и недоверие со стороны прихода

Во второй половине минувшего века, особенно в последнее его десятилетие, благодаря заботам правительства, материальное положение духовенства стало улучшаться. Но всё же 15–20 руб. месячного жалованья и незначительные доходы с церковной земли не обеспечивают священнику даже насущного хлеба и принуждают его облагать приход рядом обязательных сборов при совершении таинств и требоисправления. Эта необходимость печально отражается на взаимных отношениях пастыря и паствы. В душе священника денежные счета в самый неподходящий для этого момент поселяют чувства пастырского бессилия; эта вынужденная торговля святыней отнимает у него всякую опору для деятельности; прихожанам, далеко не всегда способным понять степень материальной нужды своего пастыря, такие поборы дают повод относить священника к числу кулаков и мироедов. При таких условиях обеспечения духовенству трудно подняться выше простого требоисправления как ремесла и стать действительным пастырем народа, а церковной общине – сплотиться около него как центра; между той и другой сторонами будет вечно стоять какая-то стена.

Средства усиления приходской жизнедеятельности

Первым условием для поднятия пастырской деятельности должно быть изыскание таких путей обеспечения духовенства, чтобы священник был избавлен от необходимости торговаться с прихожанами перед совершением таинства. В данном случае нужно иметь в виду не одно увеличение средств на содержание духовенства из казны, быстрого роста которых не может допустить состояние государственного казначейства, а такую организацию земского обложения в пользу духовенства, путем которой оно получило бы с прихода те же средства, что и теперь, без необходимости лично вымогать их у каждого прихожанина в частности. Это удобнее всего выполнить при восстановлении свободы самоуправления церковной общины. Для оживления приходской жизни церковной общине необходимо вернуть отнятое у ней право на участие в церковном хозяйстве и право выбора или по крайней мере участия в выборе членов причта.

В первые века христианства не только пресвитеры, но даже и епископы избирались местной общиной. Это право избрания имело большое моральное значение – епископ и пресвитер вступал в свою общину желанным и законным руководителем, а не неведомым пришельцем, которого ведет сюда далеко не всегда даже собственная воля, а только милость или гнев высшего начальства. В настоящее время вопрос о замещении епископских кафедр представляется настолько твердо установившимся, что от права общины на избрание себе архипастыря уже не осталось и помина; но вопрос о выборном начале белого духовенства поднимался неоднократно. При современном составе сельской приходской общины, в которой преобладают элементы малоосведомленного в религиозном отношении крестьянства, может быть несвоевременно говорить о выборе священника приходом; но группа приходских представителей во главе с пресвитерами явилась бы вполне компетентным для этого органом. Следы выборного начала до сих пор остаются в виде мертвых археологических остатков в нашем богослужении, – каково, например, пение «аксиос» при посвящении во священника или диакона. И, казалось бы, весьма своевременно воскресить это древнее начало, так сильно поддерживавшее внутреннюю жизнь церковной общины. Но для осуществления его мало реорганизации только общины. «Возрождение прихода вообще не достигнет благотворного значения для целой

поместной церкви, если дело ограничится только восстановлением автономного существования мелких церковных единиц. Эти единицы должны быть связаны между собою духовным общением, должны слиться в обширнейшее общество епархиальное, с центральным пунктом – епархиальным архиереем. Параллельно с приходским собранием должно периодически составляться «епархиальное собрание», имея образцом своего устройства «поместный собор» (проф. Заозерский). Таким образом, эта частичная реформа не достигнет цели без общей – реформы высшего церковного управления.

О необходимости восстановления внутреннего единения церковной общины

Необходимым условием нормального хода внутренней жизни церкви является полное единение между собою верующих. У верующих первой христианской общины были, по выражению апостола, «одно сердце и одни уста». Тесно сплоченными союзами любви и братства являлись и позднейшие христианские общины. Такого единения в настоящий момент лишена наша Православная Церковь, почему так обильно и разрастаются на ее почве разные секты и плодятся религиозный индифферентизм. Помимо общей разъединенности духовенства с приходом, причины которой отмечены выше, весьма серьезные опасения вызывает недружелюбное отношение к Церкви значительной части нашей интеллигенции и общая духовная рознь между последнею и народом. Сгладить этот пагубный духовный раскол в нашей внутренней жизни может только Церковь.

Но для этого духовенству необходимо прежде всего восстановить свое влияние на образованные слои общества. Как показали последние годы, когда обнаружился значительный интерес образованного общества к религиозным вопросам, причину отчуждения его от Церкви нельзя видеть в одном религиозном индифферентизме и языческом характере нашей светской культуры. Причины коренятся, по-видимому, глубже – в самом складе церковной жизни, замерзшей, оторванной от волнующих общество интересов. Но во всяком случае пред нами тот печальный факт, что духовенство оказалось бессильным примирить с Церковью и подчинить ее влиянию значительную часть образованного общества, что оно недостаточно подготовлено к борьбе с неблагоприятными Церкви умственными и нравственными течениями современной культуры.

Недочеты духовной школы

Значительная доля вины за это падает, по сознанию вполне компетентных органов духовной печати, на нашу духовную школу. Духовная школа совсем мало занимается современными течениями общественной мысли. Из ученических библиотек тщательно исключается всё, что знакомит с современными отрицательными культурными течениями. Но прятать от будущего священника литературу, отрицательно относящуюся к религии и государству, не значит ли просто обезоруживать его? В роли священника – официального защитника религиозного идеала – ему неминуемо придется столкнуться с представителями самых позднейших отрицательных течений, и удивительно ли, что батюшка на соблазн всем окружающим окажется бессильным сказать резкое слово против них. При настоящих запросах общественной жизни священнику необходимо подробное критическое ознакомление со всеми современными течениями культурной мысли, необходимо, в частности, обстоятельное знакомство с условиями социальной жизни и с науками общественными, которого совсем не дает духовная школа. В превосходство нашего государственного строя над формами западно-европейской социальной жизни наше духовенство верит, но только детскою верою, и потому, когда обстоятельства вызывают его высказаться по тому или иному общественному вопросу, встать на защиту тех или иных государственных задач, – последняя оказывается настолько неумелой и порою даже наивной, что вместо желательного результата производит только отрицательное действие, клонящее ко вреду государства; ибо неумелая защита принципа – лучшее средство уронить его в глазах общества. Государству нужна от духовенства сознательная, глубоко продуманная защита его интересов, а не наивная вера в современное положение. «Наша духовная школа вся сосредоточилась на истории, на прошлом, она слишком теоретична, оторвана от жизни и пока останется такою, все проекты возрождения приходской жизни будут иметь мало успеха», так как центральным лицом в приходе, его вдохновителем и руководителем в конце концов всегда будет священник, которого готовит к общественной деятельности церковная школа. Вопрос о духовной школе не есть вопрос отдельного ведомства, – это дело, близко касающееся всего государства, ибо всецело от ее постановки зависит степень религиозного воздействия на народ. И если теперь духовная школа представляется узко сословною,

почти недоступною для посторонних светских элементов, то такой порядок вещей приносит существенный государственный вред. Если какое иное, то именно религиозное образование должно быть доступно всем, не взирая на различие сословия и возраста.

Общие выводы и проекты церковного управления

С грустью останавливаясь на современном упадке внутренней религиозной жизни, духовная литература не раз отмечала нежелательные насильственные изменения, введившиеся в церковную жизнь без всяких справок об отношении к ним церковного сознания. Весь XVIII век и начало XIX были по преимуществу временем таких стеснений; далее уже сама церковная жизнь стала укладываться по указанному шаблону; так, на почве обезличенного бюрократизмом церковного управления уже сама собою создалась сухая, схоластическая, оторванная от жизни школа. Политика насилия над церковным сознанием, принеся может быть некоторую государственную пользу в ближайшее время, в дальнейшем отразилась страшным вредом – тем упадком церковной жизни, с которым приходится считаться теперь. В этом отношении она весьма напоминает старинное хозяйство наших землевладельцев, старавшихся извлечь из земли всё, что можно взять с нее в данный момент, и этим обрекавших на голод и нужду своих сыновей. Ибо нет такой тучной земли, которую бы не истощила непрерывная немилосердная разработка. Кажется, за два века слишком уж интенсивного хозяйства государства на церковной почве последняя окончательно истощилась. Церкви необходим союз с государством; необходима и государству поддержка церкви, но условия союза между тою и другою стороною должны быть составлены так, чтобы не ослаблять самостоятельности ни церковного, ни государственного организма. Реформа Петра Великого коренным образом нарушила это равновесие.

Представители русской иерархии не раз пытались протестовать против нового порядка вещей в виде, напр., просьбы Императрице Елизавете об упразднении светских чиновников в Синоде, или записок (митрополита Филарета) о необходимости созыва Поместного Собора, но светская власть ведомства православного исповедания прилагала все усилия к сохранению установленного порядка вещей. В настоящее время народного неурейства, когда особенно дорого живое, деятельное воздействие церковных сил на народ, вопрос о необходимости церковной реформы обсуждается в духовной печати с особенным оживлением. «Теперь, говорят, настало время подробнейшего рассмотрения всех дефектов нашей церковной жизни и заправляющих ею установлений. Чем шире будет поставлено дело пересмотра, чем скорее введены улучшения и

перемены, тем более будет уверенности в том, что Церковь вынесет настоящее испытание и выйдет из него полною свежих сил для продолжения своего святого дела». «Но реформа, – замечает духовная печать, – должна быть не делом чиновников и не делом заседающих в Синоде или даже несколько большего числа архиереев, а свободным делом всей Русской Церкви».

Необходимость созыва Поместного Собора и его состав

При этом все высказывающиеся по этому вопросу духовные органы указывают на необходимость созыва Поместного Собора. Но для того, чтобы этот Собор представил собою действительно голос всей Русской Церкви, он не может быть замкнутой архиерейской коллегией, которая есть явление неканоническое. Как вселенские, так и поместные соборы были не коллегиями иерархов-епископов, но собранием всех лучших сил Церкви – как клира, так и мирян (Заозерский); на них присутствовали и принимали деятельное участие и пресвитеры, и диаконы, и простые миряне. На Соборе должен быть выслушан каждый голос; только при таких условиях достижима одна из главных целей Собора – достаточная осведомленность о запросах современной духовной жизни. В составе постоянного Собора, существующего в настоящее время при константинопольском патриархе, кроме духовных лиц находятся представители греческого народа, избираемые народным собранием. И в состав русского Синода первоначально входили, кроме епископов, представители белого духовенства, и только с течением времени он обратился в замкнутую архиерейскую коллегию, что явилось дальнейшим отклонением от канонической почвы.

Двести лет мы не слышали голоса Русской Церкви, не пора ли, наконец, прислушаться к нему, не пора ли узнать, что скажет она о современном укладе церковной жизни, получившем место помимо ее воли и вопреки завещанным ей традициям священной старины. На Поместном Соборе, где нужно будет организовать представительство как от белого духовенства, так и от мирян, и должен быть рассмотрен вопрос о тех необходимых измерениях в строе церковной жизни, которые бы дали возможность Церкви стать на надлежащую высоту и получить необходимую свободу действия. При настоящих неоспоримых признаках некоторого внутреннего шатания как общества, так и народных масс, ждать больше опасно. Религия составляет главную основу народного духа, ею до сих пор стояла и была крепка русская земля, только при помощи этой силы может выйти русский народ и из настоящей тяжелой години испытаний. И не может быть большего государственного вреда, как стеснять развитие и свободное проявление этой народной силы, пытаясь вложить ее в рамки сухих бюрократических начал, как это делается

теперь.

7. Манифест о веротерпимости 17 апреля 1905 г.

[Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. Т. 25, №26125].

В постоянном, по законам предков, общении со Святою Православной Церковью неизменно почерпая для Себя отраду и обновление сил душевных, Мы всегда имели сердечное стремление обеспечить каждому из Наших подданных свободу верования и молитв по велениям его совести. Озабочиваясь выполнением таковых намерений, Мы в число намеченных в указе 12 минувшего декабря ***** преобразований включили принятие действительных мер к устранению стеснений в области религии.

Ныне, рассмотрев составленные, во исполнение сего, в Комитете Министров положения и находя их отвечающими Нашему желанию укрепить начертанные в основных законах империи Российской начала веротерпимости, Мы признали за благо таковой подтвердить.

Призывая благословение Всевышнего на это дело мира и любви и уповая, что оно послужит к вящему возвеличению Православной веры, порожденной благодатию Господней, поучением, кротостию и добрыми примерами Мы, в соответствии с этим решением Нашим, повелеваем:

1) Признать, что отпадение от Православной веры в другое христианское исповедание или вероучение не подлежит преследованию и не должно влечь за собою каких-либо невыгодных в отношении личных или гражданских прав последствий, причем отпавшее по достижении совершеннолетия лицо признается принадлежащим к тому вероисповеданию или вероучению, которое оно для себя избрало.

2) Признать, что при переходе из одного из исповедующих ту же самую Христианскую веру супругов в другое исповедание, все не достигшие совершеннолетия дети остаются в прежней вере, исповедуемой другим супругом, а при таковом же переходе обоих супругов дети их до 14 лет следуют вере родителей, достигшие же сего возраста остаются в прежней своей религии.

3) Установить, в дополнение к сим правилам (пп. 1 и 2), что лица, числящиеся православными, но в действительности исповедующие ту нехристианскую веру, в которой до присоединения к православию принадлежали сами они или их предки, надлежат по желанию их исключению из числа православных.

4) Разрешить христианам всех исповеданий принимаемых ими на

воспитание некрещенных подкидышей и детей неизвестных родителей крестить по обрядам своей веры.

5) Установить в законе различие между вероучениями, объемлемыми ныне наименованием «раскола», разделив их на три группы: а) старообрядческое согласие, б) сектантство и в) последователи изуверских учений, самая принадлежность к коим наказуема в уголовном порядке.

6) Признать, что постановление закона, дарующее право совершения общественных богомолений и определяющие положение раскола в гражданском отношении, объемлют последователей как старообрядческих согласий, так и сектантских толков, учи пение же из религиозных побуждений нарушение законов подвергает виновных в том установленной законом ответственности.

7) Присвоить наименование старообрядцев, взамен ныне употребляемого названия раскольников, всем последователям толков и согласий, которые объемлют основные догматы Церкви Православной, но не признают некоторых принятых обрядов и отправляют свое богослужение по старопечатным книгам.

8) Признать, что сооружение молитвенных старообрядческих и сектантских домов, точно также, как и разрешение ремонта их и закрытия должны происходить применительно к основаниям, которые существуют или будут постановлены для храмов инославных исповеданий.

9) Присвоить духовным лицам, избираемым общинами старообрядцев и сектантов для отправления духовных треб, наименования «настоятелей и наставников», причем лица эти, по утверждению их в должностях надлежащею правительственною властью, подлежат исключению из мещан или сельских обывателей, если они к этим состояниям принадлежали, и освобождению от призыва на действительную военную службу, и именованию, с разрешения той же гражданской власти, прежним при постриге именем, а равно допустить обозначение в выдаваемых им паспортах, в графе, указывающей род занятий, принадлежащего им среди духовенства положения, без употребления однако православных иерархических наименований.

10) Разрешить тем же духовным лицам свободное отправление духовных треб как в частных молитвенных домах, так и в иных потребных случаях, с воспрещением лишь надевать священнослужительское облачение, когда сие будет возбранено законом Настоятелям и наставникам (п. 9), при свидетельстве духовных завещаний присвоить те же права, какими в сем случае пользуются все вообще духовные лица

11) Уравнять в правах старообрядцев и сектантов в отношении

заклучения ими с православными смешанных браков.

12) Распечатать все молитвенные дома, закрытые как в административном порядке, не исключая случаев, восходивших чрез Комитет министров до высочайшего усмотрения, так и по определениям судебных мест, кроме тех молелен, закрытие которых вызвано собственно неисполнением Устава строительного.

13) Установить в виде общего правила, что для разрешения постройки, возобновления и ремонта церквей и молитвенных домов всех христианских исповеданий необходимо: а) согласие духовного начальства надлежащего инославного исповедания, б) наличность необходимых денежных средств и в) соблюдение технических требований Устава строительного. Изъятие из сего общего правила, если таковые будут признаны для отдельных местностей необходимыми, могут быть установлены только в законодательном порядке.

14) Признать, что во всякого рода учебных заведениях в случае преподавания в них Закона Божия инославных христианских исповеданий таковое ведется на природном языке учащихся, причем преподавание это должно быть поручаемо духовным лицам надлежащего исповедания и, только при отсутствии их, светским учителям того же исповедания.

15) Признать подлежащими пересмотру законоположения, касающиеся важнейших сторон религиозного быта лиц магометанского исповедания.

16) Подвергнуть обсуждению действующие узаконения о ламаитах *****, возбравив впредь именование их в официальных актах идолопоклонниками и язычниками, – и

17) Независимо от этого привести в действие и остальные, утвержденные Нами сего числа положения Комитета министров о порядке выполнения пункта шестого указа от 12 декабря минувшего года.

8. Из воспоминаний митрополита Евлогия (Георгиевского) ***** о своей учебе в духовной семинарии (1882–1888 гг.)

[*Митрополит Евлогий (Георгиевский)*. Путь моей жизни. – М., 1994. С. 26–32]

По окончании Белёвского духовного училища я поступил в Тульскую семинарию. В ней я пробыл с 14 до 20 лет. Эти годы имели важное значение для моего духовного развития. Насколько условия семинарской жизни мне помогали или мешали, будет видно из последующего моего рассказа.

Жили семинаристы по квартирам на окраинах города, темных улочках, где грязи по колено (лишь стипендиаты, а поначалу и я к ним принадлежал, жили в интернате). Свободой они пользовались полной, но зачастую пользовались дурно: нередко обманывали начальство, прибегая ко всяким уловкам, чтобы не приходиться на уроки, устраивали попойки, шумели, распевая песни...

[...] Попойки, к сожалению, были явлением довольно распространенным, не только на вольных квартирах, но и в интернате. Пили по разному поводу: празднование именин, счастливые события, добрые вести, просто какая-нибудь удача... были достаточным основанием, чтобы выпить... Вино губило многих. Сколько опустилось, спилось, потеряв из-за этой пагубной страсти охоту и способность учиться!

Распущенность проявлялась не только в пьянстве, но и в неуважительном отношении к учительскому персоналу. Заглазно учителей именовали: «Филька», «Ванька», «Николка»... искали случая над ними безнаказанно поиздеваться. Например, ученики 4-го класса поставили учителю на край кафедры стул с тем расчетом, чтобы он, сев, полетел на пол. Так и случилось. Класс разразился хохотом. «Учитель упал, а вы смеетесь? Какое хамство!» Ученики смутились. [...]

К вере и церкви семинаристы (за некоторыми исключениями) относились, в общем, довольно равнодушно, а иногда и вызывающе небрежно. К обедне, ко всенощной ходили, но в задних рядах, в углу, иногда читали романы; нередко своим юным атеизмом бравировали. Не пойти на исповедь или к причастию, обманно получить записку, что говел, – такие случаи бывали. Один семинарист предпочел пролежать в пыли и

грязи под партой всю обедню, лишь бы не пойти в церковь. К церковным книгам относились без малейшей бережливости: ими швырялись, на них спали. [...]

Таковы были нравы семинаристов. Они объяснялись беспризорностью, в которой молодежь пребывала, той полной свободой, которой она злоупотребляла, и, конечно, отсутствием благотворного воспитательного влияния учителей и начальствующих лиц.

Начальство было не хорошее и не плохое, просто оно было далеко от нас. Мы сами по себе, оно тоже само по себе. Судить никого не хочу. Среди наших руководителей люди были и добрые, но вся их забота была лишь в том, чтобы в семинарии не происходило скандалов. Провинившегося в буйном пьянстве сажали в карцер и выгоняли из семинарии. Реакция на зло была только внешняя. [...]

Начальство преследовало семинаристов за усы (разрешалось одно из двух: либо быть бритым, либо небритым, а усы без бороды не допускались), но каковы были наши умственные и душевные запросы и как складывалась судьба каждого из нас, этим никто не интересовался.

Кормили нас хорошо, но не всегда досыта. Нашей мечтой был обычно кусок мяса, так малы были его порции, так жадно мы делили кусочки отсутствующего ученика. Белый (пшеничный) хлеб был лакомством.

Сочетание всех этих условий семинарской жизни обрекало молодежь на тяжкое испытание: мы обладали свободой при полном неумении ею пользоваться. Многие, особенно в начале семинарского курса, в возрасте 14–17 лет, вынести этого не могли и погибали. Из 15 человек, окончивших курс Белёвского училища, до 6-го (выпускного. – В.Ф.) класса семинарии дошли только 3 ученика. Кто отстал, кто выскочил из семинарии, кто опустил, забросил учение и уже не мог выкарабкаться из трясины «двоек». Жизнь была серенькая. Из казенной учебы ничего возвышающего душу семинаристы не выносили. От учителей дружеской помощи ожидать было нечего. Юноши нравственно покрепче, поустойчивей, шли ощупью, цепляясь за что попало, и, как умели, удовлетворяли свои идеалистические запросы. Отсутствие стеснений при благоприятных душевных данных развивало инициативу, закаляло, вырабатывало ту внутреннюю стойкость, которую не достичь ни муштрой, ни дисциплиной, но для многих свобода оборачивалась пагубой. При таких условиях ни для кого семинария «alma mater» быть не могла. Кто кончал, – отрясал ее прах. Грустно вспомнить, что один мой товарищ студент-медик Томского университета, через год по окончании семинарии приехал в Тулу и, встретившись со своими товарищами, сказал: «Пойдем в семинарию поплевать на все ее четыре

угла!».

Такова была семинария, в которую я попал.

Первые годы были для меня какие-то пустые. Жил я жизнью глупой, пошлой, рассеянной в соответствии с бытом и нравами, которые царили вокруг меня. Я рвался на полный простор и поначалу, как и многие мои товарищи, плохо использовал свою свободу.

Прежде всего стал учиться курить, но втянуться в курение не мог: оно мне было противно. Из удали раза два-три напился, чтобы доказать, что не хуже других могу осушить чайный стакан водки, играл иногда в карты, ученье забросил, распустился. [...] При переходе во 2-й класс едва не провалился на экзамене по истории.

Во 2 м классе казенной наукой я по-прежнему мало занимался, зато страстно полюбил читать книжки. Записался в городскую библиотеку и читал всё без разбора: Шпильгагена, Вальтер Скотта, Шекспира, Диккенса, Золя, русских классиков. [...] Несмотря на это хаотическое чтение, у меня образовался инстинкт к хорошей книге – литературный вкус. Иностранную литературу я воспринимал плохо, а русскую литературу горячо полюбил. Помню, «Обрыв» Гончарова, «Дворянское гнездо» Тургенева, «Рыбаки» Григоровича произвели на меня прекрасное, сильное впечатление. Я стал усердно относиться к урокам русской литературы, и, если остальные предметы казались мне по-прежнему скучными, русской словесностью я стал заниматься с увлечением. [...] Чтение стало моей страстью. Воспитательное значение литературы для молодежи огромно. Трудно даже учесть меру ее благотворного влияния. Она повышала самосознание, спасала от грубости, распущенности, безобразия поступков, питала склонность юношеской души к идеализму. Я стал выправляться, хорошо учиться. У меня появились умственные запросы, более серьезные интересы. В этом состоянии душевного просветления я перешел в 3-й класс

Мое увлечение литературой во 2-м классе подготовило почву для дальнейшего душевного развития; в 3-м классе на нее пали семена тех политических учений, которые стали проникать в нашу среду. Это была пора царствования Александра III после убийства Александра II. В подполье развивался политический протест, возникали нелегальные организации. Местные тульские революционеры завербовывали юнитов из учащейся молодежи и охотились на семинаристов. Вождем этого социалистического движения был секретарь консистории В. Поначалу молодежь собиралась на невинные литературные вечера по субботам, перед всеношной. Читали доклады о Достоевском, о Пушкине [...],

издавали журнальчик, мальчишки писали стихи. Никому в голову не могло прийти, что во главе кружка социал-революционная организация. Власти ее накрыли. В и многих членов кружка арестовали (среди них были и гимназисты). Некоторые из семинаристов оказались под подозрением. В семинарию нагрянули с обыском, кое-кого перехватили, кое-кого повыгнали или лишили казенного содержания. Мой товарищ Пятницкий, сын бедного диакона, поклонник Шекспира, – застрелился. [...]

Литературные собрания я посещал, был лишь наблюдателем, нагрянувшая гроза меня не коснулась. След же на многих из нас она оставила. Мы сделали сознательней, невольно стали сопоставлять революционные политические чаяния с опытом социальной неправды, которую сами наблюдали, – и в нас возникал бесформенный протест, образовывалась накипь. [...]

В первых двух классах семинарии преподавали множество предметов, которые определялись одним наименованием: «словесность»; в 3-м и 4-м – «философию», обнимавшую логику, психологию и обзор философских учений; в 5-м и в 6-м – богословие.

В 4-м классе я серьезно увлекся философией, но и литературы не оставлял, – по собственной инициативе принялся за Белинского. [...] Я научился рассуждать. Сухую логическую схему мысли я не любил, но рассуждения на свободные литературные темы мне очень нравились

В 4-м классе мы стали увлекаться театром и бегали тайком в Кремлевский сад на спектакли (посещать театр нам было запрещено). [...]

Общеобразовательный отдел предметов заканчивался в 4-м классе, и некоторые ученики семинарию покидали. Одни, поспособнее, держали экзамен на «аттестат зрелости» и поступали в университет; другие, к науке не склонные и мечтавшие о мундирах и шашках, шли в военные училища. В семинарии оставались лишь ученики, приутопившие себя к религиозно-церковному пути.

В 5-м и в 6-м классах нам читали теоретические богословские предметы: догматическое богословие, нравственное богословие, истолкование Священного Писания Нового Завета, церковную историю; и практические: гомилетику, литургику, практическое руководство для пастырей.

Хотя никто над нами не работал и нас не развивал, само собой в эти годы начинали к нам прививаться пастырские интересы, которые иногда переплетались с юношескими народническими мечтами о служении меньшему брату. Многие из нас вынесли из своих семей, из сел и деревень, где протекало детство в непосредственном общении с народом, смутные

чаяния, мечтанья, а также запас воспоминаний о горьких обидах и унижениях. Сочетание богословских занятий, приуготовлявших нас к пастырству, и социальных идей породило то своеобразное «народничество», к которому я и тяготел тогда всей душой. Народ вызывал во мне глубокую жалость. Меня тревожило, что он пропадает в грязи, темноте и бедности. Это настроение разделяли и другие семинаристы. В нашей семинарии учились Глеб и [Николай Успенские](#). «Народничество» в произведениях Глеба Успенского, вероятно, связано с теми настроениями, которые он воспринял в семинарской среде. С Николаем мы были даже знакомы – он встречался с семинаристами, был женат на дочери нашего сельского священника. [...]

Своеобразная идеология «народничества» внушала горячее желание послужить народу, помочь его культурному и хозяйственному развитию, хотелось поскорей стать сельским священником и приняться за духовно-просветительскую работу. К сожалению, в этих наших вопросах мы были предоставлены самим себе, наши воспитатели и преподаватели мало нам помогали, чтобы не считать больше. [...]

При таких условиях, естественно, в наших планах о будущем был значительный разброд. Одни думали о Духовной Академии, другие – об университете, третьи – о священстве и, наконец, четвертые не задавались идеальными стремлениями, а мечтали о личном благополучии.

9. Из воспоминаний последнего протопресвитера русской армии и флота протоиерея Георгия Шавельского *** о Св. Синоде и о положении Русской Православной Церкви перед революцией 1917 г.**

[Протопресвитер Георгий Шавельский. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. – М., 1996. Т. 2. С. 135–172]

[...] В октябре 1915 года мне было высочайшее повелено присутствовать в Св. Синоде. С этого времени до половины апреля 1917 г я ежемесячно выезжал из Ставки в Петроград на заседания Св. Синода и таким образом имел возможность наблюдать и характер и направление синодальной работы того времени. Мои воспоминания о Св. Синоде скорее огорчают, чем поражают того, кто на бывший высший орган управления Русскою Православной Церковью, Св. Синод, смотрел, как на своего рода святилище. Я сам с детства воспитан в глубоком уважении к святительскому сану вообще и к Св. Синоду, как сонму святителей, в особенности. Свое назначение присутствовать в Синоде я принял с трепетом и в залу синодальных заседаний вошел с благоговением. Но в своих воспоминаниях я должен писать то, что было, а не то, чего не было, и руководствоваться древним изречением: «amicus Plato, sed magis arnica veritatis». (Платон – друг мне, но еще больше дорога мне истина). В утешение же тех, кто может огорчиться, я скажу, что, во-первых, сила Божия никогда не умаляется от немощи человеческой, а, во-вторых, – мои воспоминания относятся к наиболее печальному периоду истории Синода, когда конъюнктура складывавшихся в государстве событий требовала от Синода особой мощи и силы, а Св. Синод в своем составе, особенно в лице своих старших членов – митрополитов, голос которых имел наибольшее значение, как и в лице обер-прокурора, отличался беспримерною бесцветностью и слабостью.

Нельзя, впрочем, не признать, что в самой структуре Св. Синода было нечто, обрекавшее его на слабость и, в известном отношении бездеятельность. В Синоде не было хозяина, не было ответственного лица, которое бы чувствовало, что оно именно должно вести церковный корабль, и что на него прежде всего ляжет ответственность, если корабль пойдет по

неверному пути. Во главе Св. Синода номинально стоял Первоприсутствовавший, почти всегда Петербургский митрополит. В Петербургские митрополиты – их назначал Государь по докладу обер-прокурора, – всегда назначались люди покладистые, спокойные, часто безынициативные, иногда беспринципные.

[...] Такая система выбора и назначения Петербургских митрополитов не была случайной: она вызывалась существом синодального строя. Вообще роль Синода в делах церковного управления была какой-то урезанной, половинчатой. Св. Синод рассматривал дела, предлагавшиеся ему обер-прокурором. Это, конечно, не исключало инициативы синодальных членов в возбуждении новых вопросов, но решения Синода получали силу лишь после высочайшего утверждения. Докладчиком же у царя по этим вопросам всегда бывал обер-прокурор, от которого зависело то или иное освещение их. Таким образом, Св. Синоду принадлежало право суждения: обер-прокурору же принадлежали инициатива и завершение дела. Обер-прокурор мог задержать любое, поступившее в Синод дело, как всегда мог повлиять на Государя, чтобы любое постановление Синода не было утверждено. Св. Синод и обер-прокурор стояли друг перед другом как две силы, отношения между которыми были в высшей степени странными. Обер-прокурор с радостью отказался бы от Синода и без него повел бы все церковные дела, но он должен был пользоваться Синодом как традиционной машиной, как учреждением, которому, по церковному сознанию и государственным законам, принадлежало право вершения церковных дел. Св. Синод с радостью отказался бы от обер-прокурора, если бы это было в его власти. История связала воедино Синод и обер-прокурора – две силы, отталкивающиеся друг от друга и фактически мешавшие друг другу, и поддерживала этот противоестественный союз на протяжении двухсот лет. При таком положении дела спокойный, покладистый, безынициативный первенствующий был необходим для избежания всяких шероховатостей и трений, какие могли возникнуть на почве всевластия обер-прокурора, с одной стороны, и канонических прав Св. Синода, с другой.

Первенствующий член Св. Синода председательствовал на заседаниях, руководил прениями, мог влиять на исход их, мог возбуждать новые вопросы, – последнего права не были лишены и все прочие члены Св. Синода. Этим дело и ограничивалось. Всё прочее зависело частью от его авторитета и героизма, а главным образом от отношений к нему обер-прокурора и царя. До царя, впрочем, всем первенствующим было далеко. [...]

Первенствующий, таким образом, не был хозяином в Церкви. Фактически во всё вмешивавшийся и всем распоряжавшийся в Церкви обер-прокурор также не мог считаться хозяином. На хозяйничанье его никто не уполномочивал и хозяином его никто не мог признать. Он мог всё разрушить, что бы ни создавал Синод, но не мог ничего создать без Синода или не прикрываясь авторитетом Синода. Так и жила Церковь, без ответственного хозяина, без единой направляющей воли. [...]

В отношении чинопочитания даже военная среда не могла конкурировать с архиерейской. Хотя и митрополит и самый последний vikарий в своих благодатных правах совершенно равны, однако даже архиепископы смиренно держали себя перед митрополитами, уступая их голосам решающую роль. Значение митрополитов в Синоде поэтому было огромным. От их голосов прежде всего зависело то или иное направление дела. Их значение еще тем усиливалось, что они каждый год заседали в Синоде, когда прочие члены беспрестанно менялись и вылетали из Синода, не успев осмотреться кругом и привыкнуть к ходу дел. [...] За полтора года моего существования в Синоде, в течение трех сессий в нем перебивало много членов архиепископов и епископов. Среди них были весьма достойные, как твердый, неподкупный, прямой и умный Новгородский епископ Арсений, лучший наш богослов архиепископ Финляндский Сергей, осторожный и чистый архиепископ литовский Тихон, безгранично прямой и открытый епископ Рязанский Димитрий. К ним же я должен отнести и прямого, иногда до резкости, честного придворного протопресвитера] А.А. Дернова. Были сознававшие необходимость реформ и рвавшиеся к ним, как архиепископ Тверской Серафим. Были и недостойные. [...]

При инертности, неподвижности, близорукости и розни старших митрополитов прочие члены были беспомощны, чтобы достичь в синодальной работе чего-либо путного. Кроме того, рознь между митрополитами простерлась и на прочих членов, [...] Члены Синода раскололись на распутинцев, антираспутинцев и нейтральных. Атмосфера недоверия царила в Синоде. Члены Синода подозревали и боялись друг друга. И походил наш Синод на тот воз, который везли лебедь, рак и щука.

Скажу теперь о деловой работе Св. Синода.

Заседания проходили по понедельникам, средам и пятницам от 11 до 1 ч. дня. В экстренных случаях назначались заседания и в другие дни, иногда и в вечерние часы. Домой члены Синода обычно никаких дел с собой не брали и ими дома не занимались. Поступившие в Синод дела предварительно переваривались в синодальной канцелярии и уже в

переваренном виде докладывались секретарями и обер-секретарями этой канцелярии на заседаниях Синоду.

На заседания члены Синода прибывали без лент, но обязательно со звездами на груди и занимали по старшинству места по обеим сторонам длинного стола, стоявшего против портрета государя, перпендикулярно внутренней стене, посреди огромною продолговатого зала. Центральное, высокое с короной кресло под царским портретом я. Как предназначенное для государя, всегда оставалось незанятым. Обер-прокурор со своим товарищами садился за столом, стоявшим около задней стены; управляющий синодальной канцелярией и его помощник – за другим столом, недалеко от входа в зал. Докладчик становился на кафедру у самого синодального стола против портрета Государя. Как обер-прокурор, так и прочие чины, являлись на заседание обязательно в мундирах со старшими орденами и при звездах, у кого они были. Словом, внешняя сторона синодальных заседаний в отношении благолепия и торжественности не оставляла желать ничего лучшего. Дело, вероятно, не пострадало бы, если б этой торжественности было немного и меньше.

Деловая же сторона синодальных заседаний была куда слабее. [...] Слепленные блеском сиявших на груди звезд, убаюканные сытостью и великолепием своих кафедр, усыпленные окружавшею их лестью и низкопоклонством, одни из синодальных членов страшились заглянуть на изнанку жизни с ее плесенью, затхлостью и гнилью, а другие просто ленились пошевелить мозгами. Жизнь кипела и бурлила, события зрели и развивались, церковное дело ждало оживления, с одной стороны, врачевания. С другой синодальная коллегия держала себя как уверенная в бесконечности своего благополучия. Только обеспокоенный этим Тверской архиепископ Серафим от времени до времени напоминал о необходимости скорейшего разрешения шумевшего тогда и в обществе и в Государственной думе приходского вопроса. Ни от кого из других синодальных членов за эти полтора года мне не пришлось услышать ни одно заявления о других назревших серьезных церковных вопросах.

В дореволюционное время существовал, на мой взгляд, странный, ненужный и бесцельный порядок, по которому решительно все консисторские бракоразводные дела поступали на утверждение Св. Синода. В 1916 году на одной из синодальных заседаний я как-то заметил: «Брак совершается одним священником, ужель не могут расторгнуть его архиерей с консисторией? Зачем Синоду заниматься этими грязными делами?». Мне отвечали: «Иначе нельзя». [...]

В некоторых епархиях в то время число бракоразводных дел достигало

до тысячи в год. С каждым годом число их прогрессировало. Можно теперь представить, в какой массе они из шестидесяти семи российских епархий доходили до Св. Синода. Правда, большинство бракоразводных дел решалось канцелярией Синода, что также нельзя было не признать возмутительным и противоестественным. Архиерей с консисторией не могут аннулировать таинства, а синодальные чиновники аннулируют его! Члены Синода лишь утверждали такие решения своими подписями. Но бесконечное множество их приходилось выслушивать и самому Синоду.

Обыкновенно бракоразводным делам посвящалась вторая, иногда большая часть синодального заседания. Вообще все бракоразводные доклады были омерзительны и недостойны священных стен Синода, но они становились сугубо омерзительными, когда в роли докладчика выступал один из младших секретарей канцелярии Св. Синода, смакуя и любуясь, подчеркивая самые пошлые моменты описываемых обстоятельств дела, начинал выкладывать нужные и не нужные подробности. И затем, погружаясь сам и погружая Синод во все мерзостные подробности дела, докладчик окидывал самодовольным взором членов Синода, как бы вопрошая: хорошо, мол, доложил. Одни из членов

Синода сидели, потупив глаза, другие смущенно или лукаво улыбались, иные иногда позволяли себе даже остроты и шутки..

Все знали, что большинство свидетелей подкуплено, что ложью, клятвопреступничеством и обманом окутаны эти дела И всё же Синод тратил на них большую часть своего времени, выслушивал эту грязь, которая должна была бы проходить подальше от его взора и мимо его ушей, судил, рядил и даже иногда думал, что он делает тут настоящее дело. Так и плыл Св. Синод, больше купаясь в бракоразводной грязи, чем устраивая церковное дело.

Думаю, что в прежнее время Св. Синод был значительно иным. Я изобразил его таким, каким он был в последнее, наиболее опасное и ответственное время. Но в общем, в течение последнего полувека, Св. Синод не оправдал своего назначения быть мудрым кормчим русской духовной жизни. Я взял именно этот период потому, что после освобождения крестьян от крепостной зависимости началась новая эра духовной жизни многомиллионного русского народа, а не одной только сотой его части – интеллигенции, потребовавшая мудрой попечительное™, проникновенной прозорливости и просвещенного руководства со стороны «стражей дом Израилева». Рост народного сознания, а одновременно с этим и духовных запросов подымался не по годам, а по дням. Быстро росли промышленность, торговля, росло и

ширилось народное образование, подымалось и материальное благосостояние народа. Одновременно с этим со всех сторон протягивались руки, чтобы захватить проснувшиеся русские умы, неудовлетворенные в своих духовных запросах русские души. Достаточно вспомнить массу развившихся на Руси за это время всевозможных сект, чтобы представить себе, сколько таких чужих рук протягивалось к православной русской душе. Чтобы парализовать такие посягательства, с одной стороны, чтобы ответить на проснувшиеся духовные запросы, с другой, чтобы, словом, не оказаться позади времени и вне действительности. Церковь должна была в эту пору небывалого духовного роста страны мобилизовать все свои силы и использовать все находившиеся в ее распоряжении средства. Направляющий же ее орган, Св. Синод, должен был проявить в это время большое творчество мысли и широту размаха в работе.

И в то же время только незнакомый с русской православной церковной жизнью может думать, что за последние десятилетия она не сделала никакого шагу вперед? Перелом в церковном деле в последнее время произошел, и перелом – очень большой. Я помню еще время, когда во всех почти сельских церквях одиноко гнусавили дьячки, когда хоры в этих церквях бывали редкостью, о которых кричали всюду; когда батюшки в храмах или хронически молчали, или перечитывали в назидание своим пасомым печатные листки; когда всё служение священника ограничивалось совершением богослужений в храме и треб по домам. А в последние перед революцией годы едва ли находились на Руси храмы, где бы не раздавалось хоровое пение; устная проповедь вслед за богослужением стала обычным и даже обязательным явлением. Появились тысячи разных церковных братств и обществ. Явились особые типы пастырей – общественных деятелей в борьбе с пьянством, босячеством, с детской распущенностью и пр., и пр. Но все эти светлые явления церковной жизни своим развитием обязаны были вдохновению, инициативе отдельных выдающихся лиц и преимущественно из среды духовенства. При оценке же деятельности Синода, к прискорбию приходится больше говорить о минусах чем о плюсах его работы.

Надо заметить, что Русская Церковь перед революцией располагала обилием и материальных средств и духовных сил. Правда, бродившие в обществе рассказы о чуть ли не миллиардных золотых запасах наших лавр и других монастырей были значительно преувеличены. Но если принять во внимание всю массу церковных и особенно монастырских движимых и недвижимых достояний, то нельзя не признать, что Церковь обладала

огромными средствами, которые могла бы широко использовать для культурно-просветительных и благотворительных целей. Нельзя сказать, чтобы эти средства никогда широко не тратились. Наши митрополиты и архиепископы, пользуясь всем готовым для жизни, получали жалованья с доходами по 30, 40, 50 и даже, как Киевский митрополит, до 100 тысяч рублей в год. Некоторые монастыри утопали в сытости и довольстве. Но для целей высоких часто не находилось денег. Наши духовные академии до последних дней влачили нищенское существование. [...] Академиям отпускались крохи на издание ученых сочинений, на приобретение книг и почти ничего не давалось на ученые командировки. Профессора академий были обескровливаемы нищетой, не оставлявшею их, если они не устраивались как-либо иначе, до самой смерти; безденежье обрезывало у академий крылья для научного полета. [...]

Можно было бы без конца говорить на тему о неиспользовании Синодом находившихся в его власти церковных богатств. И тем тяжелее думать об этом, что печальный опыт прошлого едва ли можно будет использовать в будущем, так как едва ли когда-либо русская церковь будет иметь столько богатств, сколько она имела в канувшее в вечность время.

Чуть ли ни еще большую нераспорядительность и бесхозяйственность проявил Синод в использовании духовных сил, и невольно напрашиваются следующие вопросы:

Много ли содействовал Св. Синод развитию и работе научных богословских сил и использовал ли их для решения живых, современных научно-богословских вопросов?

Много ли заботливости проявил Синод о наших рассадниках пастырей – духовных школах, чтобы в их стенах воспитывались самоотверженные, вдохновенные и просвещенные служители Церкви?

Много ли делалось Синодом для поддержки, усовершенствования и объединения уже трудящихся на ниве Христовой пастырей?

Много ли заботливости проявлялось Синодом о просвещении врученного ему пастыре начальником стада и вообще об усовершенствовании христианской жизни ?

Я мог бы поставить и ряд других вопросов, но думаю, что и высказанного достаточно. С грустью надо признать, что синодальная работа была далека от идеала. Она отличалась узостью, вялостью, безынициативностью и безжизненностью. «Текущие» дела поглощали всю энергию Синода. Синод тащился на буксире жизни и никогда не опережал ее. Неудивительно, что для всякой мало-мальски живой души синодальная машина казалась устаревшей.

Если искать причины этого безусловно тяжелого для Церкви явления, то, как на одну из самых главных, надо указать на особенность нашего епископата.

И в своих благодатных, и в своих административных правах епископ стоит выше священника. Епископ – Владыка, священник – его «послушник», т. е. исполнитель его указаний и приказаний. Казалось бы, что для должного соответствия епископ должен возвышаться над подчиненными ему священниками и в умственном и нравственном отношениях. Не касаясь личностей, должен решительно заявить, что в последнее время, – о более раннем периоде не говорю, – наше белое духовенство блистало большими талантами, дарованиями, выдающимися деятелями, чем наш епископат. К этому привело самое положение дела, ибо епископского звания достигали не выделившиеся своими дарованиями, проявившие способность к церковному управлению и творчеству священники и верующие, но лишь одна категория служителей Церкви – «ученые» монахи. В древности епископа избирала вся Церковь, не считаясь ни с званием, ни с состоянием кандидата, а лишь с его способностями понести великое, ожидающее его бремя. Нектарий, архиепископ Константинопольский, [Амвросий Медиоланский](#) были избраны на епископские кафедры еще будучи язычниками. У нас же дело обстояло совсем по-иному: чтобы стать епископом, надо было захотеть епископского сана и затем проторенной дорогой идти к нему. Надо было студенту Духовной академии или кандидату богословия принять монашество, сделаться «ученым» монахом, и этим актом архиерейство ему обеспечивалось. Только исключительные неудачники или абсолютно ни на что непригодные экземпляры – и то не всегда! – могли в своем расчете потерпеть фиаско. Поэтому исключения бывали редки; в общем же, «ученый» монах и будущий архиерей в прежнее время у нас были синонимами.

Если бы у нас прежде, чем постричь того или иного кандидата в «ученые» монахи, сначала испытывали – обладает ли он нужными качествами и дарованиями для чистого жития и высшего звания, и затем постригали бы, лишь уверившись в несомненных достоинствах будущего архиерея; если бы, с другой стороны, постриженного затем серьезнейшим и тщательнейшим образом подготовляли и воспитывали для предстоящего ему высокого служения, то, несомненно, что наше так называемое «ученое» монашество не стало бы тем загрязненным источником, которым в последнее время можно было бы пользоваться лишь с большим разбором и осторожностью. Но горе нашей Церкви было в том, что в последние 40

лет о необходимости того и другого у нас как будто бы совсем забыли. Более того, – у нас в это время создалось особое направление, устремившееся всеми способами и средствами расширять институт «ученого» монашества. Началось пострижение, как говорится, направо и налево, без толку и разбору. Часто постригали, совершенно не обращая внимания на подготовленность постригаемого, на чистоту его намерений, не считаясь с его нравственными качествами. Стремилась только к тому, чтобы постричь, и не задумывались над тем, что из этого пострига выйдет. Результат такой системы не мог быть иным, как только плачевным. Численно разросшийся институт «ученого» монашества переполнился всевозможными честолюбцами. [...]

Талантливые, блестяще закончившие курс академий, честные и чистые светские (не принявшие монашества – В.Ф.) студенты назначались преподавателями духовных училищ и семинарий, инспекторские и смотрительские должности представляли для них мечту, которая часто не сбывалась до самой их смерти. «Ученые» же монахи, сплошь и рядом самые слабые по успехам в науках, сразу занимали места инспекторов семинарий, смотрителями духовных училищ, через два-три года становились ректорами семинарий, настоятелями богатых монастырей. Это тоже была одна из нелепостей, когда не проходившему никакого послушания, даже не жившему в монастырях, чуждому монашеского духа и уклада «ученому» монаху поручалось управление монастырем. [...]

Упоенный так легко давшейся ему важностью своей особы, оторванный от жизни, с высока смотрящий и на своих товарищей и на прочих обыкновенных людей, «ученый» монах несся вверх по иерархической лестнице со стремительностью, не дававшей ему возможности опомниться, осмотреться и чему-нибудь научиться.

Такая «система» окончательно портила и коверкала характеры, развращала и уродовала «ученых» монахов. Если «ученый» монах был способен и талантлив, у него сплошь и рядом развивалось всезнайство, гордость, незнание пределов самомнения, деспотизм и тому подобные качества. Если он был благочестив и склонен к монашеской жизни, – что, надо заметить, не часто случалось, – то он либо терял свое чистое настроение и смирение, обращаясь иногда в насильника и деспота, либо обращался в безвольного, чуждого действительной жизни, ее запросов и интересов, манекена у власти, которым управляли и играли другие, – его приближенные, почти всегда разные нахалы и проходимцы. И то, и другое можно было бы иллюстрировать длинным рядом примеров. Лишенные же особых дарований и не стяжавшие благочестия ученые монахи под

влиянием такой системы превращались в спесивых самодуров, тупых, упивавшихся собственным величием бездельников, плохих актеров, горе-администраторов.

У нас, как ни в одной из других Православных Церквей, епископское служение и вся жизнь епископа были обставлены особенным величием, пышностью и торжественностью. В этом, несомненно, проглядывала серьезная цель – возвысить престиж епископа и его служения. Несомненно также, что пышность и торжественность всей архиерейской обстановки неразумными ревнителями величия владычного сана, – с одной стороны, самими честолюбивыми и славолюбивыми владыками, с другой, у нас – часто доводились до абсурда, до полного извращения самой идеи епископского служения. Они делали наших владык похожими на самых изнеженных и избалованных барынь, которые спать любят на мягком, есть нежное и сладкое, одеваться в шелковистое и пышное, ездить – непременно в каретах
...] Внешний блеск и величие часто скрывали от толпы духовное убожество носителя высшего священного сана, но компенсировать его не могли. Мишура всегда остается мишурой, как бы не подделывали ее под золото. И один наружный блеск внешней обстановки епископского служения не мог дать того, что требуется от настоящего епископа. Рано или поздно подделка разоблачалась, если не людьми, то делом, – фетиш не мог заменить чудотворной иконы... В конце концов, жестоко страдала из-за нее Церковь.

Внешне величественная обстановка епископского служения, в связи с легкостью получения права на епископство – всего лишь через принятие монашества и со всей последующей головокружительной карьерой, менее всего способствовала развитию в кандидате епископства того смирения, которое должно отличать «раба Христова»; напротив, она укрепляла в нем мысль, что он не то, что другие. Владычная же, по существу, неограниченная власть, – с одной стороны, раболепство, лесть и низкопоклонство окружавшие владыку, – с другой, развивали в нем самомнение, часто граничившие с непогрешимостью. Наконец, сыпавшиеся на владык ордена и отличия, а также практиковавшаяся только в Русской Церкви, строго осужденная церковными канонами, система беспрерывных перебрасываний владык с беднейших кафедр на более богатые – в награду, и наоборот – в наказание, расплодили в святительстве совершенно неведомые в других православных церквях карьеризм и искательство.

В конце концов, в предреволюционное время наш епископат в значительной части своей коллекцию типов изуродованных, непригодных

для работы, вредных для дела. Тут были искатели приключений и авантюристы, изнеженные и избалованные сибариты жалкие прожектеры и торгаши, не знавшие удержу самодуры и деспоты, смиренные и «благочестивые» инквизиторы, или же безличные и безвольные на руках своих келейников, «мироносиц» и разных проходимцев, на них влиявших.

Имел наш епископат конечно, и достойных представителей. Назову некоторых из них: наш святейший патриарх Тихон, Новгородский митрополит Арсений, Владимирский Сергей, Донской архиепископ Митрофан. Могилевский архиепископ Константин и многие другие были настоящими носителями архиерейского сана. Но и они, – думаю мне, – в своем архиерейском служении были бы еще значительно выше, если бы прошли серьезную школу и имели более счастливую архиерейскую коллегия.

Когда-нибудь настанет время, что и от воспитания церковных администраторов, и от всей системы церковного управления будут требовать, чтобы они отличались серьезностью, основательностью и научностью. Если усвоивший такой взгляд историк тогда заглянет в хартии наших дней и, красочно изобразив типы предреволюционных управителей, представит картину предреволюционных методов, путей и средств владычного управления, то современники удивятся тому, как при всем хаосе в управлении могла так долго держаться Церковь, как могла Русь оставаться и великой и святой.

10. 9 марта 1917 г. обращение Св. Синода КО всем чадам Православной Российской Церкви по поводу отречения николая ii и отказа Вел. Кн. Михаила воспринять власть до решения учредительного собрания

["Церковные ведомости», 1917, №9–15]

Совершилась воля Божия. Россия вступила на путь новой государственной жизни. Да благословит Господь нашу великую Родину счастьем и славой на ее новом пути

Возлюбленные чада Святой Православной Церкви! Временное Правительство вступило в управление страной в тяжелую историческую минуту. Враг еще стоит на нашей земле, и славной нашей армии предстоят в ближайшем будущем великие усилия. В такое время все верные сыны Родины должны проникнуться общим воодушевлением.

Ради миллионов лучших жизней, сложенных на поле брани, ради бесчисленных денежных средств, затраченных Родиной на защиту от врага, ради многих жертв, принесенных для завоевания гражданской свободы, ради спасения ваших собственных семейств, ради счастья Родины оставьте в это великое историческое время всякие распри и несогласия, объединитесь в братской любви на благо России, доверьтесь Временному Правительству; все вместе и каждый в отдельности приложите усилия, чтобы трудами и подвигами, молитвою и повиновением облегчить ему великое дело водворения новых начал государственной жизни и общим разумом вывести Россию на путь истинной свободы, счастья и славы.

Святейший Синод усердно молит Всемогущего Господа, да благословит Он труды и начинания Временного Российского Правительства, да даст ему силу, крепость и мудрость, а подчиненных ему сынов Великой Российской Державы да управит на путь братской любви, славной защиты Родины от врага и безмятежного мирного ее устройства.

Подписали Члены Синода: Владимир, митр. Киевский; Макарий, митр. Московский; Сергей, арх. Финляндский; Тихон, арх. Литовский; Арсений, арх. Новгородский; Михаил, арх. Гродненский; Иоаким, арх. Нижегородский; Василий, арх. Черниговский, протопресв. Александр Дернов.

11. Постановление Поместного Собора Русской Православной Церкви 1 сентября 1917 г. «По поводу угрожающей Родине братоубийственной войны»

[«Церковные ведомости», 1917, №40–41]

Теперь, когда вера русского воина ослаблена соблазнами противных христианству учений и власть русского военачальника подорвана, русское войско перед лицом внешнего врага готово распасться на два враждующих стана. Не со вчерашнего дня началась эта междоусобная распря. За последние месяцы от руки своих же братьев солдат погибло великое множество офицеров, преданных долгу Родины. Верная своим священным заветам, Церковь Православная не принимает участия в борьбе политических партий. И, однако, ныне, как и в дни священномученика Патриарха Гермогена³⁸¹, она не может оставаться равнодушной зрительницей распада и гибели Родины.

Собор свидетельствует, что упавший воинский дух русской армии может быть восстановлен не прельщением вещественными благами, а только верою Христовой, которая побуждает к безкорыстным подвигам. Этим создается та дисциплина духа, которой утверждается дисциплина внешняя.

Междоусобие должно быть предотвращено, братоубийство должно быть остановлено окончательно, примирение обоих враждующих станов должно быть полным и прочным. Не должно быть места для недостойных актов кровавой мести. Памятуя о лежащей на нем обязанности служить делу мира во Христе, Собор указывает, что непременно для того условием должно служить отрешение от односторонних точек зрения классов и партий. Власть должна быть не партийною, а всенародною. А народно-русскою может быть только власть, просветленная верою Христовою.

Несокрушимо веруя, что для спасения Родины требуется Божья помощь и самоотверженная любовь ее сынов, Собор ждет от русской государственной власти тех подвигов этой любви, которая сделает ее достойною благословения Божия.

Приложение 4. Хронологическая таблица

1700, 16 декабря – указ о назначении митрополита Рязанского Стефана Яворского «экзархом и блюстителем патриаршего престола».

1701, 24 января – восстановление упраздненной в 1677 г. Монастырского приказа.

1701, 31 января – указ, предписывавший Монастырскому приказу «без промедления» составить описи всех монастырей и их владений и точно определить число монашествующих, которое было бы достаточно для совершения богослужения и управления монастырскими имениями.

1702 – указ о разрешении христианам неправославных исповеданий строить храмы и свободно исполнять свои религиозные обряды.

1716, 8 февраля – указ об обложении старообрядцев двойной подушной податью.

1716 – введение института священников в армии во главе с обер-священником.

– указ об обязательном исповедовании и причастии не менее одного раза в году.

– изгнание иезуитов из России.

– введение института флотских священников.

1720, 17 августа – указ об упразднении Монастырского приказа и передаче его дел в Духовную коллегию.

1721, 4 января – утверждение «Духовного регламента».

1721, 25 января - учреждение Духовной коллегии.

1721, 14 февраля – переименование Духовной коллегии в Святейший Правительствующий Синод.

1721, 17 августа – указ об упразднении Монастырского приказа и передаче его дел в ведение Духовной коллегии.

– открытие первых архиерейских школ.

1722, 22 апреля – указ, предписывающий, чтобы каждый вступающий в духовную должность приносил присягу на верность императору и его наследникам и доносил властям «об открытых на исповеди воровстве, измене или бунте на государя».

1722, 11 мая – преобразование Духовной коллегии в Святейший Правительствующий Синод. Учреждение должности его обер-прокурора.

1772, 10 августа – введение штатов приходского духовенства.

1724, 14 декабря – переименование Монастырского приказа в Контору

синодального правления 1726, 8 февраля – разделение Синода на два департамента Духовный и Светский Лишение Синода и Сената титула «Правительствующий»

1726, 29 сентября – преобразование Конторы синодального правления в Коллегию экономии синодального правления

1730, 25 октября – указ о запрете монастырям приобретать землю путем покупки, завещания и дарения

– преобразование архиерейских школ в семинарии

1731, 25 мая – указ «об искоренении суеверий и всякого обманного волшебства».

– учреждение «Комиссии новокрещенских дел».

1731, 18 октября – подчинение Синода Сенату.

– учреждение миссии для обращения старообрядцев в православие.

1734 – указ о запрещении поступать в монашество, кроме вдовых священников (отменен в 1764 г.).

1736 – начало «разборов» духовенства (рекрутские наборы из духовных лиц).

1742 – возвращение Синоду титула «Правительствующий».

1744 – возведение Троице-Сергиевого монастыря в статус лавры.

1744 – Первый устав духовных консисторий.

1749 – указ, разрешавший постриг в монашество семинаристам с 17 лет.

1762, 21 марта – указ Петра III о секуляризации церковных имуществ.

1762, 25 июня – указ об уравнивании религий, необязательности постов, неосуждение грехов против 7-й заповеди.

1762, 12 августа – Манифест Екатерины II о возвращении церковных имуществ.

1762, 29 ноября – учреждение Комиссии по церковным имуществам.

1763, 12 мая – учреждение Коллегии экономии, которой в 1764 г. были переданы в управление монастырские земли и крестьяне.

1764, 26 февраля – Манифест Екатерины II о секуляризации монастырских имуществ в великорусских губерниях, сокращение числа монастырей и монашествующих, разделение монастырей на три класса и установление их штатов.

1764 – распределение епархий на 3 класса – 1) митрополии, 2) архиепископства и 3) епископства.

1773 – указ о веротерпимости.

1784 – очередной «разбор духовенства» Предписание «безместных» священнослужителей приписать к податным сословиям, а годных к

военной службе сдавать в солдаты

1786–1788 – секуляризация монастырских имений в Малороссии и на Слободской Украине

1788 – новое штатное расписание для приходского духовенства

1793–1795 – секуляризация монастырских имений в Южной Литве, Западной Белоруссии и Западной Украине

– первые русские миссионеры в Северной Америке.

– воссоединение с Русской Православной Церковью 2 миллионов униатов

1796, 22 декабря – повеление Св.Синоду «праздно живущих при отцах своих» детей церковно- и священнослужителей распределять по «вакантным приходам либо в учительские места, а тех, кто останется, определить в военную службу»

– введение светских наград для духовенства.

1797, 5 апреля – объявление в «Акте престолонаследия» императора «Главой Русской Православной Церкви».

1797, 18 декабря – преобразование С.-Петербургской Главной семинарии и Казанской семинарии в духовные академии.

– распоряжение Павла I о выделении монастырям по 30 десятин удобных угодий.

– отмена права выбора прихожанами приходских священников.

1798, 11 января – указ об обработке церковных земель прихожанами.

1798, 31 октября – первый устав о духовных академиях и семинариях.

– учреждение Департамента римско-католического исповедания. В ведении его находились католики и униаты, за которыми признавалось право свободного вероисповедания

– указ Св. Синода о запрещении священникам «самовольно без письменных видов» отлучаться в столицу для подачи прошений.

– отделение духовной цензуры от светской.

– составление митрополитом Платоном (Левшиным) «Правил единоверия» для старообрядцев-поповцев.

1800, 4 апреля – учреждение должности обер-священника армии и флота.

1800, 27 октября – разрешение единоверцам строить храмы.

1800, 31 января – указ Синода о разрешении исповедоваться в любое удобное для прихожан время.

1801, 22 мая – отмена применения телесных наказаний к духовным лицам

1803 – образование помимо канцелярии Св. Синода личной

канцелярии обер-прокурора.

– отменены личные доклады членов Св. Синода императору. Отныне единственным докладчиком становился обер-прокурор Синода

1803 – на приходских священников возложена обязанность преподавания в приходских школах.

– освобождение приходского духовенства от поземельного сбора.

1804 – указ о разрешении духовным лицам приобретать ненаселенные земли путем покупки.

1804 – преобразование Департамента римско-католического исповедания в Центральную римско-католическую духовную коллегию.

1805 – разделение Римско-католической коллегии на два департамента – католического и униатского

1806, октябрь-ноябрь – указы и «Правила» о новом «разборе» духовенства (отменены в 1807 г.).

– учреждение Комитета для разработки реформы духовного образования

1808–1814 – проведение реформы духовного образования

– предоставление православному духовенству права приобретать в собственность ненаселенные земли

– издание «Инструкции церковным старостам»

– переименование Александровской духовной академии в Санкт-Петербургскую

– образование в составе Министерства внутренних дел Главного управления духовных дел иностранных исповеданий.

1812, 1 января – введение полевого обер-священника в состав Главного штаба.

– учреждены должности дивизионных и корпусных благочинных, коим были подчинены полковые священники.

1812, 6 декабря – утверждение Устава Библейского общества в России

– открытие Библейского общества в Петербурге.

– утверждение Устава духовных академий.

1814 – перевод Московской духовной академии в Троице-Сергиеву лавру.

1814 – восстановление Осетинской православной духовной миссии.

1815, 20 декабря – указ о высылке иезуитов из Москвы и Петербурга и

о

закрытии иезуитских учебных заведений в России

1816 – указ, предписывающий все нарушения «о порядке благочиния в церквах при богослужении» представлять гражданскому суду

1817, 24 октября – образование Министерства духовных дел и народного просвещения.

1811–1817 – присоединение к Русской Православной Церкви Грузинской церкви на правах экзархата. Первым экзархом стал епископ Рязанский Феофилакт (Русанов).

1820, 13 марта – указ об изгнании иезуитов из пределов России.

1820, 24 мая – указ о наделении землей мелитопольских духовборцев и перешедших в Новороссию молокан.

1821 – указ «Об освобождении духовенства от воинского постоя, поземельного сбора и других городских повинностей»

1821 – указ об освобождении детей духовенства, не занимавших духовных должностей, от рекрутской повинности.

1822, 1 августа – рескрипт Александра I министру внутренних дел В.П. Кочубею «Об уничтожении масонских лож и всяких тайных обществ».

1823 – предписание об учреждении в каждой епархии «попечительства о бедных духовного звания»

1824, 14 октября – преобразование Министерства духовных дел и народного просвещения в Министерство народного просвещения

1824 – приостановление деятельности Библейского общества в России.

1826, 12 апреля – указ о закрытии Библейского общества в России и о передаче его имущества в казну

– учреждение духовной миссии на Алтае

– ревизия лиц духовного звания («разбор духовенства»).

1831 – разрешение окончившим духовные учебные заведения поступать на гражданскую службу.

– передача Русской Православной Церкви Почаевской лавры в Западной Украине.

– учреждение духовной миссии в Обдорске.

1833, 28 июня – указ, согласно которому выходцы из дворян, слагающие с себя духовный сан, сохраняют дворянство, ордена, ученые степени и звания, но им не возвращаются их прежние светские чины по службе.

1836 – указ об устройстве школ для крестьян при церквях и монастырях.

1838, 22 декабря – учреждение секретного комитета по униатским делам.

1839, 12 февраля – собор униатского духовенства в Полоцке и

принятие им решения о присоединении к православию.

1839, 1 марта – упразднение Комиссии духовных училищ, создание вместо нее Комитета духовных училищ.

1839, 25 марта – Манифест о воссоединении униатов Литвы, Белоруссии и Западной Украины с Русской Православной Церковью.

– издание «Правил», сокращавших общеобразовательные предметы в духовных семинариях.

– новый устав духовных академий.

– разрешение принимать выпускников духовных семинарий на государственную службу.

– восстановление Казанской духовной академии.

1842, 22 ноября – указ о возложении на приходских священников учительских обязанностей в сельских школах.

– учреждение училищ для дочерей лиц духовного звания.

1845 – встреча в Риме императора Николая I с папой Григорием XVI.

1847, 22 июля (3 августа) – заключение конкордата с Ватиканом, с предоставлением некоторых льгот католической церкви в пределах России (аннулирован в 1866 г.)

– отмена обязательного обучения сыновей духовенства в духовных учебных заведениях.

– предписание Св. Синода об ограничении численности контингента семинаристов.

1853, 13 февраля – учреждение секретного комитета «для пересмотра постановлений о раскольниках и составлении новых правил о них».

1853 – обер-священникам армии и флота дано право назначения и увольнения священников военного ведомства без санкции Св. Синода

1858 – переименование обер-священников армии и флота в главных священников

1858 – разрешение старообрядцам «отправление богослужения и треб». Прекращение преследования «беглых попов»

1862, 20 марта – указ об общежительных и необщежительных монастырях.

1862 – разрешение детям духовенства поступать в военные училища

– принятие «Правил», облегчавших положение старообрядцев

1864, 8 мая – «Правила учреждения православных попечительств»

8 мая – «Основные правила для учреждения православных церковных братств».

– учреждение миссионерского общества в Петербурге.

29 сентября – указ, разрешавший архиереям увольнять из духовного

звания окончивших семинарию по их просьбе

1867, 22 февраля – отмена передачи приходских должностей по наследству.

1867 – отмена разделения епархий на «классы».

1867, 15 мая – новые уставы семинарий и духовных училищ.

1867, 22 мая – отмена наследования священнических мест в церковных приходах.

1867 – разрешение детям всех сословий поступать в духовные училища.

– разрешение детям духовенства поступать в военные училища.

1868, 16 апреля – положение о сокращении приходов и о новых штатах приходского духовенства.

– новые уставы духовных семинарий и училищ.

– учреждение Российского Миссионерского общества в Москве.

1869, 16 апреля – «Положение» о сокращении числа приходов и о новых штатах приходского духовенства.

1869, 26 мая – «Об устройстве детей лиц православного духовенства», предоставлявший свободу детям духовенства поступать на военную и гражданскую службу, приписываться к сельским и городским обществам, с сохранением прежних льгот (свободы от податей и рекрутства).

1869, 30 мая – новый Устав и штаты духовных академий.

1869, 11 июля – отмена наследования духовного звания от отца к детям, отчисление из духовного сословия пономарей, псаломщиков, церковных сторожей.

– введение новых штатов консисторий.

1869 – создание Учебного комитета при Святейшем Синоде.

– ограничение окончившим духовные семинарии для поступления в университеты

– установление новых штатов для учреждений Св. Синода – канцелярий Синода и обер-прокурора, хозяйственного управления и контроля

– учреждение Комитета по «раскольничьим делам»

– новые «Правила», расширявшие гражданские права старообрядцев

1875, 15 февраля – воссоединение униатов Холмской епархии с Русской Православной Церковью

1879 – запрещение приема в университеты окончивших семинарии.

1882, 9 января – прекращение действия указа от 16 июня 1869 г. об объединении церковных приходов и сокращении численности приходского духовенства

– отмена принудительных мер при обращении в православие «упорствующих униатов»

1883, 3 мая – дарование старообрядцам некоторых гражданских прав и разрешение на отправление церковных треб.

– новый устав консисторий.

– объединение должностей обер-священника армии и флота.

1884, 20 апреля – устав духовных академий. («Антиустав»)

1884, 22 апреля – новый устав духовных семинарий.

1884, 13 июня – «Правила о церковно-приходских школах».

– архиерейский собор в Киеве для разработки мер против распространения штунды (формы нового протестантизма, близкой к баптизму).

1885, 16 февраля – закрытие Главного Присутствия по делам православного духовенства.

– пересмотр уставов и учебных программ духовных училищ, семинарий и академий.

– архиерейский собор в Казани для разработки мер противодействия расколу.

1887 – указ о запрете церковно-приходским общинам принимать решения об удалении неугодных им священников или приносить на них жалобы духовным и гражданским властям.

1887 – первый миссионерский съезд в Москве.

– новое положение об управлении церквами и духовенством военного и морского ведомств.

1891, 4 мая – указ, о преобразовании школ грамотности в деревне в церковно-приходские, находящиеся в ведение настоятеля местного прихода.

– Второй миссионерский съезд в Москве. 1897 – Третий миссионерский съезд в Казани

– учреждение русской православной миссии в Корее.

– присоединение к православию несториан в Иране

1901 – отлучение Льва Толстого от церкви

1901 – отмена для членов Св. Синода принесения присяги императору.

1901–1903 – религиозно-философские собрания в С.-Петербурге.

1905, 17 апреля – манифест «Об укреплении основ веротерпимости».

1905, 19 октября – увольнение от должности обер-прокурора Св. Синода К.П. Победоносцева

1905, 26 ноября – введение «Временных правил» для духовных академий.

1906, 16 января – «Определение» об учреждении Предсоборного Присутствия для подготовки Поместного Собора Русской Православной Церкви.

6 марта-24 декабря – заседания Предсоборного Присутствия.

1906, 5 октября – указ «Об отмене некоторых ограничений в правах сельских обывателей»: освобождение крестьян от представления увольнительных от общины свидетельств «к поступлению в белое духовенство» и «при пострижении в монашество».

1908 – Четвертый миссионерский съезд в Киеве

1909, 5–10 июля – 1-й Всероссийский съезд монашествующих.

1910, 12 июня – о мерах «к возвышению иноческой жизни в монастырях».

1910, 18–26 июня – Пятый епархиальный съезд в Казани.

1910, 2 мая – новый устав духовных академий (дополненный 26 августа 1911 г.).

1910 – съезд единоверцев в Москве

1910 – Всероссийский старообрядческий съезд в Москве.

1912, 28 февраля – 1913, 3 апреля – Предсоборное Совецание.

1917, 9 марта – «Послание Св. Синода всем чадам Православной Церкви» о повиновении Временному правительству.

1917, 24 марта – введение новых Временных Правил для духовных академий.

1917, 29 апреля – постановление Св. Синода о подготовке Поместного собора Русской Православной Церкви. Учреждение Предсоборного совета.

1917, 29 апреля – обращение Св. Синода к Церкви «о восстановлении древнего принципа выборности епископата».

1917, 20 июня – передача церковно-приходских школ в ведение Министерства народного просвещения.

1917, 29 июня – введение «Временного положения о православном приходе».

1917, июнь – Всероссийский съезд 1200 представителей от духовенства и мирян в Москве.

1917, 26 июня-4 августа – пятый миссионерский съезд в Бизюковом монастыре (Херсонской губернии).

1917, 5 июля – объявление Св. Синода о созыве Поместного Собора Русской Православной Церкви.

1917, 16–23 июля – 2-й Всероссийский съезд монашествующих

1917, 14 июля – декрет Временного правительства «О снятии всяких гражданских ограничений и преимуществ в связи с вероисповедным

состоянием, о свободе перехода из одного вероисповедания в другое и о выходе из всякого исповедания»

1917, 25 июля – учреждение в составе Временного правительства Министерства вероисповеданий

1917, 5 августа – упразднение Св. Синода

1917, 15 августа – 1918, 20 сентября – Поместный собор Русской Православной Церкви.

1917, 28 октября – Постановление Поместного Собора о восстановлении патриаршества.

1917, 5 ноября – избрание Патриархом всея Руси московского митрополита Тихона (Белавина).

Приложение 5. Обер-прокуроры Святейшего Синода

(1721–1917)

- (13.06.1722 – 11.05.1725) БОЛТИН Иван Васильевич
(11.05.1725 – 24.06.1726) БАСКАКОВ Алексей Петрович
(24.06.1726 – 1730) РАЕВСКИЙ В. *****
(? – 31.12.1741) КРЕЧЕТНИКОВ Никита Семенович *****
(31.12.1741 – 29.03.1753) ШАХОВСКОЙ Яков Петрович
(18.12.1753 – 17.04.1758) ЛЬВОВ Афанасий Иванович
(17.04.1758 – 09.06.1763) КОЗЛОВСКИЙ Алексей Семенович
(10.06.1763 – 24.10.1768) МЕЛИССИНО Иван Иванович
(24.10.1768 – 07.05.1774) ЧЕБЫШЕВ Петр Петрович
(12.05.1774 – 28.06.1786) АКЧУРИН Сергей Васильевич
(28.06.1786 – 26.07.1791) НАУМОВ Аполлос Иванович
(26.07.1791 – 08.07.1797) МУСИН-ПУШКИН Алексей Иванович
(14.07.1797 – 05.06.1799) ХОВАНСКИЙ Василий Алексеевич
(10.06.1799 – 31.12.1802) ХВОСТОВ Дмитрий Иванович
(09.01.1803 – 01.10.1803) ЯКОВЛЕВ Александр Алексеевич
(21.10.1803 – 19.11.1817) ГОЛИЦЫН Александр Николаевич
(05.12.1817 – 02.04.1833) МЕЩЕРСКИЙ Петр Сергеевич
(10.04.1833 – 25.06.1836) НЕЧАЕВ Сергей Дмитриевич
(25.06.1836 – 16.01.1855) ПРОТАСОВ Николай Александрович
(25.12.1855 – 20.09.1856) КАРАСЕВСКИЙ Александр Иванович
(20.09.1856 – 28.02.1862) ТОЛСТОЙ Александр Петрович
(28.02.1862 – 23.06.1865) АХМАТОВ Алексей Петрович
(23.06.1865 – 23.04.1880) ТОЛСТОЙ Дмитрий Андреевич
(24.04.1880 – 19. Ia. 1905) ПОБЕДОНОСЦЕВ Константин Петрович
(20.10.1905 – 04.04.1906) ОБОЛЕНСКИЙ Алексей Дмитриевич
(04.04.1906 – 09.07.1906) ШИРИНСКИЙ-ШИХМАТОВ Алексей
Александрович
(27.07.1906 – 05.02.1909) ИЗВОЛЬСКИЙ Петр Петрович
(05.02.1909 – 02.05.1911) ЛУКЬЯНОВ Сергей Михайлович
(05.07.1911 – 04.07.1915) САБЛЕР Владимир Карлович
(05.07.1915 – 26.09.1915) САМАРИН Александр Дмитриевич
(30.09.1915 – 02.08.1916) ВОЛЖИН Александр
Николаевич *****
(07.08.1916 – 03.03.1917) РАЕВ Николай Павлович
(03.03.1917 – 14.07.1917) ЛЬВОВ Владимир Николаевич

(25.07.1917 –05.08.1917)
Васильевич *****

КАРТАШЕВ

Александр

Список сокращений

- БВ – «Богословский вестник»
ВЕ – «Вестник Европы»
ВИ – «Вопросы истории»
ИВ – «Исторический вестник»
ЖМНП – «Журнал министерства народного просвещения»
ЖМП- «Журнал Московской патриархии»
КА – «Красный архив»
ПСЗ-1 – Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1
ПСЗ-2 – Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2
ПСЗ-3 – Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3
ПСП и Р – Полное собрание постановлений и распоряжений
ПО – «Православное обозрение»
ПС – «Православный собеседник»
ПЭ – Православная энциклопедия. – М., 2000
РА – «Русский архив»
РВ – «Русский вестник»
РГИА – Российский государственный исторический архив
РМ – «Русская мысль»
РС – «Русская старина»
РЭМ – Русский Этнографический Музей России
Сб. ИРИО – Сборник Императорского Русского исторического общества
ХЧ – «Христианское чтение»
ЦВ – «Церковный вестник»
ЧОИДР – Чтения в обществе истории и древностей российских.

Примечания

Извлечения из воспоминаний Г.И. Шавельского и митрополита Евлогия помещены в Приложении 3.9 и 3.8 к данному исследованию.

3

ΠСЗ-1 Т. 6, № 4919.

4

ΠСЗ-1 Т. 6, № 4925.

Павлов А.С. Курс церковного права. – Сергиев Посад, 1902. С. 276.

Покровский И.М. Русские епархии в XVI-XIX веках, их открытие, состав и пределы. – Казань, 1913. Т. 1–2.

Смолич И.К. История Русской Церкви. 1700–1917. – М., 1996, Ч. 1. С. 269.

См. «Христианское чтение», 1901, № 2. С. 201–202.

ΠСЗ-2. Т. 16, № 14409.

Смолич И.К. Ук. соч. С. 269.

Смолич И.К. Ук. соч. С. 276.

ПЭ. С. 242–243.

Смолич И.К. Ук. соч. С. 269.

Шавельский Г.И. Руководственные указания духовенству действующей армии. – Пг., 1916. С. 44. Предписание от 3 ноября 1914 г.

Смолич И.К. Ук. соч. С. 385.

Там же. С. 279.

ПЭ. С. 132; Смолич И.К. Ук. соч. С. 279.

ΠСЗ-2. Т. 44, № 46974.

ΠСЗ-1. Т. 5, М» 2985, 3171, 3275; Т. 6, №№ 3963, 4190.

Знаменский П.В. Приходское духовенство со времен реформы Петра I.
– Казань, 1874. С. 269.

Павлов А.С. Ук. соч. С. 244.

Там же. С. 245.

Знаменский П.В. Ук. ст. С. 136.

Кильчевский В.А. Богатство и доходы духовенства. – СПб., 1908. С. 46.

Знаменский П.В. Ук. соч. С. 172.

Павлов А.С. Ук. соч. С. 208–209.

ПСЗ-2. Т. 8, № 6289; Знаменский П.В. Ук. соч. С. 330.

Павлов А.С. Ук. соч. С. 211.

Знаменский П.В. Ук. соч. С. 637.

Римский С.В. Российская Церковь в эпоху реформ. Церковные реформы в России 1860–1870-х годов. – М., 1999. С. 103.

ПЭ. С. 272.

Сб. ИРИО. Т. 43. С. 421.

Семевский В.И. Сельский священник в конце XVIII века // РС, 1877. Т. 19. С. 529–530.

Знаменский П.В. Ук. соч. С. 552.

Там же. С. 560.

Там же. С. 589.

Там же. С. 564, 580, 586–587.

Там же. С. 589.

РЭМ, д. 930, лл. 27–28.

РЭМ, д. 1165, лл. 9–10.

РЭМ, д. 1467, лл. 10–11.

РЭМ, д. 652, лл. 17–18.

РЭМ, д. 832, л. 18.

РЭМ, д. 833, лл. 1–2, Смоленская губ.

См. ЦВ, 1905, №32. С. 1035.

[Айвазов И.Г.](#) Церковные вопросы в царствование императора Александра III. -М., 1914. С. 11.

Леонтьева Т.А. Жизнь и переживания сельского священника (1861 – 1904 гг.) // Социальная история. Ежегодник. –2000. С. 45.

Палица – четырехугольная палка квадратной формы с изображением креста, привешиваемая при бедре с правой стороны.

Митра – архимандритская шапка.

ПСП и Р. 1869, Т. 4, №1197.

Карташев А.В. Очерки по истории Русской Церкви. – М., 1992. Т. 2. С. 441.

Смолич И.К. Ук. соч. С. 669.

Знаменский П.В. История Русской Церкви. – М., 1996. С. 452.

ПСЗ-1. Т. 22, №№ 16649 и 16650.

Знаменский П.В. Ук. соч. С. 457.

Смолич И.К. Русское монашество. 988–1988. – М., 1999. С. 279.

Знаменский П.В. Ук. соч. С. 455.

Зыбковец В.Ф. Национализация монастырских имуществ в советской России. 1917–1921 гг. С. 197.

Русское православие: вехи истории. – М., 1989. С. 549.

Смолич И.К. Русское монашество. С. 292.

Устав Духовных консисторий 1841 г. Гл. IX. С. 348.

Павлов А.С. Ук. соч. С. 229.

Павлов А.С. Ук. соч. С. 221.

Смолич И.К. Русское монашество. С. 290.

Там же. С. 351.

Павлович Н.А. Оптиная пустынь. Почему туда ездили великие? // «Прометей». Историко-биографический альманах. – М., 1980, Т. 12; Зайцев В. Достоевский и Оптиная пустынь // «Литературная Россия», 1989, 8 декабря.

Смирнов П. Преосвященный Феофан, вышенский затворник. -Тамбов, 1905.

ПСЗ-1. Т. 28, № 21785.

ПСЗ-1. Т. 31, № 24246.

ПСЗ-2. Т. 13, № 11518.

Дмитриев С.С. Православная Церковь и государство в предреформенной России // «История СССР», 1966, № 4. С. 47.

Ростиславов Д.И. Опыт исследования об имуществах и доходах наших монастырей. – СПб., 1876. С. 86.

Любинецкий Н.А. Землевладение церквей и монастырей Российской империи. – СПб., 1900. Ч. 1.С. 10.

Зыбковец В.Ф. Ук. соч. С. 27.

Зыбковец В.Ф. Ук. соч. Список православных монастырей Российской империи на 1917 г. С. 113–197.

Дмитриев С.С. У к. соч. С. 47.

Знаменский П.В. История Русской Церкви. С. 454.

Смолич И.К. История Русской Церкви. Ч. 2. С. 537.

Знаменский П.В. Ук. соч. С. 454.

Кильчевский В. Ук. соч. С. 10.

ЗЫБКОВЕЦ В.Ф. Ук. соч. С. 29.

Циркулярные указы Синода за 1867–1900 гг. – СПб., 1901. С. 183.

Ростиславов Д.И. Ук. соч. С. 325.

Предсказатель монах Авель. Житие его и страдания // «Русская старина», 1875, №2. С. 424.

Немирович-Данченко В.И. Соловки. Воспоминания и рассказы из поездки с богомольцами. – СПб., 1884. С. 118.

Пругавин А.С. Старообрядчество во второй половине XVII- XIX вв. – М., 1904. С. 117.

Пругавин А.С. Монастырские тюрьмы в борьбе с сектантством. – М., 1905; Колчин М. Ссылные и заточенные в острог Соловецкого монастыря в XVI- XIX вв. – М., 1908; Гернет М.Н. История царской тюрьмы. – М., 1951. Т. 1, гл. 5; т. 2, гл. 10; т. 3, гл. 6.

Власов П.В. Обитель милосердия. – М., 1991; Максимова Л.Б. Вклад великой княгини Елизаветы Федоровны в благотворительное движение в России. – М., 1998.

ЗЫБКОВЕЦ В.Ф. Ук. соч. С. 196– 197.

Серафим (Веснин), иером. Первый Всероссийский съезд монашествующих 1909 года. Воспоминания участника. -М., 1999.

110

Там же.

Постановления Всероссийского съезда представителей от монастырей, бывшего в Свято-Троицкой Сергиевой лавре с 16 по 23 июля 1917 г. – М., 1917; Постановления Всероссийского съезда ученого монашества, бывшего в Московской духовной академии с 7 по 14 июля сего, 1917, года. – М., 1917.

Шульгин В.С. Религия и церковь // Очерки русской культуры XVIII века. – М., 1987. Ч. 2. С. 386; Знаменский П.В. Духовные школы в России до реформы 1808 г. – Казань, 1881. С. 315.

Там же.

Знаменский П.В. Духовные школы в России... С. 332–333.

Там же. С. 575–576.

Там же. С. 794.

Там же. С. 684.

Смолич И.К. История Русской церкви. Ч. 1.С. 667; Доброклонский А. П. Руководство по истории русской церкви. – М., 2001. С. 587.

Шульгин В.С. Ук. соч. С. 388.

Белявский Ф.Н. О реформе средней школы. Краткий очерк прошлого средней духовной школы. -СПб.,4. 1.С. 32.

Белявский Ф.Н. Ук. соч. С. 35.

Смолич И.К. История Русской Церкви. Ч. 1. С. 419.

Знаменский П.В. Основные начала духовно-учебной реформы в царствование имп. Александра I. – Казань, 1878. С. 16.

См. Высочайше утвержденный Доклад Комитета об
усовершенствовании духовных училищ. – СПб., 1809.

ΠСЗ-1. Т. 30, №№ 23122–23124.

Вишленкова Е.А. «Духовная школа в России первой четверти XIX века»
– Казань, 1988. С. 55–56.

Вишленкова Е.А. Ук. соч. С. 57.

Белявский Ф.Н. Ук. соч. С. 40.

Белявский Ф.Н. Ук. соч. С. 45.

ΠСЗ-1. Т. 32, №№ 25673–25676.

Чистович И.А. Руководящие деятели духовного просвещения в России в первой половине XIX в. Комиссия духовных училищ. -СПб., 1894. С. 143.

Вишленкова Е.А. Ук. соч. С. 72.

Римский С.В. Православная церковь и государство в XIX веке. – Ростов-на-Дону, 1998. С. 121.

Цит. по указ. работе С.В. Римского «Православная Церковь и государство...». С. 121.

Белявский Ф.Н. Ук. соч. Вып. 1. С. 60–61.

Никодим Казанцев. О Филарете Московском моя память // ЧОИДР, 1877, № 2. С. 34, 43. Никодим Казанцев как крупный специалист в духовно-училищных делах в 1838 г. был вызван в Св. Синод для работы над подготовкой нового устава семинарий.

Русское православие: вехи истории. -М., 1989. С. 335.

Белявский Ф.Н. Ук. соч. Вып. 1. С. 77.

Корсунский Н.Н. Судьбы нашей общеобразовательной школы в царствование императора Николая Павловича // «Душеполезное чтение», 1891, №8–9.

Смолич И.К. История Русской Церкви. Ч. 2. С. 469–471.

Римский С.В. Российская Церковь в эпоху реформ... С. 468– 469.

Стаферова Е.Л. Министерство народного просвещения при А.В. Головнине (1861–1866). Рук. канд. дисс. – М., 1998. С. 38.

Барсуков Н.П. Иннокентий, митрополит Московский и Коломенский.
– М., 1883. С. 383.

Глубоковский Н.Н. За тридцать лет. – М., 1907. С 9.

Тарасова В.А. Преподавательские и студенческие корпорации духовных академий в России в начале XX века II Православие в истории России (материалы научной конференции) – СПб., 1999.

Антоний Храповицкий. Отчет по Высочайше назначенной ревизии Киевской духовной академии. – Почаев, 1909. С. 12.

Тарасова В.А. Профессор Н.Н. Глубоковский и реформа высшего духовного образования в России в конце XIX – начале XX века» // «Вестник Моск. ун-та». Сер. История, 2001, №4.

«Педагогика», 1998, №1. С. 65.

Смолич И.К. История Русской Церкви. Ч. 1.С. 484–489.

Преображенский И.Г. Отечественная церковь по статистическим данным с 1840/41 по 1890/91 гг. С. 177.

Преображенский И.Г. Ук. соч. С. 81.

Римский С.В. Российская Церковь в эпоху реформ. . С 205– 206.

Там же. С. 208.

См. Федоров В.А. Крестьянские школы грамотности в России в XIX в.
// «Педагогика», 2000, № 10. С. 82.

Русское православие: вехи истории. С. 366.

Там же. С. 367.

ПСЗ-1. Т. 6, №№ 3653 и 4079.

Смолич И.К. История Русской Церкви. Ч. 2. С. 71.

Там же. Ч. 2. С. 72.

Сборник законоположений и распоряжений по духовной цензуре с 1720 по 1870 гг. – СПб., 1870. С. 53.

ПСЗ-2. Т. 3, №№ 1979 и 1981.

Русское православие: вехи истории. С. 486.

Смолич И.К. История Русской Церкви. Ч. 2. С. 75.

Там же.

Можаровский А. Изложение кода миссионерского дела по просвещению казанских инородцев с 1552 по 1867 гг. – Казань, 1870. С. 152.

Церковь в истории. IX – 1917 г. – М., 1967. С. 281.

Преображенский И.Г. Ук. соч. С. 531.

Вениамин [Смирнов]. Записки об обращении мезенских самоедов в 1825–1830 гг. // ХЧ, 1850, № 2; 1851, № 1; Доброклонский А.П. Ук. соч. С. 479.

Макарий (Глухарев), архим. Письма. -М., 1860, Т. 1–2; Ландышев С. Алтайская духовная миссия. – М., 1864; Филимонов Д.Д. Материалы для биографии основателя Алтайской миссии архимандрита Макария. – М., 1888; Птохов П.В. Архимандрит Макарий Глухарев, основатель Алтайской миссии. – М., 1899; Ястребов И. Очерк жизни и деятельности Макария, по случаю столетия со дня рождения. – Бийск, 1893; Доброклонский А.П. Ук. соч. – М., 1999. С. 483–485; Кызласов Л.Р. Сохранятся ли аборигенные народы Сибири в XXI веке? (Заметки о языке) // «Вестник Московского университета». Сер. История, 1997, №5. С. 21.

Смолич И.К. История Русской Церкви. Ч. 2. С. 247,451.

Очерк из истории Американской Православной Духовной Миссии (Кадьякской миссии 1794– 1837). – СПб., 1894. С. 40.

Свящ. Сергей Широков. Валаамский монастырь и Американская православная миссия. – М., 1996; Львов А. Краткие исторические сведения об учреждении в Северной Америке православной миссии. Об основании Кадьякской епархии и деятельности там первых миссионеров. Прибавления к «Церковным ведомостям», 1894, №38. С. 1317– 1326, №39. С. 1361–1370; Очерк из истории Американской Православной Духовной Миссии (Кадьякской миссии 1794– 1837). – СПб., 1894.

Многолетней миссионерской и пастырской деятельности митрополита Иннокентия (Вениаминова) посвящена обширная литература. Укажем наиболее значительные исследования и документальные публикации: Барсуков П. П. Ук соч.; Фиалкин В. Святитель Иннокентий, митрополит Московский и его миссионерская деятельность // ЖМГ1, 1979, №3; Сысоева Е.А. Жизнь и подвиги Иннокентия, проповедника Евангелия на Алеутских ос-тровах. – СПб., 1897; Федоров В.А. Миссионерская деятельность святителя Иннокентия в Северной Америке // ИВ, 2001, №№ 2–3(13–14).

Церковь в истории России. 294–295; Смолич И. К. Ук. соч. Ч. 2. С. 274–275.

Миссия Русской Православной Церкви в Японии подробно освещена в следующих работах: Праведное житие и апостольские труды святителя Николая, архиепископа Японского, по его своеручным записям. – СПб., 1996; Наганава Мицуо. Японская православная церковь в период Мейдзи (1868–1912) // «Восток», 1993, № 6; Позднеев Д. Архиепископ Николай Японский. (Характеристики и воспоминания). – СПб., 1912; И.Г. Деятельность апостола Японии // ИВ; Хохлов А.Н. Православие на Дальнем Востоке // «Восток», 1994, № 4; Щербина А.А. Николай Касаткин – один из русских японоведов // «Народы Азии и Африки», 1977, № 4; Зенина Л.В. Японские ученые о российской духовной миссии в Японии // Православие на Дальнем Востоке. – СПб., 1996. Вып. 2.; Недачин С. Православная церковь в Японии. – СПб., 1911; Платонова А. Апостол Японии архиепископ Николай. – Пг., 1916; Прокошев П. Русская православная церковь в Японии // «Странник», 1896, №2–4; Православие на Дальнем Востоке. – СПб., 1996; Прохоренко Ф. Русская духовная миссия в Японии и Корее. – Харьков, 1906.

О русской православной миссии в Корее см.: Левченко И. Православная духовная миссия в Корее // «Православный благовести и к», 1900, №11; Недачин С.В. Православная церковь в Корее // «Миссионерское обозрение», 1911, №11; Чо Чон Хван. Русская православная миссия в Корее // «Вера и разум», 1997, №4; Хрисанф, еп. Из писем корейского миссионера. – Казань, 1904; его же. От Сеула до Владивостока. Путевые заметки миссионера. – Казань, 1905; Анисимов Л. Православная миссия в Корее (к 9-летию основания)//ЖМП, 1991, № Дионисий (Поздеев). К истории Российской духовной миссии в Корее // «Российское краеведение». – М., 2000. Вып 1; Симбирцева Т.М.К 100-летию православия в Корее // «Этнографическое обозрение», 2000, №5. С. 42–57.

Денисов П. В. Никита Яковлевич Бичурин. – Чебоксары, 1977;
Кривцов В. Отец Иакинф. – Л., 1973.

Аблова Н.Е. Российская православная церковь в Китае в конце XIX – 60-е гг. XX в. // Тезисы научной конференции «Методы в исторических исследованиях». -Минск, 1991. С. 3–4.

Смолич И.К. История Русской Церкви. Ч. 2. С. 281–283.

Архимандрит Никодим. История русской духовной миссии в Иерусалиме. -Л., 1959; Хитрово В.Н. Православие на Святой Земле // «Православный палестинский сборник». Т. 1. Вып. 1. – СПб., 1881; Безобразов П. В. Русская духовная миссия в Иерусалиме на Св.Земле // РВ, 1885, №10; Архимандрит Киприан, о.Антоний Капустин, архимандрит и начальники русской духовной миссии в Иерусалиме (1817– 1894). – Белгород, 1954; Русские владения на Св.Земле // Сообщения Православного Палестинского общества. -СПб., 1891. Т. 1; Мальцев, прот. Православная церковь и русские учреждения за границей. – СПб., 1906.

Доброклонский А.П. Ук. соч. С. 470.

Шульгин В.С. Религия и церковь // Очерки русской культуры XVIII века. – М., 1987. С.358.

Павлов А.С. Ук.соч.С. 399–403, 410–413.

[Попов А.](#) Н. Суд и наказания против веры и нравственности по русскому праву. – Казань, 1904.

201

ΠСЗ-1. Т. 6, № 4012.

ΠСЗ-1. Т. 5, №№ 3169, 3250; Т. 7, № 4140; Т. 11, № 8559.

Харлампович К. В. Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. – Казань, 1914. Т. 1.С. 459.

Шульгин В.С. Ук. соч. С. 359– 360.

Шульгин В.С. Ук. соч. С. 360.

Смолич И.К. Ук. соч. Ч. 1. С. 89.

Смолич И.К. Ук. соч. С. 94.

Карамзин Н.М. Записка «О Древней и Новой России в ее политическом и гражданском отношениях». -М., 1991. С. 36.

Доброклонский А.П. Ук. соч. С. 522.

Смолич И.К. Ук. соч. Ч. 2. С. 179.

Карташев А.В. Ук. соч. Т. 2. С. 395–396.

Знаменский П. В. История Русской Церкви. – М., 1996. С. 452.

[Покровский Н.Н.](#) Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в. – Новосибирск, 1974. С. 51–127.

Карташев А.В. Ук. соч. Т. 2. С. 421.

Знаменский П.В. Ук. соч. С. 324.

Знаменский П.В. Ук. соч. С. 325; Харлампович К.В. Ук. соч. С. 465–486.

ΠСЗ-1. Т. 22, №№ 16375, 16650.

Карташев А.В. Ук. соч. С. 476.

Там же. С. 482.

Там же. С. 452.

ПЭ. С. 270.

Указы 1788 и 1794 гг. ПСЗ-1. Т. 22, №№ 16710, 16711, 1774.

ПСЗ-1. Т. 24, № 17998: т. 25, № 18772.

241

ПСЗ-1. Т. 16, № 11240.

Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания 1773– 1784. -Пг., 1915. Т. 2. С. 209.

251

ПСЗ-1. Т. 27, № 21270.

ПСЗ-1. Т. 38, №№ 29083,29613.

Самарин Ю.Ф. Иезуиты и их отношение к России. -М., 1868.

255

ПІС-1, №20632.

256

ПІС-1, №28198.

Доброклонский А. П. Ук. соч. С. 644.

Собрание постановлений по час-ти раскола. – Лондон, 1863. Т. 1. С. 270.

259

Там же.

Цит.: Рейснер М.А. Государство и верующая личность. – СПб., 1905.
С. 401–402.

261

ПСЗ-1. Т. 38, № 29151.

Георгий Флоровский, прот. Пути русского богословия. Репринт. – Вильнюс, 1991. С. 136–137.

Знаменский П.В. Чтения из истории Русской Церкви за время царствования императора Александра I. – Казань, 1885. С 30.

Там же. С. 26.

Там же. С. 27.

Знаменский П.В. Ук. соч. С. 7.

Пыпин А.Н. Российское библейское общество // ВЕ, 1870, № 6. С. 269–270.

ПСЗ-1. Т. 39, № 29914; ИВ, 1902, № 8. С. 455.

О Библейском обществе издана обширная литература. Укажем на наиболее значительные работы: Пьпин А.Н. Религиозные движения при Александре I. – 11г., 1916; Гильтебрант П Император Александр I и Библейское общество // «Древняя и новая Россия», 1879, Т. 2, № 9; Добронравии К. Российское Библейское общество // «Странник», 1869, № 8; Знаменский П. В. Чтения из истории Русской Церкви... С. 36–72; Иннокентий (Павлов), игумен. Российское Библейское общество в прошлом России и теперь // «Славяноведение», 1995, № 4; Тинина З.П. Британское и Российское библейские общества в XIX в. // Политический лидер, партия и общество. – Саратов, 1992; Астафьев А. А. Общество для распространения Священного Писания в России. – СПб., 1896.

Знаменский П.В. Ук. соч. С. 107.

Там же. С. 110.

Материалы по истории Право-славной Церкви. – СПб., 1902 Кн. 1.С. 157. Яркая характеристика Н.А.Протасову дана в статье писателя Н.С.Лескова «Синодальные персоны» // ИВ, 1882, № 11. С. 398–408.

Благовидов Ф.В. Обер-прокуроры Святейшего Синода в XVIII и в первой половине XIX столетий. -Казань, 1899. С. 413.

Сб. ИРИО. Г. 113, кн. 1.С. 162.

Преображенский И.Г. Ук. соч. С. 56.

«Странник», 1887, № 11. С. 461– 462.

Мельников П.И. Исторические очерки поповщины // РВ, 1863, №№ 4–6, 1864, № 3, 1866, №№ 5–9, 1867, № 2; Отд. изд. – М., 1864; Соколов Н. С. Раскол в Саратовском крае. Поповщина до 50-х годов нашего столетия. – Саратов, 1888; Мордовцев Д.Л. Последние годы существования Иргизских раскольничьих общин // «Дело», 1872, №№ 1–3; Разбор оснований, представляемых поповцами для чина приема, совершаемого у них надбежавшими к ним священниками / / «Таврические епархиальные ведомости», 1882, №19–21.

Субботин Н. История Белокриницкой иерархии. – М., 1886. Вып. 1, 1889. Вып. 2; Белокриницкая или Австрийская иерархия // Христианство. Энциклопедический словарь. -М.,1993. Т. 1.С. 185–190.

Доброклонский А.П. Ук. соч. С. 703.

Шлеев С. Единоверие в своем внутреннем развитии. – СПб., 1910;
Смирнов П. С. История русского раскола старообрядчества. -СПб., 1895.

Об этой секте см.: Христианство. Энциклопедический словарь. Т. 3. – М., 1995. С. 160–163; Доброклонский АЛ. Ук. соч. С. 674–677; Ивановский Н. Секта хлыстов в ее истории и современном состоянии. – Киев, 1898; Хлысты. Христовщина // Материалы для исследования русских мистических сект / Сост. И.Г.Айвазов. -Пг., 1915. Т. 1.

Реутский Н. Люди божьи и скопцы. – М., 1872; Кутепов К. Секты Хлыстов и скопцов. – Казань, 1882; Надеждин Н. Исследование о скопческой ереси. -СПб., 1845; Материалы для исследования секты скопцов. – М., 1917.

Приклонский С.А. Странники или бегуны // «Северный вестник», 1888, № 10; Розов В.И. Странники или бегуны в русском расколе // ВЕ, 1872, №№ 11–12, 1873, № 1.

История унии и воссоединения униатов с Русской Православной Церковью подробно освещены в след. работах: Адамов М.Д. Об униатах Западной России и их воссоединении с Православной церковью. – СПб., 1890; Бобровский П. О. Русская греко-униатская церковь в царствование императора Александра I. – СПб., 1889; Крачковский Ф.Ф. Пятидесятилетие воссоединения западно-русских униатов с Православной Церковью. – С.-Пб., 1889. Ч. 1; Коялович М.О. История воссоединения униатов старых времен. – СПб., 1873; Наумович И. Пятидесятилетие (1839– 1889) воссоединения с Православной Церковью западно-русских униатов. – СПб., 1889; Чистович И.А. Пятидесятилетие воссоединения западно-русских униатов. Обзор событий в царствование императора Николая I. – СПб., 1890.

Попов А.Н. Последняя судьба папской политики в России. 1845–1867 // ВЕ, 1868, № 1. Отд. изд. – СПб., 1868; его же. Сношения России с Римом с 1845 по 1850 гг. //ЖМНГ1,1851, №№ 1– 7, 12; П.Щ. История русского конкордата // РВ, 1871, № 4.

Церковь и реформа 1861 года // КА, 1935. Т. 5 (72). С. 183–184.

Корсунский Н.Н. Святитель Фи-ларет, митрополит Московский. – Харьков, 1894; Сушков Н.В. Записки о жизни и времени святителя Филарета, митрополита Московского. – М., 1868; Мельгунов С. П. Митрополит Филарет -деятель крестьянской реформы // Великая реформа. -М., 1911. Т. 5.

Диссертация С.В.Римского была опубликована в виде монографии – «Российская церковь в эпоху великих реформ (Церковные реформы в России 60–70-х годов)» (М., 1999).

Римский С.В. Российская церковь в эпоху великих реформ... С. 356, 361–362; Обзор деятельности православного вероисповедания за время царствования императора Александра III. – СПб., 1901. С. 7.

Римский С.В. Ук. соч. С. 361–362.

Римский С.В. Ук. соч. С. 361–362.

301

ΠСЗ-2. Т. 42, № 46974.

Римский С.В. Ук соч. С. 523– 524.

Римский С.В. Ук. соч. С. 540.

Елагин Н.В. Предполагаемая реформа церковного суда. – СПб., 1873.
Т. 1–2.

«Беседа», 1872, №6. С. 230.

BE, 1873, №8. C. 564.

Мнения печати по церковным делам // ЦВ, 1881, №№ 5, 6, 12 и 29.

Львов А.Н. Князя церкви // КА, 1930, №6. С. 505.

Лесков Н. С. Епархиальный суд / /Собр. соч. Т. 6. -М., 1957.

Обзор деятельности ведомства православного вероисповедания за время царствования императора Александра III. – СПб., 1901. С. 8,68–69.

311

ПСЗ-3. Т. 5, № 2753.

Ивацков-Платонов А.М. О русском церковном управлении. – СПб., 1898. С. 29, 68–70.

Флоровский Г. Ук. соч. С. 417.

Флоровский Г. Ук. соч. С. 412.

Преображенский И.Г. Ук. соч. С. 38.

Распределение Российской империи по главным вероисповеданиям. – СПб., 1901.

Маргаритов С История русских рационалистических и мистических сект. – Симферополь, 1910; Терлецкий. Очерки но сектантству. -Полтава. Ч. 1–3; Кальнев. Русские сектанты, их учение и способы пропаганды. – Одесса, 1911; [Буткевич Т.](#) Обзор русских сект и их толков. -Харьков, 1910.

ПСЗ-1, №№ 20629, 20123 и 21556.

Доброклонский А.П. Ук соч. С. 681–685; Малое Н.Н. Духоборцы, их история, жизнь и борьба – М., 1948; Ясевич-Бородаевская В. И. Борьба за веру. – СПб., 1912; Новицкий О Духоборцы, их история и вероучение. - Киев, 1882; Тверской П.А. Духоборческая эпопея. – СПб., 1900; Поракишвили З.И. Духоборы в Грузии. – Тбилиси, 1970.

Доброклонский А.П. Ук. соч. С. 685–690; Молокане // Христианство.
Т. 2. -М., 1995.

Что подготовило почву для штундизма? – Киев, 1875; [Рождественский А.](#) Южно-русский штундизм. – СПб., 1889; Дородницын А.Я. Светская администрация в борьбе со штундой. 1867–1881 гг. – М., 1893; его же. Религиозно-рационалистическое движение на юге России во второй половине XIX столетия. – Казань, 1909; Ясевич-Бородаев-ская. Сектанство в Киевской губернии. -СПб., 1902.

Бонч-Бруевич В.Д. Материалы к истории и изучению русского сектанства и раскола. Вып. 1.; Митрохин Л.Н. Баптизм: история и современность. – М., 1997; Подназов А.А. Церковь без священства. – Рига, 1973; Баптизм и баптисты. -Минск, 1969.

Бондарь С.Д. Секта меннонитов в России. -Пг., 1916; Красноперое. Меннонитские колонии // «Русская мысль», 1883, № 10; Ипатов А. Меннониты. Вопрос о формировании и эволюции этноконфессиональной общности. – М., 1978; Клибанов А.И. Меннониты. – М., 1931; Крестьянине В.Ф. Меннониты. – М., 1967

Бондарь С.Д. Адвентизм 7 дня. – СПб., 1911; Беглов А. Адвентисты. - М., 1964; Дентин В.Н. Адвентисты седьмого дня. – М., 1966.

Лесков Н.С. Великосветский раскол. Лорд Ресток и его последователи. -СПб., 1877; Терлецкий Г.И. Секта пашковцев. – СПб., 1891; Животов Н. Н. Церковный раскол в Петербурге. – СПб., 1891; Исповедь Пашкова // ЦВ, 1880, № 19; Пругавин А.С. Раскол сверху. Очерки религиозных исканий в привилегированной среде. – СПб., 1909.

Тарновский Е. Религиозные преступления в России // «Вестник права», 1899, №4. С. 1–27.

Скворцов В. Второй миссионерский съезд в Москве. – М., 1891; См. также: Карев А. В. Основные факторы, содействовавшие возникновению и развитию братства евангельских христиан-баптистов в России // «Братский вестник», 1957, №4.

Скворцов В. Деяния III Миссионерского съезда в Казани. – Казань, 1897. См. также: [Деяния III](#) Всероссийского миссионерского съезда в Казани по вопросам внутренней миссии и раскола- сектанства. -Киев, 1897. С. 26.

Скворцов В. Миссионерский посох. -СПб., 1912.

Деяния Пятого миссионерского съезда. – М., 1917

[Иоанн \(Шаховской\)](#), архиеп. К истории русской интеллигенции. - Нью-Йорк, 1975. С. 136–137.

Пругавин А.С. Неприемлющие мира. Очерки религиозных исканий. – М., 1918.

Учение Л.Н.Толстого изложено в его книгах, статьях и трактатах, написанных в 1882–1906 гг.: «Царство Божие внутри нас», «Соединенный перевод и исследование четырех Евангелий», «Обращение к правительству, революционерам и народу», «Что такое религия и в чем сущность ее?», «В чем моя вера?», «О веротерпимости», «Исповедь», «Обращение к духовенству», «Божеское и человеческое», «Для чего мы живем?», «Жизнь и учение Иисуса», «Как читать Евангелие». Из многочисленных работ об учении Л.Н.Толстого и его последователях отметим: Баранов Е. Толстовцы. – М., 1912; Казманов Ф. Среди толстовцев. – М., 1911; Михайловский Н.К. В одной из толстовских колоний / Михайловский Н.К. Полн. собр. соч. Т. 7; Никитин В. Богоискательство и богостроительство Толстого // «Прометей», № 12; Пругавин А.С. О Л.Толстом и толстовцах. – М., 1911; Рахманов В. В. Л.Н.Толстой и толстовцы // «Минувшие годы», 1908, № 9; Скворцов Д.И. Современное русское сектанство. – М., 1905; его же. Духоборы в Америке и граф Толстой. – СПб., 1901; Об отлучении Л.Н.Толстого от Православной церкви см: Петров Г. И. Отлучение Льва Толстого от церкви. – М., 1978; Позойский С. К истории отлучения Льва Толстого от церкви. – М., 1979.

Агафангел (Соловьев), архиеп. Пленение Русской Церкви: Записка преосвященного Агафангела Волынского и проект всеподданнейшего ходатайства перед Государем Императором. – СПб., 1906. С. 29–30.

Соловьев В.С. Статьи и письма // «Новый мир», 1989, № 1. С. 232–233.

См. ЦВ, 1892, № 47.

К церковному собору. Группа петербургских священников. Сб. – СПб., 1906; см. также Приложение в настоящему изданию.

ЦВ, 5 ноября 1905 г., № 45. С. 1895–1897.

341

Текст «Проекта» и дополнение к нему опубликованы в ЦВ, 1906, №№
3 и 6.

ПСЗ-3. Т. 25, № 21125. См. так-же Приложение.

Русское православие: вехи истории. – М., 1989. С. 398.

Мельгунов С. П. Церковь и государство в России. С. 159–160.

Мельгунов С. П. Церковь и государство в переходное время. С. 7.

Там же. С. 8.

Мельгунов С. П. Церковь и государство в России... С. 165.

Там же. С. 169.

См.: Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе. – СПб., 1906. Т. 1–3. ♦ 1 том приложений.

Церковные реформы. Сборник статей духовной и светской периодической печати по вопросу о реформе / Сост. И.В.Преображенский. – СПб., 1905.

351

ЦБ, 1905, № 45.

Смолич И.К. Предсоборное Присутствие 1906 г. П Смолич И. К.
История Русской Церкви. Ч. 2. С. 710–719.

Журналы и протоколы заседаний Высочайше утвержденного Предсоборного Присутствия. – СПб., 1906–1907. Т. I-IV.

Власть и реформы. От самодержавной к советской России. Колл. мон. -СПб., 1996. С. 580; Столыпин ПЛ. Нам нужна великая Россия...» // Полное собрание речей в Государственной думе и Государственном совете. 1906–1911 – М., 1991. С. 53, 209–219.

См. материалы этого совещания: Святейший Правительствующий Синод. Предсоборное Совецание. -СПб., 1912–1916. Т. 1–5.

Замахова Е.Д. Депутаты от православного духовенства в Третьей государственной думе. Автореферат канд. дисс. – М., 1993. С. 8.

Поспеловский Д. В. Русская Православная Церковь в XX веке. – М., 1995, с. 31.

Поспеловский Д.В. Ук. соч. С. 30.

Титлинов Б. В. Церковь во время революции. -Пг., 1924. С. 58.

360

Там же.

Булгаков С.Н. Церковь и демократия. – М., 1917. С. 9.

«Церковные ведомости», 1917, № 28.

Законодательные акты 1917 г. – Одесса, 1918. Вып. 3, июнь-август.

Деяния... Кн. И. С. 285.

Попов А.Н. Суд и наказания... С. 291–292,304,322–324.

Религия и церковь в истории России. – М., 1975, с. 183.

*

Извлечения из этой книги, получившей в свое время широкий резонанс, даны в Приложении 3.4 к нашему исследованию.

**

См. раздел Библиография в конце книги.

Собор – главный храм в уездном городе; главный храм в епархии именовался кафедральным собором.

В числе «прочих» – церкви монастырские, кладбищенские, «при казенных заведениях», домовые и единоверческие.

Здесь не учтены находившиеся «за штатом». Численность их составляла за разные годы от 3 тыс. до 7 тыс. человек. Статистикой не учитывались так называемые «безместные попы» (не имевшие своих приходов).

1. Подробнее о Поместном Соборе см. отдельную статью в Приложение

Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. – М. – Пг., 1918, кн. I, вып. 3. С. 99. (В дальнейшем – Деяния...)

Деяния... Кн. II С. 201–202.

Арх Никон. Из моих дневников. – Сергиев Посад, 1916. С. 13.

Деяния. . Кн. VI, вып. 2 С. 202.

Регулы – правила. – В.Ф

Беллюстин (Белюстин) Иван Степанович (1819–1890), сельский приходской священник Калязинского уезда Тверской губернии, с 1843 г. настоятель Николаевского собора г. Калязина, в какой должности пребывал 44 года (в 1887 г. удалился «на покой» по старости) С 1840 г. усиленно занимался самообразованием, самостоятельно изучил английский и французский языки, мечтал о литературной деятельности, в периодической печати того времени публиковал свои исторические и психологические статьи. В 40-х гг. Беллюстин сблизился с историком М.П. Погодиным, встречался с митрополитом Московским Филаретом. В 60–70-х годах Беллюстин активно сотрудничал в многочисленных журналах и газетах, в которых он публиковал критические статьи по общественно-политическим и церковным вопросам Беллюстин выступал и как автор богословских и нравственно-назидательных сочинений. Его перу принадлежат книги «О церковном богослужении», «О божественной литургии», «Вечерние беседы с крестьянами».)

Антоний (в миру Александр Васильевич Вадковский, 1846–1912) – Духовный писатель и видный церковный деятель, с 1887 г. ректор С.-Петербургской духовной академии и одновременно викарный епископ Выборгский, с 1892 г. архиепископ Финляндской епархии, с 1898 г. митрополит С.-Петербургский и Ладожский. С 1900 г. – первенствующий член Св. Синода. В 1906 г. председатель Предсоборного Присутствия).

Сергей Юльевич Витте (1849–1915), граф, министр финансов (1892–1903), председатель Комитета министров (1903–1906), после отставки в 1906 г отошел от государственной деятельности. Оставил ценные мемуары, содержащие важные сведения о внутренней и внешней политике России конца XIX – начала XX вв.

Пункт 6-й указа от 12 декабря 1904 г «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка» гласил «[...] Подвергнуть пересмотру узаконения о правах раскольников, а равно лиц, принадлежащих к инославным и иноверным исповеданиям и независимо от сего принять ныне же в административном порядке соответствующие меры к устранению в религиозном быте их всякого, прямо в законе не установленного, стеснения» [ПСЗ-З. Т. 24, № 25495]. – В.Ф.

Ламаизм – форма северного буддизма (в Тибете, Монголии, Бурятии, Калмыкии) – В.Ф.

Митрополит Евлогий (Георгиевский) (1868–1948) – выдающийся церковный деятель, богослов, Депутат II-й и III-й Государственных дум. Чл. Св. Синода. В эмиграции предстоятель русских церквей в Западной Европе, основатель Русской духовной академии в Праге.

Георгий Шавельский (1871–1951), род. в семье бедного дьячка, начальное образование получил в духовном училище, затем окончил духовную семинарию и Духовную Академию, был священником, с 1910 г. профессор богословия Историко-филологического института. В 1911 г. назначен протопресвитером армии и флота, член Св. Синода. После революции эмигрировал в Болгарию, где и умер. Его воспоминания были опублик. в изд-ве им. Чехова в 1954 г. (2-е, репринтное. – М., 1996).

Далее в течение 11 лет обер-прокуроры Св. Синода не назначались.

Н.С. Кречетников не приступал к исполнению своих обязанностей обер-прокурора.

Официально не был назначен обер-прокурором, но исполнял его обязанности.

5 августа 1917 г. Св. Синод был упразднен.